

экономические и социальные перемены

№ 6 (184)
ноябрь — декабрь 2024

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

СОЦИОЛОГИЯ
СТАРЕНИЯ

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
руководитель научно-методического департамента ВЦИОМ
Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2024. — № 6 (184). — 341 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Н. А. Ляпугина, А. Г. Кузнецов

Сценография диалога ученых и публик: к акторно-сетевой теории
медиаанучной коммуникации 3

Д. В. Иванов, И. Ф. Девятко

Библиометрические признаки как символические маркеры
дисциплинарных границ: социологическая перспектива 27

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

В. В. Радаев

Психологические стрессы в современной России: общий уровень,
более уязвимые группы и способы совладания 52

Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин, А. Ю. Рыкун,

М. Н. Дымшиц, Н. В. Кошелева, Е. В. Сухушина

Разнообразие досугового поведения и личностный потенциал
как предикторы психологического благополучия 75

Е. М. Цыганова, А. К. Нисская

Представления прародителей о самостоятельности младших школьников
и младших подростков: опыт бабушек 99

СОЦИОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ

Д. Е. Карева, Д. А. Стужук, С. Ю. Амшаринская

Взаимосвязь одиночества и образа жизни в пожилом возрасте 122

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: ноябрь — декабрь 2024 145

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

Р. И. Капелюшников, Д. И. Зинченко

Цифровые формы занятости на российском рынке труда.

Часть I: дистанционная занятость 157

МЕДИАСОЦИОЛОГИЯ

А. В. Вырковский, Ю. Ф. Шамсутдинова

Категория доверия к массмедиа в условиях информационной турбулентности:
время обновлять концепции?..... 182

Е. А. Островская, Т. Б. Бадмацыренов

Российский традиционный буддизм в публичных медиасферах..... 204

Е. В. Щекотин, Д. О. Дунаева, П. А. Басина, П. С. Вахрамеев

Экологический дискурс в социальных медиа:
опыт тематического анализа..... 226

М. Р. Бабилова, О. В. Кружкова, Е. М. Божко

Особенности потенциала «мягкой силы» в интернет-мемах о COVID-19.....251

СЕМЬЯ И ДЕМОГРАФИЯ

К. И. Казенин, Е. С. Митрофанова

Традиция или осознанный выбор на жизненном пути?

Опыт анализа подходов к решению о рождении детей среди жителей
сельских территорий и регионов Северного Кавказа 275

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

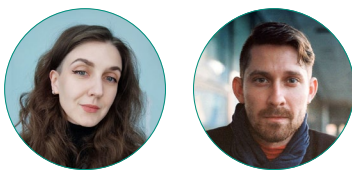
Е. В. Тыканова

Фрагментация интересов: внутренний конфликт и результативность
городских общественных движений в России297

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

В. А. Аникин, М. А. Нагерняк, Н. Д. Воронина

Концепция благополучия в общественных науках..... 319

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2642](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2642)

Н. А. Ляпугина, А. Г. Кузнецов

СЦЕНОГРАФИЯ ДИАЛОГА УЧЕНЫХ И ПУБЛИК: К АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ МЕДИАНАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Правильная ссылка на статью:

Ляпугина Н. А., Кузнецов А. Г. Сценография диалога ученых и публик: к акторно-сетевой теории медианаучной коммуникации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 3—26. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2642>.

For citation:

Lyapugina N. A., Kuznetsov A. G. (2024) Scenography of the Dialogue between Scientists and Publics: Towards the Actor-Network Theory of Media-Science Communication. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 3–26. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2642>. (In Russ.)

Получено: 16.06.2024. Принято к публикации: 19.10.2024.

СЦЕНОГРАФИЯ ДИАЛОГА УЧЕНЫХ И ПУБЛИК: К АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ МЕДИА-НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ЛЯПУГИНА Наталия Александровна — аспирант факультета социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: nlyapugina@eu.spb.ru

<https://orcid.org/0009-0007-2485-996X>

КУЗНЕЦОВ Андрей Геннадиевич — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Ереванский центр международного образования (Е-Центр), Ереван, Армения

E-MAIL: akuznetsov@eu.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0249-5890>

Аннотация. Цель работы — показать, как можно изучать диалог в медианаучной коммуникации на основе акторно-сетевой теории, приняв во внимание ключевые концептуализации из поля исследований научной коммуникации. Для этого анализируются: 1) структура дискуссии о научной коммуникации в свете перехода от модели дефицита к модели диалога; 2) распространение поворота к диалогу на медиапроекты и картография гетерогенного поля проектов медианаучной коммуникации; 3) ключевые концептуализации в исследованиях научной коммуникации диалоговых медиапроектов как мест, процессов и событий; 4) проблемы этой традиции и преодоление их с помощью акторно-сетевой теории.

Диалог российских ученых и заинтересованных публик на примере проекта «Аппетит к науке» был эмпирически исследован с опорой на акторно-сетевую теорию, в результате чего авторы пришли к ряду выводов. Проект «Аппетит» кросс-локален, то есть

SCENOGRAPHY OF THE DIALOGUE BETWEEN SCIENTISTS AND PUBLICS: TOWARDS THE ACTOR-NETWORK THEORY OF MEDIA-SCIENCE COMMUNICATION

Natalia A. LYAPUGINA¹ — Postgraduate Student in the Department of Sociology

E-MAIL: nlyapugina@eu.spb.ru

<https://orcid.org/0009-0007-2485-996X>

Andrei G. KUZNETSOV² — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow

E-MAIL: akuznetsov@eu.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0249-5890>

¹ European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

² Yerevan Center for International Education (YCIE), Yerevan, Armenia

Abstract. This article examines dialogue in media-science communication through the lens of Actor-Network Theory (ANT), while considering key conceptualizations from science communication research. The authors encompass four areas: (1) the structure of science communication research discourse, particularly the transition from the deficit model to the dialogue model; (2) the extension of the dialogical turn to media projects and mapping of the heterogeneous field of media-science communication projects; (3) key conceptualizations of dialogue media projects as places, processes, and events in science communication literature; and (4) the problems within this tradition and potential solutions offered by ANT.

Drawing on ANT, the authors regard the dialogue between scientists and the interested publics in Russia using the case of the “Appetite for Science” project. The empirical findings reveal that Appetite project is cross-local, i.e. it is located, on the one hand, at the intersection of offline and online spaces, and on the other

находится, с одной стороны, на пересечении офлайн- и онлайн-пространств, а с другой — на стыке трех релевантных социальных миров: медиа, науки и институций, поддерживающих проект. Мнимая «естественность» диалога между учеными и публиками, наблюдаемая на мероприятиях «Аппетита», является интеракционным и дискурсивным эффектом кропотливой материальной инсценировки, описываемой в терминах фигуративизации — процесса трансформации абстрактных категорий («наука», «ученый») в более конкретные сущности («тема», «спикер»). Фигуративизация включает в себя артикуляцию спикер-тем, форматирование и о-пределение компетенций спикера. В заключении ставится вопрос о специфике медианаучной коммуникации и обозначаются темы для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: исследования наук и технологий, STS, акторно-сетевая теория, научная коммуникация, общественное вовлечение в науку, общественное понимание науки

hand, at the junction of three relevant social worlds: media, science, and institutions supporting the project. The apparent “naturalness” of the dialogue between scientists and publics, observed at Appetite events, is an interactional and discursive effect of painstaking material staging, described in terms of figuration, i.e. the process of transforming abstract categories (science, scientist) into more concrete entities (topic, speaker). Figuration includes the articulation of speaker topics, formatting, and de-finition of the speaker’s competencies. In conclusion, the authors address the specificity of media-science communication and identify topics for further research.

Keywords: science and technology studies, STS, actor-network theory, science communication, public engagement with science, public understanding of science

Введение

В последние десятилетия среди исследователей и практиков научной коммуникации доминирует императив перехода от «дефицитной» модели к «диалоговой». Дефицитная модель подразумевает коммуникацию «сверху вниз» для ликвидации дефицита знания о науке у публики и трансфера научного знания. Диалоговая модель — учет интересов и экспертиз разных социальных групп, вовлечение публик¹ в принятие решений, связанных с наукой, путем диалога между наукой и обществом². С 2000-х годов переход от дефицитной модели к диалоговой и сопутствующий ему переход от движения «Общественное понимание науки» (Public

¹ Употребление слова «публика» во множественном числе является стандартным для современной международной дискуссии в исследованиях научной коммуникации и исследованиях наук и технологий. Это стилистическое изменение произошло в рамках поворота к диалогу, который будет описан далее. Дискурсивный переход от «публики» в PUS к «публикам» в PES обозначает: а) отказ от представлений о гомогенной незнающей публике, атомизированные представители которой различаются лишь своим уровнем (не)знания науки; б) признание разнообразия публик, обладающих ценными локальными экспертизами, которые необходимо учитывать, и определяющихся различными параметрами: геополитикой, культурой, местом проживания или деятельности, физическим местонахождением, общим опытом, социальными возможностями использования доступного знания. Исследователи в PES и STS предпочитают термин «публики», а не «аудитории», так как последний в силу своей этимологии обладает коннотацией рецепции, слушания, возвращающей нас к предпосылкам PUS. Публики в PES не просто реципиенты, но активные участники обсуждения проблем и решений, связанных с науками и технологиями [Wynne, 1992a; Irwin, Wynne, 1996].

² В работе мы будем говорить о науке (научной коммуникации, принятии решений, связанных с наукой), но эта дискуссия релевантна и для публичной коммуникации о технологиях.

Understanding of Science, PUS) к движению «Общественное вовлечение в науку» (Public Engagement with Science, PES) является предметом постоянных дискуссий [Smallman, 2014; Stilgoe, Lock, Wilsdon, 2014].

Диалоговые инициативы по научной коммуникации можно разделить на две группы. К первой относятся социально-политические инициативы (далее — СПИ)³ по вовлечению публик в принятие связанных с наукой решений. Ко второй — то, что мы называем диалоговыми медиапроектами научной коммуникации (далее — ДМП), не имеющими явной связи с принятием решений. Взаимодействие ученых, публик и других релевантных акторов в рамках этих проектов мы, за неимением лучшего термина, будем называть медианаучной коммуникацией⁴. Во вторую группу входит большинство диалоговых инициатив в России, им посвящены немногие эмпирические исследования [Максимова, 2021], к которым мы хотим добавить еще одно.

В традиции PES большой поток исследований посвящен ДМП. Но эта литература не учитывает в должной мере результаты и методологические принципы эмпирических исследований наук и технологий (Science and Technology Studies, STS) и потому рассматривает коммуникацию ученых и публик в отрыве от процессов коммуникации внутри науки. Это делает интересные результаты и концептуализации в двух областях несопоставимыми. Наша работа стремится исправить этот недостаток и навести мосты между ними, показав, как можно исследовать ДМП на основе акторно-сетевой теории, одного из направлений в STS, приняв во внимание при этом ключевые концептуализации из поля PES.

Для достижения этой цели мы: 1) анализируем структуру дискуссии о научной коммуникации в свете перехода от модели дефицита и движения PUS к модели диалога и движению PES; 2) рассматриваем распространение поворота к диалогу с СПИ на ДМП и картируем гетерогенное поле проектов медианаучной коммуникации; 3) резюмируем ключевые для PES концептуализации ДМП как мест, процессов и событий; 4) выявляем проблемы традиции PES и предлагаем преодолеть их с помощью STS, а именно акторно-сетевой теории; 5) в перспективе акторно-сетевой теории реконструируем сценографию диалога российских ученых и заинтересованной публики на примере эмпирического кейс-стади проекта «Аппетит к науке». В заключении мы ставим вопрос о специфике медианаучной коммуникации и обозначаем темы для дальнейшего изучения.

1. От «Общественного понимания науки» (PUS) и «Общественного вовлечения в науку» (PES) к акторно-сетевой теории научной коммуникации

1.1. Поворот к диалогу: от PUS к PES, от социально-политических инициатив к диалоговым медиапроектам

Исследовательский интерес к проблеме коммуникации между наукой и обществом вспыхнул в 1980-е годы, когда в Европе и США распространилось общест-

³ Выражение «социально-политическая инициатива» означает здесь английское «policy initiative» — общий троп в литературе PES, отсылающий к проектам разработки стратегии принятия и реализации решений на основе науки.

⁴ В литературе медианаучную коммуникацию иногда обозначают как «неформальную» [Stilgoe, Lock, Wilsdon, 2014]. Мы не будем использовать этот термин, так как он вызывает ложные коннотации «естественности», «стихийности» медианаучной коммуникации, что не соотносится с действительностью. ДМП и производимые ими эффекты «искусственны»: их планируют, сценаризируют, инсценируют. Они результат большой целенаправленной работы релевантных акторов, что демонстрирует наше эмпирическое исследование (см. раздел 2.4).

венное движение PUS. Оно возникло вследствие изменений в отношениях между наукой и обществом после 1960-х годов. До этого авторитет науки в глазах широкой публики казался несомненным. Но уже к 1970-м годам он стал регулярно оспариваться. Все чаще результаты науки и технологий и принятые на их основе политические решения становились предметом публичных дискуссий, или социотехнических контроверз [Nelkin, 1995]. Ученые и политики увидели в этом большую проблему: наука и политические решения остро зависят от поддержки публики, а ее не наблюдалось [Wynne, 1992a; Nelkin, 1995]. Почему публика оспаривает научный авторитет? Как улучшить коммуникацию между наукой и обществом? Эти вопросы легли в основу проблематики PUS в 1980—1990-х годах.

Ответ на первый вопрос звучал так: у публики есть дефицит знаний о науке. Улучшить ситуацию можно, если больше и лучше рассказывать о результатах и устройстве науки, о процессе принятия решений на ее основе и «объективных» рисках, связанных с этими решениями. Поэтому *практические инициативы* занимались популяризацией и диссеминацией научного знания. Ответ на второй вопрос должны были дать *исследования* научной коммуникации с фокусом на измерении успехов в ликвидации дефицита знания. Расцвели опросы научной грамотности. Способ понимания отношений науки и общества, в основе которого лежало представление о дефиците знаний у публики, был наречен моделью дефицита [Gregory, Lock, 2008; Bucchi, Trench, 2014; Miller, 2001; Bucchi, 2004; Gregory, Miller, 1998; Wynne, 1992a, 1992b].

С конца 1980-х годов модель дефицита подвергалась критике со стороны STS. Эта критика показала несостоятельность допущений модели дефицита о гомогенной незнающей публике и о линейном процессе производства и распространения научного знания [Wynne, 1992a, 1992b; Irwin, Wynne, 1996; Hilgartner, 1990; Bucchi, 2004; Miller, 2001; Gregory, Lock, 2008]. На вопросы о причинах контроверз и путях разрешения напряжений в отношениях науки и общества стали давать другие ответы. Корень неприятия науки и публичного оспаривания ее авторитета начали видеть не в дефиците знания, а в 1) отсутствии доверия к науке; 2) сложных социальных отношениях, которые непрофессионалы (*lay people*) выстраивали с наукой; 3) том, что научные утверждения, результаты, решения, принятые на основе научных данных, которые представляются и навязываются обществу в качестве «объективных» (и потому не подлежащих обсуждению), на деле содержат проблематичные социальные предпосылки, требующие критической публичной дискуссии [Gregory, Lock, 2008; Irwin, Wynne, 1996; Wynne, 1992a, 1992b, 2006; Michael, 1992]. Исследователи отказались от посылки, что непрофессионалы образуют гомогенную публику, состоящую из некомпетентных наблюдателей научного прогресса, роль которых сводится к поддержке науки и принятию ее результатов. Вместо этого начинают обнаруживать и изучать множество публик, обладающих ценными локальными экспертизами, которые следует вовлечь в процессы управления наукой и принятия связанных с ней социально-политических решений. Ученые же должны научиться слушать и слышать разнородные публикации, стать социально подотчетными. Такие трансформации должны привести к по-

ложительным изменениям в отношениях наук⁵ и публик и к построению диалога между ними. Этот концептуальный сдвиг ознаменовал переход от PUS к движению PES, переход от модели дефицита к модели диалога, или коротко — поворот к диалогу [Bucchi, Trench, 2014; Gregory, Lock, 2008; Miller, 2001; Trench, 2006; Wynne, 1992a, 1992b, 2006].

За этим *концептуальным* сдвигом последовали изменения в практиках научной коммуникации. В 2000-х годах в PES множились СПИ, вовлекавшие граждан в управление науками и принятие связанных с ними решений: консенсусные конференции, консультации с непрофессионалами, гражданские жюри и т. д. [Gregory, Lock, 2008; Davies, 2009].

PES не ограничилось партисипаторными механизмами, разработанными в сфере социальной политики [Lehr et al., 2007; Stilgoe, Lock, Wilsdon, 2014; Davies, 2016], но и затронуло медианаучную коммуникацию. Инициативы, реализуемые в рамках этой части поворота к диалогу, мы обозначим термином «диалоговые медиапроекты» (ДМП). С одной стороны, слово «медиа» здесь отсылает к множеству коммуникативных посредников между науками и публиками, будь то институции (музеи, центры науки, университеты, общественные центры) или менее организованные индивидуальные и коллективные акторы, берущие на себя задачи проведения, содействия и оценки таких инициатив. С другой стороны, оно подчеркивает, что многие инициативы этого типа ориентируются на логику медиапродуктов (см. раздел 2.3).

Эмпирически поле ДМП — это облако инициатив, ищущих новые способы говорить с публиками о «науке в обществе»: научные фестивали, открытые лаборатории, научные слэмы, научные кафе, проекты типа «в бар с ученым», интерактивные выставки в научных музеях и центрах, публичные дискуссии с учеными и др. Хотя поле обширно, гетерогенно и аморфно, его можно картировать путем наложения двух осей. На одном из полюсов *оси институционализации* находятся относительно «старые» и хорошо укорененные институции (музеи, библиотеки, центры науки), которые прежде фокусировались на популяризации науки, но теперь стали менять свои практики в рамках поворота к диалогу. На другом — мерцающий рой низкобюджетных проектов (независимые подкасты, телеграм- и YouTube-каналы, блоги), реализуемый слабо институционализированными командами или индивидами, а посередине — новые институции, созданные в контексте поворота к диалогу (интерактивные научные музеи, выставки, онлайн-медиаплатформы). На одном из полюсов *оси регулярности* находятся постоянные экспозиции и выставки, на другом — разовые события, а посередине — периодические проекты (см. рис. 1 в разделе 2.1). Таким образом, ДМП составляют сегодня важную часть

⁵ Параллельно тому, как в PES умножают публики, в STS переходят к разговору о «науках», а не «науке». Слово «наука» в единственном числе, хотя и привычно глазу читателя, вовсе не является невинным. Эпистемологически оно подразумевает единство методов и стандартов доказательности в разных дисциплинах, что создает предпосылки для научного империализма и редукционизма. В 1970—1980-х годах STS эмпирически обоснованно показали, что о подобном единстве методов и стандартов доказательств не приходится говорить ни в диахронической, ни в синхронической перспективе. Мы имеем дело не с наукой, а с множеством наук (необязательно оформленных в качестве дисциплин) с относительно уникальными историями формирования и качественно различающимися и нередуцируемыми друг к другу стандартами валидности. Мы используем слово «науки», чтобы подчеркнуть локальные практики конструирования фактов, инструменты, данные и материалы, а также способы коммуникации результатов научного производства. Разные науки могут по-разному взаимодействовать со своими публиками (см. подробнее Latour, 2004j).

публичной коммуникации о науках. Далее мы проанализируем концептуализации ДМП в рамках PES.

1.2. Места, процессы, события:

проекты медианучной коммуникации в исследованиях PES

Вне зависимости от того, где ДМП располагаются на осях институционализации и регулярности, в PES они концептуализируются одновременно как *места, процессы и события*. Рассмотрим эти концептуализации последовательно.

ДМП как места. Это с виду тривиальное определение имеет важные импликации. Во-первых, если понимать ДМП как места встречи ученых и заинтересованных публик, то можно поставить их в один ряд с такими пространствами, как конференция (в зависимости от формата она может быть местом встречи коллег-ученых, доноров, политиков, менеджеров науки), научный журнал (место встречи ученых-авторов и читателей), научно-популярные издания и мероприятия (место встречи ученых и широкой публики). Тогда открывается возможность исследовать эти места в одной и той же исследовательской рамке, артикулируя различия между ними, но не экзотизируя на том основании, что одни будто бы находятся «внутри» науки, а другие — «вне» или на границе науки и общества. Во-вторых, понимание ДМП как места заземляет практики акторов, фокусирует нас на разнородных материалах (локациях, технологиях, денежных и временных бюджетах, навыках, аффектах), которые задействуются в создании диалога между учеными и публиками [Davies, 2016, 2018]. В-третьих, это выводит на первый план медиации, опосредующие операции, благодаря которым встреча ученых и публик только и стала возможной, но которые быстро пропадают из виду и забываются в случае успеха. ДМП определяют как «места индивидуального обучения посредством социальных процессов» [Davies et al., 2009: 341], «мест[а] проблематизации и обсуждения знания» [Ibid.: 343], места, где граждане могут обрести инструменты сомнения в авторитете ученых [Lehr et al., 2007: 1478], места, где еще «не зафиксировались правила и нормы и где поэтому существует гибкость поведения и значения» [Davies, 2009: 400]. Предикаты, которые атрибутируются ДМП как местам, отсылают к двум другим концептуализациям — *процессам и событиям*.

ДМП как процессы. ДМП как места интересны не сами по себе, а в силу тех процессов и эффектов, которым они позволяют случиться. «Диалог» и «вовлечение» — обозначения позитивных эффектов, произведенных особой организацией процессов взаимодействия и коммуникации в ДМП. Выше мы видели, что организация взаимодействия и коммуникации в ДМП может быть описана по-разному. Перечислим ключевые черты организации взаимодействия между учеными и публиками, которые, по литературе PES, производят эффекты диалога и вовлечения. Проект или мероприятие могут быть квалифицированы как диалоговые, если они:

- 1) обеспечивают взаимодействие лицом к лицу (если речь идет о встрече ученых и непрофессионалов) или интерактивность (если речь о взаимодействии посетителей с объектами экспозиций или выставок) [Davies et al., 2009; Lehr et al., 2007; Horst, Davies, Irwin, 2017; Nakamura, 2010];

2) рассматривают публики как активные, ищущие взаимодействия с науками и соучаствующие в производстве научного знания [Davies, 2016]⁶;

3) стимулируют форматы коммуникации, для которых характерны горизонтальность, равенство, инклюзивность, то есть:

- участники учатся слышать и понимать друг друга, узнают о существовании и сути различных точек зрения на те или иные связанные с науками вопросы, в результате чего могут изменять свое отношение, точку зрения, поведение [Davies et al., 2009];
- обеспечивается одинаковое уважение к эпистемическим позициям ученых и непрофессионалов в процессе коммуникации [Norton, Nohara, 2009];
- создается возможность для «множественных интерпретаций, широкого фреймирования проблем и решений, инклюзивны[х] модел[ей] коммуникации» [Horst, 2011: 12].

Для эмпирического исследования ДМП, однако, важно переключить внимание с констатаций отсутствия/присутствия этих черт коммуникации на условия их производства. Как локально и материально в рамках ДМП производятся эффекты диалога и вовлечения? Как авторам проектов практически удается распределить роли участников так, чтобы обеспечить интерактивность, активность публик и равенство в коммуникации? Как релевантные акторы практически управляют ограничениями, с которыми они сталкиваются в процессе реализации ДМП? Какое выражение эти решения и усилия находят в структуре и других наблюдаемых чертах ДМП?

ДМП как события. Вопрос о практических последствиях ДМП и их роли во взаимодействии наук и публик приводит нас к пониманию их как событий. Слово «событие» здесь используется не в тривиальном смысле, когда событие — просто синоним мероприятия, а в более сильном значении. Событие указывает на то, что в ДМП как местах посредством особой организации взаимодействий и производства эффектов диалога и вовлечения порождается что-то еще, нечто новое, и что акторы, прошедшие через это событие, на выходе из него оказались частично трансформированы.

Немногие авторы в PES пытаются ответить на вопрос, как меняются три основные группы акторов, участвующих в ДМП: ученые, публики, научные коммуникаторы (брокеры). Путем особой организации взаимодействия в них ДМП помогают всем группам акторов обретать навыки и инструменты, необходимые для участия непрофессионалов в науках и формирования «общественно вовлеченной науки» [Stilgoe, Lock, Wilsdon, 2014: 5, 11]. В этом можно усмотреть одну из стратегических ролей ДМП во взаимодействии наук и публик. Они являются лабораториями, в которых производятся навыки, способствующие дальнейшему вовлечению граждан в СПИ. На стороне ученых эти события способствуют изменению эпистемического порядка путем выявления и обсуждения тех аспектов существования науки в обществе, которые не поднимаются в дискуссиях между коллегами [Davies et al., 2009]. На стороне публик ДМП как события, помимо важных гражданских навыков, производят аффекты, связанные с науками [Davies, 2016].

⁶ На этом фоне форматы, где публики воспринимаются как реципиенты, которым нужно донести перспективу наук (научно-популярные книги, передачи, новости), будут квалифицироваться как «дефицитные».

Научным коммуникаторам ДМП как события дают возможность для критической рефлексии и социального научения в ответ на различные эффекты эмерджентности, порождаемые диалогом, например, с непользователями, на которых проект не рассчитан [Horst, Michael, 2011]. Последнее указывает на то, что в ДМП как событии трудно провести четкую грань между трансформацией старых акторов и порождением новых. С одной стороны, ДМП преобразует аморфную категорию «ученые» в конкретную личность, которая в ходе события персонифицирует научную область и даже науку в целом. Но, с другой стороны, эта персонификация конституирует ученого как публичного спикера и медиаперсону, которыми она или он до этого не были. В то же время ДМП, фокусируя и удерживая вокруг себя заинтересованную публику, имеют потенциал для создания новых социальных групп и социальных движений.

Наконец, о событийности ДМП говорит дискуссия о практической дилемме их авторов, о трудностях и рисках стабилизации процесса диалога. С одной стороны, ДМП — это специфические места, где еще «не зафиксировались правила и нормы [взаимодействия] и где поэтому существует гибкость поведения и значения» [Davies, 2009: 400]. Но именно поэтому диалог непросто организовать. Есть много факторов, способствующих соскальзыванию в патерналистскую коммуникацию: «от общей структуры мероприятий, навыков, личности и опыта фасилитатора и приглашенных спикеров до участников, которые приходят на мероприятия» [Davies et al., 2009: 346]. С другой стороны, попытки стабилизировать производство эффекта диалога ведут к тому, что участники таких мероприятий руководствуются уже знакомыми «жанрами» взаимодействия и оно утрачивает «горизонтальность»: у одних участников больше контроля над происходящим, чем у других [Davies, 2009: 412].

Для эмпирического анализа событийности ДМП важно проследить, как трансформируются ученые, публики и научные утверждения в процессе и на выходе. Как авторы проектов управляют практической дилеммой (де)стабилизации их участников и взаимодействий между ними? В какой мере релевантные акторы ДМП учатся в процессе, то есть меняют свои позиции, утверждения, поведение, паттерны взаимодействия и структуру проектов и мероприятий? Далее рассмотрим затруднения, с которыми часто сталкиваются исследования ДМП в PES, и увидим, как можно обойти эти проблемы с помощью ресурсов STS, а именно акторно-сетевой теории.

1.3. От PES к акторно-сетевой теории медианаучной коммуникации

Выше мы непроблематично использовали аббревиатуру ДМП, означающую «диалоговый медиапроект». Но внимательный читатель мог заметить, что диалог в современной научной коммуникации — это ценность, которую скорее стремятся достичь, чем нет. Вовлечение ученых и публик в диалог между собой скорее будет оценено позитивно, отказ от этого — скорее негативно. Поэтому квалифицировать медиапроект как «диалоговый» значит не просто описать, но и положительно оценить его. Это равносильно тому, чтобы сказать «хороший» медиапроект⁷.

⁷ Косвенно на это указывает отсутствие явно негативной квалификации медиапроектов как «дефицитных». Чтобы нейтрализовать эти негативные коннотации, используют как бы описательный термин «традиционная» научная коммуникация, который, однако, подразумевает, что в этом случае исходят из дефицитной модели.

Поскольку применение понятия «диалоговый» к медиапроекту подразумевает его позитивную оценку, постольку реакцией на такие суждения может быть сомнение в том, что проект обладает такой ценностью. Всегда может быть задан вопрос: был ли действительно достигнут диалог? Эта проблема скептицизма в отношении «диалоговости»⁸ проектов значима и для исследователей, и для практиков.

Исследователи медиапроектов поднимают эту проблему в рамках дискуссии о границах, пределах диалога, агентности публик и их вовлечения, часть которой мы представили выше. Регулярно возникают сомнения в том, «в какой степени обращение старого движения PUS к диалогу искренне, а в какой — риторика, прикрывающая укоренившиеся позиции модели дефицита» [Davies et al., 2009: 347]. Ставят под вопрос и способность «старых» медиа перестроиться на новый «диалоговый лад» [Jahnsen, 2019]. Отмечают, что для настоящего поворота к диалогу им нужно проделать гораздо больше работы, чем было проведено на данный момент [Graham, 2016]. Соседствующее поле исследований СПИ еще сильнее озабочено проблемой сомнения в подлинности диалога в научной коммуникации [Stilgoe, Lock, Wilsdon, 2014; Trench, 2006; Wynne, 2006, 2014; Gregory, Lock, 2008]. Таким образом, химера подозрения в «дефицитности» преследует любой проект научной коммуникации, который позиционирует себя в качестве диалогового. Но авторы проектов склонны риторически фреймировать их как диалоговые, поскольку это позитивно окрашенный термин. Поэтому в исследованиях научной коммуникации наблюдается тенденция различать диалог «по форме» и диалог «по сути», поверхностный и глубинный поворот к диалогу. Мы, однако, считаем такое развитие дискуссии тупиковым по причинам, описанным ниже.

Эта ситуация ставит исследователей диалога в научной коммуникации в трудное положение. С одной стороны, уже на этапе отбора кейсов для изучения они ориентируются на формальные свойства форматов проектов и «диалоговую» риторiku их авторов. Но так есть риск принять эту риторiku и формальные свойства проектов за чистую монету и презюмировать *практики* диалога лишь на основании *дискурса* о диалоге. Как в таком случае создать аналитическую дистанцию в отношении диалоговой риторики и иметь возможность сопоставлять ее с практиками? С другой стороны, при сопоставлении практик и дискурса есть риск оценки деятельности научных коммуникаторов на основе внешних нормативных стандартов «диалоговости». Такая позиция проблематична и безответственна. Проблематична, поскольку поле медиапроектов слишком разнородно, чтобы ко всем инициативам можно было применять одинаковые стандарты оценки «диалоговости». Безответственна, потому что такая нормативность легковесна для исследователей, которые не имеют реальных ставок в поле научной коммуникации, и непрактична для акторов, которым предлагаются моральные императивы без учета материальных обстоятельств, в которых они работают. Вместо этого следовало бы изучать, как сами акторы определяют диалог и вовлечение, в какой мере они могут практиковать научную коммуникацию в соответствии с этими концепциями, и выяснять, почему это (не) удается.

⁸ Под «диалоговостью» мы понимаем потенциально оспариваемый набор признаков, по которым медиапроект может быть позитивно оценен релевантными акторами как «диалоговый». Далее мы предлагаем рассматривать «диалоговость» в одной плоскости с исследованиями «объективности» в STS, то есть как практический эффект кропотливой материальной инсценировки, достигаемый в местах встречи ученых и заинтересованных публик.

Мы полагаем, что решением вышеозначенных проблем станет переориентация исследований научной коммуникации на принципы и результаты эмпирических исследований производства научного знания в STS. Несмотря на декларации целого ряда исследователей [Horst, Davies, Irwin, 2017; Davies, 2016, 2018; Horst, Michael, 2011; Horst, 2011; Graham, 2016], мы считаем, что STS не были учтены в должной мере в исследованиях диалога в медиапроектах в рамках PES. Ценность этой переориентации в том, что она позволяет рассматривать процессы научной коммуникации в медиапроектах как продолжение процессов конструирования научных фактов, а не как нечто изолированное. Для такого рассмотрения необходимо сохранять единство методологических принципов и словаря описания. В STS есть два значимых подхода, исследующих публичную коммуникацию научных фактов: социальный конструктивизм и акторно-сетевая теория. Различия между ними были подробно рассмотрены в другой работе [Ляпугина, 2023]. Ниже мы кратко опишем ряд принципов акторно-сетевой теории (Actor-Network Theory, ANT), на которые мы опираемся при анализе кейса в следующем разделе.

1. В отличие от социального конструктивизма, ANT не пытается дать социальное объяснение конструированию фактов, а превращает само различие факта и артефакта в объект исследования [Latour, Woolgar, 1986]. Как ученые устанавливают границу между фактами и артефактами? Это значит, что само это различие не может быть отправной точкой и инструментом анализа. Необходимо рефокусировать исследование на феномены, предшествующие стабилизации этих оценочных квалификаций. Мы предлагаем то же самое сделать с парой «диалог — дефицит».

2. В противовес социальному конструктивизму, ANT максимально «заземляет» процесс конструирования, фокусируясь на стратегических местах технаук, где тщательно инсценируются эксперименты, результатом которых становятся объективные факты и эффективные машины [Latour, 1987; Callon, 1987; Callon, Law, Rip, 1986]. Такими стратегическими местами являются лаборатории, конструкторские бюро, испытательные полигоны, музеи, коллекции, архивы, библиотеки. Часть этих мест носит стратегический характер и для медианаучной коммуникации. Также этот методологический принцип хорошо согласуется с концептуализацией медиапроекта как места в литературе PES. Вслед за этим мы предлагаем сосредоточиться на проектах медианаучной коммуникации как стратегических местах, в которых собираются, накапливаются и упорядочиваются разнородные элементы. Мероприятия, связанные с этими проектами, следует рассматривать с точки зрения испытаний, которым подвергаются в них различные акторы. Что производится в этих местах в ходе испытаний? Как они становятся релевантными для наук, медиа и других областей публичной жизни?

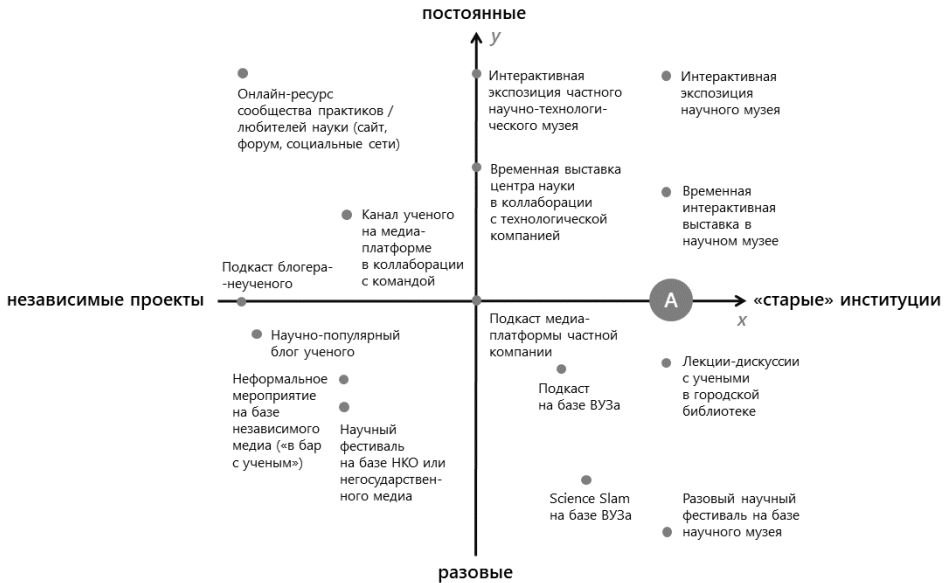
3. Процессы в стратегических местах ANT понимает как сценографию испытаний и описывает в терминах семиотики [Latour, 1988, 1992]. Ценностно окрашенные феномены «объективности», «фактичности», «эффективности» понимаются как практические и литературные эффекты кропотливой материальной инсценировки. Мы полагаем, что и «диалоговость» следует рассматривать как эффект инсценировки. Следует сосредоточиться на сценографии медиапроектов, которые позиционируют себя как диалоговые, что мы и сделаем в следующей части статьи (см. раздел 2.4).

4. Инсценируя испытания, инноваторы и ученые решают практические проблемы балансировки и согласования набора противоречивых требований, которые в ANT резюмируются как «дилемма фактостроителя» [Latour, 1987: 108]. Фактостроителям нужно рекрутировать, заинтересовать других, чтобы превратить свои утверждения в факты, но эти другие могут трансформировать утверждения до неузнаваемости и свести усилия фактостроителей на нет. Поэтому помимо рекрутинга других нужен еще и контроль их поведения. Дилемма рекрутинга-контроля хорошо знакома научным коммуникаторам, хотя их цель — конструирование не объективных фактов, а диалога. Специфическую версию этой дилеммы мы исследуем эмпирически на примере одного российского проекта по медианаучной коммуникации (см. раздел 2.4.3).

2. Сценография диалога ученых и публик: на примере проекта медианаучной коммуникации «Аппетит к науке»

2.1. Место «Аппетита к науке» в поле медианаучной коммуникации

Рис. 1. Карта поля медианаучной коммуникации

Примечание. По оси институционализации (x) справа расположены относительно «старые» и хорошо укорененные институции, слева — слабо институционализированные, независимые проекты, посередине — новые институции. По оси регулярности (y) снизу расположены разовые активности, сверху — постоянные, посередине — периодические проекты. Точками ориентировочно обозначены позиции проектов различного типа. Буквой А в круге отмечено место «Аппетита» в поле медианаучной коммуникации.

Кейсом для нашего эмпирического исследования стал проект «Аппетит к науке» (далее — «Аппетит»)⁹, однозначно позиционированный его авторами как диалоговый. Моделью для «Аппетита» стал формат научного кафе, предполагающий

⁹ Названия проекта и организации, которая его реализует, а также темы его мероприятий были заменены с целью обеспечения конфиденциальности по условиям соглашения с командой проекта.

активные публики и учитывающий их разнородные экспертизы и интересы. Проект делала команда научных коммуникаторов из Центра науки и технологий (далее — Центр) в российском городе-миллионнике. В терминах вышеозначенной картографии проектов медианаучной коммуникации «Аппетит» — это периодическое мероприятие, реализуемое одним из «старых» и хорошо институционализированных игроков в поле (см. рис. 1) в виде серии неформальных встреч горожан со спикерами в кафе, ресторанах или барах. На встрече ведущий проводит публичное интервью со спикерами о них самих, их исследовательских областях, новостях научного мира. Посетители задают вопросы и, как подразумевает название проекта, обедают. После встречи спикер остается, чтобы ответить на кулуарные вопросы посетителей. Мероприятия бесплатные, проходят регулярно, раз в две недели, и длятся около полутора часов. Видеозаписи «Аппетита», сделанные технической командой, монтируются и выкладываются на YouTube.

2.2. «Аппетит»: материалы и методы анализа кейса

Сбор данных проводился с декабря 2021 г. по март 2022 г. по стратегии кейс-стади — общепринятому стандарту полевых исследований и в STS, и в PES. Эта стратегия сбора данных была выбрана, потому что она позволяет: 1) дать насыщенное описание объекта на основе наблюдения практик инсценировки диалога между учеными и публиками *in situ*, чего не позволяет опора лишь на интервью и анализ документов; 2) комбинировать несколько методов (полуструктурированные интервью, включенное наблюдение, анализ документов и видеозаписей) для формирования корпуса данных из разнородных источников, что обеспечивает перекрестную проверку содержащейся в них информации, чего не позволяет опора лишь на один метод; 3) нивелировать зависимость исследователя от ценностно окрашенного дискурса авторов проекта. Общий корпус полевых материалов составили данные: полуструктурированных интервью с участниками команды проекта (13), спикерами мероприятий (2) и посетителями (8) (список цитируемых в статье интервью дан в Приложении); включенного наблюдения на командных встречах (9) и мероприятиях (2); анализа документов (76); анализа видеозаписей командных встреч (2), брифинга со спикером (1), прошедших мероприятий (20), а также несмонтированных записей мероприятий (2). Данные были обработаны и структурированы путем: а) транскрибирования аудио- и видеозаписей всех интервью, встреч, записей мероприятий; б) систематизации записей дневника наблюдения и полевых заметок; в) анонимизации.

Анализ данных включал в себя: 1) построение таймлайна получения данных, каталогизацию по типу, времени получения, создание карты данных (140 единиц); 2) теоретически-мотивированный тематический анализ [Flick, 2010] для описания основных этапов подготовки мероприятия и выявления ключевых акторов; 3) построение социотехнических графов по методу ANT [Latour, Mauguin, Teil, 1992] для анализа композиции и динамики различных версий «Аппетита». Интерпретация данных напрямую связана с рядом методологических принципов ANT (см. раздел 1.3). С одной стороны, мы выявляли, что (не)проблематично для наших акторов, а затем прослеживали, как они практически решали значимые для «Аппетита» проблемы. Ниже мы фокусируемся на проблеме фигуративизации. С другой

стороны, было критически важно сохранять аналитическую дистанцию в отношении диалоговой риторики, поэтому мы тематизировали и превращали в объект нашего анализа все концептуальные различия, которые использовали наши акторы (ср. [Latour, Woolgar, 1986: 27]). Ниже представлена лишь небольшая часть собранных данных с целью проследить из перспективы авторов проекта сценарию диалога как кропотливого практического достижения.

2.3. Кросс-локальность «Аппетита»:

офлайн-мероприятие + онлайн-медиапродукт

Мы застали «Аппетит» в точке его временной дестабилизации и перехода от одной версии к другой. Для простоты обозначим их как «Аппетит»-1 и «Аппетит»-2. Команда «Аппетита» вносила значительные изменения в его формат. Как выглядел «Аппетит» до этих изменений? «Аппетит»-1, просуществовавший с осени 2020 г. по январь 2022 г., был преимущественно офлайн-мероприятием. Каждая встреча стартовала с вопроса ведущего спикеру. После ответа на этот вопрос обычно следовал «интерактив» — короткое взаимодействие с залом, чаще всего в формате викторины, чтобы разогреть зал и дать понять, что команда с ним «в диалоге» (3, 1)¹⁰. Затем ведущий начинал беседу со спикером, и почти с самого начала в разговор включались посетители: у них была возможность задать вопрос в любой момент. Ведущий и спикер придерживались сценария разговора, но посетители могли его нарушить, взяв микрофон (1, 3, 5). По окончании мероприятия, когда выключались камеры, посетители могли подойти к спикеру задать вопросы, не озвученные до этого (1, 3, 5). Мероприятие снимали на видео. На монтаже вносили лишь небольшие точечные изменения. Получившийся ролик загружали на YouTube (6, 8). Таким образом, будучи преимущественно офлайн-мероприятием, «Аппетит»-1 почти с самого начала¹¹ был кросс-локален, то есть находился на пересечении офлайн- и онлайн-мест.

С этим связаны и возможности, и проблемы «Аппетита»-1. Привлечение внимания пользователей YouTube позволяло усилить интерес к Центру и создать «ядерную аудиторию» постоянных посетителей его мероприятий (7, 4, 9). Создание «ядерной аудитории» помогло бы сотрудникам лучше понимать запрос публик, планировать активности в более тесном сотрудничестве с ними (7). Но видео «Аппетита»-1 на YouTube набирали мало количество просмотров. Почему? Авторы проекта видят три главных причины.

1. Привычки онлайн-аудитории. Видео «Аппетита»-1 длились около полутора часов, представляя собой запись мероприятия от приветствия ведущего до его завершающего слова. Такие длинные видео мало кто мог и хотел осилить (9, 3, 6, 4).

2. Видео «Аппетита»-1 выходили нерегулярно.

3. Они соседствовали с большим количеством других видео на канале Центра. Человек, подписавшийся на канал Центра из-за «Аппетита»-1, через какое-то время отписывался из-за уведомлений по неинтересным ему поводам.

В итоге видео «Аппетита»-1 набирали мало просмотров, и поэтому, по убеждению команды, алгоритмы YouTube занижали их в выдаче (9, 6).

¹⁰ Здесь и ниже в круглых скобках приведены порядковые номера интервью, указанных в Приложении.

¹¹ Несколько первых встреч «Аппетита» не снимались на видео.

Чтобы решить эту проблему, в конце января 2022 г. было решено сделать «Аппетит» привлекательным для алгоритмов и аудитории YouTube. Успех в производстве такого продукта обещал команде: а) перспективу создания нового YouTube-канала только под «Аппетит»; б) перевод проекта на «регулярные» рельсы; в) создание более коротких и «цепляющих» онлайн-аудиторию роликов (9, 6, 4, 3). Но мало-предсказуемую беседу «Аппетита»-1 очень сложно было «сжать» в монтаже до короткого и интересного ролика (3, 5, 9, 8). Поэтому было решено переформатировать «Аппетит»-1 в «Аппетит»-2.

Стремление дать «Аппетиту» полноценную жизнь онлайн привело к его трансформации офлайн. В чем состояли эти изменения? Инсценировка «Аппетита»-2 в офлайне получила четыре четко различимых части: «нарративную», «интерактивную», «живую» и «кулуарную». Наши акторы называют первые три из них «тактами взаимодействия» (8)¹². Первый «нарративный такт» включает в себя публичное интервью ведущего со спикером по заранее определенному сценарию. Второй «интерактивный такт» выполняет роль интерлюдии, он призван «разбудить» аудиторию, переключить ее в режим задавания вопросов после долгого молчания (1, 3, 5, 9). Третий «живой такт» превратился в серию вопросов к спикеру от аудитории и ответов на них. Четвертая «кулуарная» часть изменилась менее всего: так же, как и ранее, после завершения второго такта участники «Аппетита» могли задать вопросы спикеру тет-а-тет. Команда не называет ее тактом, но упоминает в своих описаниях мероприятия как важную часть «Аппетита» (1, 5, 3).

Что изменилось? Теперь команда могла организовать съемку и смонтировать видео так, чтобы его можно было смотреть как самостоятельный медиапродукт, отвечающий требованиям YouTube: насыщенный, интересный и не очень длинный ролик в 30—40 минут. Если успех «Аппетита»-1 оценивался преимущественно в терминах отклика посетителей¹³, то теперь к этим критериям добавились лайки, просмотры и подписки на YouTube-канал. «Аппетит»-2 уже не преимущественно офлайн-мероприятие, он пытается жить полноценной жизнью в двух типах пространства с их разными практическими требованиями и публикациями. Наконец, если «Аппетит»-1 позволял участникам в любой момент вмешаться в разговор спикера с ведущим, то «Аппетит»-2 существенно ограничил эту активность. Взаимодействие ученых с посетителями в «Аппетите»-2 стало более сценарированным, в большей степени похожим на концерт или представление, что выразилось и в словаре наших акторов.

Не утратил ли «Аппетит» в ходе этой трансформации свою диалоговую природу? Этот вопрос задавали себе и наши акторы. Для них эти изменения стали настоящим испытанием. Изначально команда позиционировала «Аппетит» как проект, ориентированный на диалог между представителями науки и публик, и выступала за то, что «Аппетит» — это прежде всего офлайн-мероприятия, где посетители

¹² Термин «такты взаимодействия» подчеркивает, что наш фокус на сценографии проекта согласуется с тем, что сами акторы понимают «Аппетит» как драматургически организованное действие.

¹³ Критерии формулировались по-разному, но почти все касались того, что делали участники «Аппетита» офлайн: «много вопросов из зала», «были вопросы тет-а-тет после „Аппетита“», «хорошая обратная связь», «много людей», «пришедшие становятся постоянными посетителями», «люди в анкете обратной связи отвечают, что у них была возможность задать вопрос» (1,3, 4, 5, 10). Когда же речь заходила об активности онлайн, то она также отсылала к офлайн-мероприятию: «люди тегуют в соцсетях и пишут, что понравилось» (1).

могут напрямую пообщаться с учеными (1, 5, 9). Активное включение посетителей в происходящее в любой момент было манифестацией «диалоговости» «Аппетита». Теперь кросс-локальность «Аппетита»-2 усилилась: проект оказался на пересечении двух типов мест с их нередко противоречивыми требованиями. Для нас проблематичное наслоение производства «Аппетита»-2 как онлайн-медиапродукта на производство его как офлайн-мероприятия сделало практики инсценировки диалога в «Аппетите» явными и доступными наблюдению. Далее мы рассмотрим подробнее сценографию «Аппетита»-2, чтобы увидеть, как команда пыталась сохранить эффект диалога на офлайн-мероприятии.

2.4. Сценография «Аппетита»-2: фигуративизация наук

Термины «сценография» и «инсценировка» поначалу могут звучать непривычно в контексте социологического исследования. Но подход к социальным взаимодействиям как драматургически организованным хорошо известен и распространен в социологии [Goffman, 1956]. Изменение терминологии здесь связано с тем, что, следуя Б. Латуру, а не И. Гофману, мы в большей степени фокусируемся на инсценировке — практической работе по построению сцены, о-пределению¹⁴ ключевых акторов и сценарированию взаимодействий на ней¹⁵. Полное описание этой инсценировки включало бы себя реконструкцию всей работы, делающей возможным «естественный» ход взаимодействия спикера и посетителей «Аппетита» в каждом из «тактов», описанных выше. Ниже мы сосредоточимся на работе фигуративизации, предшествующей всем «тактам взаимодействия», что позволит расширить представление читателя о характере «Аппетита».

Вслед за Б. Латуром мы понимаем под фигуративизацией «процесс, в котором абстрактные понятия заменяются персонажами» [Latour, 1988: 32]¹⁶. Применительно к нашему кейсу понятие фигуративизации акцентирует внимание на практической работе, в ходе которой аморфные сущности «наука» и «ученый» должны быть трансформированы в две более четко очерченные сущности — «тему» и «спикера», — которые затем должны быть мобилизованы в одно из городских третьих мест. Это понятие сопрягается с пониманием медиапроекта как особого материального места, которое фокусирует нас на том, что выражение «диалог науки и общества», ставшее общим местом в PES, должно быть практически конкретизировано. Прежде всего из многообразия ученых, научных областей, утверждений и объектов авторам «Аппетита» нужно выбрать конкретных спикера и тему, вокруг которых будет организовано мероприятие. Ниже мы послойно опишем этот процесс, постепенно усложняя наше понимание его сути. Но получившаяся цепочка

¹⁴ Мы прибегаем к дефису при написании слова «о-пределение», отказываясь от его привычного вида и изменяя морфемный состав, так как стремимся передать особое значение: таким образом мы подчеркиваем, что речь идет о практической работе по установлению пределов компетенций спикеров. Этот смысл плохо передается стандартным написанием слова, отсылающим либо к логической операции наделения терминов фиксированным значением, либо к тривиально понимаемой процедуре выбора спикеров как во фразе «определение круга спикеров».

¹⁵ Под сценографией в этом контексте мы понимаем усилия социологов по описанию и анализу работы по инсценировке диалога между учеными и публиками.

¹⁶ В семиотике первоначально речь идет о замене в тексте абстрактных дискурсивных сущностей более конкретными и образными. Б. Латур успешно показал, как можно применить это понятие для анализа практик наук и технологий за пределами текстов [Latour, 1988, 1992]. Мы здесь переносим понятие фигуративизации в поле исследований практик научной коммуникации.

сегментов описания есть артефакт необходимого дискурсивного требования текста (располагать слои описания последовательно один за другим) и не репрезентирует эмпирическое течение описываемых процессов, которые переплетаются и разворачиваются параллельно.

2.4.1. Составление списка спикер-тем

Условное начало процесса — составление списка тем и спикеров. Решая эту задачу, команда мобилизует опыт и связи своих членов. С одной стороны, «Аппетит» делают продюсеры с большим опытом организации мероприятий в области медианаучной коммуникации. С другой — научный консультант, обладающий обширными контактами в научном сообществе. Они предлагают набор тем и спикеров. В процессе участвуют и сценаристы, которые держат в уме темы, отмеченные посетителями прошлых встреч как интересные в анкетах обратной связи. Также спикеров и темы может *ad hoc* предложить любой член команды по итогу отслеживания трендов YouTube и поисковых запросов, мониторинга других медиапроектов, разговоров с попечителями Центра, в связи с памятливыми датами и другими активностями Центра помимо «Аппетита», наконец, на основе личного опыта.

Что имеет больший вес в списке — спикеры или темы? Некоторые члены команды утверждают, что у «Аппетита» нет и не должно быть темы: это особенность формата, задуманного и организованного вокруг личности спикера (7, 3, 5). Но практика подготовки мероприятий показывает, что это радикальное суждение верно лишь с оговорками. Иногда команда идет от спикера к теме, иногда — наоборот (3). Таким образом, мы можем заметить странную особенность: в процессе практической конкретизации спикер и тема — трудноразделимые сущности. Поэтому следует говорить о гибриде, спикер-теме, который артикулируется в процессе фигуративизации. Это ведет нас к следующему слою описания, усложняющему наше понимание процесса.

2.4.2. Форматирование

Одно из ключевых понятий наших акторов — формат. Формат можно определить как набор обязательств, взятых командой «Аппетита» на себя для обеспечения стилистического единства мероприятий. Формат проекта называют «учено-центричным» и «личностноцентричным» (7). Совокупность требований к умению спикеров участвовать в публичном, но неформальном разговоре резюмируется выражением «коммуникативная адекватность и эффективность» (7). Команда оценивает, как человек говорит, «вообще может ли он говорить» (8). Если спикеры не обладают навыками публичной неформальной речи, их не зовут на «Аппетит» вне зависимости от их научных компетенций, но могут пригласить на другие мероприятия Центра (7, 9). По этим требованиям медиамира спикеров оценивает продюсер, который «держит рамку того, чтобы это был *edutainment*. [Чтобы была не] скучная лекция, на которой все засыпают, а чтобы человек мог простыми словами весело и бодро рассказать...» (3).

Но спикеры должны быть также учеными. На «Аппетит» стараются приглашать практикующих исследователей, которые ищут ответы на фундаментальные вопросы (8, 7, 3). Кандидатуры же «популяризаторов науки» рассматриваются с особой

аккуратностью. Как различить ученых и неученых? Ответ на этот вопрос требует оценки репутации потенциальных спикеров в научном сообществе, которые не должны быть известны некорректной методологией исследований, плагиатом, неэтичным поведением по отношению к коллегам. Команда смотрит и на уровень и качество публикаций, и на аффилиацию. За этот тип оценки отвечает научный консультант «Аппетита». Другие члены команды не могут с уверенностью судить о репутации потенциальных спикеров. Вот показательный случай разногласия: «Мы обсуждали спикера по химии... и [консультант] ее забраковал, мы сказали [ему]: „Давайте мы не будем браковать людей просто потому, что у них нет какого-то признания в научной среде, она говорит хорошо и так далее“. И он очень четко поставил позицию, что, окей, я готов ее принять, если от химика <...>, либо химика <...>, у которого есть научное признание, будет для этого человека хорошая рецензия. Вот. Ее не было...» (3).

Спикеры «Аппетита» форматируются или вписываются в его формат посредством двойного сита отбора: способности к неформальной публичной речи и оценки репутации в научном сообществе. Это возвращает нас к кросс-локальности проекта. Но теперь речь не о наложении друг на друга офлайн- и онлайн-пространств, а о пересечении миров науки и медиа. Рассмотрим, как команда выстраивает отношения с этими мирами.

С одной стороны, Центр, в котором работает команда, стремится сохранять свою репутацию в научном сообществе, а приглашение на «Аппетит» спикера с плохой репутацией может негативно повлиять на нее (7). С другой — команда «Аппетита» зависима (пусть и опосредованно через научного консультанта) в своей оценке репутации спикеров от оценок внутри научного сообщества. Получается, «Аппетит» находится в двойной зависимости от мира науки. В глазах научного сообщества репутация проекта — лишь производная от репутации спикеров. И в то же время у команды нет собственных компетенций для оценки репутации спикеров. Даже научный консультант «Аппетита» должен опираться на оценки и рекомендации других ученых.

Но «Аппетит» стремится также играть по правилам медиамира и отчасти сбалансировать свою зависимость от мира науки. Это проявляется в исключениях из формата. Команда пытается стабилизировать проект и превратить его в узнаваемый бренд, который как таковой будет привлекать аудиторию независимо от спикер-темы (7, 8). К «Аппетиту» нужно привлекать больше внимания публик. Для этого команда *ad hoc* отходит от требований формата. В качестве спикеров могут позвать не практикующих ученых, а популяризаторов науки, хотя это не отменяет оценку их репутации и способности к неформальной публичной речи (8). С этим же связана практика делать встречи к памятным датам (8, 3, 4).

Мир медиа накладывает и другие ограничения, требуя от команды выпускать пресс-релизы для продвижения «Аппетита» и позиционировать мероприятия в медиаполе с точки зрения темы. Это требование создает напряжение со спикероцентричностью формата и побуждает членов команды к любопытному колебанию, хорошо заметному в этих словах продюсера: «[У] „Аппетита“ нет темы. У „Аппетита“ есть только спикер. Темы мы выдумываем скорее для пресс-релиза, чтобы это ушло в какой-то релиз. Это скорее так. И потом мы думаем над названием.

В целом у „Аппетита“ нет темы. Есть спикер, который в чем-то эксперт. И мы про это говорим» (5). Эта хезитация подчеркивает, что, так как «Аппетит» стоит одной ногой в мире науки, а другой — в мире медиа, в нем трудно строго изолировать спикера от темы.

Но «Аппетит» должен выстраивать отношения и с институциональным миром — другими подразделениями Центра, его руководителями и попечителями. На отношения с этим миром указывают другие исключения из формата. С одной стороны, в ходе этого процесса появляются потенциальные спикер-темы для мероприятий. С другой — команда делает «Аппетиты», ориентированные на другие активности и мероприятия Центра (8, 4, 3, 7).

Таким образом, анализ форматирования показывает, что «Аппетит» кросс-локален еще и в том смысле, что находится на пересечении как минимум трех миров: медиа, науки и институций, поддерживающих проект. Это находит свое выражение в композиции коллектива «Аппетита», состоящего из продюсеров, имеющих опыт создания медиапродуктов, научного консультанта, обеспечивающего связь с научным сообществом, и менеджеров, работающих с институциональным окружением проекта. До сих пор мы говорили о критериях оценки и их источниках происхождения, о том, какими чертами должны обладать спикер-темы. Но как команда «Аппетита» решает важную практическую проблему: действительно ли спикер-темы обладают искомыми характеристиками? Этому посвящен следующий раздел.

2.4.3. О-пределение компетенций спикера.

Оценка спикер-тем идет параллельно подготовительному анализу спикер-темы. В ходе исследования команда анализирует видео со спикерами, чтобы определить границы их компетентности, насколько аккуратно они обращаются с материалом (7). Это позволяет дополнительно адаптировать спикера и тему друг к другу в сценарии. На предварительной встрече со спикерами отдельно обговаривают, о чем ведущий планирует с ними говорить на мероприятии, а о чем — нет (3, 7). Так команда «Аппетита» о-пределяет границы компетентности спикеров в двух смыслах. В ходе исследования выявляют пределы, в которых они «хороши», достаточно компетентны для «Аппетита». В ходе брифинга эти ограничения доводят до спикера и затем реализуют их в сценарии. Конфигурирование спикер-темы происходит зигзагообразно. В случае движения от темы мы можем наблюдать такой паттерн: тема → спикер → исследование и брифинг → сужение темы (7). В этот же паттерн укладывается и ситуация, когда команда придумывает тему для разговора, затем общается со спикером и понимает, что есть тема интереснее (3). В таком случае мы наблюдаем смену темы, прежде чем она будет сужена.

Почему авторам «Аппетита» важно тематически ограничить спикеров в их публичной речи? Потому, что эта речь подразумевает неформальность — способность импровизировать и спонтанно реагировать на запросы аудитории здесь и сейчас. «Аппетит» предполагает, что разговор на мероприятии может пойти не по сценарию, но это должно случиться без потери качества дискуссии (7, 8, 3). Таким образом, о-пределение границ компетентности спикер-тем и о-ограничение свободы

их неформальной публичной речи можно назвать частью форматирования. Последнее не ограничивается оценкой соответствия спикер-темы заданному набору критериев, но включает и попытки модифицировать и контролировать поведение спикеров в ходе предстоящей неформальной, а потому отчасти непредсказуемой беседы. Именно это форматирование и обеспечивает то, что спикер в разговоре с незнакомой ему аудиторией выглядит «естественно», уверенно, компетентно и доброжелательно отвечает на вопросы. Мнимая «естественность» спикера на деле оборачивается продуктом сложного процесса фигуративизации, который мы здесь описали в терминах артикуляции спикер-тем, форматирования и о-пределения компетенций спикера.

Заключение: от параллелей с STS к специфике медианаучной коммуникации

Каково значение описания «Аппетита» для исследований медианаучной коммуникации? Преимущество выбранного нами подхода состоит в том, что мы можем поместить исследование проектов медианаучной коммуникации в одну плоскость с эмпирическими исследованиями конструирования научных фактов в STS и провести между ними параллели. Но эти параллели должны не затушевывать, а подчеркивать различия между учеными, конструирующими научные факты, и научными коммуникаторами, вовлекающими ученых в публичное медиаполе. Теперь мы начинаем понимать, что коммуникация ученых с публиками не отличается кардинально от коммуникации между учеными, но в чем эмпирические различия, в чем особенность медианаучной коммуникации? Что производится в диалоге между учеными и публиками, инсценированном медиапроектами? Ценность этой работы в постановке такого вопроса, а не в исчерпывающем ответе на него. Но мы можем начать отвечать на этот вопрос. Как минимум, наш кейс-стади показывает, что медиапроекты, подобные «Аппетиту», кропотливо валидируют и артикулируют спикеров и темы неформальной публичной речи о науке. Каковы альтернативные способы валидации? Есть ли между ними конкуренция, кооперация или несоизмеримость? Как новый класс спикеров и тем неформальной публичной речи о науках меняет процессы валидации научных утверждений внутри наук?

Также следует учесть, что модели дефицита и диалога политически не нейтральны, они — не сугубо аналитические подходы к пониманию научной коммуникации, а часть социальных движений, стремящихся изменить стандарты взаимодействия наук и общества. Модель диалога и движение PES явно ориентированы на демократизацию научной коммуникации. Должны ли исследователи диалога содействовать этой демократизации? Даже если исследователи занимают активную политическую позицию по этому вопросу, это не ограничивает их анализ, так как они в любом случае должны отвечать на ряд решающих методологических вопросов. Как сохранить аналитическую дистанцию в отношении риторики диалога? Как эмпирически выявить имманентные практикам условия успешности диалога в научной коммуникации? Все это — интересные вопросы для исследований, которые мы планируем предпринять в будущем.

Список литературы (References)

1. Ляпугина Н. А. Контroversы — искоренимое зло или неизбежное благо? Динамика отношений науки и общества в перспективе социального конструктивизма и акторно-сетевой теории // Социология власти. 2023. Т. 35. № 3. С. 8—56. Lyapugina N. A. (2023) Are Public Controversies an Eradicable Evil or an Inevitable Good? Exploring the Dynamics of the Science-Society Relationship from a Social Constructivist and Actor-Network Perspective. *Sociology of Power*. Vol. 35. No 3. P. 8—56. (In Russ.)
2. Максимова А. Музей как школа новых технологий: современные интерактивные объекты и практики их пользователей // Сети города: Люди. Технологии. Власти / общ. ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 309—334. Maksimova A. (2021) The Museum as a School of New Technologies: Modern Interactive Objects and the Practices of Their Users. In: Lapina-Kratasiuk E., Zaporozhets O., Vozyanov A. (eds.) *City Networks: People. Technologies. Authorities*. Moscow: New Literary Observer. P. 309—334. (In Russ.)
3. Bucchi M. (2004) *Science in Society: An Introduction to Social Studies of Science*. London & New York, NY: Routledge.
4. Bucchi M., Trench B. (2014) Science Communication Research: Themes and Challenges. In: Bucchi M., Trench B. (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Second Edition. London; New York, NY: Routledge. P. 1—14.
5. Callon M., Law J., Rip A. (eds.) (1986) *Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, London: The Macmillan Press LTD.
6. Callon M. (1987) Society in the Making: The Study of Technology as a Tool for Sociological Analysis. In: Bijker W. E., Hughes T. P., Pinch T. (eds.) *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, Massachusetts, MA.: MIT Press. P. 83—103.
7. Davies S., McCallie E., Simonsson E., Lehr J. L., Duensing S. (2009) Discussing Dialogue: Perspectives on the Value of Science Dialogue Events That Do Not Inform Policy. *Public understanding of Science*. Vol. 18. No. 3. P. 338—353. <https://doi.org/10.1177/0963662507079760>.
8. Davies S. (2009) Doing Dialogue: Genre and Flexibility in Public Engagement with Science. *Science as Culture*. Vol. 18. No. 4. P. 397—416. <https://doi.org/10.1080/09505430902870591>.
9. Davies S. (2016) Participation as Pleasure: Citizenship and Science Communication. In: Chilvers J., Kearnes M. (eds.) *Remaking Participation. Science, Environment and Emergent Publics*. London; New York, NY: Routledge. P. 162—177.

10. Davies S. (2018) Science Communication Is Not an End in Itself: (Dis)Assembling the Science Festival. *International Journal of Science Education*. Part B. Vol. 9. No. 1. P. 40—53. <https://doi.org/10.1080/21548455.2018.1540898>.
11. Flick U. (2010) *An Introduction to Qualitative Research*. Fourth Edition. London; New Delhi; Singapore, Thousand Oaks, CA: SAGE. P. 318—323.
12. Goffman E. (1956) *The Presentation of Self in Everyday Life*. Edinburgh: University of Edinburgh.
13. Graham H. C. (2016) The «Co» in Co-production: Museums, Community Participation and Science and Technology Studies. *Science Museum Group Journal*. Vol. 5. <http://dx.doi.org/10.15180/160502>.
14. Gregory J., Lock S. J. (2008) The Evolution of “Public Understanding of Science”: Public Engagement as a Tool of Science Policy in the UK. *Sociology Compass*. Vol. 2. No. 4. P. 1252—1265. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2008.00137.x>.
15. Gregory J., Miller S. (1998) *Science in Public: Communication, Culture, and Credibility*. New York, NY: Plenum Trade.
16. Hilgartner S. (1990) The Dominant View of Popularization: Conceptual Problems, Political Uses. *Social Studies of Science*. Vol. 20. No. 3. P. 519—539. <https://doi.org/10.1177/030631290020003006>.
17. Horst M., Davies S., Irwin A. (2017) Chapter 30. Reframing Science Communication. In: Felt U., Fouché R., Miller C. A., Smith-Doerr L. (eds.) *Handbook of Science and Technology Studies*. 4th edition. Cambridge: The MIT Press. P. 881—907.
18. Horst M., Michael M. (2011) On the Shoulders of Idiots: Re-Thinking Science Communication as “Event”. *Science as Culture*. Vol. 20. No. 3. P. 283—306. <https://doi.org/10.1080/09505431.2010.524199>.
19. Horst M. (2011) Taking Our Own Medicine: On an Experiment in Science Communication. *Science and Engineering Ethics*. Vol. 17. P. 801—815. <https://doi.org/10.1007/s11948-011-9306-y>.
20. Irwin A., Wynne B. (1996) Conclusions. In: Irwin A., Wynne B. (eds.) *Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 213—221.
21. Jahnsen S. S. (2019) The Balancing Act. Museums as Spaces for Democratic Debate: A Case Study from Oslo, Norway. *Museums & Social Issues*. Vol. 14. No. 1—2. P. 4—22. <https://doi.org/10.1080/15596893.2021.1970901>.
22. Latour B. (1987) *Science in Action. How to Follow Scientists and Engineers Through Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
23. Latour B. (1988) A Relativistic Account of Einstein’s Relativity. *Social Studies of Science*. Vol. 18. No. 1. P. 3—44. <http://www.jstor.org/stable/285375>.

24. Latour B. (1992) Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts. In: Bijker W. E., Law J. (eds.) *Shaping Technology / Building Society: Studies in Sociotechnical Change*. Cambridge, MA: MIT Press. P. 225—259.
25. Latour B., Mauguin P., Teil G. (1992) A Note on Socio-Technical Graphs. *Social Studies of Science*. Vol. 22. No 1. P. 33—57. <https://doi.org/10.1177/0306312792022001002>.
26. Latour B. (2004) *Politics of Nature: How to Bring the Sciences Into Democracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
27. Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
28. Lehr J. L., McCallie E., Davies S. R., Caron B. R., Duensing S. (2007) The Value of “Dialogue Events” as Sites of Learning: An Exploration of Research and Evaluation Frameworks. *International Journal of Science Education*. Vol. 29. No. 12. P. 1467—1487. <https://doi.org/10.1080/09500690701494092>.
29. Michael M. (1992) Lay Discourses of Science: Science-in-General, Science-in-Particular, and Self. *Science, Technology, & Human Values*. Vol. 17. No. 3. P. 313—333. <https://doi.org/10.1177/016224399201700303>.
30. Miller S. (2001) Public Understanding of Science at the Crossroads. *Public Understanding of Science*. Vol. 10. No. 1. P. 115—120.
31. Nakamura M. (2010) STS in Japan in Light of the Science Café Movement. *East Asian Science, Technology and Society: an International Journal*. Vol. 4. P. 145—151. <https://doi.org/10.1215/s12280-010-9122-5>.
32. Nelkin D. (1995) Science Controversies: The Dynamics of Public Disputes in the United States. In: Jasanoff S., Markle G. E., Petersen J. C., Pinch T. (eds.) *Handbook of Science and Technology Studies*. London, New Delhi, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. P. 444—456.
33. Norton M., Nohara K. (2009) Science Cafés. Cross-Cultural Adaptation and Educational Applications. *Journal of Science Communication*. Vol. 8. No. 4. <https://doi.org/10.22323/2.08040201>.
34. Smallman M. (2014) Public Understanding of Science in Turbulent Times III: Deficit to Dialogue, Champions to Critics. *Public Understanding of Science*. Vol. 25. No. 2. P. 186—197. <https://doi.org/10.1177/0963662514549141>.
35. Stilgoe J., Lock S. J., Wilsdon J. (2014) Why Should We Promote Public Engagement with Science? *Public Understanding of Science*. Vol. 23. No. 1. P. 4—15. <https://doi.org/10.1177/0963662513518154>.
36. Trench B. (2006) Science Communication and Citizen Science: How Dead Is the Deficit Model? *Scientific Culture and Global Citizenship*, Ninth International Conference on Public Communication of Science and Technology (PCST-9), Seoul, Korea, May 17—19, 2006.

37. Wynne B. (1992b) Public Understanding of Science Research: New Horizons or Hall of Mirrors? *Public Understanding of Science*. Vol. 1. No. 1. P. 37—43. <https://doi.org/10.1088/0963-6625/1/1/008>.
38. Wynne B. (1992a) Misunderstood Misunderstanding: Social Identities and Public Uptake of Science. *Public Understanding of Science*. Vol. 1. No. 3. P. 281—304. <https://doi.org/10.1088/0963-6625/1/3/004>.
39. Wynne B. (2006) Public Engagement as a Means of Restoring Public Trust in Science — Hitting the Notes, but Missing the Music? *Public Health Genomics*. Vol. 9. No. 3. P. 211—220. <https://doi.org/10.1159/000092659>.
40. Wynne B. (2014) Further Disorientation in the Hall of Mirrors. *Public Understanding of Science*. Vol. 23. No. 1. P. 60—70. <https://doi.org/10.1177/0963662513505397>.

Приложение. Список цитируемых интервью

- Интервью 1, 2.** Руководитель сценаристов, Ж.
- Интервью 3.** Сценаристка, Ж.
- Интервью 4.** Руководитель продюсеров, Ж.
- Интервью 5.** Продюсер, Ж.
- Интервью 6.** Технический продюсер, М.
- Интервью 7.** Руководитель научных консультантов, М.
- Интервью 8.** Руководитель, М.
- Интервью 9.** Руководитель, М.
- Интервью 10.** Руководитель команды исследователей-социологов, Ж.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2627](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2627)

Д. В. Иванов, И. Ф. Девятко

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ГРАНИЦ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Правильная ссылка на статью:

Иванов Д. В., Девятко И. Ф. Библиометрические признаки как символические маркеры дисциплинарных границ: социологическая перспектива // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 27—51. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2627>.

For citation:

Ivanov D.V., Deviatko I.F. (2024) Bibliometric Features as Symbolic Markers of Disciplinary Boundaries: a Sociological Perspective. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 27—51. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2627>. (In Russ.)

Получено: 11.05.2024. Принято к публикации: 11.10.2024.

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ГРАНИЦ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

*ИВАНОВ Данила Владимирович — аспирант, преподаватель кафедры общей социологии, сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: d.ivanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5242-5807>*

*ДЕВЯТКО Инна Феликсовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; главный научный сотрудник, Институт социологии ФИНСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: deviatko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1955-7592>*

Аннотация. С помощью символических маркеров ученые способны сравнительно быстро ориентироваться в растущем корпусе публикаций, тем самым определяя, пересекая и воспроизводя границы научных дисциплин. Для изучения дисциплинарных границ в наукометрии обычно используется библиометрический анализ, который позволяет наблюдать некоторые квантифицируемые характеристики предполагаемых границ. Однако такой подход не дает возможности оценить, насколько соответствующие признаки субъективно заметны для самих ученых. Это ограничивает возможности социологической интерпретации объективно выявленных междисциплинарных различий с точки зрения их сознательно либо имплицитного восприятия учеными и анализа их потенциального воздействия на историческую динамику демаркации дисциплинарных границ.

BIBLIOMETRIC FEATURES AS SYMBOLIC MARKERS OF DISCIPLINARY BOUNDARIES: A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

*Danila V. IVANOV¹ — Doctoral Student, Lecturer at School of Sociology; Research-Assistant at The Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: d.ivanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5242-5807>*

*Inna F. DEVIATKO^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Full Professor; Chief Researcher
E-MAIL: deviatko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1955-7592>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Symbolic markers (as those used in “we-they” attributions) help delineate whether a scientist (among other things) finds themselves at the intersection, within, or outside the confines of a given disciplinary boundary, thereby facilitating the swift navigation across an ever-growing corpus of scientific literature. Frequently, these boundaries are revealed through bibliometric analysis, which makes it possible to observe some quantifiable characteristics of the features of the proposed boundaries. Nevertheless, this method falls short of providing a sociologically meaningful interpretation, particularly regarding the historical dynamics and the demarcation of scientific disciplinary communities, unless the subjective salience of these observable features is meticulously considered.

To measure the salience of bibliometric features: 1) we selected “façade” features (such

Для измерения уровня заметности библиометрических признаков мы 1) отобрали «фасадные» квантифицируемые признаки (длины названий, объемы списков литературы, количество соавторов), которые были замеры с помощью анализа метаданных выборки научных статей, опубликованных в российских социологических и психологических журналах; 2) благодаря использованию экспериментальной методики изучения «обыденных» прогнозов, в которой двум группам ученых требовалось угадать значения параметров распределения библиометрических признаков в двух дисциплинарных группах статей, оценили точность угадываний как показатель наличия «фонового» знания об ожидаемых значениях признаков, потенциально используемого в качестве информационных подсказок при дисциплинарном атрибутировании статьи. Для измерения точности сравнивались результаты угадываний и ранее полученные библиометрические данные о средних значениях признаков.

Результаты исследования демонстрируют, что наиболее заметным библиометрическим признаком оказался объем списка литературы, причем именно в психологических статьях. Это дает основания назвать этот признак направленным межгрупповым символическим маркером дисциплинарных границ. Длина названия оказалась заметной для социологов, что позволяет им различать психологические и социологические статьи.

В статье обсуждаются сравнительная значимость и перспективы дальнейшего использования объективно наблюдаемых библиометрических различий для формулирования и проверки гипотез о внутренних принципах демаркации и процессах взаимовлияния научных дисциплин. Апробированная в данном исследовании методика имеет потенциал для получения дополнительно-

as the length of titles counted in words, length of reference lists, and number of co-authors) and analyzed them using metadata from Russian sociological and psychological journals; 2) using an experimental methodology in a separate study, we addressed two disciplinary groups of scientists tasked to guess the distribution parameters of these features in two types of articles affiliated with corresponding disciplines — this procedure assessed the accuracy of intuitive everyday predictions, indicating the effect of implicit background knowledge about the features that could be used as heuristics for disciplinary attribution.

Comparing the predictions with bibliometric data, we found that the reference list length was the most salient perceptual feature, especially in the case of psychological articles. Title length was salient to sociologists at the intragroup level, helping them differentiate between disciplines.

The article discusses the comparative significance and prospects for further use of objectively observed bibliometric differences to formulate and test hypotheses about the internal principles of demarcation and the processes of mutual influence of scientific disciplines. The methodology tested in this study has the potential to obtain additional knowledge regarding the results of previously conducted and planned scientometric studies.

го знания относительно результатов проведенных ранее и планируемых наукометрических исследований.

Ключевые слова: заметность, символические маркеры, эксперимент, библиометрия, дисциплинарные границы, социология науки

Keywords: saliency, symbolic markers, experiment, bibliometrics, disciplinary boundaries, sociology of science

Введение¹

Методы библиометрии уже более полувека помогают решать широкий круг исследовательских задач: от определения тематического наполнения некоторой области знания (например, в целях отбора источников для систематического обзора статей [Моисеев, Мальцева, 2018]) до наукометрического описания трендов ее развития (например, выявления тенденций интернационализации науки) и даже обоснования принципов распределения ресурсов (например, оценки грантовых заявок или назначения поощрительных выплат за публикации в престижных журналах) [Rawat et al. 2021]. В целом библиометрия — один из наиболее популярных инструментов в рамках исследований науки, ее организационного и содержательного устройства [Moody, Edelman, Light, 2022].

Однако применение библиометрии в области социологии науки нередко оценивается критически и неоднозначно в тех случаях, когда появляются окрашенные избыточным энтузиазмом и не всегда обоснованной верой в большие данные и вычислительные науки притязания (см., например, [Китчин, 2017]) на обобщение и использование соответствующих результатов для оценивания успешности исследований (см., например, [Moed, Markusova, Akoev, 2018; Matveeva Sterligov, Lovakov, 2022; Fortunato et al., 2018]) либо в целях описания границ научных дисциплин и дисциплинарных сообществ (см., например, [Kim, 2015; Moody, 2006]). Дело в том, что объективные библиометрические признаки, как будет детально показано далее, на практике не всегда заметны (salient) или обладают адекватным смыслом для самих ученых, а посему взятые в изоляции не могут полностью отражать внутреннюю логику процессов демаркации дисциплинарных границ. Полноценное описание таких процессов требует, помимо количественной оценки объективно наблюдаемых различий в библиометрических признаках публикаций, принадлежащих разным дисциплинарным областям, выделения тех признаков, которые могут также считаться символическими маркерами научных дисциплин, то есть «сигналами», благодаря которым ученые интуитивно или осознанно различают «своих» и «чужих» и, в частности, определяют, относится ли читаемая ими научная статья к их дисциплине или нет.

Если обратиться к «качественным» попыткам изучить внутренне адекватные дисциплинарные символические маркеры и основания дисциплинарной демаркации (см., например, [Соколов, 2012; Lamont, 2009]), то, хотя некоторые из по-

¹ В статье используются некоторые элементы текста из магистерской диссертации Д. В. Иванова, написанной под рук. И. Ф. Девятко.

лученных в таких исследованиях выводов оказываются действительно правдоподобными и эвристичными, они не выглядят надежно на фоне популярной идеи о риторичности любых конструируемых самими учеными разграничительных линий, возникающих в результате атрибутирования научным практикам и институциям тех или иных характеристик «в целях конструирования социальной границы, различающей некоторые интеллектуальные активности» (иначе это называют «boundary-work») [Gieryn, 1983]².

С одной стороны, исследуя науку и научные дисциплинарные сообщества исключительно с помощью наукометрии, несмотря на объем и систематизированность получаемых данных, нельзя выносить суждения о том, насколько изученные признаки включены в процессы демаркации на практике. С другой стороны, адекватные по смыслу высказывания самих ученых относительно особенных черт, присущих тем научным дисциплинам, которые они представляют, могут быть риторичными, умозрительными и идеологически нагруженными, будучи подчас крайне контекстуальными, что не позволяет найти в них маркеры «общедисциплинарного» характера. Остается своего рода «лакуна» между «объективными» сравнительно легко верифицируемыми наукометрическими признаками и «субъективными» риторическими высказываниями, попытка заполнить которую представлена в настоящей работе³.

Для решения данной проблемы мы предлагаем подход, позволяющий определять, является ли выделенный ранее объективный и обладающий дифференцирующей силой библиометрический признак символическим маркером. Сама процедура не подразумевает прямого «расспрашивания» о том, насколько признак «адекватен по смыслу» в ключе его демаркационных свойств⁴, но опирается на развитый ранее подход к исследованию неявного знания с помощью измерения точности «интуитивных» угадываний и прогнозов [Griffiths, Tannenbaum, 2006; Mozer, Pashler, Homaei, 2008; Девятко, 2012; Девятко, Абрамов, Кожанов, 2010; Девятко, Андреев, 2022]. Мы полагаем, что обращение именно к неявному знанию является «мостиком» между «экстернальными» библиометрическими исследованиями и «интернальными» исследованиями риторики ученых.

Библиометрические признаки как символические маркеры для ученых: неявное знание и научные дисциплины

Библиометрические признаки имеют значимый внутренний смысл для ученых и для производимой ими демаркации лишь в случае, если они заметны и явно или неявно влияют на восприятие меж- и внутридисциплинарных границ самими учеными. Например, исследуя «фасадные» лексические различия корейских и американских англоязычных статей в области социальных наук, можно обнаружить,

² Идея о риторичности любых формулируемых учеными границ и принципов популярна среди авторов «качественных» (обычно реализуемых с помощью интервью и включенного наблюдения) проектов (см., например, [Lamont, Molnár, 2002: 178—181]) по изучению научных сообществ, дисциплинарных границ и т.п., что, несколько парадоксальным образом, не мешает принадлежащим к этому направлению авторам делать выводы о состоянии современных социальных и гуманитарных наук в целом.

³ В области социологии науки и научного знания данная сложность вполне точно артикулирована; для ее заполнения предлагается использовать синтез методов [Gieryn, 2010: 122].

⁴ Это было бы аналогичным взыванием к «риторике» ученых, чего мы хотели бы в данном случае избежать.

что корейские статьи имеют более длинные названия, значимо реже используют двоеточия и крайне часто — слово «focus» [Kim, 2015]. Однако значит ли это, что перечисленные признаки являются маркерами, «сигналами», по которым корейские социальные ученые могли бы отличить «свою» статью от «чужой» в отсутствие явно идентифицирующих аффилиацию признаков, а также значит ли это, что благодаря таким маркерам выстраивается своего рода неявная символическая дистанция между корпусами научных статей ученых двух стран? Несмотря на то что авторы библиометрических исследований подчас притязают на перенос выводов на дисциплинарный уровень, а следовательно, допускают, что эти признаки имеют хотя бы какое-то значение для самих ученых и действительно включены в порядок символической демаркации, на деле эти выводы невозможно принять без проверки заметности этих доступных для обработки параметров для ученых.

Символические маркеры дисциплинарной атрибуции, включенные в процесс демаркации, — это «сигналы», отсылающие к системе значений более высокого порядка (культурной вариации), которая в нашем случае выражается благодаря понятию «научная дисциплина»⁵. Роль символических маркеров в процессах социальной дифференциации и формирования культурных межгрупповых границ (и, в частности, демаркации дисциплинарных сообществ в науке) велика, поскольку такие маркеры позволяют оперативно ориентироваться в «символическом пространстве» и могут использоваться в качестве своего рода информационных подсказок, позволяющих эффективно с точки зрения экономии когнитивных ресурсов и быстро решать задачи распознавания межгрупповой идентичности типа «мы — они» и внутригрупповой типа «свой — чужой».

Символический маркер передается: 1) вследствие непредвзятого (unbiased) явного или неявного копирования маркеров, используемых агентами социализации, а также 2) вследствие предвзятого сравнения собственных черт и черт прочих моделей поведения, после чего субъект перенимает такие символические маркеры, которые соотносятся с чертой «успешности». Оба способа передачи символических маркеров не взаимозаменяемы [Boyd, Richerson, 1987: 70—72]. В случае с научными дисциплинами агентами профессиональной социализации выступают преподаватели или авторитетные исследователи, передающие в условиях организационной структуры университета те или иные исходно контингентные научные черты как «базовые» для студентов.

С учетом описанной организации передачи символических маркеров есть достаточные основания полагать, что если некоторые библиометрические признаки действительно важны для учреждения дисциплинарных границ определенного научного сообщества, то они с высокой вероятностью будут содержаться в том числе на уровне неявного, имплицитного знания [Кожанов, 2011], передаваемого в ходе профессиональной социализации в конкретном дисциплинарном сообществе [Полани, 1995].

⁵ Уместно сопоставить это понятие с «эпистемической культурой», «научным сообществом» и другими концептуально близкими конструктами. Исходное развитие представлений о роли символических маркеров в процессах конструирования и распознавания социальных границ между группами и сообществами связано с исследованиями межгрупповых взаимодействий, межгруппового восприятия и формирования культурных границ в социальной психологии и эволюционной антропологии (см. [Richardson, Boyd, 2001; Turner, 1981; Reynolds, 2001]).

Научные статьи как конституирующий элемент научной коммуникации [Lynch, Woolgar, 1988] определенно наполнены большим числом выраженных символических маркеров. Для наших целей мы выбрали «фасадные» (доступные даже поверхностному наблюдению) элементы научных статей, с которыми ученые сталкиваются в первую очередь и на основании которых они могут оценивать их дисциплинарную релевантность, принимая решение о прочтении [Becker, 2003; Habibzadeh, Yadollahie, 2010; Moody, 2006: 79]. Среди таковых мы выделили следующие: название статьи (количество слов), список литературы (количество источников), соавторство (количество соавторов). Помимо предположительной заметности этих признаков для ученых, для нас было важно отобрать такие, которые отличались бы «нетривиальностью», но при этом хорошей квантифицируемостью с помощью прямых операциональных индикаторов.

Таким образом, мы сначала выделили и верифицировали не связанные очевидным образом с междисциплинарными различиями в содержании публикаций и относящиеся к двум близким дисциплинарным областям (социологии и психологии) формальные библиометрические признаки (из области метаданных), устойчиво дифференцирующие публикации (исследование 1). Далее в отдельном исследовании мы проверили предположение о том, что фоновое знание о параметрах распределения этих признаков позволяет точнее угадывать их значения для той дисциплинарной области, в которой работают респонденты (исследование 2).

Исследование 1: библиометрический анализ

Теоретические рамки и гипотезы библиометрического исследования

Для каждого из двух исследований формулировались гипотезы, основанные на результатах предшествующих библиометрических и историко-научных исследований. Ниже представлены гипотезы исследования 1 (гипотезы к исследованию 2 будут описаны далее).

Опираясь на результаты исследований, относящихся преимущественно к англоязычным научным статьям [Haggan, 2004: 295; Nagano 2015; Soler, 2007; Yitzhaki, 1994; Yang, 2019], мы предположили, что в *статьях психологических и социологических журналов длины названий значимо различаются (гипотеза № 1.1)*. С одной стороны, а) при учете явно фиксируемой закономерности, когда в статьях естественнонаучных журналов длины названий значимо длиннее, чем в гуманитарных статьях [Haggan, 2004: 295; Nagano 2015; Soler, 2007], а также б) допущении о преобладании атрибуции психологии к лагерю естественных наук, а социологии — гуманитарных [Baker, 2012; Porter, Ross, 2003; Haggan, 2004], есть основания сформулировать направленную гипотезу, что *в среднем длина названий психологических статей будет больше, чем в социологических (гипотеза № 1.1.1)*.

С другой стороны, наблюдается тенденция стабильного увеличения количества слов в названиях социологических статей относительно журналов из других дисциплин (в том числе психологии) [Buxton, 1987; White, Hernandez, 1991; Yitzhaki, 2002], на которую наслаивается сравнительно недавний переход социологов от преимущественно книжного формата публикаций к формату статей, отличающемуся более длинными названиями [Moody, 2006; Uçak, 2009: 176]. Более того, некоторые авторы обнаруживают в социально-научных журналах прямую зависи-

мость между объемом текста статьи и длиной ее названия [Yitzhaki, 2002], и, учитывая, что объем текста статей (измеренный количеством знаков) в гуманитарных науках и социологии больше, чем в естественных науках и психологии [Yang, 2019], есть основания сформулировать альтернативную гипотезу о том, что в социологических журналах в среднем длина названий больше, чем в психологических (гипотеза № 1.1.2).

В рамках международных библиометрических исследований также отмечалось, что статьи из области гуманитарных наук (по истории и философии) отличаются крайне длинными списками литературы по сравнению с естественнонаучными статьями [Uçak, 2009: 171]. Существующие исследования по истории социологии позволяют предположить, что вследствие длительного влияния социальной философии (и исторического материализма) [Батыгин, 1991; Батыгин, Девятко, 1993; Batygin, Deviatko, 1994a, 1994b] на советскую и постсоветскую социологию современная социология могла наследовать данную черту: *в социологических статьях списки литературы в среднем будут объемнее, чем в психологических (гипотеза № 1.2).*

В некоторых предшествующих наукометрических исследованиях было показано, что работы из сферы социальных и гуманитарных наук часто публикуются под авторством одного исследователя, тогда как в сфере естественных наук распространено соавторство, в частности из-за трудоемкости и дороговизны проведения некоторых экспериментов и испытаний [Ductor, 2015; Henriksen, 2016; Fisher et al., 1998; Uçak, 2009: 176]. Есть основания полагать, что *в среднем в психологических журналах на одну статью будет приходиться больше соавторов, чем на одну статью в социологических журналах (гипотеза № 1.3).*

Выборка

Основным критерием отбора источников данных по статьям служила дисциплинарная принадлежность публикующих эти статьи научных журналов. Для решения проблемы отбора релевантных журналов мы обратились к результатам проекта «Экспертная оценка российских научных журналов» (2015)⁶. Финальный рейтинг состоял из журналов, дисциплинарные атрибуты которых были верифицированы экспертами. Это дает основания полагать, что выделенные итоговые списки журналов в целом репрезентируют содержание текущих исследований в дисциплинарных областях психологии и социологии.

Выборка журналов была составлена с опорой на следующие критерии: 1) журнал входит в список экспертного рейтинга для избранной дисциплины; 2) высоко оценен экспертной комиссией (А1—Б1); 3) и не прекратил публикационную деятельность к 2022 г.; 4) базы научного цитирования, архивы журналов предоставляют информацию по статьям с 2000 по 2022—2023 гг.

Исходно было отобрано по пять научных журналов, занявших высокие места в экспертных рейтингах для каждой из двух дисциплин⁷. Для психологии таковы-

⁶ Экспертная оценка российских научных журналов. Управление академической экспертизы // Полит.ру. 2015. URL: https://polit.ru/article/2015/04/08/list_journals/#sociology (дата обращения: 01.08.2022) (сайт «Полит.ру» с апреля 2024 г. заблокирован на территории РФ).

⁷ Журналы, занимающие более низкие позиции в рейтинге, могут идентифицировать себя в качестве «мультидисциплинарных». С точки зрения экспертов, на момент 2015 г. они не относились к «ядру» конкретной научной дисциплины.

ми оказались: «Вестник Московского университета. Серия 14: Психология», «Вопросы психологии», «Культурно-историческая психология», «Психологический журнал», «Психология. Журнал Высшей школы экономики». Для социологии: «Журнал социологии и социальной антропологии», «Социологический журнал», «Социология: методология, методы, математическое моделирование», «Экономическая социология», «Социологические исследования».

На текущей стадии апробации предлагаемого подхода мы воспользовались стратегией вероятностной выборки: для каждого из 10 журналов отбиралось по 12 номеров (выборка осуществлялась с помощью генератора случайных чисел из основы, включающей все номера, опубликованные в интервале с 2000 по 2023 г.). Из каждого попавшего в выборку номера выгружались все научные статьи (в каждом номере было в среднем 10 статей), относящиеся к категории оригинальных научных исследований (не рецензии, научная хроника и т. п.). А из статей — следующая информация: названия, авторы, данные о выпуске (название, год, номер, страницы), списки литературы. В ходе анализа сравнивались средние значения каждого из отобранных признаков по двум группам: психологические журналы и социологические журналы; усреднение показателей проводилось по номерам журналов.

Результаты проверки гипотез

С помощью теста Стьюдента для двух независимых выборок, проведенного с помощью SPSS, проверялась гипотеза № 1.1 о различиях в длинах названий психологических и социологических статей. Гипотеза имела направленный вариант № 1.1.1: в среднем количество слов в названиях психологических статей больше, чем в социологических, а также альтернативный № 1.1.2, предполагающий, что названия в социологических статьях длиннее психологических. В качестве единиц анализа использовались усредненное по номерам журналов количество слов в названиях (см. табл. 1 Приложения 2)⁸. Средняя длина названий в статьях из социологических журналов в нашей выборке равна 9,54 слова (медиана = 9,33; ст. откл. = 2,91), а в психологических — 8,42 слова (медиана = 8,59, ст. откл. = 1,64). Полученное значение статистики $t = -2,61$ (двусторонний критерий) демонстрирует значимость разницы средних значений между группами на уровне $p = ,003$ ($d = -0,41$; $df = 93$). Таким образом, количество слов в названиях значимо различается по группам — гипотеза № 1.1 принимается; причем так, что в номерах социологических журналов в среднем количество слов в названиях статей примерно на одно (1,12 слова) больше, чем в психологических (9,54 против 8,42). Гипотеза № 1.1.2 принимается, гипотеза № 1.1.1 отвергается.

В рамках следующего проводимого теста проверялась гипотеза № 1.2 о том, что в среднем объем списков литературы в социологических статьях больше, чем в психологических. В качестве единиц анализа использовались усредненные объемы списков литературы по номерам журналов. Средняя длина списков литературы в статьях из социологических журналов равна 36 ед. (медиана = 34,01; ст. откл. = 10,12), а в психологических — 26,9 ед. (медиана = 26,02, ст.

⁸ Приложения к статье: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=15690&hash=4c503232035a8aa70e43e2402f5d18fd>.

откл. = 8) (см. табл. 2 Приложения 2). Результаты анализа отражаются статистической $t = -4,229$, демонстрирующей значимость разницы средних значений между группами на уровне однонаправленного $p < ,001$ ($d = -0,91$; $df = 70$). Таким образом, объемы списков значимо различаются по группам. Причем так, что в статьях из социологических журналов в среднем списки литературы больше примерно на девять источников (25 %) в сравнении с психологическими (36 против 26,9).

В рамках следующего проводимого теста проверялась гипотеза № 1.3 о том, что в среднем на одну статью в психологических журналах приходится большее количество авторов, чем в социологических. В качестве единиц анализа использовалось усредненное количество авторов на статью, сгруппированное по номерам журналов. Среднее число соавторов в статьях из социологических журналов равно 1,4 ед. (медиана 1; ст. откл. = 0,32), а в психологических — 1,7 ед. (медиана = 1, ст. откл. = 0,5) (см. табл. 3 из Приложения 2). Таким образом, в психологических статьях из нашей выборки в среднем в каждой третьей статье на одного автора больше, чем в социологических (1,7 против 1,4). Результаты анализа отражаются статистикой $t = 3,969$, демонстрирующей значимость разницы средних значений между группами на уровне однонаправленного $p < ,001$, ($d = 0,59$; $df = 101$).

Итак, в исследовании 1 проводился библиометрический анализ статей из авторитетных психологических и социологических журналов. Сравнились средние значения (см. табл. 1) по следующим признакам: длина названий статей, объем списка литературы, количество соавторов. Основным результатом оказалось то, что каждый из признаков (длина названий, объем библиографии, количество соавторов) значимо отличался в рамках сравнений по двум группам журналов из выборки: в социологических статьях длиннее названия и больше списки литературы, тогда как в психологических в среднем чуть больше соавторов.

Таблица 1. **Обобщенные результаты библиометрического анализа по всем параметрам: статистически значимые различия ($n = 120$)**

Вопрос (маркер)		Длина названия (кол. слов)	Объем списка литературы (в кол. источников)	Количество соавторов (на одну статью)
Наблюдаемые средние значения	Соц.	9,54	36,0	1,4
	Псих.	8,42	26,9	1,7

Исследование 2: эксперимент с угадыванием значений библиометрических признаков

Теоретические рамки и гипотезы эксперимента

В исследовании 2 был проведен факторный эксперимент с межсубъектной переменной (принадлежность респондента к дисциплинарному сообществу) и двумя внутрисубъектными экспериментальными факторами (систематически варьировались угадываемые признаки статей и дисциплинарная принадлежность журнала), в ходе которого измерялась степень заметности библиометрических признаков для самих представителей двух близких дисциплин — социологии и психологии, оцениваемая как точность угадывания (интуитивного прогноза параметров соответствующего распределения).

В качестве независимых переменных-факторов в проводимом эксперименте выступили: библиометрические признаки (А) и дисциплинарная атрибуция журнала (Б) (см. табл. 2). Зависимая внутрисубъектная переменная — точность угадывания библиометрических признаков учеными. Также в качестве межсубъектной независимой переменной в рамках анализа использовалась принадлежность участника к научной дисциплине (социологии или психологии).

Таблица 2. План эксперимента

Библиометрический признак (А)	Научная дисциплина журнала (Б)	
	Социология (Б0)	Психология (Б1)
Длина названия (А0)	А0Б0	А0Б1
Длина списка литературы (А1)	А1Б0	А1Б1
Количество соавторов (А2)	А2Б1	А2Б1

В рамках эксперимента ученым предлагалось угадать значения описанных выше признаков статей при указании дисциплинарной принадлежности журнала, в котором они публиковались (пример вопросов см. в Приложении 1). Если ученый действительно принадлежит к определенному дисциплинарному сообществу, то, вероятнее всего, он будет более открытым для норм данного сообщества и будет чаще встречаться с признаками статей из журналов «своей» дисциплины, чем с признаками статей из «чужой» дисциплины, так что знания о характере распределения данных признаков для данного ученого будут производной от «коллективного» знания, характеризующегося более высокой точностью, чем «индивидуальное» знание (см. проверку данного свойства [Девятко, 2012]). Опираясь на сформированное допущение и предшествующие результаты, мы полагаем, что каждая дисциплинарная группа ученых точнее угадывает каждый отдельный библиометрический признак для статьи, относящейся к «своей» дисциплине, чем для относящейся к «чужой» (гипотеза № 2.1)⁹. Более того, есть основания выдвинуть предположение, что каждая группа ученых точнее угадает признаки статей из «своих» журналов, относящихся к дисциплине, с которой группа аффилирована, в сравнении с группой, для которой это статьи из «чужих» журналов (гипотеза № 2.2)¹⁰.

В предшествующих исследованиях отмечалось, что социология как научная дисциплина нередко репрезентируется как более «междисциплинарная» в сравнении с другими социальными и поведенческими науками [Bowman et al., 2014: 1703—1706; Heilbron, Vokobza, 2015: 109—110], а также как дисциплина, в которой нет строгого нормативного консенсуса относительно используемых методов, стилей исследований и принципов развития науки [Turner, 2006: 15—16]. На основе такого допущения мы полагаем, что вне зависимости от дисциплинарной аффилиа-

⁹ В рамках гипотезы № 2.1 сравниваются угадывания одной группы ученых по конкретным признакам статей из «своих» журналов с их же угадываниями для статей из «чужих» журналов: внутрисубъектное сравнение (например, социологи угадывают длину названия социологической статьи точнее, чем длину названия психологической).

¹⁰ В рамках гипотезы № 2.2 сравниваются угадывания одной дисциплинарной группы ученых по статьям из «своих» журналов с угадываниями другой группы по тем же статьям: межсубъектное (межгрупповое) сравнение (например, социологи угадывают длину названия социологической статьи точнее, чем психологи).

ции ученого каждый из признаков для социологических журналов статей будет угадываться с более низкой точностью, чем для психологических (гипотеза № 2.3).

Процедура эксперимента

Ход эксперимента был следующим: с помощью опросной методики, используемой в исследованиях точности предсказания значений различных наблюдаемых признаков в повседневном социальном познании (см. пример в Приложении 1 и библиографические ссылки ниже), ученым из двух дисциплинарных сообществ задавались вопросы о параметрах статистического распределения (об ожидаемых значениях) тех или иных маркеров научных статей: описывалась ситуация, где перед ними оказывалась статья либо из социологического, либо из психологического журнала, относительно которой им предлагалось угадать значение каждого из библиометрических признаков. Подробнее о методике можно узнать в следующих работах [Девятко, Абрамов, Кожанов, 2010; Девятко, 2012; Griffiths, Tenenbaum, 2006; Lewandowsky, 2008; Mozer, Pashler, Nomaei, 2008]. Если ученые действительно замечают выделенные библиометрические параметры, а также дифференцируют их по дисциплинарной принадлежности, то они обладают данным знанием как минимум неявно, а значит, смогут совершать более точные попытки угадывания в сравнении с теми, кто с этими признаками не сталкивался на опыте и кто их не замечал [Девятко, Абрамов, Кожанов 2010, 2012; Mozer, Pashler, Nomaei, 2008]. Поскольку в настоящем исследовании речь идет о маркерах дисциплинарных границ наиболее общего уровня (психология *contra* социология), то есть без деления на отдельные субдисциплины и исследовательские направления, мы имеем основания для того, чтобы не учитывать специфику отдельных областей каждой из наук: если для конкретного междисциплинарного маркера существуют разные средние значения для двух дисциплин, при прочих равных данное значение для своей дисциплины будет точнее угадываться представителем этой дисциплины, чем представителем другой дисциплины.

Для оценки точности угадываний (предсказаний) вычислялась среднеквадратичная ошибка прогноза (СКО), рассчитываемая как среднее квадратов значений разности предсказаний испытуемых и известного действительного значения показателя для фактического распределения (в нашем случае библиометрических признаков) (подробнее см. [Девятко, Абрамов, Кожанов, 2010: 8])¹¹. Для оценки точности угадывания средних величин соответствующих библиометрических признаков в качестве истинного значения использовались оценки средних, полученные в исследовании 1.

Актуальность проверяемых символических маркеров для решения наших задач обосновывается тем, что каждый из них является значимым в контексте коммуникации посредством такого медиума, как научный текст [Bowker, 2006: 126]. Названия статей, помимо того, что информируют ученого о содержании статьи, чаще выполняют функцию привлечения внимания [Hartley, 2005]. Соавторство нередко замечается в связке с названием статьи [Milojević, 2017]. Объем спис-

¹¹ Подробнее об СКО см. [Девятко, 2012; Девятко, Андреев, 2022; Mozer, Pashler, Nomaei, 2008]. Стоит заметить, что, хотя наиболее информативным параметром для наших целей является СКО, сравнение простых средних оценок угадываний также может иметь эвристическую ценность.

ка литературы нередко воспринимается как индикатор качества научной статьи [Gadd, Baldwin, Norris, 2010].

Выборка

В основу выборки вошли профессиональные представители дисциплинарных сообществ, чья компетентность и дисциплинарная принадлежность были легитимированы включенностью в устоявшиеся структуры научной коммуникации (научные конференции, конгрессы, работа в лаборатории, научном институте и т. п.); в частности, участники съездов Всероссийского психологического общества (2012—2022), конференции «Когнитивная наука в Москве» (2011—2022), Всероссийского социологического конгресса, а также сотрудники социологических и психологических факультетов / институтов МГУ им. М. В. Ломоносова и НИУ ВШЭ. Для эксперимента условие «репрезентативности» выборки для психологии и социологии как научных дисциплин, учитывающей разные области дисциплин и уровни компетенций, намеренно не выполнялось, поскольку принципиальной целью было определение того, насколько исследуемые признаки заметны для носителей «экспертного» фонового знания о символических маркерах дисциплин. При этом задача статистической оценки распределения исследуемых переменных для генеральной совокупности всех потенциально идентифицируемых представителей социологического и психологического сообществ нами не ставилась.

Основа выборки, собранная из неповторяющихся контактов участников научных мероприятий, упомянутых выше, равная 1200 контактам и разделенная на две группы по 600 представителей для каждой дисциплины, была составлена с ориентиром на 10—15-процентный уровень ответов при учете требующихся 60—80 полностью заполненных анкет на каждую группу. Требование конечной выборки было высчитано априорно благодаря ориентиру на оптимальную статистическую мощность (power), равную 0,95—0,90 при величине эффекта $f = 0,1$, а также определялось самой структурой опроса (две группы и шесть параметров измерения). Также была использована техника контрбалансировки¹² для порядка предъявления заданий (каждый из участников получал версию основной части анкеты с прямым либо с обратным порядком вопросов, исходный порядок представления вопросов в этой части был рандомизирован). Анкета рассылалась на личные электронные почтовые ящики личными письмами. (Примеры вопросов из основной части анкеты приведены в Приложении 1.)

По результатам сбора данных была получена 201 полностью заполненная анкета. Было введено два отсекающих правила: 1) только участники, имеющие степень магистра и выше; 2) первая атрибутивная дисциплина — социология или психология. В итоге осталось 120 полностью заполненных анкет, где содержа-

¹² Техника, при которой составляется две версии порядка вопросов или выполнения заданий; в нашем случае это опрос, который был составлен в двух версиях: первая версия опроса содержала все вопросы в случайном порядке и называлась опросом с прямым порядком вопросов; вторая версия опроса использовала те же вопросы, что и «прямая», но в обратном порядке. Данная техника позволяет избежать смещений, потенциально появляющихся из-за специфического порядка вопросов и эффектов «переноса» (carryover effects), которые могут возникать во внутрисубъектных факторных планах.

лось по 60 ответов от социологов и психологов¹³, среди которых у 85 % научно-исследовательская деятельность занимает примерно половину или больше от всего рабочего времени (такowymi были в основном профессора), а оставшиеся 15 % занимаются научной деятельностью в меньшей мере. Около 75 % социологов и 85 % психологов занимаются исследовательской деятельностью половину или больше половины своего рабочего времени. Каждый из 120 респондентов за последние три года имел как минимум одну научную публикацию. Перечисленные критерии с высокой вероятностью мы ассоциируем со средним или высоким уровнем научных компетенций, что обеспечивает выполнение условий внутренней валидности при проведении эксперимента.

Результаты проверки гипотез

В рамках проверки гипотезы № 2.1 о том, что каждая из групп ученых (социологи и психологи) будет с более высокой точностью угадывать значения отдельных библиометрических признаков для статей из журналов «своих» дисциплин, сравнивались полученные значения СКО (описательные статистики, в том числе по средним значениям, находятся в Приложении 3). Так, психологи действительно точнее угадывают длины списков литературы для статей психологических журналов (то есть «своих» статей), чем для социологических (то есть «чужих»): в рамках парных сравнений средних значений СКО разница значима на уровне $p < ,001$ ($t = -1,754$; $d = 0,46$; $df = 59$); однако по другим признакам (количество слов в названиях, количество соавторов), статистически значимой разницы СКО не выявлено (см. табл. 5 Приложения 4). Группа социологов такие параметры, как длины списков литературы и названий, для статей из социологических журналов (то есть «своих») угадывает значимо менее точно, чем для психологических (то есть «чужих»). Разница для длин списков литературы значима на уровне $p < ,001$ ($t = -2,738$; $d = 0,71$; $df = 59$), для длин названий — на уровне $p = ,007$ ($t = -1,770$; $d = 0,46$; $df = 59$); разница СКО по точности угадывания количества авторов статистически не значима (см. табл. 5 Приложения 4). Таким образом, можно заключить, что гипотеза № 2.1 о том, что ученые точнее угадывают параметры по «своим» журналам, чем по «чужим», подтвердилась только для группы психологов и только для признака «длина списка литературы».

В рамках проверки гипотезы № 2.2 о том, что любой из исследуемых библиометрических признаков угадывается одной группой ученых точнее, когда журнал относится к «своей» дисциплине, чем когда эти признаки угадывает группа, для которой они относятся к журналу из «чужой» дисциплины, также сравнивались значения СКО. Здесь существенных различий в точности угадываний значений библиометрических признаков между группами ученых не обнаружилось (см. табл. 6 Приложения 4). Таким образом, можно заключить, что гипотеза № 2.2 на наших данных не подтвердилась, так как для всех исследуемых признаков величина ошибки и, соответственно, точность угадывания социологами и психоло-

¹³ Средний возраст группы социологов — 50 (мода — 43), а психологов — 45 (мода — 42); минимальный возраст по обеим группам — 24, максимальный — 84. Около 67 % психологов в графе «пол» выбрали ответ «женский» и около 30 % — «мужской»; среди социологов эти значения соответственно 78 % и 20 % соответственно.

гами не обнаруживают значимых различий для статей из «своих» журналов относительно «чужих»¹⁴.

В рамках проверки гипотезы № 2.3 о том, что библиометрические параметры в целом с меньшей точностью будут угадываться по социологическим журналам, чем по психологическим, сравнивались СКО по группам журналов (а не по группам ученых, как выше). По результатам нашего эксперимента, в целом ученые с примерно одинаковой точностью угадывают длины названий и количество соавторов как в психологических, так и в социологических журналах (см. табл. 7 Приложения 4). Вместе с тем длину списков литературы участники эксперимента (социологи и психологи, взятые в совокупности) значительно точнее угадывают в случае психологических журналов, нежели социологических ($t = -6,246$; $d = 0,49$; $df = 119$; $p < ,001$).

Итак, в исследовании 2 был проведен эксперимент, где ученым предлагалось угадать значения таких библиометрических параметров, как длина названия, объем списка литературы и количество соавторов в статьях из социологических и психологических журналов. Основным результатом оказалось то, что обе группы ученых не угадывают точнее признаки по «своим» статьям, чем по «чужим»: социологи для социологических статей давали менее точные прогнозы по длине списков литературы и названий, чем для психологических статей. Вместе с тем психологи для психологических статей давали более точные оценки по длине списков литературы, чем для социологических; остальные параметры обе группы ученых оценивали с примерно равной точностью. Была обнаружена тенденция психологов (на внутрисубъектном уровне) и социологов (на межсубъектном уровне) давать более точные оценки для количества соавторов в статьях из журналов «своих» дисциплинарных атрибуций, однако она не достигла порога значимости для нашей выборки. Следующим важным результатом оказалось то, что вне зависимости от дисциплинарной принадлежности ученого для группы психологических журналов признак «длина списка литературы» угадывался значительно точнее, чем для группы социологических журналов.

Общее обсуждение по результатам двух исследований

Длина названий

Хотя результаты исследований (проводившихся в рамках англоязычного контекста) демонстрируют, что названия статей из лагеря естественных наук и психологии обычно содержат больше слов, чем из лагеря социальных/гуманитарных наук и социологии [Haggan, 2004: 295; Nagano 2015; Soler, 2007; Yang, 2019],

¹⁴ Заметим, что при сравнении средних значений по абсолютным оценкам угадываний признаков между двумя группами ученых обнаруживается, что существуют значимые отличия по ожидаемой длине списков литературы в психологических журналах ($t = -3,543$; $d = 0,67$; $df = 118$; $p < ,001$), длине списков литературы в социологических журналах ($t = -2,453$; $d = 0,45$; $df = 118$; $p = ,016$), а также количеству соавторов в социологических журналах ($t = -3,857$; $d = 0,71$; $df = 118$; $p < ,001$) (см. Приложение № 3). Несмотря на то что эти наблюдения не позволяют сделать вклад непосредственно в проверяемые гипотезы, сам факт значимых межгрупповых отличий может свидетельствовать о существовании некоторых «фоновых» и «имплицитных» норм и ожиданий от журналов, относящихся к разным дисциплинам [Gadd et al., 2010], которые могут опираться, например, на характерные для зарубежных научных публикаций дескриптивные нормы, что согласуется с данной идеей, относящейся особенно к социологии, для которой отмечается некоторая критичность реактуализации и ориентации на продолжение отечественной традиции [Николаев, 2022: 31—33].

в настоящем исследовании было зафиксировано обратное: в названиях социологических статей на русском языке содержится в среднем чуть больше слов, чем в психологических.

Процесс становления социологии в советском контексте как минимум до 1960-х годов был неразрывно связан с традицией социальной философии [Батыгин, 1991; Батыгин, Девятко, 1993; Batygin, Deviatko, 1994a, 1994b; Keen, Mucha, 1994], которой свойственна «многословность», фиксируемая обычно в объемах содержания статей, книг и списков литературы [Uçak, 2009; Yang, 2019; Yitzhaki, 2002: 199]. Большой объем статей, особенно в англоязычных социальных науках, прямо соотносится с длиной названий [Yitzhaki, 2002]. Таким образом, черта философской (и гуманитарной в целом) «многословности» [Uçak, 2009; Yang, 2019; Yitzhaki, 2002] и, по всей видимости, специфическая черта социологии в виде прямой «созависимости» объема содержания работы и длины названия [Yitzhaki, 2002] могли составить некоторого рода «дескриптивную норму» социологии, что, вероятно, нашло свое отражение и в сравнительно более длинных (по сравнению с психологическими) названиях российских социологических статей. Более того, тенденция к увеличению длины названий именно в социологии фиксировалась в европейских и американских журналах еще с конца 1980-х годов [Becker, 2003; Buxton, 1987; Moody, 2006; White, Hernandez, 1991]. Базовое объяснение этому феномену в зарубежном контексте отсылает к тому факту, что тогда появилось много новых узкопрофильных социологических журналов, требующих расширенных и информативных названий; кроме того, снижалась популярность тем, относящихся к области социальной теории, с их более абстрактными и короткими названиями [Moody, 2006]. Для российского контекста это объяснение может быть релевантно, поскольку почти все изученные социологические журналы были основаны в середине-конце 1990-х годов, тогда как психологические начали выходить в свет намного раньше. Это значит, что эффект от реорганизации системы публикаций для российской социологии вполне мог начать свое влияние с 2000-х годов и иметь продолжение в настоящем. Более того, стоит учитывать, что как в социологии, так и в психологии на разных этапах советского, постсоветского и российского периодов возникали взаимовлияния с американской, японской, британской, французской, немецкой и др. традициями [Baker, 2012; Batygin, Deviatko 1994a: 2982; Porter, Ross, 2003], в каждой из которых были свои специфические тренды: например, в британской психологии длина названий статей не изменялась на протяжении многих лет [Buxton, 1987; White, Hernandez, 1991], тогда как во французской психологии с 1900 г. названия увеличились почти в два раза [Lacour et al., 1976]. Данные положения дополнительно актуализируют идею о специфичности национальных корпусов научных публикаций, в частности русскоязычного пространства наук о человеке.

Основываясь на результатах анализа заметности библиометрических параметров с помощью анализа СКО как показателя (не)точности угадываний, мы можем полагать, что длина названий не является явным межгрупповым символическим маркером для представителей двух близких дисциплинарных сообществ — социологов и психологов (несмотря на то что некоторые «объективные» различия в дли-

нах названий есть, сами ученые из «соседних» дисциплинарных сообществ эти различия не замечают, то есть данный признак не обладает для них перцептивной значимостью, *salience*). Так или иначе, длина названий потенциально оказывается внутригрупповым символическим маркером для социологов, по которому они отличают психологов (т. е. социологи предположительно знакомы со «стандартом» длины названий психологических статей).

Количество соавторов в статьях

Социологи обычно пишут работы в одиночку, тогда как психологи несколько чаще практикуют соавторство; этот вывод прямо согласуется с результатами зарубежных исследований [Ductor, 2015; Fisher et al., 1998; Henriksen, 2016; Uçak, 2009]. Так или иначе, полученные нами результаты не выявили статистически значимой разницы в точностях угадываний между группами ученых. Тем не менее социологи демонстрировали тенденцию к более низкой СКО как мере ошибки угадывания в сравнении с психологами (впрочем, не достигшую порога значимости для нашей выборки) в рамках межгруппового сравнения угадываний количества соавторов в социологических журналах, а психологи — в рамках внутрисубъектного сравнения для социологических журналов по отношению к психологическим. Интуитивно правдоподобным объяснением этой тенденции может служить предположение, что социологи чаще читают социологические журналы, чем это делают психологи, однако данный вывод требует дополнительной эмпирической проверки. Объяснение же разницы объективных значений исследованных параметров (исследование 1) может корениться в организационной специфике дисциплин, где «техническая» труднодоступность объекта психологии (требующегося дорогостоящего оборудования, например айтрекера или приборов МРТ, или сложного статистического анализа и т. п.) может стимулировать исследователей объединяться в группы и лаборатории, что не столь свойственно социологам [Converse, 2017; Porter, Ross, 2003].

Объем списков литературы

Тот факт, что в социологических статьях более длинные (в среднем на 7—9 источников) списки литературы, чем в психологических, соотносится с представленным обоснованием, в соответствии с которым российская социология до сих пор испытывает влияние социальной философии [Батыгин, 1991; Батыгин, Девятко, 1993; Baker, 2012; Porter, Ross, 2003], для которой списки литературы, как было ранее показано, одни из самых больших по сравнению с другими дисциплинами [Uçak, 2009: 176]. Есть основания полагать, что объем списков литературы для каждой группы ученых действительно заметен и является внутригрупповым и межгрупповым символическим маркером, причем явно выраженным для психологических статей, имеющих, вероятно, более устоявшийся и выраженный библиографический «канон». Дополнительным интуитивно правдоподобным объяснением может быть то, что психологи, возможно, реже читают социологические журналы, чем социологи — психологические, из-за чего психологи хуже знакомы с социологическим «каноном» библиографии, однако это предположение требует дополнительной проверки и уточнений.

Дисциплинарная атрибуция журналов

Также было обнаружено, что вне зависимости от дисциплинарной аффилиации ученого длина списка литературы для подвыборки психологических статей угадывалась точнее, чем для подвыборки социологических статей. Данный результат является показательным и нетривиальным основанием для демонстрации особой черты «размытости» ожиданий от социологических статей как для психологов, так и для самих социологов. Это согласуется с характеристиками социологии как более гетерогенной и имеющей черты «мультидисциплинарности» науки со сравнительно низким уровнем общенаучного консенсуса в отличие от психологии с ее более устоявшимся «каноном» [Bowman et al., 2014: 1703—1706; Heilbron, Vokobza, 2015: 109—110; Turner, 2006: 15—16]. В таком ключе несколько спекулятивно предположим, что символическим маркером социологических статей может оказаться «неопределенность» в точной дисциплинарной атрибуции конкретной статьи, что рифмуется с идеей о «маргинальном» статусе социолога [Bourdieu, 1995], а также о возможном продолжении влияния «туманящих» эффектов моды на интер-, мульти-, трансдисциплинарность в социальных науках [Гофман, 2021]: в радикальном прочтении неопределенность может рассматриваться и как конститутивная черта социологии. Впрочем, наши результаты не дают прямых оснований для такого общего суждения и требуют независимой проверки в дальнейших исследованиях.

Заключение

Мы предложили интегративный подход к изучению символических маркеров границ между научными дисциплинами (социологией и психологией). Первый этап исследования (исследование 1) подразумевает вычисление и обнаружение объективных дифференцирующих библиометрических признаков научных статей, а второй этап (исследование 2) — измерение заметности данных параметров с целью выявления фонового дисциплинарного знания. Использование двух методов и множественных индикаторов для двух последовательных этапов исследования соответствует логике многометодного подхода в социологии (см. [Девятко, 1993; Anguera et al., 2018]) и позволяет повысить валидность данных и обоснованность выводов. Результаты исследования 2 демонстрируют, что не каждый из изучавшихся нами признаков является символическим маркером (длина названия статьи, объем библиографии, количество соавторов), по которому ученые из близких дисциплин узнают и отличают друг друга. Это подводит к важному тезису о том, что нет оснований формулировать содержательные выводы о внутригрупповых и межгрупповых принципах устройства российской социологии и психологии с преимущественной опорой на изученные библиометрические параметры (исследование 1). Более того, данная логика гипотетически может оказаться применимой и для результатов других библиометрических исследований дисциплинарных границ.

Ограничения настоящего исследования заключаются в том, что результаты не обладают внешней валидностью с точки зрения репрезентативности для всей совокупности корпуса журнальных публикаций двух дисциплин, поскольку сама задумка работы требовала в первую очередь соблюдения принципов внутренней валидности, а целью работы было проверить, способны ли изученные библиомет-

трические признаки как таковые обладать дифференцированной заметностью (выраженностью) для двух групп ученых. Содержательным ограничением исследования является то, что в работе фигурировали значения признаков, оцененные по русскоязычным статьям, которые не исчерпывают горизонты социологии и психологии как универсалистски понимаемых научных дисциплин; кроме того, и изученный набор самих библиометрических признаков не исчерпывает специфику всех аналогичных и потенциально воспринимающихся на «фоновом» уровне признаков, относящихся к метаданным журнальных статей.

Представленный в исследовании 2 метод позволил выяснить, какие признаки статей обладают различительной силой для социологов и психологов, а также осмысленно проинтерпретировать данные результаты с учетом истории дисциплин и предшествующего библиометрического анализа, показавшего статистически значимые различия по всем изученным нами «фасадным» признакам социологических и психологических статей. Согласно полученным данным, на практике для ученых, принадлежащих к двум изученным близким дисциплинам, явно выраженным символическим маркером оказался только один признак — длина списка литературы, что потенциально привело нас к формулировке предположения о специфических свойствах дисциплинарного «канона».

В дальнейшем потенциально было бы продуктивно сравнить точность угадывания для англоязычных статей из тех же двух дисциплинарных областей, поскольку публикациям в международных журналах приписывается определенный престиж, способный влиять на дисциплинарную норму [Batygin, Deviatko, 1994a, 1994b]. Также стоит попробовать взять дисциплины с несколько большей «культурной дистанцией» (например, экономика, политология), не столь сильно связанные в рамках истории междисциплинарных влияний.

Список литературы (References)

1. Андреев И. С., Девятко И. Ф. Влияет ли ненаправленное научение на повышение точности житейских прогнозов: эксперимент в области социального метапознания // Вестник Института социологии. 2022. № 4. С. 115—129. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.852>.
Andreev I. S., Deviatko I. F. (2022) Influence of Undirected Learning on Improving the Accuracy of Everyday Predictions: An Experiment in Social Metacognition. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 13. No. 4. P. 115—129. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.852>. (In Russ.)
2. Гофман А. Б. «Интер», «мульти», «транс» и «пост»: социология, дисциплинарность и постмодернизм // Социологические исследования. 2021. Т. 47. № 2. С. 15—25. <https://doi.org/10.31857/S013216250013028-3>.
Goffman A. B. (2021) “Inter”, “Multi”, “Trans” and “Post”: Sociology, Disciplinarity and Postmodernism. *Sociological Studies*. Vol. 47. No. 2. P. 15—25. <https://doi.org/10.31857/S013216250013028-3>. (In Russ.)
3. Девятко И. Ф. Диагностическая процедура в социологии. Очерк истории и теории. М.: Наука, 1993.

- Deviatko I. (1993) *The Diagnostic Procedure in Sociology. Essay on History and Theory*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Девятко И. Ф. «Мудрость толп» и «мудрость внутри»: сравнительная точность групповых и индивидуальных суждений о дискретных социальных фактах // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2012. № 34. С. 81—104.
Deviatko I. F. (2012) “Wisdom of Crowds” and “Wisdom Within”: Comparative Accuracy of Group and Individual Judgments about Discrete Social Facts. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 34. P. 81—104. (In Russ.)
 5. Девятко И. Ф., Абрамов Р. Н., Кожанов А. А. О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире // *Социологические исследования*. 2010. № 9. С. 3—17.
Deviatko I. F., Abramov R. N., Kozhanov A. A. (2010) On Limits and Nature of Descriptive Everyday Cognition in The Social World. *Sociological Studies*. No. 9. P. 3—17. (In Russ.)
 6. Батыгин Г. С. Происхождение социологии // *Вестник Академии наук СССР*. 1991. № 2. С. 68—78.
Batygin G. S. (1991) The Origin of Sociology. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences*. No. 2. P. 68—78. (In Russ.)
 7. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело профессора З. Я. Белецкого // *Свободная мысль*. 1993. № 11. Репринт в сб. *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: в 2 кн. Кн. 1. 20—50-е годы* / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН. 1998. С. 218—242.
Batygin G. S., Deviatko I. F. (1998) The case of Professor Z. Ya. Beletsky. *Philosophy Never Ends*. Moscow: ROSSPEN. P. 218—242. (In Russ.)
 8. Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2017. № 44. С. 111—152.
Kitchin R. (2017) Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 44. P. 111—152. (In Russ.)
 9. Кожанов А. А. Обращение с аргументом «неявного знания» внутри «когнитивной» социологии науки // *Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии. Сборник научных докладов симпозиума, 13—14 октября 2011 г.* / под ред. И. Ф. Девятко, Н. К. Орловой. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 56—68.
Kohanov A. A. (2011) Handling The “Tact Knowledge” Argument within “Cognitive” Sociology of Science. In: Deviatko I. F., Orlova N. K. (eds.) *Davydov Readings*. Moscow: Institute of Sociology, RAS. P. 56—68. (In Russ.)
 10. Моисеев С. П., Мальцева Д. В. Отбор источников для систематического обзора литературы: сравнение экспертного и алгоритмического подходов // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2018. № 47. С. 7—43.

- Moiseev S. P., Maltseva D. V. (2018) Selecting Sources for a Systematic Literature Review: A Comparison of Expert and Algorithmic Approaches. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 47. P. 7—43. (In Russ.)
11. Николаев В. Г. Социологическая теория в России: на распутьях фрагментации и плюрализма // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 30—40. <https://doi.org/10.31857/S013216250017450-8>.
Niklaev V. G. (2022) Sociological Theory in Russia: At The Crossroads of Fragmentation and Pluralism. *Sociological Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 30—40. <https://doi.org/10.31857/S013216250017450-8>. (In Russ.)
12. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии / под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова. М., 1995.
Polanyi M. (1995) Personal Knowledge: on The Way to Post-Critical Philosophy. Moscow. (In Russ.)
13. Соколов М. М. Изучаем локальные академические сообщества // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 76—82.
Sokolov M. M. (2012) Studying Local Academic Communities. *Sociological Studies*. No. 6. P. 76—82. (In Russ.)
14. Anguera M. T., Blanco-Villaseñor A., Losada J. L., Sánchez-Algarra P., Onwuegbuzie A. J. (2018) Revisiting the Difference Between Mixed Methods and Multimethods: Is It All in The Name? *Quality & Quantity*. Vol. 52. P. 2757—2770. <https://doi.org/10.1007/s11135-018-0700-2>.
15. Bake D. B. (2012) The Oxford Handbook of the History of Psychology. *New Models in Geography*. Vol. 2. No. 12. P. 295—317. <https://doi.org/10.4324/9781315830742-27>.
16. Batygn G. S., Deviatko I. F. (1994a) The Metamorphoses of Russian Sociology. In: Keen M. F., Mucha J. L. (eds.) *Eastern Europe in Transformation. The Impact on Sociology*. Westport, CT: Praeger. P. 11—23.
17. Batygin G. S., Deviatko I. F. (1994b) Russian Sociology: Its Origins and Current Trends. In: Mohan R. P., Wilke A. S. (eds.) *International Handbook of Contemporary Developments in Sociology*. Westport, CT: Greenwood.
18. Becker H. S. (2003) Long-Term Changes in The Character of The Sociological Discipline: A Short Note on The Length of Titles of Articles Submitted to The American Sociological Review During the Year 2002. *American Sociological Review*. Vol. 68. No. 3. P. 5—7. <https://doi.org/10.1177/000312240306800301>.
19. Bowker G. C. (2006) *Memory Practices in the Sciences*. Cambridge, MA: MIT Press.
20. Bourdieu P. (1995) La cause de la Science. *Actes de La Recherche En Sciences Sociales*. Vol. 106—107. No. 1. P. 3—10. <https://doi.org/10.3917/arss.p1995.106n1.0003>.
21. Boyd R., Richerson P. J. (1987) The Evolution of Ethnic Markers. *Cultural Anthropology*. Vol. 2. No. 1. P. 65—79. <https://www.jstor.org/stable/656396>.

22. Bowman T. D., Tsou A., Ni C., Sugimoto C. R. (2014) Post-Interdisciplinary Frames of Reference: Exploring Permeability and Perceptions of Disciplinarity in the Social Sciences. *Scientometrics*. Vol. 101. P. 1695—1714. <https://doi.org/10.1007/s11192-014-1338-z>.
23. Buxton A. B. (1987) Titles Revisited. *Journal of Documentation*. Vol. 43. No. 1. P. 65—68. <https://doi.org/10.1108/eb026802>.
24. Converse J. M. (2017) *Survey Research in The United States: Roots and Emergence 1890—1960*. London: Taylor and Francis.
25. Ductor L. (2015) Does Co-Authorship Lead to Higher Academic Productivity? *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. Vol. 77. No. 3. P. 385—407. <https://doi.org/10.1111/obes.12070>.
26. Fisher B. S., Cobane C. T., Vander Ven T. M., Cullen F. T. (1998) How Many Authors Does It Take to Publish an Article? Trends and Patterns in Political Science. *PS: Political Science, Politics*. Vol. 31. No. 4. P. 847—856. <https://doi.org/10.2307/420730>.
27. Fortunato S., Bergstrom C. T., Börner K., Evans J. A., Helbing D., Milojević S., Petersen A. M., Radicchi F., Sinatra R., Uzzi B., Vespignani A., Waltman L., Wang D., Barabási A. L. (2018) Science of Science. *Science*. Vol. 359. No. 6379. Art. eaao0185. <https://doi.org/10.1126/science.aao0185>.
28. Gadd E., Baldwin A., Norris M. (2010) The Citation Behaviour of Civil Engineering Students. *Journal of Information Literacy*. Vol. 4. No. 2. P. 37—49. <https://hdl.handle.net/2134/8257>.
29. Gieryn T. F. (183) Boundary-Work and The Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists. *American Sociological Review*. P. 781—795. <https://doi.org/10.2307/2095325>.
30. Gieryn T. F. (200) Paradigm for the Sociology of Science. In *Robert K. Merton: Sociology of Science and Sociology as Science*. New York, NY: Columbia University Press. P. 113—139. <https://doi.org/10.7312/calh15112-006>.
31. Griffiths T. L., Tenenbaum J. B. (2006) Optimal Predictions in Everyday Cognition. *Psychological Science*. Vol. 17. No. 9. P. 767—773.
32. Habibzadeh F., Yadhollahie M. (2010) Are Shorter Article Titles More Attractive for Citations? Crosssectional Study of 22 Scientific Journals. *Croatian Medical Journal*. Vol. 51. No. 2. P. 165—170. <https://doi.org/10.3325/cmj.2010.51.165>.
33. Haggan M. (2004) Research Paper Titles in Literature, Linguistics and Science: Dimensions of Attraction. *Journal of Pragmatics*. Vol. 36. No. 2. P. 293—317. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(03\)00090-0](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(03)00090-0).
34. Hartley J. (2007) Planning that Title: Practices and Preferences for Titles with Colons in Academic Articles. *Library and Information Science Research*. Vol. 29. No. 4. P. 553—568. <https://doi.org/10.1016/j.lisr.2007.05.002>.

35. Heilbron J., Bokobza . (2015) Transgresser les Frontières en Sciences Humaines et Sociales en France. *Actes de La Recherche En Sciences Sociales*. Vol. 210. No. 6. P. 108—121. <https://doi.org/10.3917/arss.210.0108>.
36. Henriksen D. (2016) Th Rise in Co-Authorship in The Social Sciences (1980—2013). *Scientometrics*. Vol. 107. No. 2. P. 455—476. <https://doi.org/10.1007/s11192-016-1849-x>.
37. Kim E. (2015) Remnants f Culture in Journal Article Titles: a Comparison Between the United States and Korea in the Field of Social Sciences. *Journal of Korean Library and Information Science Society*. Vol. 46. No. 1. P. 345—372. <https://doi.org/10.16981/kliss.46.201503.345>.
38. Lamont M. (2009) How Proessors Think: inside The Curious World of Academic Judgment. Cambridge, MA: Harvard University Press.
39. Lamont M., Molnár V. (2002) The Study of Boundaries in The Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. No. 28. P. 167—195. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141107>.
40. Lewandowsky S., Griffiths T. L., Kalish, M. L. (2009) The Wisdom of Individuals: Exploring People’s Knowledge about Everyday Events Using Iterated Learning. *Cognitive Science*. Vol. 33. No. 6. P. 969—998. <https://doi.org/10.1111/j.1551-6709.2009.01045.x>.
41. Lynch M., Woolgar S. (1988 Introduction: Sociological Orientations to Representational Practice in Science. *Human Studies*. Vol. 11. No. 2/3. P. 99—116. <http://www.jstor.org/stable/20009022>.
42. Matveeva N., Sterligov I., Lovakov A. (2022) International Scientific Collaboration of Post-Soviet Countries: A Bibliometric Analysis. *Scientometrics*. Vol. 127. No. 3. P. 1583—1607. <https://doi.org/10.1007/s11192-022-04274-0>.
43. Milojević S. (2017) The Lengh and Semantic Structure of Article Titles — Evolving Disciplinary Practices and Correlations with Impact. *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. No. 2. <https://doi.org/10.3389/frma.2017.00002>.
44. Moed H. F., Markusova V., Akov M. (2018) Trends in Russian Research Output Indexed in Scopus and Web of Science. *Scientometrics*. No. 116. P. 1153—1180. <https://doi.org/10.1007/s11192-018-2769-8>.
45. Moody J. (2006) Trends in Sociology Titles. *The American Sociologist*. Vol. 37. No. 1. P. 77—80. <https://doi.org/10.1007/s12108-006-1016-6>.
46. Moody J., Edelmann A., Light R. (2022) 100 years of Social Forces as Seen through Bibliometric Publication Patterns. *Social Forces*. Vol. 101. No. 1. P. 38—75. <https://doi.org/10.1093/sf/soac046>.
47. Mozer M. C., Pashler H., Homaei H. (2008) Optimal Predictions in Everyday Cognition: The Wisdom of Individuals or Crowds? *Cognitive Science*. Vol. 32 No. 7. P. 1133—1147. <https://doi.org/10.1080/03640210802353016>.

48. Nagano R. L. (2015) Research Article Titles and Disciplinary Conventions: A Corpus Study of Eight Disciplines. *Journal of Academic Writing*. Vol. 5. No. 1. P. 133—144. <http://dx.doi.org/10.18552/joaw.v5i1.168>.
49. Porter R., Ross D. (eds.) (2003) *The Cambridge History of Science*. Vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press.
50. Lacour J., Bucalossi P., Cacers E., Jacobelli G., Koszarowski T., Le M., ... Veronesi U. (1976) Radical Mastectomy Versus Radical Mastectomy Plus Internal Mammary Dissection. Five-Year Results of an International Cooperative Study. *Cancer*. Vol. 37. No. 1. P. 206—214. [https://doi.org/10.1002/1097-0142\(197601\)37:1%3C206::AID-CNCR2820370130%3E3.0.CO;2-M](https://doi.org/10.1002/1097-0142(197601)37:1%3C206::AID-CNCR2820370130%3E3.0.CO;2-M).
51. Rawat K. S., Sood S. K. (2021) Emerging Trends and Global Scope of Big Data Analytics: a Scientometric Analysis. *Quality & Quantity*. Vol. 55. No. 4. P. 1371—1396. <https://doi.org/10.1007/s11135-020-01061-y>.
52. Richerson P. J., Boyd R. (2001) Institutional Evolution in The Holocene: The Rise of Complex Societies. In: W. G. Runciman (ed.) *The Origin of Human Social Institutions, Proceedings of the British Academy*. Vol. 110. P. 197—204.
53. Reynolds K. H. (2001) The Social Identity Perspective in Intergroup Relations: Theories, Themes, and Controversies. In Brown R., Gaertner S. L. (eds.) *Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes*. Vol. 3. P. 133—152. <https://doi.org/10.1002/9780470693421>.
54. Soler V. (2007) Writing Titles in Science: An Exploratory Study. *English for Specific Purposes*. Vol. 26. No. 1. P. 90—102. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2006.08.001>.
55. Turner J. C. (1981) Towards a Cognitive Redefinition of The Social Group. *Cahiers de Psychologie Cognitive/Current Psychology of Cognition*. Vol. 1. No. 2. P. 93—118.
56. Turner J. H. (2006) American Sociology in Chaos: Differentiation without Integration. *The American Sociologist* Vol. 37. No. 2. P. 15—29. 1133—1147. <https://doi.org/10.1007/s12108-006-1002-z>.
57. Uçak N. Ö., Al U. (2009) The Difference among Disciplines in Scholarly Communication. A Bibliometric Analysis of Theses. *Libri*. Vol. 59. No. 3. P. 166—179. <https://doi.org/10.1515/libr.2009.016>.
58. White A., Hernandez N. R. (1991) Increasing Field Complexity Revealed Through Article Title Analyses. *Journal of the American Society for Information Science*. Vol. 42. No. 10. P. 731—734. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4571\(199112\)42:10<731::AID-ASI6>3.0.CO;2-W](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4571(199112)42:10<731::AID-ASI6>3.0.CO;2-W).
59. Yang K. (2019) Comparative Analysis of Publication Patterns in Sciences and Humanities: Based on Bibliometric Data from Korea Citation Index. *Journal of Korean Library and Information Science Society*. Vol. 50. No. 3. P. 23—47. <https://doi.org/10.16981/kliss.50.3.201909.23>.

60. Yitzhaki M. (1994) Relation of Title Length of Journal Articles to Number of Authors. *Scientometrics*. Vol. 30. No. 1. P. 321—332. <https://doi.org/10.1007/BF02017231>.
61. Yitzhaki M. (2002) Relation of The Title Length of a Journal Article to the Length of the Article. *Scientometrics*. Vol. 54. No. 3. P. 435—447. <https://doi.org/10.1023/A:1016038617639>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2643](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2643)

В. В. Радаев

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СТРЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЩИЙ УРОВЕНЬ, БОЛЕЕ УЯЗВИМЫЕ ГРУППЫ И СПОСОБЫ СОВЛАДАНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Радаев В. В. Психологические стрессы в современной России: общий уровень, более уязвимые группы и способы совладания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 52—74. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2643>.

For citation:

Radaev V. V. (2024) Psychological Stresses in the Contemporary Russia: General Level, More Vulnerable Groups and Coping Strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 52–74. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2643>. (In Russ.)

Получено: 18.06.2024. Принято к публикации: 05.11.2024.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СТРЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЩИЙ УРОВЕНЬ, БОЛЕЕ УЯЗВИМЫЕ ГРУППЫ И СПОСОБЫ СОВЛАДАНИЯ

РАДАЕВ Вадим Валерьевич — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической социологии факультета социальных наук, заведующий Лабораторией экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: radaev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0152-1396>

Аннотация. Цель работы — проанализировать текущий уровень психологического (не)благополучия российского населения в условиях наслоения внешних шоков, выявить основные группы, в большей степени подверженные умеренному и сильному уровню психологического стресса, и исследовать поведенческие практики, к которым прибегают россияне для совладания со стрессовыми состояниями.

Использованы данные опроса 3 тыс. участников потребительской онлайн-панели компании OMI, проведенного весной 2024 г. Опрашивалась российская городская интернет-аудитория в возрасте 18 лет и старше. Кроме дескриптивной статистики применена мультиномиальная логистическая регрессия для определения предикторов психологического стресса разного уровня, а затем бинарная логистическая регрессия со способами совладания в качестве зависимых переменных и уровнем психологического стресса в качестве основной объясняющей переменной.

В результате обнаружен высокий уровень распространенности признаков психологического неблагополучия, выяснено, что

PSYCHOLOGICAL STRESSES IN THE CONTEMPORARY RUSSIA: GENERAL LEVEL, MORE VULNERABLE GROUPS AND COPING STRATEGIES

*Vadim V. RADAEV¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor at the Department of Economic Sociology, Faculty of Social Sciences; Head of the Laboratory for Studies in Economic Sociology
E-MAIL: radaev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0152-1396>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The study is aimed at investigating the Russian population's psychological well-being level. We reveal more vulnerable groups exposed to moderate and strong psychological stress and examine the behavioral practices that help cope with stressful conditions. Data was collected from the online survey of 3,000 respondents in Spring 2024. OMI consumer online panel was used to address the Russian urban Internet audience aged 18 years and more. Apart from descriptive statistics, multinomial logistic regression is used to reveal predictors of the different levels of psychological stress. Then, we use binary logistic regression with coping strategies as dependent variables and the level of psychological stress as a significant explanatory variable.

Obtained findings show a relatively low level of psychological well-being, explicating that disposition to psychological stress is characteristic of females compared to males, younger people, low-income families, and respondents exposed to constant reading of disturbing news (doomscrolling). Deterioration of the family's material well-being serves as one of the most influential predictors. As for coping with moderate and strong psychological stress, the respondents more often appeal to

к психологическому стрессу больше склонны женщины по сравнению с мужчинами, молодые люди по сравнению с представителями старших возрастов, группы с более низким уровнем душевого дохода, а также респонденты, вовлеченные в постоянное чтение тревожных новостей (думскроллинг). Одним из наиболее влиятельных факторов выступает ухудшение материального положения семьи. При возникновении умеренного и тем более сильного психологического стресса люди чаще обращаются за психологической помощью к психологам и психотерапевтам, употребляют антидепрессанты и успокоительные лекарства, прибегают к регулярному потреблению алкоголя, вовлекаются в эмоционально нагруженные формы потребления (импульсивное и особенно компульсивное). А попытки избежать потока тревожных новостей чаще оказываются неудачными.

Ключевые слова: психологическое неблагополучие, совладание со стрессом, эмоционально нагруженное потребление, опросы населения, Россия

Благодарность. Работа выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ в рамках проекта «Экономическое поведение домашних хозяйств» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Автор благодарит З. В. Котельникову и Т. А. Нестика за полезные замечания к рукописи данной работы.

Вводные замечания

Мы живем в эпоху периодических и наслаивающихся друг на друга внешних шоков. В 2014 г. в России начался затяжной экономический кризис, когда вслед за падением цен на нефть произошла двукратная девальвация рубля, а присоединение Россией Крыма сопровождалось первыми пакетами международных экономических санкций. После некоторых признаков стабилизации в 2017—

psychologists and psychotherapists, use anti-depressants and sedatives, drink alcohol on a regular basis, and get involved in emotionally loaded consumption (impulsive and particularly compulsive). At the same time, their attempts to avoid the disturbing news tend to fail.

Keywords: psychological well-being, coping with stress, emotionally loaded consumption, population surveys, Russia

Acknowledgments. The study was conducted in the Laboratory for Studies in Economic Sociology at the HSE University in the project 'Economic Behaviour of the Households' and supported by the Program for Basic Research of the HSE University.

We thank T.A. Nestik and Z.V. Kotelnikova for their valuable comments on the manuscript of this paper.

2019 г. в 2020 г. разразилась пандемия COVID-19, вновь уронив ключевые экономические показатели. А после обнадеживающих положительных сдвигов в 2021 г. в начале 2022 г. развернулась специальная военная операция (СВО), один за другим начали вводиться многочисленные пакеты все более жесточайших международных экономических санкций, из России стали уходить глобальные участники рынка, поднялись волны эмиграции, затронувшие наиболее активные группы трудоспособного населения. К финансово-экономическим кризисам в середине 2010-х годов добавились геополитические факторы, а в начале 2020-х — глобальные эпидемиологические шоки. Правда, прогнозируемой многими экспертами экономической катастрофы удалось избежать, ситуация была стабилизирована и, более того, был обеспечен экономический рост. Но в целом стрессовая ситуация сохраняется и для бизнеса, и для населения. Это выводит на передний план проблематику ментального здоровья, которая до последних лет оставалась скорее на периферии исследовательского внимания (кроме сферы социальной психологии).

Наше первое предположение заключается в том, что внешние шоки продуцируют высокий общий уровень психологического неблагополучия населения. При этом в субъективном восприятии россиян кризис из временной аномалии превратился в своего рода норму жизни [Красильникова, 2020].

Влиянию внешних шоков на жизненные стандарты населения в разных странах, включая посткоммунистическую Россию, посвящена многочисленная литература [Monseni, 2016; Notten, de Crombrugghe, 2012; Каравай, 2021; Логинов, 2020; Как россияне справляются..., 2023]. Неоднократно исследовалось и влияние внешних шоков на распространение психологических стрессов и депрессий среди населения¹ [Guerra, Eboeime, 2021; Ettman et al., 2022; Нестик, 2023; Самойлова, Бородай, Тяпкина, 2021].

Что происходит в этом отношении в России в текущий период? Официальные статистические данные по Российской Федерации показывают, что в части *заболеваний нервной системы и психических расстройств в 2020 г. произошел важный перелом*. Число зарегистрированных *болезней нервной системы с 2015 по 2020 г. снизилось на одну треть* — с 8,6 млн до 7,5 млн человек (–12%), а в 2020—2022 гг. выросло на 8% и достигло 8,1 млн в том числе количество диагнозов, установленных впервые в жизни, в 2015—2020 гг. уменьшилось на 19%, а в 2020—2022 гг. оно, напротив, увеличилось на 12% (до 2,1 млн)². Число случаев *временной нетрудоспособности по причине психических расстройств и расстройства поведения в 2015—2020 гг. сократилось на треть* — со 130,9 тыс. до 87,5 тыс. (–33%), а в 2020—2022 гг., наоборот, выросло на 8%, достигнув 94,3 тыс.³ Численность пациентов, взятых под наблюдение в связи с *психическими расстройствами и расстройствами поведения, с 2010 по 2020 г. снизилась на одну треть*

¹ Нестик Т. А. Психологическое состояние российского общества в условиях СВО // Социодиггер. 2023. Т. 4. № 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obschestva-v-uslovijakh-svo> (дата обращения: 05.12.2024).

² Здравоохранение в России. 2017: Статистический сборник. М.: Росстат, 2017. С. 29—31; Здравоохранение в России. 2023: Статистический сборник. М.: Росстат, 2023. С. 32—34.

³ Там же.

с 74,3 до 50,5 тыс. человек (–32%), а в 2020—2022 гг. начала расти и достигла 58,7 тыс. человек, прибавив 16%. Сходную картину показывают и данные о динамике заболеваний населения психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ. Если взять численность пациентов, находящихся под наблюдением с диагнозом, установленным впервые в жизни, то оказывается, что численность заболеваний *алкоголизмом и алкогольными психозами* в 2010—2020 гг. уменьшилась почти в три раза (со 153,9 тыс. до 54,9 тыс.), но в 2020—2022 гг. это снижение остановилось. Аналогично число пациентов с диагнозом *наркомания* в 2010—2020 гг. сократилось в два раза (с 24,9 тыс. до 12,0 тыс.), а в 2020—2022 гг. этот тренд не продолжился. Наконец, зарегистрированное число больных *токсикоманией* в 2010—2020 гг. снизилось почти в четыре раза (с 0,9 тыс. до 0,24 тыс.), а в 2020—2022 гг. это снижение тоже прекратилось. По всем трем показателям мы видим одинаковый тренд⁴. Таким образом, по основным параметрам *тенденция к снижению заболеваемости психическими расстройствами на рубеже 2020-х годов сменилась их ростом или, в лучшем случае, стабилизацией*.

Наше второе общее предположение состоит в том, что некоторые группы населения в большей степени подвержены психологическим стрессам. Влияние очередных шоков на ощущение психологического неблагополучия неоднократно фиксировалось репрезентативными опросами населения. В 2022—2023 гг. примерно у одной трети россиян за последний год, предшествовавший опросу, обнаруживались нервные расстройства, депрессии или плохое эмоциональное самочувствие, особенно это затрагивало молодежь, женщин и группы с низким уровнем доходов⁵ [Как россияне справляются..., 2023].

Наше третье предположение заключается в том, что люди справляются с возникающими ситуациями психологического неблагополучия, вырабатывая и применяя множественные способы совладания со стрессовыми ситуациями [там же]. И важно понимать, какие именно способы входят в этот арсенал.

В данной работе, используя опросные данные, мы проанализируем текущий уровень психологического (не)благополучия российского населения, посмотрим, какие группы в большей степени подвержены стрессам, а затем исследуем основные способы выхода из стрессовых состояний, к которым прибегают россияне.

Как собирались данные

Основным источником данных стали результаты опроса участников потребительской онлайн-панели компании OMI, проведенного по заказу НИУ ВШЭ с 12 апреля по 7 мая 2024 г. Опрашивалось городское население, имеющее доступ к интернету (интернет-аудитория), в возрасте 18 лет и старше, проживающее на территории Российской Федерации. Опрос проведен в формате самозаполнения онлайн-анкеты (CAWI). В нем приняли участие 8 298 человек, из них были включены в итоговый массив 3 000 человек, которые полностью заполнили ан-

⁴ Здравоохранение в России. 2023: Статистический сборник. М.: Росстат, 2023. С. 47—48.

⁵ Нестик Т. А. Психологическое состояние российского общества в условиях СВО // СоциоДиггер. 2023. Т. 4. № 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obschestva-v-uslovijakh-svo> (дата обращения: 05.12.2024).

кету и отвечали требованиям к характеристикам выборки. Выборка квотировалась по четырем основаниям: половозрастная структура, территориальный признак (федеральный округ и размер города), доход, образование. Распределение основных квотируемых признаков приведено в таблице 1.

Таблица 1. Основные параметры выборки

Возраст	Население, %		Выборка, %		Доход, руб.	Население, %	Выборка, %
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.			
18—24	5	4	4	4	До 20 000	21	21
25—34	9	9	7	9	20—50 000	43	43
35—44	10	11	11	11	50—100 000	28	27
45—54	8	9	8	9	100 000+	8	8
55—64	7	9	7	10	Образование		
65—99	7	13	7	14		Высшее	33
Всего	45	55	44	56	Нет высшего	67	66

Что измерялось и как анализировалось

Охарактеризуем использованные нами переменные. Прежде всего оценивался текущий уровень психологического благополучия населения. Здесь мы задавали два основных вопроса. Первый касался пережитых психологических состояний: «Были ли у Вас нервные расстройства, депрессии, плохое эмоциональное самочувствие за последние 12 месяцев?»

Поскольку первый вопрос фиксирует лишь наличие или отсутствие проблем с ментальным здоровьем, мы дополнили его вторым вопросом, который, с одной стороны, конкретизирует переживаемые негативные эмоциональные состояния, а с другой — позволяет измерить уровень психологического неблагополучия. Этот вопрос формулировался следующим образом: «Сейчас я опишу Вам несколько эмоциональных состояний человека. А Вы скажете, как часто в последние две недели у Вас бывало каждое из этих состояний: практически не бывало, бывало редко, бывало часто, бывало практически каждый день». Даются четыре варианта ответа, проранжированные от «1» до «4» по нарастанию частоты состояния, где 1 — «практически не бывало», 2 — «бывало редко», 3 — «бывало часто» и 4 — «бывало практически каждый день». Было предложено пять эмоциональных состояний: 1) не хочется ничего делать, ежедневные занятия не приносят удовольствия, 2) плохое настроение, подавленность, чувство безнадежности, 3) сильная нервозность, тревога, беспокойство, 4) неспособность контролировать свои эмоции, держать себя в руках, 5) чувство одиночества.

Первые два пункта улавливают состояние депрессии, третий и четвертый пункты фиксируют состояние тревожности. Эти позиции адаптированы из короткого варианта «Опросника здоровья пациента» (*Patient Health Questionnaire*, или *PHQ-4*) (подробнее см. [Kroenke et al., 2009; Löwe et al., 2010], пример российской адап-

тации опросника см. [Погосова и др., 2014]). К этим четырем пунктам добавлено еще одно состояние — чувство одиночества⁶.

Мы не рассматривали отдельно состояния депрессии, тревожности и одиночества. Вместо этого был построен интегральный *Индекс психологического неблагополучия*, рассчитанный как сумма пяти ответов. Значение Индекса варьируется от 5 до 20. Коэффициент α -Кронбаха для данного Индекса составил 0,879, подтверждая хорошую внутреннюю надежность инструмента. Коэффициенты α -Кронбаха снижались при исключении каждой из пяти включенных переменных, что дает основания для сохранения предложенной композиции.

На основе фактического распределения респондентов значение Индекса от 5 до 9 было определено нами как слабое проявление психологического неблагополучия или его отсутствие, от 10 до 14 — как умеренное и свыше 14 — как сильное проявление. Эти группы составили в выборке соответственно 44,4%, 39,1% и 16,4% респондентов.

Наконец, на пересечении двух указанных переменных мы построили наш ключевой параметр — *уровень психологического стресса*, который учитывает разные негативные эмоциональные состояния — нервные расстройства, депрессии и тревожности. Была выделена группа с *сильным уровнем стресса* — к ней относятся те, кто за последние 12 месяцев испытывали нервные расстройства, депрессии, плохое эмоциональное самочувствие и в то же время демонстрировали сильный уровень психологического неблагополучия по предложенному нами Индексу. Эта группа, в которую попали 13,9% опрошенных, далее будет предметом нашего особого внимания.

По аналогии была выделена другая группа — с *умеренным уровнем стресса*, к которой отнесены те, кто за последние 12 месяцев испытывали нервные расстройства, депрессии, плохое эмоциональное самочувствие и одновременно продемонстрировали умеренный уровень по Индексу психологического неблагополучия. К этой группе отнесены 21,5%. Далее мы сравним результаты, полученные по отношению к двум этим непересекающимся группам.

Дополнительно задавался вопрос о динамике эмоционального состояния: «*Как изменилось за последние 12 месяцев Ваше психологическое самочувствие?*»

После измерения уровня психологического неблагополучия мы анализируем характеристики групп, которые могут быть связаны с умеренным и сильным уровнем психологического стресса. В числе этих характеристик мы рассмотрели следующие переменные:

- гендер (мужчины и женщины),
- возраст (численная переменная и переменная, выделяющая три группы — молодые (до 35 лет), средний возраст (от 36 до 55 лет) и старший возраст (56 лет и более)),
- наличие или отсутствие высшего образования,
- семейный статус (нахождение в официальном или гражданском браке),
- наличие или отсутствие проживающих совместно детей до 18 лет,
- наличие или отсутствие занятости на рынке труда (без учета обучения),

⁶ Данный вариант опросника предложен Т. А. Нестиком.

- уровень дешевого дохода (использован натуральный логарифм и дополнительная переменная, разделяющая респондентов по четырем квартилям),
- изменение материального положения семьи за последние три месяца (улучшилось, осталось без изменений или ухудшилось),
- тип поселения (крупные города с населением не менее 500 тыс. или малые и средние города).

По сути, нами привлечен стандартный набор переменных, используемый в подобных исследованиях. Анализ специальной литературы позволяет предположить, что более склонны к психологическим стрессам женщины по сравнению с мужчинами, представители более молодых возрастных групп, менее образованные и не имеющие постоянной занятости, а также менее обеспеченные материально (обзоры этих исследований см., например, [Guerra, Eboime, 2021; Ettman et al., 2022]).

В качестве отдельного фактора, способного активно порождать негативные эмоциональные состояния, выделена вовлеченность в так называемый *думскроллинг* — навязчивое чтение новостной ленты с упором на негативные события [Казун, 2024а, 2024б]. Эта вовлеченность рассчитывалась на основе согласия или несогласия респондентов со следующими восемью утверждениями:

- мысли о новостях часто мешают мне сосредоточиться на работе и (или)учебе;
- мне трудно перестать думать о новостях;
- я продолжаю читать или смотреть новости, хотя думаю, что лучше остановиться;
- не могу контролировать, сколько времени я читаю или смотрю новости;
- мне трудно перестать читать или смотреть новости;
- я часто не обращаю внимания на окружающих меня людей (например, на семью или друзей) из-за просмотра новостей;
- я регулярно не высыпаюсь, потому что допоздна смотрю или читаю новости;
- люди говорили мне, что я читаю или смотрю слишком много новостей.

Предлагаемые варианты ответа в каждом случае варьировались от 1 — «абсолютно не согласен» до 5 — «полностью согласен». Мы построили *Индекс вовлеченности в думскроллинг* на основе простой суммы ответов с вариацией соответственно от 8 до 40 ед. Коэффициент α -Кронбаха для этого Индекса оказался еще более высоким (0,902). Добавим, что коэффициенты α -Кронбаха снижались при исключении каждой из восьми переменных, указывая на внутреннюю надежность инструмента. На основе данного Индекса мы построили дополнительную переменную, выделив три уровня вовлеченности в думскроллинг: слабый (до 12 ед.), средний (13—20 ед.) и сильный (более 20 ед.). В эти группы вошли 37,8%, 37,0% и 25,1% опрошенных соответственно.

При выявлении *ключевых характеристик*, ассоциируемых с возникновением состояний умеренного и сильного психологического стресса, мы начинаем с анализа дескриптивной статистики, а затем прибегаем к помощи мультиномиальной логистической регрессии с отсутствием стресса в качестве опорной категории.

После этого мы переходим к основным поведенческим практикам, которые могут быть связаны с *совладанием с психологическим стрессом*. Они включают обращения к специалистам, употребление лекарств, потребление алкоголя, раз-

ные виды эмоционально нагруженного потребления и избегание тревожных новостей. Анализируется, в какой степени они характерны для тех, кто испытывает умеренный и сильный стресс. Мы вновь начинаем с дескриптивной статистики, а затем переходим к логистической регрессии, используя перечисленный выше набор независимых переменных в качестве контролей и добавляя к ним категориальную переменную, фиксирующую наличие умеренного и сильного уровня стресса в качестве основной объясняющей переменной, а в качестве зависимых переменных берем один за другим параметры, обозначающие возможные выходы из стрессовых состояний. Основная задача заключается в том, чтобы выявить значимые связи между наличием психологического стресса / его уровнем и указанными поведенческими практиками.

Каков уровень психологического (не)благополучия

Переходя к краткому изложению полученных результатов, начнем с уровня психологического (не)благополучия. Доля респондентов, имевших *нервные расстройства, депрессии, плохое эмоциональное самочувствие* за последние 12 месяцев, в данной выборке оказалась довольно высока, чуть не добрав до половины — 47,0 %.

При измерении уровня психологического неблагополучия по наличию или отсутствию *негативных эмоциональных состояний* средние значения по всем пяти выделенным признакам оказались в интервале от 1,8 до 2,4 единиц из четырех возможных. Для нас особенно важны те респонденты, кто испытывал такие состояния часто или практически каждый день. Их доли получились следующими:

- нежелание что-либо делать — 44,6 %;
- плохое настроение — 36,3 %;
- сильная нервозность — 32,6 %;
- неспособность контролировать эмоции — 21,0 %;
- чувство одиночества — 26,7 %.

Мы посчитали долю респондентов, которые испытывали хотя бы одно из перечисленных пяти негативных эмоциональных состояний часто или практически каждый день. Таких оказалось более половины (58,3 %), из них ровно две трети (65,9 %) испытывали в последнее время *нервные расстройства, депрессии* или плохое эмоциональное самочувствие.

При анализе *изменений психологического самочувствия* за последние 12 месяцев выяснилось, что ухудшение (небольшое или значительное) ощутил каждый третий опрошенный (31,8 %), небольшое или значительное улучшение — 17,5 %, самочувствие осталось без изменений у 48,3 % (затруднились ответить 2,4 %). Добавим, что примерно у половины опрошенных, кто испытывал *нервные расстройства, депрессию* или плохое эмоциональное самочувствие, за последние 12 месяцев психологическое самочувствие ухудшилось.

Итак, почти каждый второй респондент испытывал за последний год *нервные расстройства, депрессию* или плохое эмоциональное самочувствие. И более половины переживали хотя бы одно из перечисленных негативных выше эмоциональных состояний. Вдобавок у каждого третьего за этот период отмечено ухудшение психологического самочувствия. Все это подтверждает наше первое предполо-

жение о высоком уровне психологического неблагополучия. Выяснилось также, что все основные показатели уровня психологического неблагополучия (переживание нервных расстройств и депрессии, наличие негативных эмоциональных состояний, ухудшение психологического самочувствия) оказались скоррелированными между собой на высоком уровне значимости ($p < 0,001$), формируя относительно консистентную картину.

Кто больше подвержен психологическим стрессам

При анализе признаков, ассоциируемых с возникновением стрессовых состояний для выявления более уязвимых групп, начнем с дескриптивной статистики. В части *гендерных различий* выяснилось, что в большей степени к психологическим стрессам склонны женщины — их доли и с умеренным, и с сильным уровнем стресса примерно в 1,5 раза выше, чем у мужчин. По крайней мере, женщины чаще об этом сообщают, и у нас нет дополнительной возможности проверить их фактическое состояние.

Значимы *возрастные различия* — стрессовые состояния в большей степени затрагивают молодых людей. Если в старшей возрастной группе (56 лет и более) доля респондентов с сильным и умеренным уровнем стресса равнялась 6,5% и 12,7% соответственно, то у представителей среднего возраста (36—55 лет) эти доли возрастают до 14,3% и 24,6%, а среди молодежи до 35 лет они увеличиваются до 23,3% и 28,5%. При этом наличие или отсутствие *высшего образования* не играет заметной роли, так же как и наличие *занятости на рынке труда*.

Нахождение в браке (официальном или гражданском) несколько снижает доли опрошенных с умеренным уровнем стресса (с 23,0% до 20,2%) и с сильным уровнем (с 15,5% до 12,6%). А *наличие детей до 18 лет*, напротив, увеличивает доли тех, кто переживает умеренные (с 19,2% до 26,5%) и сильные стрессовые состояния (с 12,3% до 17,3%).

Доля пребывающих в стрессовых состояниях возрастает по мере снижения уровня *душевого дохода*. При переходе от четвертого (наиболее обеспеченного) к первому (наименее обеспеченному) квартилю доля находящихся в состоянии умеренного стресса увеличивается с 16,3% до 26,3%, а в состоянии сильного стресса — с 9,9% до 21,6%. Но особенно заметны отличия тех, у кого за прошедший период ухудшилось *материальное положение семьи*. У таких респондентов доля пребывающих в ситуации умеренного стресса увеличивается с 19,8% до 26,1%, а в ситуации сильного стресса более чем вдвое — с 10,2% до 23,2%.

Размер города, где проживают респонденты, не оказывает заметного влияния. А вот вовлеченность в *думскроллинг* (постоянное чтение тревожных новостей) оказывается важной: средний уровень вовлеченности в новостной поток увеличивает доли находящихся в умеренном и сильном стрессе лишь на 2—3%, но при сильном вовлечении в думскроллинг ситуация резко меняется — доля респондентов с умеренным уровнем стресса возрастает в 1,5 раза (с 19,0% до 28,1%), а с сильным уровнем стресса — более чем в два раза (с 9,6% до 22,5%). Слабоконтролируемое потребление новостей явно способствует возникновению стрессовых состояний (см. табл. 2).

Таблица 2. Доля респондентов с умеренным и сильным уровнем психологического стресса (в % от каждой группы по строке)

	Уровни стресса		
	Слабый или отсутствует	Умеренный	Сильный
Всего	64,6	21,5	13,9
Женщины	59,2	24,6	16,3
Мужчины	71,6	17,5	10,8
Возраст			
18—35 лет	48,2	28,5	23,3
36—55 лет	61,1	24,6	14,2
56+ лет	80,7	12,7	6,5
Нет высшего образования	64,7	22,0	13,2
Высшее образование	64,4	20,5	15,1
Не женатые/не замужем	61,5	23,0	15,5
Женатые/замужем	67,2	20,2	12,6
Не имеют детей до 18 лет	68,5	19,2	12,3
Имеют детей до 18 лет	56,1	26,5	17,3
Незанятые на рынке труда	62,5	22,7	14,8
Занятые на рынке труда	66,2	20,5	13,2
Душевой доход (квартиры)			
15 000 руб. и менее	51,9	26,5	21,6
1 501—24 500 руб.	61,9	24,8	13,3
24 501—35 750 руб.	71,5	19,3	9,2
Более 35 750 руб.	73,8	16,3	9,9
Материальное положение семьи не ухудшилось	70,0	19,8	10,2
Материальное положение семьи ухудшилось	50,7	26,1	23,2
Малые и средние города	63,6	23,3	13,1
Крупные города (500 тыс. +)	19,7	14,7	19,7
Вовлеченность в думскроллинг			
Слабая	71,4	19,0	9,6
Средняя	66,6	21,7	11,6
Сильная	49,3	28,1	22,5

Для выявления наиболее значимых характеристик мы использовали мультиномиальную логистическую регрессию с уровнем психологического стресса (умеренного или сильного) в качестве зависимой переменной (слабый стресс или его отсутствие — опорная категория). Основные результаты соответствуют данным дескриптивной статистики, хотя и с некоторыми исключениями. Установлено, что и к умеренным, и к сильным стрессовым состояниям более склонны женщины, чем мужчины, а молодые люди — больше, чем представители старших возрастных групп. Оба наблюдения подтверждают результаты предшествующих исследований [Как россияне справляются..., 2023; Самойлова и др., 2021]. Наличие или отсутствие высшего образования, семейный статус, наличие проживающих совместно

детей до 18 лет и занятость на рынке труда не оказывают в данном случае значимого влияния. Нет разницы, проживают ли респонденты в крупном или малом и среднем городе. Более подвержены разным уровням стресса группы с более низким душевым доходом. А одним из наиболее влиятельных факторов, особенно в случае сильного уровня стресса, выступает ухудшение материального положения семьи за последние три месяца — финансовые сложности становятся источником повышенного стресса и депрессий. И наоборот, более высокий уровень материального благосостояния смягчает негативное влияние кризиса на психологическое благополучие [Нестик, 2023]. Наконец, прямо и значимо влияет на возникновение и умеренных, и сильных стрессовых ситуаций вовлеченность в думскроллинг — обилие негативных новостей и неспособность от них оторваться не способствуют психологическому благополучию (см. табл. 3).

Таблица 3. Основные предикторы умеренного и сильного психологического стресса (коэффициенты мультиномиальной логистической регрессии) (N = 1794⁷; R2 Нэйджелкерка = ,232; модель значима на уровне $p < ,001$)

	Умеренный уровень стресса	Сильный уровень стресса
Гендер (женщины)	1,967*** (,131)	2,001*** (,163)
Возраст	,963*** (,005)	,947*** (,006)
Высшее образование	,911 (,133)	1,179 (,163)
Женаты/замужем	,902 (,131)	,800 (,168)
Имеют детей до 18 лет	,903 (,148)	1,021 (,178)
Занятость на рынке труда	,876 (,133)	,845 (,165)
Душевой доход (Ln)	,797** (,078)	,792* (,090)
Ухудшение материального положения	1,683*** (,135)	2,603*** (,160)
Крупные города	,919 (,124)	1,187 (,155)
Вовлеченность в думскроллинг	1,048*** (,007)	1,066*** (,009)

Среднеквадратичная ошибка в скобках, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Для проверки устойчивости полученных результатов были рассчитаны коэффициенты логистической регрессии с другими зависимыми переменными, включая наличие нервных расстройств и депрессий, ухудшение психологического самочувствия за последние 12 месяцев и наличие хотя бы одного из выраженных признаков психологического неблагополучия. При использовании аналогичного состава предикторов были получены сходные результаты.

Какие выходы из психологического стресса ищут россияне

Существует множество способов, с помощью которых люди пытаются совладать с депрессиями, стрессами и прочими негативными эмоциональными состояниями. Не претендуя на полноту описания этого арсенала средств, мы рассмотрим

⁷ Множественные пропуски значений в немалой степени вызваны использованием переменной душевого дохода. Ее изъятие не изменило других полученных результатов.

несколько способов, которые не являются альтернативами, но скорее дополняют друг друга. В их числе:

- обращение к специалистам (психологам или психотерапевтам),
- употребление лекарств (антидепрессантов или успокоительных средств),
- употребление алкогольных напитков (в том числе регулярное),
- особые формы потребительского поведения (включая паническое, импульсивное и компульсивное потребление),
- попытки избегания новостей как источников негативных настроений.

Несмотря на различия между указанными способами, все они относятся к поведенческим реакциям, которые можно условно назвать стратегиями совладания с психологическими трудностями.

Обращение к психологам и употребление лекарств

Обращение к специалистам фиксировалось с помощью вопроса: «Обращались ли Вы за консультациями к психологу, психотерапевту или психиатру за последние 12 месяцев?» На уровне дескриптивной статистики выяснилось, что среди всех наших респондентов к помощи профессионалов прибегали в среднем 7,3%. При этом доля тех, кто обращается к помощи специалистов, даже при умеренном уровне стресса вырастает более чем в четыре раза (с 3,3% до 14,1%), а при сильном уровне стресса становится еще выше — 18,5%.

Использование специальных лекарственных препаратов измерялось на основе вопроса: «Употребляли ли Вы лично антидепрессанты, успокоительные средства за последние 12 месяцев?» Таких респондентов в среднем оказалось втрое больше, чем клиентов у психологов — 22,0%. При умеренном уровне стресса их доля увеличивается в четыре раза (с 10,2% до 42,0%), а при сильном уровне стресса — почти в пять раз, достигая половины (48,9%).

Употребление алкоголя

Одним из традиционных способов снятия стрессовых состояний считается употребление алкоголя. Системные исследования результатов, полученных в разных дисциплинах, показывали, что психологические стрессы и депрессии, подкрепляемые следствиями экономических кризисов, могут вести к увеличению потребления алкоголя, в том числе к его чрезмерному употреблению (последнее только у мужчин), хотя этот тренд сдерживается более жесткими бюджетными ограничениями домохозяйств, возникающими в период кризисов [Jukkala et al., 2008; de Goeij et al., 2015]. Здесь нами использовался вопрос: «Употребляли ли Вы алкогольные напитки, включая алкогольное пиво, за последние три месяца?» с подсказками «регулярно», «иногда» или «никогда». В случае с потреблением алкоголя иногда различия не обнаруживаются, доля его потребителей остается неизменной независимо от уровня стресса. Различия появляются при *регулярном потреблении алкоголя*. При умеренном уровне стресса доля регулярно выпивающих возрастает с 11,1% до 15,4%, а при сильном уровне стресса поднимается до 19,5%. Различия не столь велики, но статистически значимы. Это соответствует предшествующим исследованиям, в которых отмечалось, что в периоды внешних шоков возрастает склонность именно к чрезмерному потреблению алкоголя (правда, только среди мужчин) [Jukkala et al., 2008; de Goeij et al., 2015].

Эмоционально нагруженное потребление

Дополнительные выходы из стрессовых ситуаций могут находиться в потребительском поведении. Характерно, что, по данным Фонда «Общественное мнение», индекс потребительских настроений российского населения после своего минимального значения в марте 2022 г. (после начала СВО) имел относительно устойчивую тенденцию к росту⁸. По всей видимости, это происходит за счет ожиданий лучшего будущего. Обратим внимание на особые формы потребления, которые мы ранее определили как эмоционально нагруженные, отнеся к ним три вида потребления: паническое, импульсивное и компульсивное [Радаев, 2023а, 2023б]. Позднее мы расширили это понятие до «нестандартного потребления», добавив еще две формы — статусное и этическое потребление [Радаев, 2024, 2025], но в данной работе мы их не затрагиваем.

Паническое потребление (или ажиотажный спрос) определяется как спонтанное приобретение излишнего количества товаров для образования запасов в условиях фактического или ожидаемого дефицита или подорожания [Kirk, Rifkin, 2020; Радаев, 2023а]. Оно порождается информационными потоками (спекулятивными слухами, вирусными новостями) о возникшем или ожидаемом дефиците определенных товаров или о резком повышении розничных цен. Внешние угрозы (реальные или воображаемые), мультиплицируемые через альтернативные медиа, порождают негативные эмоции в виде страхов и приводят к стрессовым состояниям, усиливая ощущения неопределенности и тревожности, потери контроля над ситуацией и боязни упустить нечто важное (fear of missing out) [Prentice, Quach, Thaichon, 2022]. В этих условиях, когда повышен градус эмоциональности и преобладают негативные эмоции, паническое потребление становится одной из защитных реакций против стресса [Huan, Park, Kang, 2021].

Паническое потребление было операционализировано нами с помощью вопроса: «Покупали ли лично Вы за последние три месяца какие-то товары и (или) услуги в большем объеме, чем требовалось, из-за опасений, что они подорожают или исчезнут из продажи?» Склонность к такому потреблению в нашей выборке проявили 21,8% опрошенных (в большей степени молодые люди), а в группах с высоким и умеренным уровнем стресса — 31,5% и 29,2% соответственно.

Под *импульсивным потреблением* понимается быстрое и незапланированное приобретение понравившихся товаров или услуг [Rook, Fisher, 1995; Радаев, 2023а]. Люди в ситуации эмоционального стресса более склонны ослаблять самоконтроль и позволять себе что-то «лишнее», чтобы чувствовать себя лучше, поднять упавшее настроение. Может сказываться и так называемый эффект истощения эго (ego depletion) [Baumeister, 2002] или эмоционально-волевая усталость, когда человеку сложнее сопротивляться импульсивным порывам, в том числе в потребительских практиках. При этом в отличие от панического потребления, переполненного негативными эмоциями на всех своих стадиях, импульсивное поведение в момент покупки нередко сопровождается позитивными эмоциями [Kacen, Lee, 2002]. Оно может выступать не только следствием потери самоконтроля, но так-

⁸ Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений на основе опросов населения. Волна 12 // Инфом. 2023. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43787/inFOM_23-02.pdf (дата обращения: 02.05.2024).

же инструментом управления эмоциями, своего рода потребительской терапией [Fenton-O’Creevy, Dibb, Furnham, 2018].

Этот вид потребления часто используется как выход из стрессовых состояний. Так, в 2022 г. «Сберстрахование» и консалтинговая компания UXSSR выяснили, что спонтанные покупки позволяют потребителям бороться со стрессами. По их данным, 55 % опрошенных россиян совершали незапланированный шопинг из-за плохого настроения, более чем в 20 % случаев — из-за ссор в семье и столько же — из-за проблем на работе⁹.

Для измерения импульсивного потребления нами использовался следующий вопрос: «*Покупали лично Вы за последние три месяца какие-то товары и (или) услуги незапланированно, без предварительных раздумий и тщательного поиска?*» В такое потребление в нашей выборке оказались вовлечены 44,0 % респондентов (чаще молодые люди), а в группах с сильным и умеренным уровнем стресса — 50,3 % и 54,3 % соответственно. Интересно, что умеренный уровень стресса подталкивает к импульсивному потреблению даже больше, чем сильный.

В свою очередь, приверженность к *компульсивному потреблению*, или шопполизму, определяется как повторяющееся, слабо контролируемое стремление к приобретению товаров или услуг, нацеленное на то, чтобы справиться с негативными эмоциональными состояниями [Yurchisin, Johnson, 2004; Радаев, 2023а]. Компульсивное потребление в еще большей степени проистекает из эмоционального состояния. Зачастую это попытка совладать с хроническим стрессом и тревожностью, поднять себе постоянно падающее настроение [Максименко и др., 2024]. По сути, речь идет о разновидности аддиктивного поведения, которое при этом не привязано к аддиктивным товарам (алкоголю, табаку или наркотическим средствам). Среди трех видов эмоционально нагруженного потребления компульсивное поведение в наименьшей степени зависит от внешних обстоятельств и в наибольшей степени — от психологического состояния личности, в первую очередь оно сопрягается с низкой самооценкой [Yurchisin, Johnson, 2004].

Вовлеченность в компульсивное потребление измерялась на основе следующего вопроса: «*Покупали ли лично Вы за последние три месяца какие-то товары и (или) услуги, чтобы справиться со стрессом или поднять себе настроение?*» В него вовлечены 45,6 % опрошенных (чаще женщины по сравнению с мужчинами и представители более молодых возрастных групп), а в группах с сильным и умеренным уровнем стресса — 62,5 % и 62,1 %, то есть фактически одинаковые доли.

Таким образом, при наличии стресса возрастают доли тех, что обращается к разным формам эмоционально нагруженного потребления. Но интересно, что скачок происходит именно при умеренном уровне стресса: доля вовлеченных в *планируемое потребление* увеличивается с 18,5 % до 29,2 %, в *импульсивное потребление* — с 39,1 % до 54,3 %, в *компульсивное потребление* — с 36,7 % до 62,1 % (наиболее значительный рост). А при возникновении сильного уровня стресса доли более не растут — различие между сильными и умеренным уровнем стресса здесь сходит к минимальным величинам.

⁹ Если чек оказался вдруг // Коммерсантъ. 2024. 25 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6665250> (дата обращения: 12.12.2024).

Избегание тревожных новостей

Наконец, еще одним способом совладания с депрессивными состояниями может быть избегание негативных новостей, которые становятся источником тревожности и беспокойства [Казун, 2023]. Оно изучалось с помощью вопроса: «В последние три месяца я намеренно пытался(ась) избегать новостей» с четырьмя вариантами ответа — от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен». Мы выделили тех, кто оказался абсолютно согласен или скорее согласен, и получили группу, в которую входит каждый четвертый опрошенный (25,7%). При этом доля желающих избегать тревожных новостей при умеренном уровне стресса вырастает примерно в 1,5 раза (с 21,0% до 30,5%), а при сильном уровне — почти в два раза (до 40,8%) (см. табл. 4).

Таблица 4. Способы выхода из умеренного и сильного психологического стресса (в % по столбцу)

	Уровни психологического стресса		
	Слабый или отсутствует	Умеренный	Сильный
Обращаются к психологу	3,3	14,1	18,5
Принимают антидепрессанты	10,2	42,0	48,9
Пьют алкоголь	71,3	71,9	71,2
Регулярно пьют алкоголь	11,1	15,4	19,5
Паническое потребление	18,5	29,2	31,5
Импульсивное потребление	39,1	54,3	50,3
Компульсивное потребление	36,7	62,1	62,5
Стараются избегать новостей	21,0	30,5	40,8

Результаты регрессионного анализа

Во всех проанализированных случаях наблюдается сходная картина: наличие умеренного и тем более сильного уровня стресса заметно увеличивает долю вовлеченных в поведенческие практики, которые могут помочь справиться с негативными эмоциональными состояниями. При использовании парных непараметрических корреляций все перечисленные способы поведения значимо связаны с попаданием и в группу с сильным, и в группу с умеренным уровнем стресса. Но чтобы выявить действительно значимые связи, мы прибегаем к регрессионному анализу, где в качестве зависимых дихотомических переменных используется вовлеченность в рассмотренные выше практики совладания со стрессом, а в качестве основной независимой переменной — категориальная переменная, фиксирующая наличие умеренного и сильного уровня стресса при аналогичном составе других предикторов. Далее мы увидим, что значимые связи сохранились не во всех случаях.

Какие выходы работают при возникновении психологического стресса, согласно итогам регрессионного анализа? Основная часть результатов подтверждает-

ся. При умеренном и тем более при сильном уровне стресса люди обращаются к помощи психологов и психиатров, причем речь идет в большей степени о молодых людях и тех, кто более вовлечен в думскроллинг. Кроме того, возрастает потребление антидепрессантов и успокоительных средств, и это чаще женщины, респонденты без высшего образования и вновь вовлеченные в думскроллинг. Эти два способа, призванные напрямую воздействовать на снижение уровня стресса, наиболее вероятны среди всех других способов.

Следующим выходом из умеренного и сильного психологического стресса оказывается регулярное потребление алкоголя, но преимущественно для мужчин. Паническое потребление ассоциируется только с умеренным уровнем стресса, а с сильным стрессом значимая связь пропадает. А вот к импульсивному потреблению чаще прибегают люди и с умеренным, и с сильным уровнем стресса. Еще более это касается компульсивного потребления, которое напрямую нацелено на то, чтобы с помощью относительно регулярных покупок улучшить свое психологическое состояние. Эти способы чаще практикуются женщинами, молодыми людьми, занятыми на рынке труда и группами с более высоким уровнем душевого дохода, а также теми, кто более вовлечен в потребление тревожных новостей (думскроллинг).

Добавим, что во всех перечисленных нами случаях наличие психологического стресса (умеренного или сильного) выступает в качестве основного предиктора — вероятность перечисленных поведенческих практик часто возрастает многократно. В то же время исчезает значимое влияние сильного уровня стресса на попытки избегания тревожных новостей. Желание убежать от таких новостей у людей, возможно, и появляется, но вовсе отрешиться от новостей, увы, не получается — тревожные новости «все равно тебя находят» [Казун, 2023] (см. табл. 5).

Основные выводы

В современной России происходящие один за другим внешние шоки (экономические, эпидемиологические, геополитические) способствуют нарастанию стрессовых состояний, когда по результатам опроса городской интернет-аудитории почти половина респондентов заявляют, что за предшествующий год переживали нервные расстройства, депрессии или плохое эмоциональное самочувствие, и примерно у каждого третьего за последний год психологическое самочувствие ухудшилось. Более чувствительными к стрессовым состояниям традиционно оказываются женщины по сравнению с мужчинами и молодые люди, которым, по всей видимости, недостает жизненного опыта для совладания с негативными эмоциональными состояниями. При этом с возникновением психологического стресса в изученном нами случае не связаны или связаны не значительно уровень образования и наличие занятости на рынке труда, семейный статус и наличие несовершеннолетних детей. А одним из наиболее влиятельных факторов оказывается ухудшение материального положения семьи — финансовые трудности явно способствуют росту психологического неблагополучия. И устойчиво проявляется воздействие вовлеченности в постоянное чтение новостей (думскроллинг). Слабоконтролируемое поглощение новостей явно способствует возникновению депрессии и стрессов.

Таблица 5. Основные способы совладания с сильным психологическим стрессом (коэффициенты логистической регрессии)

	Обращения к психологам	Употребление лекарств	Употребление алкоголя	Паническое потребление	Импульсивное потребление	Компульсивное потребление	Избегание новостей
Умеренный стресс	3,457*** (.233)	5,434*** (.150)	1,808*** (.180)	1,568** (.143)	1,800*** (.129)	2,358*** (.130)	1,108 (.145)
Сильный стресс	4,420*** (.254)	7,356*** (.177)	2,390*** (.211)	1,370 (.176)	1,378* (.160)	2,299*** (.163)	1,320 (.172)
Гендер (женщины)	1,006 (.199)	1,455** (.134)	,307*** (.157)	1,010 (.123)	1,381** (.106)	1,538*** (.108)	2,175*** (.128)
Возраст	,965*** (.007)	1,001* (.005)	,993 (.006)	,980*** (.005)	,984*** (.004)	,977*** (.004)	,972*** (.005)
Высшее образование	,984 (.205)	,753* (.136)	,851 (.157)	,899 (.126)	,860 (.108)	1,010 (.109)	1,152 (.125)
Женаты/замужем	,731 (.205)	,891 (.133)	1,318 (.161)	1,011 (.127)	1,011 (.108)	,909 (.109)	,728* (.125)
Имеют детей до 18 лет	1,139 (.212)	,963 (.151)	,947 (.171)	,991 (.140)	1,343* (.122)	1,132 (.125)	,862 (.141)
Занятость на рынке труда	,916 (.200)	1,067 (.136)	1,332 (.163)	1,137 (.129)	1,513*** (.111)	1,252* (.112)	1,285 (.128)
Душевой доход (Ln)	,964 (.099)	1,052 (.077)	,958 (.087)	,996 (.070)	1,219** (.066)	1,175* (.066)	,955 (.071)
Ухудшение материального положения семьи	,743 (.212)	1,051 (.139)	,834 (.166)	,927 (.134)	,760* (.117)	,853 (.117)	1,327* (.130)
Крупные города	1,240 (.190)	,990 (.127)	1,078 (.145)	1,294 (.119)	1,226* (.102)	1,139 (.103)	1,251 (.119)
Думскроллинг	1,027*** (.010)	1,031*** (.007)	,999 (.009)	1,057*** (.007)	1,033*** (.007)	1,025*** (.007)	1,045*** (.007)
Константа	,186 (-1,683)	,025*** (.834)	1,097 (.931)	,225* (.759)	,050*** (.709)	,112** (.706)	,203* (.760)
R2 Нэйджелкерка	,176	,227	,101	,117	,112	,148	,144
Число респондентов	1788	1787	1788	1758	1742	1744	1752

Примечание. Среднеквадратичная ошибка в скобках, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Люди, разумеется, ищут выходы из возникающих стрессовых состояний. При сильном уровне психологического стресса примерно каждый пятый обращается к помощи психологов и психиатров (в большей степени молодые люди), половина опрошенных из этой группы употребляют антидепрессанты и успокоительные средства (в большей степени женщины). В обоих случаях к этим средствам чаще прибегают те, кто более вовлечен в думскроллинг.

Каждый пятый при сильном уровне стресса регулярно употребляет алкогольные напитки (чаще к этому средству прибегают мужчины). Половина респондентов в подобной ситуации ищут выход в импульсивном потреблении и почти две трети — в компульсивном потреблении. Наконец, четверо из десяти опрошенных из группы с сильным уровнем стресса пытаются избегать тревожных новостей, но, судя по всему, это мало у кого получается — убежать от новостей, похоже, люди не в состоянии.

Таким образом, население применяет разнообразный арсенал средств совладания, позволяющих ослабить давление внешних негативных обстоятельств и по крайней мере отчасти стабилизировать свое психологическое состояние. Перечень поведенческих практик, рассмотренных в данной работе, разумеется, неполон. В целом вопросы ментального здоровья и способов совладания с негативными эмоциональными состояниями заслуживают более пристального внимания исследователей.

Ограничения исследования

Данное исследование сопряжено с рядом неизбежных ограничений. Мы понимаем, что абсолютные значения используемых показателей в сильной степени зависят от характера выборки и при опросе всего российского населения по месту жительства, а не городской интернет-аудитории, многие показатели будут значительно ниже. Например, показатели эмоциональных состояний (элементов Индекса психологического неблагополучия) оказываются в 2—2,5 раза ниже, чем в данном исследовании [Радаев, 2025]. Результаты могут зависеть от периода измерения, а также от наличия или отсутствия внешних шоков в период, предшествовавший опросу. Но в данном случае для нас важны не столько приведенные выше абсолютные числа, сколько установление значимых связей между характеристиками групп, уровнем психологического неблагополучия и поведенческими практиками.

Использованные нами данные не исчерпывают все способы борьбы со стрессом. Среди наиболее популярных по распространенности средств в других исследованиях фиксируются также прогулки, проведение времени с друзьями, близкими или с животными, вкусная еда¹⁰.

В ряде случаев факторы психологического стресса могут также оказываться и его следствиями, порождая трудноразрешимую проблему эндогенности. В первую очередь это касается эмоционально нагруженных форм потребления, а возможно, и вовлеченности в думскроллинг. В подобных случаях мы предпочитаем говорить скорее об ассоциируемых признаках, нежели о влияющих факторах.

¹⁰ РОМИР назвал самые популярные у россиян способы борьбы со стрессом // РОМИР. 25 июня. URL: <https://romir.ru/press/romir-nazval-samyie-populyarnye-u-rossiyan-sposoby-borby-so-stressom> (дата обращения: 05.12.2024).

Литература (References)

1. Казун А. Д. «Они все равно меня находят»: медиапотребление людей, избегающих новостей // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 3. С. 3—25. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2023.325>. Kazun A. D. (2023) 'They Find Me Anyway': Media Consumption of People Avoiding News. *Vestnik of Moscow University. Series 10: Journalistics*. No. 3. P. 3—25. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2023.325>. (In Russ.)
2. Казун А. Д. «Обложиться информацией, чтобы хоть что-то понимать»: индивидуальные и социальные основания думскроллинга // Мир России: Социология, этнология. 2024а. Т. 33. № 2. С. 77—94. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-77-94>. Kazun A. D. (2024a) 'To Get Overlaid with Information to Understand at Least Something': Individual and Social Bases of Doomscrolling. *Universe of Russia: Sociology, Ethnology*. Vol. 33. No. 2. P. 77—94. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-77-94>. (In Russ.)
3. Казун А. Д. Потребление новостей в повседневной рутине думскроллеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024б. № 2. С. 226—244. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2527>. Kazun A. D. (2024b) News Consumption in Everyday Routine of Doomscrollers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 226—244. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2527>. (In Russ.)
4. Как россияне справляются с новым кризисом: Социально-экономические практики населения / под ред. Радаева В. В. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. Radaev V. V. (ed.) (2023) *Coping with a New Crisis: Socio-Economic Practices of the Russian Population*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
5. Каравай А. В. Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 121—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>. Karavay A. V. (2021) The Behavior of Russians Aimed at Improving Their Financial Situation in the Era of COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 121—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>. (In Russ.)
6. Красильникова М. Д. Экономические циклы и мнения населения об экономической динамике // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 5—21. <https://doi.org/10.31857/S086904990008508-0>. Krasilnikova M. D. (2020) Economic Cycles and Public Opinion on Economic Dynamics. *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost*. No. 1. P. 5—21. <https://doi.org/10.31857/S086904990008508-0>. (In Russ.)
7. Логинов Д. М. Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 41—61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>.

- Loginov D. M. (2020) How the Russian Population Went Through the Crisis of the Second Half of the 2010s. *Voprosy Ekonomiki*. No. 12. P. 41—61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>. (In Russ.)
8. Максименко А. А., Дейнека О. С., Юринова Д. В., Чарушина Е. И., Бояркин К. Е. Связь компульсивных покупок с тревожностью и депрессией у россиян // Экономическая социология. 2024. Т. 25 № 1. С. 58—84. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-58-84>.
Maksimenko A., Deyneka O., Yurina D., Charushina E., Boyarkin K. (2024) Correlations of Compulsive Shopping with Anxiety and Depression in Russia. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 25. No. 1. P. 58—84. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-58-84>. (In Russ.)
9. Нестик Т. А. Социальный оптимизм россиян в условиях кризиса: результаты лонгитюдного исследования // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 5—17. <https://doi.org/10.31857/S020595920026152-3>.
Nestik T. A. (2023) Social Optimism of Russians in Conditions of the Crisis: Findings from a Longitude Study. *Psychological Journal*. Vol. 44. No. 3. P. 5—17. <https://doi.org/10.31857/S020595920026152-3>. (In Russ.)
10. Погосова Н. В., Довженко Т. В., Бабин А. Г., Курсаков А. А., Выгодин В. А. Русскоязычная версия опросников PHQ-2 и 9: чувствительность и специфичность при выявлении депрессии у пациентов общемедицинской амбулаторной практики // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2014. Т. 13. № 3. С. 18—24. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2014-3-18-24>.
Pogosova N. V., Dovzhenko T. V., Babin A. G., Kursakov A. A., Vygodin V. A. (2014) Russian Version of PHQ-2 and 9 Questionnaires: Sensitivity and Specificity in Detection of Depression in Outpatient General Medical Practice. *Cardiovascular Therapy and Prevention*. Vol. 13. No. 3. P. 18—24. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2014-3-18-24>. (In Russ.)
11. Радаев В. В. Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть первая: теоретические основы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023а. № 5. С. 204—222. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2491>.
Radaev V. V. (2023a). Emotionally Loaded Consumption in Contemporary Russia Part One: Theoretical Basis for Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 204—222. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2491>. (In Russ.)
12. Радаев В. В. Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть вторая: эмпирические оценки особенностей, факторов и финансовых последствий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023б. № 6. С. 17—34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2501>.
Radaev V. V. (2023b). Emotionally Loaded Consumption in Contemporary Russia Part Two: Empirical Evaluation of Peculiarities, Factors and Financial Consequenc-

- es. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 17—34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2501>. (In Russ.)
13. Радаев В. Нестандартные формы потребления: сравнительный анализ // Вопросы экономики. 2024. № 3. С. 43—72.
Radaev V. V. (2024) Nonstandard Consumption Forms: A Comparative Analysis. *Voprosy Ekonomiki*. No. 3. P. 43—72. (In Russ.)
 14. Радаев В. В. Нестандартное потребление. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2025.
Radaev V. V. (2025) Nonstandard Consumption. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
 15. Самойлова Д. Д., Бородай А. А., Тяпкина Д. А. Влияние новой коронавирусной инфекции на психическое здоровье человека // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. 2021. № 11. С. 841—854. <https://doi.org/10.33920/med-01-2111-03>.
Samoylova D. D., Boroday A. A., Tyapkina D. A. (2021) Impact of New Coronaviral Covid-19 Infection on Human Mental Health. *Vestnik of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery*. Vol. 11. P. 841—854. <https://doi.org/10.33920/med-01-2111-03>. (In Russ.)
 16. Baumeister R. F. (2002) Yielding to Temptation: Self-Control Failure, Impulsive Purchasing, and Consumer Behavior. *Journal of Consumer Research*. Vol. 28. P. 670—676. <https://doi.org/10.1086/338209>.
 17. Ettman C. K., Adam G. P., Clark M. A., Wilsn I. B., Vivier P. M., Galea S. (2022) Wealth and Depression: A Scoping Review. *Brain and Behavior*. Vol. 12. No. 3. Art. e2486. <https://doi.org/10.1002/brb3.2486>.
 18. Fenton-O’Creevy M., Dibb S., Furnham A. (2018) Antecedents and Consequences of Chronic Impulsive Buying: Can Impulsive Buying be Understood as Dysfunctional Self-Regulation? *Psychological Marketing*. Vol. 35. P. 175—188. <https://doi.org/10.1002/mar.21078>.
 19. de Goeij M. C., Suhrcke M., Toffolutti V., van de Mheen D., Schoenmakers T. M., Kunst A. E. (2015) How Economic Crises Affect Alcohol Consumption and Alcohol-Related Health Problems: A Realist Systematic Review. *Social Science and Medicine*. Vol. 131. P. 131—146. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.02.025>.
 20. Guerra O., Eboreime E. (2021) The Impact of Economic Recessions on Depression, Anxiety, and Trauma-Related Disorders and Illness Outcomes — A Scoping Review. *Behavior Sciences*. No. 11. Art. 119. <https://doi.org/10.3390/bs11090119>.
 21. Huan C., Park S., Kang J. (2021) Panic Buying: Modeling What Drives it and How it Deteriorates Emotional Well-Being. *Family and Consumer Sciences Research Journal*. Vol. 50. No. 2. P. 150—164. <https://doi.org/10.1111/fcsr.12421>.
 22. Jukkala T., Makinen I. H., Ferlander S., Vagero D., Kaslitsyna O. (2008) Economic Strain, Social Relations, Gender, and Binge Drinking in Moscow. *Social Science*

- and Medicine*. Vol. 66. No. 3. P. 663—674. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2007.10.017>.
23. Kacen J. J., Lee J. A. (2002) The Influence of Culture on Consumer Impulsive Buying Behavior. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 12. No. 2. P. 163—176. https://doi.org/10.1207/S15327663JCP1202_08.
24. Kirk C. P., Rifkin L. S. (2020) I'll Trade You Diamonds for Toilet Paper: Consumer Reacting, Coping and Adapting Behaviors in the COVID-19 Pandemic. *Journal of Business Research*. Vol. 117. P. 124—131. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.05.028>.
25. Kroenke K., Spitzer R. L., Williams J. B. W., Löwe B. (2009) An Ultra-Brief Screening Scale for Anxiety and Depression: The PHQ-4. *Psychosomatics*. Vol. 50. No. 6. P. 613—621. <https://doi.org/10.1176/appi.psy.50.6.613>.
26. Löwe B., Wahl I., Rose M., Spitzer C., Glaesmer H., Ingenfeld K., Schneider A., Brahler E. (2010) A 4-Item Measure of Depression and Anxiety: Validation and Standardization of the Patient Health Questionnaire-4 (PHQ-4) in the General Population. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 122. No. 1—2. P. 86—95. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2009.06.019>.
27. Monseni A. (2016) The Aftermath of Financial Crises: Look on Human and Social Wellbeing. *World Development*. No. 87. P. 88—106. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2016.06.001>.
28. Notten G., de Crombrugghe D. (2012) Consumption Smoothing in Russia. *Economics of Transition*. No. 20. P. 481—519. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4358818>.
29. Prentice C., Quach S., Thaichon P. (2022) Antecedents and Consequences of Panic Buying: The Case of COVID-19. *International Journal of Consumer Studies*. Vol. 46. P. 132—146. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12649>.
30. Rook D. W., Fisher R. J. (1995) Normative Influences on Impulsive Buying Behavior. *Journal of Consumer Research*. Vol. 22. P. 305—313. <https://doi.org/10.1086/209452>.
31. Yurchisin Y., Johnson K. K. P. (2004) Compulsive Buying Behavior and Its Relationship to Perceived Social Status Associated with Buying, Materialism, Self-Esteem, and Apparel-Product Involvement. *Family and Consumer Sciences Research Journal*. Vol. 32. No. 3. P. 291—314. <https://doi.org/10.1177/1077727X03261178>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2524](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2524)

**Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин, А. Ю. Рыкун,
М. Н. Дымшиц, Н. В. Кошелева, Е. В. Сухушина**

**РАЗНООБРАЗИЕ ДОСУГОВОГО ПОВЕДЕНИЯ
И ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
КАК ПРЕДИКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ**

Правильная ссылка на статью:

Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Рыкун А. Ю., Дымшиц М. Н., Кошелева Н. В., Сухушина Е. В. Разнообразиие досугового поведения и личностный потенциал как предикторы психологического благополучия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 75—98. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2524>.

For citation:

Leontiev D. A., Osin E. N., Rykun A. Y., Dymshits M. N., Kosheleva N. V., Sukhushina E. V. (2024) Diversity of Leisure Behavior and Personal Potential as Predictors of Psychological Well-Being. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 75–98. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2524>. (In Russ.)

Получено: 20.11.2023. Принято к публикации: 16.09.2024.

РАЗНООБРАЗИЕ ДОСУГОВОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ПРЕДИКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

DIVERSITY OF LEISURE BEHAVIOR AND PERSONALITY POTENTIAL AS PREDICTORS OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

*ЛЕОНТЬЕВ Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, зав. Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dmleont@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>*

*Dmitry A. LEONTIEV¹ — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation
E-MAIL: dmleont@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>*

*ОСИН Евгений Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, доцент в лаборатории LINP2, Университет Парижа Нантерр, Париж, Франция
E-MAIL: evgeny.n.osin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3330-5647>*

*Evgeny N. OSIN² — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Laboratory LINP2
E-MAIL: evgeny.n.osin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3330-5647>*

*РЫКУН Артем Юрьевич — доктор социологических наук, профессор, проректор по международным связям, заведующий кафедрой социальной работы философского факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-MAIL: a_rykun@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0003-2581-4502>*

*Artyom Y. RYKUN³ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Vice-Rector for International Affairs, Head of the Department of Social Work
E-MAIL: a_rykun@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0003-2581-4502>*

*ДЫМШИЦ Михаил Наумович — генеральный директор, «Дымшиц и партнеры», Москва, Россия
E-MAIL: MDymshits@dnп.ru
<https://orcid.org/0009-0002-0638-8213>*

*Mikhail N. DYMSHITS⁴ — CEO
E-MAIL: MDymshits@dnп.ru
<https://orcid.org/0009-0002-0638-8213>*

*КОШЕЛЕВА Наталья Валерьевна — научный сотрудник Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-MAIL: nathalie.74@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9547-7148>*

*Natalia V. KOSHELEVA¹ — Researcher at the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation
E-MAIL: nathalie.74@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9547-7148>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

² University of Paris Nanterre, Paris, France

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

⁴ Dymshits & Partners Research Company, Moscow, Russia

СУХУШИНА Елена Валерьевна — кандидат философских наук, декан философского факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

E-MAIL: elsukhush@inbox.ru

https://orcid.org/0000-0002-7767-6987

Elena V. SUKHUSHINA³ — Cand. Sci. (Philosophy), Dean of the Faculty of Philosophy

E-MAIL: elsukhush@inbox.ru

https://orcid.org/0000-0002-7767-6987

Аннотация. В статье представлены результаты предварительного этапа психолого-социологического проекта, направленного на изучение взаимосвязей объективных и субъективных показателей качества жизни, а также характеристик личности, агрегированных в обобщенный показатель личностного потенциала. Исследование было выполнено на данных опроса населения четырех районов Томской области, включая областной центр. Анкета для интервью состояла как из традиционных прямых вопросов, так и из экспресс-шкал психологической диагностики индикаторов позитивного функционирования личности. В итоговой базе были учтены 1511 анкет и 187 переменных.

В результате анализа были описаны характерные для респондентов виды досуговых занятий с учетом районной специфики, которая ограничивала возможность их общей классификации. Регрессионный анализ предикторов досуговых занятий с добавлением в регрессионное уравнение на втором шаге показателей личностного потенциала показал, что из числа демографических переменных наиболее сильное влияние на выбор форм досуга оказывают возраст, уровень образования и материальное благосостояние. Личностный потенциал дает небольшую, но значимую прибавку в доле объясняемой дисперсии. Наиболее информативным показателем оказалась мера разнообразия видов досуга. Она же выступила значимым предиктором всех переменных, относящихся к субъективно-

Abstract. The study is a part of the preliminary stage of the project spanning psychology and sociology, aimed at investigating the associations between objective and subjective indices of the quality of life and personality variables aggregated in a compound index of personality potential. The study was carried out using a representative sample of the population of Tomsk region, Russia, which was selected from four townships, including the regional center. The traditional methodology of direct inquiry was combined with brief psychological scales to assess indicators of positive personality functioning. The final database included 1511 respondents and 187 variables.

The data analysis revealed the respondents' preferred leisure activities, taking into account the township specifics that limit the possibility of arriving at a general classification of leisure forms. Regression analysis of the predictors of leisure activities with the personality potential index added to the regression equation at the second step revealed that the strongest predictors of the choice of forms of leisure among the demographic variables were age, education, and material wealth. The personality potential index added a modest yet significant share of explained variance. The most informative variable was the variety of leisure forms. It has also significantly predicted all the variables referred to subjective well-being. Personality potential was the strongest predictor of all the well-being indices, which accounted for a more significant share of variance than demographic and leisure variables. The study thus sheds light upon the interrelation between the

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

му благополучию. При этом наиболее важный предиктор всех индикаторов благополучия — личностный потенциал, который объяснял более высокую долю дисперсии, чем демографические переменные и показатели досуга. Таким образом, исследование проливает свет на взаимодействие объективных, субъективных и субъектных показателей качества жизни на материале досуговой деятельности.

Ключевые слова: досуговая деятельность, качество жизни, субъективное благополучие, личностный потенциал, опрос населения

Благодарность. Статья подготовлена в Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Введение

Исследование, представленное в статье, является частью предварительного этапа большого исследовательского психолого-социологического проекта, выполненного на выборке населения четырех районов Томской области. Замысел как проекта в целом, так и данной работы заключается, наряду с изучением связи объективных и субъективных показателей качества жизни, в анализе вклада характеристик личностного потенциала, выражающих зрелость и сформированность механизмов личностной саморегуляции, делающих личность субъектом активности, который вносит вклад в собственное благополучие. От личностного потенциала определяющим образом зависит, будет ли сам субъект бенефициаром собственных ресурсов человеческого потенциала, сможет ли он поставить их на службу своим автономным мотивам и целеполаганию или же окажется инертным исполнителем неконтролируемых импульсов, чужой воли и давления внешних обстоятельств [Леонтьев, 2023]. Сам по себе личностный потенциал не служит мерой субъективного благополучия, но в ряде случаев выступает как его предиктор.

Представленные в статье результаты сфокусированы на характеристиках досуговой активности. В частности, мы ставили цель изучить вклад социально-демографических и психологических предикторов в характер досуговой деятельности, а также связь характеристик последней с психологическим благополучием.

objective, subjective, and agentic quality of life variables in the context of leisure activities.

Keywords: leisure activity, quality of life, subjective well-being, personality potential, population survey

Acknowledgments. The article was prepared in the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation of HSE University, Moscow, Russia, in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Теоретический контекст исследования

Подходы к определению досуга в социальных науках

То, как люди используют свое свободное время, является одновременно и важнейшим показателем качества их жизни, и прямым предиктором последнего. В последние годы в социологии досуга и психологии множатся исследования, направленные на изучение социотипических либо индивидуальных форм структурирования людьми своего свободного времени, с одной стороны, как зависимых переменных, обусловленных культурой, социальной принадлежностью, материальным благосостоянием, другими социально-демографическими характеристиками, а также характеристиками личности, с другой стороны, как независимых переменных, влияющих на показатели субъективного качества жизни и удовлетворенности жизнью в целом.

В англоязычной литературе выделяют несколько подходов к определению досуга (leisure) [Csikszentmihaly, LeFevre, 1989; цит. по: Vittersø, 2011: 294]. Во-первых, этим понятием обозначают время, свободное от каких-либо обязательств. Примером является определение Дж. Сёрджи с соавторами [Sirgy, Uysal, Kruger, 2017: 207]. Во-вторых, досуг определяется через конкретные занятия, которыми заполняется это время, скажем игра в бридж или теннис. В-третьих, на первый план выходит переживание удовольствия, проистекающее из внутренней мотивации, то есть мотивации, основанной на удовольствии от самого процесса деятельности. «Досуг главным образом определяется его смыслом. Суть досуга заключается не столько в конкретном занятии, сколько в субъективном восприятии свободы, выборе и внутренней мотивации» [Iso-Ahola, Baumeister, 2023: 1]. Определения досуга через объективные параметры времени и видов занятий иногда относят к структурным подходам, противопоставляя их субъективным определениям досуга через ассоциированные с ним переживания [Newman, Tay, Diener, 2014: 560]. С этим перекликается также различие таких двух категорий переменных, описывающих досуг, как центрированные на личности и центрированные на месте [Lloyd, Auld, 2002]. К первым относят, в частности, включенность в досуговые занятия, удовлетворенность и установки, а ко вторым — ресурсы досуга и окружающие условия. Говоря о подходах к изучению досуга в целом, исследователи прежде всего различают нисходящие (top-down) и восходящие (bottom-up) модели [Newman, Tay, Diener, 2014].

Эти определения могут сочетаться. Популярное и часто цитируемое определение досуга Р. Стеббинса совмещает первый и третий взгляд: «Досуг — это время, свободное от неприятных обязательств» [Stebbins, 2001: 54]. Действительно, важнейшими характеристиками свободного времени выступают как индивидуальный выбор того, какого рода занятиями субъект предпочитает его заполнять, так и эмоциональный «аккомпанемент» этих занятий. Поэтому мы определяем досуг как «свободное время, смысл которого заключен в доставляемом им удовольствии, а содержание редуцировано к рекреационной деятельности, превышающей в количественном отношении реальные потребности в ней; досуг тем самым выступает как самооценность» [Леонтьев, 2010: 220].

Классификация видов и форм досуговой активности

Досуг включает в себя достаточно разнородные занятия, которые на первый взгляд могут иметь между собой мало общего — от просмотра телевизора до аль-

пинизма и сложнейших видов творческой деятельности. Многие авторы различают пассивные и активные формы досуга, причем, как показывают исследования, активные формы досуга приносят больше удовлетворения, чем пассивные [Vittersø, 2011: 293]. Н. В. Латова делит формы досуга на развлекательные (пассивные, гедонистические), образовательно-деятельностные (способствующие развитию, приращению человеческого потенциала) и развлекательно-образовательные (в разной степени обладающие характеристиками первых двух групп) [Латова, 2019]. Р. Стеббинс [Stebbins, 2001] выделяет три вида досуга: серьезный (serious), спонтанный (casual) и целенаправленный (project-based), занимающий промежуточное положение между первыми двумя. Другие классификации видов досуга см. [Roberts, 2015: 854].

Работа Н. Седовой посвящена восприятию досуга и «свободного времени» в целом как сферы жизни [Седова, 2009]. Вслед за Н. М. Давыдовой [Давыдова, 2004] Н. Седова классифицирует формы досуга на «простые» (не требующие дополнительных затрат: просмотр ТВ, домашнее хозяйство, пассивный отдых и т. д.), «традиционные» (более разнообразные, предполагающие пребывание вне семьи) и «активные» (требующие дополнительных материальных и интеллектуальных затрат).

Ряд работ посвящен эмпирической классификации форм досуга. В эмпирическом исследовании 4 тыс. хорватских респондентов факторный анализ досуговых занятий позволил выделить три их категории: активная социализация во внешнем пространстве (спорт, посещение кафе, клубов и ресторанов), участие в культурных событиях (выставки, кино, театры, чтение, экскурсии, специфические хобби) и семейные и домашние занятия (хождение в гости или прием гостей, шопинг, посещение церкви, телесмотрение) [Brajša-Žganec, Merkaš, Šverko, 2011]. Исследования досуга россиян также сводятся к описанию и классификации его форм. Я. М. Рощина на базе R-TGI за 2000 г. на подвыборке 27 582 респондентов провела факторный анализ 28 релевантных переменных [Рощина, 2007]. Были выделены восемь форм досуга, обозначенных автором как «пассивный», «спортивный», «постмодернистский», «развлекательный», «читательский», «хозяйственный», «классический» и «домашний», и описаны их социально-демографические предикторы.

Как правило, авторы отмечают сравнительно небольшую долю форм досуга, связанных с приложением усилий и развитием личности, преобладание «простых» его форм. На основе эмпирических данных Н. М. Седова делает вывод об идущем процессе опрощения, банализации досуга россиян [Седова, 2009]. Этот результат подтверждают и другие авторы, связывая неравенство в возможностях проведения досуга с неравенством в материальном положении [Арямова, 2014], а также в уровне образования и обусловленной им профессиональной позиции [Каравай, 2020].

Досуговая активность и психологическое благополучие

Положение о том, что досуг вносит немалый вклад в благополучие и счастье людей, впервые высказанное еще Аристотелем, уже стало общим местом в работах, посвященных этой тематике. Связи между досугом и благополучием находят отражение в целом ряде теорий (см. [Parsons et al., 2019]). Констатируется, что активные формы досуга приводят к долгосрочному росту субъективного благополучия [Аргайл, 2003; Newman, Tay, Diener, 2014; Vittersø, 2011; Brajša-Žganec, Merkaš,

Šverko, 2011; Nawijn, Veenhoven, 2013]. Ж. Дюмазедье [Dumazedier, 1974] рассматривает досуг как источник ценностей. С. Исо-Ахола и Р. Баумайстер выделяют различные формы вклада досуговой деятельности в смысл жизни через влияние на все четыре его компонента, представленные в модели Р. Баумайстера: цель, ценность, эффективность и собственное достоинство [Iso-Ahola, Baumeister, 2023], констатируя, что этот вклад имеет место, когда досуг не рассматривается как пустая трата времени; разные формы досуга неодинаковы по своему вкладу в осмысленность жизни. Названные авторы ставят задачу изучения вклада конкретных форм досуга в удовлетворение потребности в смысле и влияния последней на выбор форм досуга.

Пожалуй, наиболее объемный взгляд исходит из представления о выгодах, которые приносят людям досуговые занятия. Опираясь на описание пяти видов психологических механизмов, благодаря которым досуговые занятия благотворно влияют на субъективное благополучие, а именно отвлечение — восстановление, автономия, овладение навыками, смысл и социальные связи [Newman, Tay, Diener, 2014], М. Дж. Сёрджи с соавторами описывают 12 видов психологических выгод (benefits) для субъективного благополучия, проистекающих из удовлетворения в досуговой активности разных видов базовых потребностей. К ним относятся: выгоды для безопасности, выгоды для здоровья, экономические выгоды, чувственные выгоды, выгоды, связанные с уходом, выгоды, связанные с поиском острых ощущений, выгоды, связанные с потребностями в развитии, символические выгоды, выгоды для красоты и эстетики, моральные выгоды, выгоды, связанные с овладением навыками, выгоды, связанные с отношениями, выгоды, связанные с выделением из группы [Sirgy, Uysal, Kruger, 2017].

Психологические предикторы форм досуга

Реже в исследованиях досуговой активности встречается учет индивидуально-психологических характеристик личности, которые могут влиять на связи досуговой активности с субъективным благополучием. Д. Ньюман, Л. Тэй и Э. Динер констатируют, что «индивидуальные различия могут модерировать отношения между досугом и субъективным благополучием» [Newman, Tay, Diener, 2014: 571]. Дж. Навийн и Р. Винховен дают небольшой обзор такого влияния, большая часть которого посвящена «большой пятерке» базовых черт личности [Nawijn, Veenhoven, 2013: 198—199].

Пожалуй, наиболее релевантное исследование проведено Н. Купером и коллегами [Kuper et al., 2023] на панельной выборке из 12 703 респондентов, участвовавших в 11-летнем лонгитуде. Согласно теоретической модели авторов, личностные черты выступают как предикторами форм досуга, так и модераторами их эффектов на благополучие. Авторы обнаружили, что активные формы досуга (физические упражнения, общение с близкими и друзьями, культурный досуг и др.) были позитивными, а пассивные (просмотр ТВ, использование соцсетей и др.) — негативными предикторами благополучия. Были получены предсказуемые, но небольшие связи черт «большой пятерки» с досуговыми предпочтениями, однако эффекты взаимодействия черт и форм досуга были слабыми, неконсистентными и противоречили теоретическим ожиданиям.

К сожалению, эти и другие мировые исследования затрагивали лишь базовые личностные черты и не касались более узких «ресурсных» переменных, имеющих отношение к личностному потенциалу, таких как оптимизм или перспектива будущего. Что касается российских исследований на больших и репрезентативных выборках, упомянутые выше работы посвящены изучению социально-демографических предикторов, таких как возрастные или региональные различия в формах досуга. Психологические аспекты выбора досуга, такие как вклад характеристик личности в этот выбор и его возможные последствия для психологического благополучия, до сих пор на российских выборках не изучались.

Цель, задачи и организация исследования

Отталкиваясь от общих целей проекта и релевантных подходов к проблеме, изложенных выше, мы поставили цель изучить взаимосвязи между показателями психологического благополучия и переменными, относящимися к досуговой деятельности, с учетом вклада в эти взаимосвязи характеристик личности, относящихся к сфере саморегуляции, — личностного потенциала.

Работа задумывалась на стыке социологии и психологии. Основа исследования была социологической: к социологическим аспектам относились традиционные методы построения выборки и сбора данных путем опроса, а также анализ социально-демографических предикторов. Психологические аспекты — постановка вопроса о субъективном благополучии как зависимой переменной и методы ее выявления, а также анализ личностных переменных, модулирующих влияние социально-демографических предикторов на субъективное благополучие респондентов.

Методологическим основанием исследования выступала позитивная психология как исследовательское направление, изучающее эмпирические условия субъективного благополучия, а также концепция личностного потенциала [Леонтьев, 2023], описывающая характеристики личности, опосредующие связь между объективными условиями жизни и успешностью достижения жизненных целей, а также субъективным благополучием. Мы предполагаем, что эта связь более прямая при низком личностном потенциале, а при высоком личностном потенциале субъективное благополучие личности не вытекает непосредственно из благоприятности внешних условий.

Мы ставили два исследовательских вопроса:

- 1) Каковы социально-демографические и психологические (личностный потенциал) предикторы выбора различных форм досуга?
- 2) Связано ли субъективное благополучие россиян с формами досуга при контроле вклада социально-демографических предикторов?

Теоретической основой исследования выступили существующие классификации форм досуга (см. выше концепцию личностного потенциала Д. А. Леонтьева [Леонтьев, 2023] и модели субъективного благополучия и качества жизни, разработанные в позитивной психологии [см. Леонтьев, 2020]).

Эмпирическую базу составили данные исследования, проведенного осенью 2018 г. Сбор данных по разработанной авторами анкете проводился группой социологов Томского государственного научно-исследовательского университета

под руководством А. Ю. Рыкуна. Респондентами выступали жители четырех районов Томской области: г. Томск, Асиновский, Кожевниковский и Парабельский районы, — равномерно представленных в выборочной совокупности. Тип выборки в рамках указанных районов — случайный отбор кластеров (географических участков) с последующим систематическим отбором 20 респондентов внутри каждого участка в соответствии с квотами. Кроме того, при выборе географических локусов учитывались экспертные мнения об экономическом и социальном благосостоянии соответствующих населенных пунктов, их историческом бэкграунде и динамике развития в последние годы. Исследователи работали как в самых богатых и благополучных населенных пунктах, так и в средних, и в менее благополучных. Свою роль сыграла заинтересованность в исследовании жителей и представителей администраций.

Объем выборки составил 1548 респондентов, квотированных по полу, возрасту (три группы: от 18 до 29 лет, от 30 до 54 лет и от 55 лет) и уровню образования, в соответствии с данными Федеральной службы государственной статистики¹ на 1 января 2018 г. После проверки качества данных в окончательный анализ вошло 1511 анкет.

Исследование носило смешанный психолого-социологический характер как по характеру анализируемых переменных, так и по методологии. В него были включены, с одной стороны, вопросы, характерные для социологических опросов, проводимых методом формализованного интервью (каждый из ответов на такой вопрос анализировался как отдельная переменная), так и краткие версии психодиагностических шкал, предполагавшие агрегацию ответов на несколько вопросов (от 4 до 15) в суммарный балл по данной шкале, который и выступал как переменная в дальнейшем анализе.

В большинстве вопросов была предусмотрена выдача респонденту карточек для удобства их восприятия. Чтобы повысить достоверность данных, на все содержательные целевые вопросы респонденту предоставлялась возможность затрудниться с ответом или отказаться отвечать. В анкете использовались дискретные шкалы, в том числе пяти- и четырехбалльные шкалы Р. Ликерта, а также шкала семантического дифференциала. Итоговая база данных включала 187 переменных.

В анкету вошли следующие разделы (порядок разделов здесь не учитывается):

1. Группы переменных социологического характера.

- Социально-демографические переменные: пол (определялся интервьюером), возраст («В каком году Вы родились?»), образование («Ваше образование:» с вариантами ответа «начальное», «незаконченное среднее», «среднее», «среднее специальное», «незаконченное высшее», «высшее», «ученая степень»), личный доход («Ваш личный доход за последний месяц», респондентам предлагалось назвать сумму в рублях), наличие дорогостоящих вещей и собственности («Что из перечисленного ниже есть у Вас дома, при этом неважно, пользуетесь Вы этим лично или нет»: «телевизор», «видеомагнитофон», «DVD-проигрыватель», «стиральная машина», «посудомоечная машина», «фотокамера (плёночная)», «фотокамера (цифровая)», «мобильный/

¹ Использованы данные, представленные Территориальным органом государственной статистики по Томской области на официальном сайте. URL: http://tmsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tmsk/ru/statistics/.

- сотовый телефон», «видеокамера», «автомобиль», «домашний компьютер, ноутбук», «дача, земельный участок», «ничего из вышеперечисленного»), количество детей («Есть ли у Вас дети? Сколько у Вас детей?» — ответ числом).
- Творческие хобби за последний месяц: «На карточке перечислены различные хобби или творческие увлечения, не связанные с Вашей профессией. Занимались ли Вы в свое свободное время за последний месяц какими-либо из перечисленных на карточке видами деятельности или не занимались ни одним из них?». Предполагался выбор не более трех ранжированных вариантов из перечня 12 категорий занятий (см. табл. 1), включая ответы «Другое» и «Ничего».
 - Досуговые занятия вне дома за последние три месяца: «Как Вы проводите свое свободное время? Посещали ли Вы за последние три месяца какое-либо из этих мероприятий или мест или не были нигде из перечисленного?». Предполагался выбор не более трех ранжированных вариантов из перечня 14 категорий занятий (см. табл. 2), включая ответы «Другое» и «Ничего»².
 - Стиль жизни. Вопросы про время, уделяемое работе («Если Вы работаете или учитесь, сколько времени вы потратили на работу в свой последний рабочий день перед опросом, включая время на дорогу?» — ответ давался в часах), время на телесмотрение («Смотрели ли вы вчера телевизор? Если смотрели, сколько времени вы смотрели телевизор или находились в комнате, кухне с работающим телевизором?» — ответ давался в часах), время, уделяемое занятиям физкультурой и спортом («Занимаетесь ли вы спортом, физкультурой в свое свободное время? Если занимаетесь, сколько дней за последний месяц вы занимались спортом, физкультурой?», варианты ответа для этого и последующих вопросов даны в табл. 3), наличие домашних питомцев («Есть ли у вас дома домашние животные (примеры зачитываются при необходимости: кошки, собаки, грызуны, попугаи или другие птицы, аквариумные рыбки, земноводные или пресмыкающиеся, насекомые)? Если есть, кто преимущественно ими занимается, Вы или другой член семьи? Если ими занимаетесь Вы, сколько времени в день Вы тратите на занятия и уход за ними?»), поездки по России («Совершали ли Вы поездки по России за последние полгода, кроме служебных командировок? Сколько дней за последние полгода Вы провели вне дома или дачи в поездках по России?»), поездки за рубеж (аналогичная формулировка, вопрос исключен из дальнейшего анализа ввиду малой дисперсии ответов).
2. Психологические экспресс-шкалы оценки благополучия.
- Шкала осмысленности использования времени из опросника позитивного использования времени [Osin, Boniwell, 2024]. Шкала ($\alpha = 0,80$) включает семь пунктов, в том числе два обратных, которые оцениваются по 5-балльной шкале Ликерта, например: «Большая часть дел, которыми я занят(а)

² Перечень видов досуга валидизировался в предыдущих исследованиях, в том числе в проекте «Измерение реального влияния СМИ на когнитивные и поведенческие установки человека, с целью формирования новой информационной повестки в обществе», включавшем комплекс исследовательских и аналитических мероприятий. Проект реализован в течение 1 полугодия 2016 г. на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта частному образовательному учреждению «КЛАСС Тренинг. Коучинг. Консалтинг», в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСПИ.

в течение дня, имеют цель и смысл», «Я живу в соответствии с моими жизненными целями». Однофакторная модель с ковариацией двух обратных пунктов хорошо соответствует данным: $\chi^2(13) = 135,41$, $p < ,001$, CFI = ,983, RMSEA = ,079, 90 % CI [.067; ,091], SRMR = ,022; факторные нагрузки — в диапазоне от,49 до,81.

- Шкала удовлетворенности жизнью ШУДЖ Э. Динера и др. [Осин, Леонтьев, 2020] ($\alpha = 0,87$). Пять вопросов, оцениваемых по 5-балльной шкале и агрегируемых в единую шкальную оценку.

3. Психологические экспресс-шкалы оценки характеристик личности (личностного потенциала).

- Тест жизненных ориентаций LOT Ч. Карвера и др. [Гордеева, Сычев, Осин, 2021]. Шесть вопросов, агрегируемых в единую обобщенную оценку оптимизма ($\alpha = 0,79$), то есть убеждения в благоприятности будущего.
- Шкала перспективы будущего, разработанная по модели Дж. Джойремана [Joireman, King, 2016]. Эта методика предназначена для измерения рефлексии будущих последствий собственных действий. Включает семь утверждений ($\alpha = 0,74$), в том числе пять обратных, оцениваемых по 5-балльной шкале; однофакторная модель с ковариацией двух близких по содержанию пунктов, идущих в анкете подряд, приемлемо соответствует данным: $\chi^2(13) = 199,45$, $p < ,001$, CFI = ,966, RMSEA = ,097, 90 % CI [.086; ,110], SRMR = ,035; факторные нагрузки — в диапазоне от,42 до,81. Примеры утверждений: «Жизнь так быстро меняется, что строить долгосрочные планы невозможно и бессмысленно» (обратное утверждение), «Принимая решение, я всегда пытаюсь представить, как это повлияет на меня в будущем».
- Шкала толерантности к неопределенности, краткая версия [Леонтьев, Осин, Луковицкая, 2016]. Из полной версии анкеты были выбраны шесть пунктов (в том числе один обратный): 12, 10, 17, 18, 19, 22, агрегируемых в единый показатель толерантности к неопределенности ($\alpha = 0,83$); однофакторная модель с ковариацией ошибок сходных по содержанию пунктов 12 и 17 отлично соответствует данным: $\chi^2(8) = 36,37$, $p < ,001$, CFI = ,997, RMSEA = ,048, 90 % CI [.033; ,065], SRMR = ,011; факторные нагрузки — в диапазоне от,43 до,89.
- Шкала надежды Ч. Снайдера [Snyder, Rand, Sigmon, 2002]. Включает восемь утверждений, которые оценивались по 5-балльной шкале Ликерта. Двухфакторная теоретическая модель отлично соответствует данным: $\chi^2(19) = 216,27$, $p < ,001$, CFI = ,984, RMSEA = ,083, 90 % CI [.073; ,093], SRMR = ,023; факторные нагрузки пунктов на общий показатель — в диапазоне от ,53 до ,87, как общий показатель ($\alpha = ,86$), так и обе субшкалы надежны («Агентность», $\alpha = ,79$, и «Пути», $\alpha = ,83$).
- Шкала жизнестойкости, скрининговая версия [Осин, Рассказова, 2013; Осин, 2013] включает 12 утверждений, которые оцениваются по 4-балльной шкале и образуют единый показатель ($\alpha = ,88$).
- Шкала личностного динамизма [Сапронов, Леонтьев, 2007], краткая версия. Пять пунктов ($\alpha = ,63$), оцениваемых по 5-балльной шкале и агрегируемых в единый показатель личностного динамизма как готовности личности

к невынужденным изменениям (включает пункты № 9, 1, 3, 16, 17 оригинальной методики, все обратные). Однофакторная теоретическая модель с ковариациями для пар пунктов, входящих в каждый фасет, отлично соответствует данным: $\chi^2(3) = 11,47$, $p = ,009$, CFI = ,997, RMSEA = ,043, 90% CI [0,019; 0,071], SRMR = ,010; факторные нагрузки — в диапазоне от,41 до,63.

Это исследование носило предварительный характер по отношению к более развернутому мониторингу, который был нами проведен позднее, в 2021—2023 гг. на выборках Томской и Кемеровской областей и результаты которого будут освещены в последующих публикациях.

Обработка данных и результаты

Преобладающие формы досуга

Наиболее популярные места проведения досуга представлены в таблице 1. Чаще всего респонденты проводят время с друзьями, в кино, на прогулках и в кафе, однако есть значительные различия по регионам, которые, очевидно, зависят от наличия инфраструктуры.

Для выявления возможных связей между формами досуга использовался иерархический кластерный анализ по переменным (метод Уорда на матрице тетракорических корреляций между выбором каждого вида досуга, рассчитанной отдельно для каждого региона и усредненной по четырем регионам через преобразование Фишера). В результате были получены два четко выделенных кластера переменных, которые были проинтерпретированы как «*сложные*» (лекция, музей, концерт, церковь, кино, театр) и «*простые*» (ночной клуб, фитнес, кафе, друзья, прогулки, охота, прочее) формы досуга. «Сложные» виды досуга требуют целенаправленного поведения и определенной дисциплинированности, связанной с регламентацией деятельности соответствующих учреждений; для «простых» достаточно или просто наличия только одного желания (прогулки), или удовлетворение запроса имеет гораздо больше организационных возможностей почти круглосуточно. Сходные результаты дает анализ методом главных компонент (МГК): при выделении одного измерения по критерию MAP У. Велицера знак факторных нагрузок простых и сложных форм досуга отличается (сами нагрузки приведены в табл. 1). Сравнение регионов показало, что у всех респондентов «простые» формы досуга преобладают по частоте, при этом «сложные» формы досуга более характерны для жителей Томска.

Таблица 1. Преобладание различных мест проведения досуга вне дома по регионам

	Нагрузка в МГК	Частота выбора формы досуга					Различия, размер эффекта
		В целом	Асино	Кожев.	Параб.	Томск	
Театр, фестиваль, цирк	0,73	7,7%	4,2%	3,9%	4,7%	17,3%	0,22***
Выставка, музей	0,65	5,5%	6,9%	4,8%	3,8%	6,3%	0,06
Музыкальный концерт	0,41	9,7%	6,6%	7,1%	14,2%	10,7%	0,10**
Литературный концерт, научно-популярная лекция	0,35	2,5%	1,9%	1,0%	1,7%	4,9%	0,10**

	Нагрузка в МГК	Частота выбора формы досуга					Различия, размер эффекта
		В це- лом	Асино	Кожев.	Параб.	Томск	
Кинотеатр	0,32	27,9%	24,7%	13,8%	28,5%	42,6%	0,22***
Богослужение в храме	0,21	6,7%	5,5%	2,3%	12,2%	6,6%	0,14***
Ресторан, кафе	-0,12	15,4%	17,7%	6,1%	11,0%	25,0%	0,20***
Спортивный клуб (фитнес)	-0,16	12,4%	8,0%	10,3%	14,0%	17,0%	0,11**
Ночной клуб, бар, дискотека	-0,26	7,8%	5,8%	3,9%	12,5%	8,8%	0,12***
Прогулки в парке, однодневные выезды на природу / пикники	-0,26	27,3%	31,6%	25,4%	22,1%	29,7%	0,08*
В гостях у друзей, знакомых	-0,35	54,8%	61,8%	59,5%	52,3%	46,2%	0,13***
Другое	-0,54	11,5%	11,9%	6,1%	23,3%	4,7%	0,23***
Охота, рыбалка	-0,62	13,0%	19,9%	11,3%	15,7%	4,9%	0,17***
Нигде не был(а)		10,1%	6,4%	21,5%	7,0%	6,9%	0,21***
Суммарные показатели							
Среднее число сложных форм		0,60	0,50	0,33	0,65	0,89	0,28***
Среднее число простых форм		1,42	1,57	1,23	1,51	1,36	0,14***
Средняя доля сложных форм		0,27	0,21	0,19	0,30	0,38	0,25***

Примечание: для отдельных форм досуга приведены результаты сравнения критерием хи-квадрат и размер эффекта V Крамера; для суммарных показателей — результаты сравнения критерием Краскала-Уоллиса и сопоставимая оценка размера эффекта $r(\sqrt{\epsilon^2})$: *** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$.

Распределение видов досуговой деятельности по регионам приведено в таблице 2. На основе кластерного анализа корреляционной матрицы, аналогичного описанному выше, виды досуговой деятельности разделены на творческие (игра в театре, живопись, фотосъемка, сочинение прозы, ведение блогов) и практические (цветоводство, шитье, ремонт, коллекционирование, наука, другое), однако это деление не показало значимых различий, и мы не приводим его для краткости.

Таблица 2. **Распределение видов досуговой деятельности по регионам**

	В целом	Асино	Кожев.	Параб.	Томск	Размер эффекта
Частоты выбора хобби						
Цветоводство в доме, оформление дома или квартиры	28,4%	33,1%	31,0%	29,3%	20,4%	0,11**
Другое	26,3%	24,3%	16,0%	41,1%	23,1%	0,21***
Шитье, вязание, вышивание, макраме и т. д.	23,6%	19,5%	27,3%	25,2%	22,8%	0,07

	В целом	Асино	Кожев.	Параб.	Томск	Размер эффекта
Ремонт устройств и машин, плотничество, гончарное ремесло, сборка моделей и т. п.	23,4%	29,2%	23,7%	23,4%	17,3%	0,10**
Живопись, рисование, графика, скульптура, граффити	16,6%	11,9%	11,0%	23,4%	19,8%	0,14***
Художественная фотосъемка, видеосъемка, кинофильмы	12,2%	11,6%	7,0%	16,8%	13,1%	0,11**
Игра в театре или театральной студии, танец, пение (НЕ караоке) или игра на музыкальных инструментах	8,7%	5,2%	5,7%	11,8%	11,9%	0,12***
Ведение блогов, публикации в тематических форумах, модерирование групп	4,6%	4,6%	4,7%	1,6%	7,6%	0,10***
Коллекционирование произведений искусства, почтовых марок, открыток или монет, банкнот, наград, спичечных этикеток	3,8%	4,9%	2,0%	3,7%	4,6%	0,06
Сочинение прозы, поэзии, пьес, сочинение музыки	3,8%	2,7%	2,0%	2,2%	8,2%	0,14***
Научное творчество, исследования, опыты	3,6%	2,1%	0,7%	1,9%	9,4%	0,19***
Ничего не делал(а)	14,9%	12,8%	22,7%	12,1%	12,5%	0,12***
Суммарные показатели						
Среднее число творческих хобби	0,46	0,36	0,30	0,56	0,61	0,19***
Среднее число практических хобби	1,09	1,13	1,01	1,25	0,98	0,14***
Средняя доля творческих хобби	0,25	0,18	0,17	0,28	0,33	0,19***

Примечание: для отдельных форм досуга приведены результаты сравнения критерием хи-квадрат и размер эффекта V Крамера; для суммарных показателей — результаты сравнения критерием Краскала-Уоллиса и оценка размера эффекта $r(\sqrt{\epsilon^2})$: *** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, * $p < ,05$.

Другие вопросы касались времени (в часах), проведенного за работой в предшествующий опросу рабочий день, времени (в часах), проведенного в помещении с включенным телевизором, времени, посвященного уходу за домашними животными, занятиям спортом и поездкам по России и за границу (см. табл. 3). Как показали результаты, различия в характере досуга между городскими и сельскими жителями были небольшими, за исключением занятий спортом, более характерных для жителей Томска. Большинство респондентов выборки не совершали поездок по России и за границу, не занимались спортом, не тратили времени на уход за животными. Предикторы различных видов досуговой деятельности и связи характера досуга с субъективным благополучием будут представлены ниже.

Таблица 3. Распределение переменных стиля жизни по регионам

	В целом по выборке	Асино	Кожевниково	Парабель	Томск	Размер эффекта
Часов работы в последний рабочий день, М (SD)	7.15 (5.04)	8.22 (5.31)	6.28 (4.13)	7.75 (5.22)	6.38 (5.11)	.028***
Часов работы в последний рабочий день, только среди работавших, М (SD)	9.33 (3.57)	10.15 (3.90)	8.19 (2.56)	9.50 (4.09)	9.38 (3.19)	.040***
Часов просмотра ТВ, М (SD)	2.83 (3.40)	3.05 (2.62)	2.68 (2.11)	2.40 (2.94)	3.13 (5.02)	.015***
Уход за животными	40.1 %	40.0 %	33.5 %	33.4 %	52.2 %	.019***
Нет животных, %	18.5 %	18.1 %	22.0 %	22.7 %	12.0 %	
Ими занимаются другие, %	19.3 %	18.4 %	19.4 %	19.7 %	19.8 %	
Менее получаса, %	9.5 %	10.1 %	6.9 %	12.9 %	8.1 %	
От получаса до часа, %	6.6 %	9.3 %	7.5 %	5.5 %	4.3 %	
1—2 часа, %	5.9 %	4.0 %	10.7 %	5.8 %	3.6 %	
Более 2 часов, %						
Спорт, дней в месяц	61.7 %	62.4 %	77.4 %	63.2 %	45.4 %	.064***
Не занимаюсь	16.0 %	17.2 %	11.7 %	16.4 %	18.3 %	
1—5 дней	9.1 %	9.0 %	4.7 %	9.2 %	12.9 %	
6—10 дней	7.2 %	6.0 %	2.8 %	8.4 %	11.2 %	
11—20 дней	6.1 %	5.4 %	3.3 %	2.8 %	12.2 %	
20—31 дней						
Поездки по России за 6 мес.	65.2 %	65.8 %	78.0 %	56.9 %	61.3 %	.027***
Не совершал(а) поездок	7.8 %	9.1 %	5.5 %	10.2 %	6.6 %	
1—3 дня	7.9 %	8.3 %	5.8 %	7.4 %	9.9 %	
4—7 дней	8.1 %	8.6 %	3.8 %	12.1 %	7.8 %	
8—14 дней	10.9 %	8.3 %	7.0 %	13.5 %	14.4 %	
Более 14 дней						
Поездки за границу за 6 мес.	92.4 %	94.9 %	98.3 %	92.6 %	84.6 %	.037***
Не совершал(а) поездок						

Примечание: для первых трех переменных приведены результаты сравнения дисперсионным анализом Уэлча и размер эффекта η^2 ; для порядковых переменных — результаты сравнения критерием Краскала-Уоллиса и сопоставимая оценка размера эффекта ε^2 : *** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, * $p < ,05$. Для переменной «поездки за границу» использовалась та же шкала ответа, что и для переменной «поездки по России», с учётом малой дисперсии эта переменная была исключена из дальнейшего анализа.

Предикторы досуга

Далее анализировались данные о предикторах досуга. Поскольку все шесть психологических индикаторов личностного потенциала (оптимизм, надежда, жизнестойкость, толерантность к неопределенности, личностный динамизм, перспектива будущего) демонстрировали значимые ($p < 0,001$) положительные корреляции друг с другом ($r_{\text{avg}} = 0,35$), мы провели анализ главных компонент с параллельным анализом для оценки числа измерений. В результате выделилось единое измерение личностного потенциала, объясняющее 47 % дисперсии этих личностных переменных. Факторные нагрузки переменных (в порядке убывания): оптимизм (0,81), жизнестойкость (0,81), надежда (0,73), перспектива будущего (0,71), личностный динамизм (0,59), толерантность к неопределенности (0,37). Для повышения статистической мощности регрессионного анализа мы использовали факторные баллы по полученному измерению как единый индикатор личностного потенциала.

Для анализа вклада личностного потенциала в характер досуга был построен ряд регрессионных моделей. После того как к переменной «часы телесмотрения» было применено преобразование квадратный корень, распределения по всем зависимым переменным были близки к нормальному виду (показатели асимметрии и эксцесса не превышали 1,5, на этом основании, а также с учетом близкого к нормальному распределения остатков мы приняли решение использовать линейную регрессию). На первом шаге в модель были введены демографические переменные, на втором шаге в модель был добавлен индикатор личностного потенциала, чтобы определить, вносит ли он дополнительный вклад в предсказание характера досуга. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 4.

Таблица 4. Вклад демографических переменных и личностного потенциала в характер досуга

Предиктор	Зависимая переменная							
	№ видов досуга и хобби	№ видов досуга	№ хобби	Часов работы	Часов телев.	Путеш. внутри страны	Животн.	Спорт
N	953	1052	985	858	1118	1127	1125	1125
R ² , модель 1	,18***	,17***	,11***	,27***	,12***	,08***	,06***	,13***
Пол	,13***	,04	,19***	-,08**	,06*	,06*	,13***	,02
Возраст	-,15***	-,16***	-,09*	-,38***	,24***	-,11**	-,08*	-,10**
Образование	,19***	,18***	,14***	,06	-,13***	,13***	,04	,11***
Дети	-,09*	-,06	-,08*	-,02	-,09**	-,07	,11**	-,07*
Доход (log)	-,03	,01	-,06	,27***	,02	,08*	-,09**	-,05
Мат. благоп.	,18***	,18***	,12***	,13***	-,03	,03	,07*	,10***
Регион								
Асино	-,13	-,17*	-,01	,40***	,17*	-,15	,14	-,54***
Кожевн.	-,40***	-,51***	-,17	,23**	-,02	-,24**	,23*	-,75***
Парабель	-,01	-,09	,14	,17*	-,08	,02	,15	-,56***
R ² , модель 2	,19***	,19***	,11***	,27***	,12***	,08***	,06***	,14***
ΔR ²	,01***	,02***	,01*	,01**	,00	,00	,00	,01***
Пол	,13***	,04	,19***	-,08**	,06*	,06*	,13***	,02
Возраст	-,14***	-,14***	-,08*	-,39***	,22***	-,10**	-,08*	-,08*
Образование	,17***	,17***	,13***	,07	-,13***	,12***	,03	,10**
Дети	-,08*	-,06	-,08*	-,03	,09**	-,07	,11***	-,06
Доход (log)	-,05	-,01	-,07*	,27***	,02	,08*	-,10**	-,07*
Имущество	,17***	,15***	,11***	,14***	-,03	,02	,06*	,08**
Регион								
Асино	-,10	-,14	,00	,38***	,17*	-,14	,15	-,51***
Кожевн.	-,42***	-,53***	-,17	,23**	,00	-,24**	,22*	-,76***
Парабель	,02	-,07	,16	,16*	-,08	,02	,16	-,54***
Личн. пот-л	,12***	,14***	,07*	-,08**	-,05	,04	,04	,12***

Примечание: в таблице приведены полностью стандартизованные регрессионные коэффициенты, за исключением номинальной переменной «Регион» (стандартизация только по зависимой переменной, stdy, группа сравнения: г. Томск); *** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$. ΔR² — прирост объясненной дисперсии.

Результаты (см. табл. 4) свидетельствуют, что респонденты более молодого возраста, проживающие в городах, с более высоким уровнем образования и материального благополучия имеют большее разнообразие видов досуга и хобби. «Простые» виды досуга и нетворческие виды хобби более характерны для мужчин и людей с низким уровнем образования, живущих в сельской местности. Предсказуемо, что мужчины, более молодые и обеспеченные респонденты проводят больше времени за работой, однако о большей продолжительности рабочего дня сообщают жители малых городов и сельской местности: это может быть связано со сменной работой на производственных предприятиях (Асино) или с отсутствием четких границ рабочего дня при жизни в сельской местности (Кожевниково, Парабель). За просмотром телевизора больше времени проводят респонденты старшего возраста, респонденты с более низким уровнем образования и респонденты, живущие в городах, тогда как люди, живущие в сельской местности, больше времени заняты работой и уходом за животными. Путешествия внутри страны и особенно занятия спортом характерны преимущественно для молодых, образованных и обеспеченных городских жителей.

Личностный потенциал, введенный на втором шаге в регрессионное уравнение, показал прирост объясненной дисперсии для отдельных переменных. При прочих равных у людей с более высоким личностным потенциалом большее разнообразие видов досуговой активности и хобби, они тратят меньше времени на работу и больше занимаются спортом.

Виды досуговой деятельности и психологическое благополучие

Для изучения связей досуговой деятельности с психологическим благополучием в качестве зависимых переменных были использованы удовлетворенность жизнью в целом (шкала Э. Динера) и оценка осмысленности повседневных занятий. Предикторами в регрессионной модели выступали демографические переменные (модель 1), при контроле которых в модель последовательно вводились индикаторы досуга (модель 2) и общий показатель личностного потенциала (модель 3). Результаты представлены в таблице 5.

Удовлетворенность жизнью не показала значимых связей с демографическими переменными, за исключением слабой связи с уровнем дохода, однако продемонстрировала выраженные региональные различия: по сравнению с Томском, она была выше в Кожевниковском районе. При введении в модель показателей досуга удовлетворенность жизнью была выше у респондентов с большим разнообразием «простых» и «сложных» видов досуга, а также проводящих больше времени с животными. В свою очередь, осмысленность повседневных занятий в первой модели показала лишь связи с индикаторами материального благополучия и сходную связь с районом. При введении в модель показателей досуга осмысленность была выше у респондентов с большим разнообразием «простых» видов досуга, занимающихся спортом и посвящающих время заботе о животных. Наконец, в последней модели личностный потенциал оказывался наиболее мощным предиктором обеих зависимых переменных.

Мы также проверили ряд гипотез о взаимодействии показателя личностного потенциала с разнообразием досуга и хобби, используя мультигрупповую мо-

дель модерированной медиации — модель 1 согласно терминологии К. Причера и коллег [Preacher, Rucker, Hayes, 2007], однако не обнаружили консистентных и статистически достоверных результатов.

Таблица 5. **Демографические и досуговые предикторы удовлетворенности жизнью и ощущения осмысленности повседневных занятий (N = 892)**

Предиктор	Зависимая переменная					
	Удовлетворенность жизнью			Осмысленность занятий		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 1	Модель 2	Модель 3
R ²	,04***	,07***	,30***	,07***	,09***	,42***
ΔR ²		,03**	,23***		,03***	,32***
Пол	−,03	−,07	−,05	,01	,00	,02
Возраст	−,07	−,05	,01	,06	,12**	,19***
Образование	,07	,04	−,01	,02	−,01	−,07*
Дети	−,01	−,01	,02	−,02	−,01	,03
Доход (log)	,04	,04	−,04	,08*	,08	−,03
Имущество	,07*	,04	−,04	,13***	,09**	,00
Регион						
Асино	−,12	−,08	−,03	,07	,12	,17*
Кожевн.	,33***	,40***	,25**	,55***	,63***	,45***
Парабель	,10	,12	,16	,01	,05	,09
Число простых видов досуга		,09*	,04		,08*	,03
Число сложных видов досуга		,12**	,09*		,05	,02
Число хобби		,00	,00		−,02	−,03
Часов работы		,00	,05		,05	,11***
Часов телевидения		,03	,06		−,04	−,01
Поездки по России		,03	,03		,03	,03
Животные		,10**	,07*		,08*	,05*
Спорт		,02	−,04		,08*	,02
Личностный потенциал			,52***			,61***

Примечание: *** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$. Для номинальной переменной «регион» в качестве группы сравнения использован г. Томск.

Обсуждение результатов

Проект представляет собой первое исследование связи форм проведения досуга с личностным потенциалом и психологическим благополучием россиян на выборке одного из субъектов федерации. Полученные данные показывают, что жители региона чаще всего проводят время с друзьями, на прогулках или пикниках, а также в кино. Эмпирическая структура связей форм досуга свидетельствует о целесообразности их деления на «простые» и «сложные». Этот результат соответствует как нашим предыдущим исследованиям [Дымшиц, 2012], так и существующим классификациям, в основе которых лежит биполярное измерение, заданное про-

стыми, гедонистическими формами досуга, и сложными, способствующими развитию [Седова, 2009; Латова, 2019]. Выделение двух групп, а не трех, может определяться как использованным нами набором индикаторов, так и особенностями исследуемого региона, однако мы не претендуем на обобщенное описание форм досуга россиян, представленное в предыдущих работах [Рощина, 2007], а лишь стремимся поставить вопрос об их психологических предикторах. Следует отметить, что инфраструктура для «сложных» форм досуга (музеи, театры и т. д.) представлена только в больших городах, поэтому весь последующий анализ проведен с контролем переменной «регион».

Наиболее популярные домашние занятия (хобби) среди респондентов, составивших выборку, — цветоводство, шитье и мелкий ремонт, однако тот факт, что на второе место по частотности вышел вариант ответа «Другое», позволяет предполагать необходимость качественных серий исследования с открытыми вопросами для разработки классификатора домашних занятий. Эмпирическая структура хобби довольно неустойчива, деление на «творческие» и «практические» занятия не демонстрирует выраженных связей с другими переменными.

Возможно, отсутствие четких качественных различий между видами досуга и формами хобби связано с ограничением использованной анкеты, в рамках которой для каждого вопроса респонденты могли выбрать не более трех вариантов ответа без уточнения частоты соответствующих занятий. В дальнейших сериях исследования мы использовали вариант анкеты с балльной оценкой частоты каждого занятия по отдельности. Тем не менее общий показатель количества выбранных ответов для каждого вопроса, характеризующий разнообразие занятий, продемонстрировал предсказуемые связи как с демографическими, так и с психологическими переменными.

Основными демографическими предикторами разнообразия форм досуга являются возраст, образование, уровень дохода, а также регион, определяющий доступную досуговую инфраструктуру. Эти данные в целом хорошо согласуются с предыдущими данными одного из авторов, констатировавшего, что из числа социологических предикторов досуговой активности наибольшее влияние на ее уровень оказывают доход и образование, а также организационная доступность услуг в сфере культуры [Дымшиц, 2012]. В связи с последним отдельного внимания заслуживает Кожевниковский район, где имеет место меньшее разнообразие видов досуговой деятельности, однако и более высокий уровень психологического благополучия, что потенциально объясняется наличием инфраструктуры досуга (досуговые центры, занятия для детей и т. д.) с советских времен.

Общий показатель личностного потенциала демонстрирует слабые, но теоретически предсказуемые связи, свидетельствующие о том, что люди с более высоким личностным потенциалом имеют более разнообразный досуг и хобби и чаще занимаются спортом. Эти результаты соответствуют теории, согласно которой личностный потенциал, выступая интегральной характеристикой личностной зрелости, лежащей в основе способности личности к самодетерминации, помогает индивиду активнее взаимодействовать со средой, сохраняя при этом свои устойчивые внутренние ориентиры [Леонтьев, 2023]. Данные о том, что уровень личностного развития связан с ростом разнообразия видов деятельности, получены и с опо-

рой на другие модели, такие как модель уровня развития эго [Manners, Durkin, 2001; Ишанов, Осин, Костенко, 2018].

Интересно также, что формы досуга россиян показали достаточно слабые связи с психологическим благополучием: вклад конкретных форм досуга в показатель благополучия не превышал 2 % дисперсии. Лишь разнообразие видов досуга оказалось достаточно устойчиво связано с удовлетворенностью жизнью в целом и ощущением осмысленности времяпровождения. Последний показатель выглядит наиболее перспективным для будущих исследований.

Таким образом, главным результатом проведенного исследования выступает достаточно тривиальный тезис о том, что для групп населения разного возраста и уровня образования характерны разные формы досуга, а также менее тривиальный тезис о том, что качественные различия форм досуга не сказываются заметным образом на характеристиках субъективного благополучия, в отличие от общего разнообразия форм досуга: психологически благоприятна именно вариативность досуга, а не преобладание тех или иных его конкретных форм.

Ограничением исследования выступает его срезовой характер, а также кластерный характер выборки, что затрудняет обобщение на генеральную совокупность. Кроме того, паттерны досуга россиян могли измениться в связи с пандемией и прочими макросоциальными процессами. С целью проверки содержательных гипотез о долгосрочном вкладе личностного потенциала в динамику форм досуга и благополучия мы запланировали и провели лонгитюдное исследование с ежегодными срезами (2021—2023) на выборке жителей Томской и Кемеровской областей. В настоящее время идет обработка данных, их анализ будет представлен в следующих публикациях.

Список литературы (References)

1. Аргайл М. Психология счастья. М.: Питер, 2003.
Argyle M. (2003) *The Psychology of Happiness*. Moscow: Piter. (In Russ.)
2. Арямова Т. В. Занятия россиян в свободное время // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2014. № 1. С. 63—67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zanyatiya-rossiyan-v-svobodnoe-vremya> (дата обращения: 07.07.2024).
Aryamova T. V. (2014) The Activities of Russians in Their Free Time. *Bulletin of TIU&E*. No. 1. P. 63—67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zanyatiya-rossiyan-v-svobodnoe-vremya> (accessed: 07.07.2024). (In Russ.)
3. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Диагностика диспозиционного оптимизма, валидность и надежность опросника ТДО-П // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 34—55. <http://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-34-55>.
Gordeeva T., Sychev O., Osin E. (2021) Diagnostics of Dispositional Optimism: Validity and Reliability of Russian Version of LOT-R. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 19. No. 1. P. 34—55. <http://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-34-55>. (In Russ.)

4. Давыдова Н. М. Досуговые предпочтения населения в пореформенной России // *Изменяющаяся Россия в зеркале социологии* / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Летний сад, 2004. С. 145—159.
Davydova N. M. (2004) Leisure Preferences of the Population of Post-Reform Russia. In: M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova (eds.) *Changing Russia in the Mirror of Sociology*. Moscow: Letny sad. P. 145—159. (In Russ.)
5. Дымшиц М. Н. Социальные и экономические аспекты потребительского поведения на рынке развлекательных услуг // *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2012. Вып. 10. С. 234—245.
Dymshits M. N. (2012) Social and Economic Aspects of Consumer Behavior on the Market of Entertainment Services. *Bulletin of Russian State University for Humanities. Series: Economics, Management, Law*. Vol. 10. P. 234—245. (In Russ.)
6. Ишанов С. А., Осин Е. Н., Костенко В. Ю. Личностное развитие и качество уединения // *Культурно-историческая психология*. 2018. Т. 14. № 1. С. 30—40. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140104>
Ishanov S. A., Osin E. N., Kostenko V. Y. (2018) Personality Development and the Quality of Solitude. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. Vol. 14. No. 1. P. 30—40. (In Russ.)
7. Каравай А. Досуговая активность российской молодежи: основные типы и факторы выбора // *Вестник общественного мнения*. 2020. № 1—2. С. 130—140. URL: <https://www.levada.ru//cp/wp-content/uploads/2020/08/vom1-2020.pdf> (дата обращения: 07.07.2024).
Karavai A. (2020) Leisure Activity of Russian Youth: The Main Types and Factors of Choice. *Public Opinion Herald*. No. 1—2. P. 130—140. URL: <https://www.levada.ru//cp/wp-content/uploads/2020/08/vom1-2020.pdf> (accessed: 07.07.2024). (In Russ.)
8. Латова Н. В. Досуговые практики российских работников как фактор формирования их человеческого потенциала // *Социологические исследования*. 2019. № 11. С. 63—72. <https://doi.org/10.31857/S013216250007452-0>.
Latova N. V. (2019) Leisure Practices of Russian Employees as A Factor of Their Human Potential Formation. *Sociological Studies*. No. 11. P. 63—72. <https://doi.org/10.31857/S013216250007452-0>. (In Russ.)
9. Леонтьев Д. А. Культурное потребление в антропологическом и психологическом контексте // *Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований* / под ред. И. М. Быховской. М. : Смысл, 2010. С. 217—241.
Leontiev D. A. (2010) Cultural Consumption in the Anthropological and Psychological Contexts. In: Bykhovskaya I. M. (ed.) *Culturology: Fundamentals of Applied Research*. Moscow: Smysl. P. 217—241. (In Russ.)
10. Леонтьев Д. А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // *Психологический журнал*. 2020. Т. 41. № 6. С. 98—107. <https://doi.org/10.31857/S020595920012592-7>.

- Leontiev D. A. (2020) Quality of Life and Well-Being: Objective, Subjective and Agentic Aspects. *Psikhologicheskii zhurnal*. Vol. 41. No. 6. P. 86—95. <https://doi.org/10.31857/S020595920012592-7>. (In Russ.)
11. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал: оптика психологии // Образовательная политика. 2023. № 2. С. 20—30.
Leontiev D. A. (2023) Personality Potential: the optics of psychology. *Educational Politics*. No. 2. P. 20—30. (In Russ.)
 12. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Луковицкая Е. Г. Диагностика толерантности к неопределенности: шкалы Д. Маклейна. М.: Смысл, 2016.
Leontiev D. A., Osin E. N., Lukovitskaya E. G. (2016) Diagnostics of Tolerance for Ambiguity: D. McLein's Scales. Moscow: Smysl. (In Russ.)
 13. Осин Е. Н. Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 42—60. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2013-3-3/117908592.html> (дата обращения: 07.07.2024).
Osin E. N. (2013) Factor Structure of the Short Version of the Test of Hardiness. *Organizational Psychology*. Vol. 3. No. 3. P. 42—60. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2013-3-3/117908592.html> (accessed: 07.07.2024). (In Russ.)
 14. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117—142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>.
Osin E. N., Leontiev D. A. (2020) Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 117—142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>. (In Russ.)
 15. Осин Е. Н., Рассказова Е. И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147—165.
Osin E. N., Rasskazova E. I. (2013). A Brief Version of Hardiness Test: Psychometric Properties and Application in the Organizational Context. *Moscow University Bulletin. Series 14. Psychology*. No. 2. P. 147—165. (In Russ.)
 16. Рощина Я. М. Дифференциация стилей жизни россиян в поле досуга // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 4. С. 23—42.
Roschina Ya. M. (2007) Differentiation of Russians' life styles in the field of leisure. *Economic Sociology*. Vol 8. No. 4. P. 23—42. (In Russ.)
 17. Сапронов Д. В., Леонтьев Д. А. Личностный динамизм и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 66—84.
Sapronov D. V., Leontiev D. A. (2007) Personal Dynamism and Its Assessment. *Psychological Assessment*. No. 1. P. 66—84 (In Russ.)

18. Седова Н. Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56—68.
Sedova N. N. (2009) Leisure Activity of Population. *Sociological Studies*. Vol. 12. P. 56—68. (In Russ.)
19. Brajša-Žganec A., Merkaš M., Šverko I. (2011) Quality of Life and Leisure Activities: How do Leisure Activities Contribute to Subjective Well-Being? *Social Indicators Research*. Vol. 102. P. 81—91. <https://doi.org/10.1007/s11205-010-9724-2>.
20. Csikszentmihalyi M., LeFevre J. (1989) Optimal Experience in Work and Leisure. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 56. No. 5. P. 815—822. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.5.815>.
21. Dumazedier J. (1974) *Sociology of Leisure*. Amsterdam: Elsevier.
22. Iso-Ahola S.E., Baumeister R. (2023) Leisure and Meaning in Life. *Frontiers in Psychology*. Vol. 14. Art. 1074649. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1074649>.
23. Joireman J., King S. (2016) Individual Differences in the Consideration of Future and (More) Immediate Consequences: A Review and Directions for Future Research. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 10. No. 5. P. 313—326. <https://doi.org/10.1111/spc3.12252>.
24. Kuper N., Kroencke L., Harari G. M., Denissen J. J. (2023) Who Benefits from Which Activity? On the Relations Between Personality Traits, Leisure Activities, and Well-Being. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 125. No. 1. P. 141—172. <https://doi.org/10.1037/pspp0000438>.
25. Lloyd K. M., Auld C. J. (2002) The Roles of Leisure in Determining Quality of Life: Issues of Content and Measurement. *Social Indicators Research*. Vol. 57. No. 1. P. 43—71. <https://doi.org/10.1023/A:1013879518210>.
26. Manners J., Durkin K. (2001) A Critical Review of the Validity of Ego Development Theory and Its Measurement. *Journal of Personality Assessment*. Vol. 77. No. 3. P. 541—567. https://doi.org/10.1207/S15327752JPA7703_12.
27. Nawijn J., Veenhoven R. (2013) Happiness through Leisure. In: T. Freire (ed.) *Positive Leisure Science: From Subjective Experience to Social Contexts*. Dordrecht: Springer Science+Business Media. P. 193—209. http://dx.doi.org/10.1007/978-94-007-5058-6_11.
28. Newman D.B, Tay L., Diener E. (2014) Leisure and Subjective Well-Being: A Model of Psychological Mechanisms as Mediating Factors. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 15. P. 555—578. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9435-x>.
29. Osin E. N., Boniwell I. (2024) Positive Time Use: A Missing Link Between Time Perspective, Time Management, and Well-Being. *Frontiers in Psychology*. Vol. 15. Art. 1087932. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1087932>.
30. Parsons H., Mackenzie S. H., Filep S., Brymer E. (2019). Subjective Well-being and leisure. In: W. Leal Filho et al. (eds.) *Good Health and Well-Being*. Cham: Springer. P. 1—10.

31. Preacher K. J., Rucker D. D., Hayes A. F. (2007) Addressing Moderated Mediation Hypotheses: Theory, Methods, and Prescriptions. *Multivariate Behavioral Research*. Vol. 42. No. 1. P. 185—227. <https://doi.org/10.1080/00273170701341316>.
32. Roberts K. (2015) Leisure, Sociology of. In: Wright J. D. (ed.) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Amsterdam: Elsevier. P. 853—858. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.32144-4>.
33. Sirgy M. J., Uysal M., Kruger S. (2017) Towards a Benefits Theory of Leisure Well-Being. *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 12. P. 205—228. <https://doi.org/10.1007/s11482-016-9482-7>.
34. Snyder C. R., Rand K. L., Sigmon D. R. (2002) Hope Theory. In: C. R. Snyder, S. J. Lopez (eds.) *Handbook of Positive Psychology*. New York, NY: Oxford University Press. P. 257—276.
35. Stebbins R. (2021) Serious Leisure. *Society*. Vol. 35. No. 4. P. 53—57.
36. Vittersø J. (2011) Recreate or Create? Leisure as an Arena for Recovery and Change. In: R. Biswas-Diener (ed.) *Positive Psychology as Social Change*. New York, NY: Springer Science+Business Media B. V. P. 293—308. https://doi.org/10.1007/978-90-481-9938-9_16.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2590](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2590)

Е. М. Цыганова, А. К. Нисская

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРАРОДИТЕЛЕЙ О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ И МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ: ОПЫТ БАБУШЕК

Правильная ссылка на статью:

Цыганова Е. М., Нисская А. К. Представления прародителей о самостоятельности младших школьников и младших подростков: опыт бабушек // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 99—121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2590>.

For citation:

Tsyganova E. M., Nisskaya A. K. (2024) Grandparental Beliefs About the Autonomy of Elementary School Children and Younger Adolescents. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 99–121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2590>. (In Russ.)

Получено: 19.03.2024. Принято к публикации: 23.08.2024.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРАРОДИТЕЛЕЙ О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ И МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ: ОПЫТ БАБУШЕК

ЦЫГАНОВА Екатерина Михайловна — стажер-исследователь Центра исследований современного детства Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: etsyganova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>

НИССКАЯ Анастасия Константиновна — кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра исследований современного детства Института образования, доцент департамента образовательных программ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: anisskaya@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2684-5653>

Аннотация. Выполняя регулятивную, интегративную и социализирующую функции, являясь частью семейной системы, прародители выступают носителями представлений о самостоятельности, напрямую или опосредованно воздействующими на формирование таковой у детей. Имея опыт проживания в различных временных периодах и наблюдая социальные и культурные перемены российского общества, прародители могут репрезентативно воспроизвести трансформацию представлений о самостоятельности. Целью исследования стало изучение представлений бабушек о детской самостоятельности в прошлом и настоящем. В удобную выборку вошли 14 бабушек младших школьников 7—10 лет ($n = 7$) и младших подростков 11—14 ($n = 7$), в возрасте от 53 до 76 лет ($M = 65.27$; $SD = 7.72$), взаимодействующих с внуками на регулярной основе

GRANDPARENTAL BELIEFS ABOUT THE AUTONOMY OF ELEMENTARY SCHOOL CHILDREN AND YOUNGER ADOLESCENTS

Ekaterina M. TSYGANOVA¹ — Research Intern, Modern Childhood Research Center, Institute of Education

E-MAIL: etsyganova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>

Anastasiya K. NISSKAYA¹ — Cand. Sci. (Psych.), Research Fellow of the Modern Childhood Research Center, Institute of Education; Associate Professor at the Department of Educational Programmes, Institute of Education

E-MAIL: anisskaya@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2684-5653>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Carrying out regulatory, integrative and socializing functions, and being part of the family system, grandparents act as bearers of ideas about autonomy, directly or indirectly influencing its formation in children. Having experience of living in different time periods and observing social and cultural changes in Russian society, grandparents can representatively reproduce the transformation of ideas about autonomy. This study aimed at examining grandparental beliefs about children's autonomy in the past and present. The convenience sample included 14 grandmothers of younger schoolchildren aged 7—10 ($n = 7$) and younger adolescents aged 11—14 ($n = 7$). All the informants were aged 53 to 76 ($M = 65.27$; $SD = 7.72$), interacted with their grandchildren on a regular basis (several times a month, shared weekends, vacations) but not lived with them at the time of the study. While

(несколько раз в месяц, совместные выходные, каникулы), но не проживающих с ними на момент проведения исследования. Применен тематический анализ данных в пост-позитивистской парадигме.

По представлениям прародителей была воспроизведена структура самостоятельности как конструкта и ее девиация касательно возраста внуков. Подтвердились предположения о включенности в определение самостоятельности двух ее аспектов — независимости и волевого функционирования. Собственная самостоятельность (в прошлом) характеризуется как «несамостоятельность и дисциплина», самостоятельность второго поколения описывается через те же поведенческие характеристики. Самостоятельность современных детей обладает новыми характеристиками, такими как умение противостоять соблазнам среды и способность находить в интернете полезную информацию, мультизадачность (кружки, секции). В плане перемещений самостоятельность третьего поколения представляется более структурированной, нежели самостоятельность предыдущих поколений. Таким образом, прародители отмечают перемены в структуре воспринимаемой самостоятельности детей третьего поколения, но не в самостоятельности детей второго поколения по сравнению с собственной самостоятельностью в соответствующем возрасте.

Ключевые слова: прародители, представления, самостоятельность, волевое функционирование, независимость

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00416, <https://rscf.ru/project/22-18-00416/>.

processing the empirical data, the authors applied thematic data analysis (in a post-positivist paradigm).

The structure of autonomy as a construct and its deviation according to the age of the grandchildren were replicated according to the beliefs of the grandparents. The assumptions about the inclusion of two aspects of autonomy in the definition of autonomy — independence and volitional functioning — were confirmed. Own autonomy (in the past) was characterized as "non-autonomy and discipline", autonomy of the second generation was described through the same behavioral characteristics. The autonomy of modern children had new characteristics: the ability to resist the temptations of the environment, to multitask (attending clubs and sections) and the ability to find useful information on the Internet. In terms of mobility, the autonomy of the third generation seemed more structured than that of previous generations. Thus, grandparents noted changes in the structure of perceived autonomy of third-generation children, but not in the autonomy of second-generation children compared to their own autonomy at the corresponding age.

Keywords: grandparents, beliefs, autonomy, volitional functioning, independence

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-18-00416, <https://rscf.ru/project/22-18-00416/>.

Введение

Роль прародителей в семье. Трансгенерационная передача представлений

Исследования показывают активное участие российских прародителей в воспитании внуков. В период с 2016 по 2020 г. количество прародителей, вовлеченных в процесс ухода за внуком, выросло более чем на 83 % по данным Федеральной службы государственной статистики [Шмарова, 2022]. Срок их нахождения в роли прародителя также возрастает — вследствие увеличения продолжительности жизни и здоровья пожилого поколения [Шубат, Багирова, 2020]. Это задает актуальность привлечения данных, собранных на прародителях, в исследовательский дискурс о формировании ребенка в семейной системе: представления и убеждения прародителей могут сыграть роль в этом процессе.

Роль прародителей в жизни внуков широка. Они реализуют различные функции ухода за ними, моральной поддержки в тяжелых ситуациях и материальной помощи семье [Багирова, 2021]. Также прародители могут брать на себя ответственность по воспитанию [Westphal, Poortman, Van der Lippe, 2015; Pilkauskas, Dunifon, 2016], вовлекаться в принятие семейных решений вместо родителей при различных обстоятельствах, ограничивающих способности родителя (например, в случае физически уязвимого положения или недееспособности кого-то из членов семьи) [Gur, Gnaeem-Badran, Stein, 2021]. Вовлеченность в контексте воспитания внуков проявляется преимущественно через коммуникацию, приобщение к труду, сопровождение в перемещениях, организацию досуга и посещение культурных мероприятий [Багирова, 2021].

Прародители также являются частью коммуникационной сети современных детей. Развитие отношений между прародителями и внуками связано с увеличением ресурсов неформальной поддержки последних, что способствует их более гармоничному социально-эмоциональному функционированию [Bryant, 1985]. При этом совместная деятельность с прародителем также связана с воспринимаемыми преимуществами. Участники межпоколенческой коммуникации (прародители и внуки) описывают улучшение физического и психического здоровья, социальных навыков, настроения, отношений, самоопределения и чувства социальной включенности [Canedo-García et al., 2021]. В условиях, когда прародитель оказывается значимой фигурой в жизни семьи (на поддерживающей или основной позиции), общение и совместная деятельность с внуком могут стать площадкой для передачи представлений и ценностей прародителя.

В исследовании М. Пратта и коллег [Pratt et al., 2008] подростки, рассказывая об обучении ценностям в их семье, упоминают не только родителей, но и прародителей. Характер обучающей истории от прародителей может представлять собой рассказ о том, как бабушка/дедушка своими действиями в качестве примера проиллюстрировали какую-либо ценность, и историю реального взаимодействия между ребенком и бабушкой/дедушкой. Однако в исследовании второй тип рассказов встречался в два раза реже, чем первый. Это позволяет предположить, что передача ценностей от прародителей может восприниматься не только через непосредственное взаимодействие, но и через наблюдение за их действиями и образом жизни.

Можно отметить, что функция прародителей в семье не всегда линейна. Помимо прямого воздействия на внука, они могут оказывать на него влияние опосре-

дованно — через родителей. Работа К. Н. Зейдерс и коллег показывает характер такой связи [Zeiders et al., 2015]. Ценности и представления прародителей предсказывали их действия по отношению к собственным детям (например, поддержку и общение с ними после рождения внука). Поддержка прародителя, в свою очередь, предсказывала родительскую самоэффективность матерей (но только при высоком уровне предоставления автономии бабушками), а родительская самоэффективность матерей — более высокую социальную компетентность и академическое функционирование детей.

В контексте автономии внуков прародители считают, что они лучше, чем родители, оценивают его несоответствие критериям самостоятельности (например, отсутствие ответственности в принятии повседневных и жизненных решений, выражение собственного мнения, способность генерировать новые идеи) и признают важность строгости и дисциплинированности в воспитании для достижения этих задач развития [Hilaliyyah, Desiningrum, 2022]. При этом и родители, и прародители отмечают, что прародители склонны к попустительству в воспитании внуков, обусловленному желанием сохранить хорошие отношения с ними [ibid.]. Одной из причин несоответствия ожиданий с действиями может быть ролевое различие родительской и прародительской фигуры. При таких условиях при сохранении ценностных ориентиров в воспитании действия могут различаться с теми, которые бы предпринял родитель. При этом может возникать конфликтная ситуация с родителем, если расходятся взгляды на воспитание, что негативно сказывается на благополучии прародителей [Shorey, Ng, 2022]. Дополнительной трудностью для прародителей в контексте формирования детской автономии может стать необходимость регулировать собственные эмоции наравне с преодолением эмоциональных проблем внуков и их трудностей в межличностных отношениях [Hayslip et al., 2020].

Бабушка — особо значимая фигура в коммуникации с внуком. Данные российских опросов показывают преобладание среди вовлеченных в воспитание внука прародителей именно бабушек (в основном по материнской линии) [Шубат, Багирова, 2020]. Бабушка может напрямую (через совместное общение, деятельность, собственное поведение) или опосредованно (через родителей) транслировать свои ценности и представления. Среди таких представлений — взгляд на самостоятельность.

Представления о самостоятельности

В теоретических подходах самостоятельность в основном задается с двух (мотивационных) перспектив: независимости от других людей и способности действовать в соответствии с собственными интересами. Первый взгляд обсуждается в теории сепарации-индивидуации М. Малера и развивается у Дж. Хоффмана [Mahler, 1967; Hoffman, 1984]. С этой позиции самостоятельность ребенка достигается при обретении независимости от взрослых, в частности эмоциональной и функциональной. Вторая позиция задается теорией самодетерминации, выдвинутой Р. Райаном и Э. Деси [Ryan, Deci, 2000], где постулируется наличие трех базовых потребностей человека — в родстве, компетентности и автономии. Их удовлетворение необходимо для полной и удовлетворительной жизни человека,

а фрустрация ведет к психологическому неблагополучию. Потребность в родстве отражает желание индивида устанавливать теплые и близкие отношения с другими людьми. Потребность в компетентности — чувствовать себя эффективным в выполнении задач. Наконец, потребность в автономии выражается в стремлении самостоятельно организовывать деятельность и быть активным участником в построении собственной жизни.

Б. Соненс и коллеги [Soenens et al., 2017], объединяя эти два подхода, помещают их в одну рамку с четырьмя полюсами: зависимость, независимость, волевое функционирование и давление извне. Соответственно, овладение самостоятельностью, приближенное к полюсу независимости, будет подразумевать умение выполнять задачи без помощи взрослого, а к полюсу волевого функционирования — умение полагаться на собственные внутренние ориентиры при принятии решений. При этом возможно состояние, когда человек обладает и тем, и другим. Предположительно, представления прародителей о самостоятельности будут в некоторой степени опираться на эти компоненты. Однако по нашим убеждениям, восприятие конструкта претерпевает перемены в соответствии с требованиями времени, эпохи, что может отражаться в различии восприятия самостоятельности прародителями в их детстве, в детстве их детей и сейчас — в детстве их внуков.

Динамика представлений о самостоятельности и самостоятельном ребенке

Изменение условий жизни, состава семьи задавало и задает контекст, в котором формируются представления о желаемой самостоятельности и тех качествах, которые для нее необходимы. Д. Элkind [Elkind, 2009] рассуждает о смене модели семьи, произошедшей в середине прошлого столетия, описывая переход от закрытого «нуклеарного» ее устройства к «проницаемому». «Нуклеарная» семья подразумевает закрытую социальную ячейку — супружескую пару с детьми. В ней существуют ясные границы между миром детей и взрослых, а также между домашним пространством и остальными общественными зонами. Логично предположить, что самостоятельность ребенка в такой семье ограничена с позиции выбора, однако структурирована и понятна в плане нормативных ожиданий. Предположительно, такая конфигурация доминировала в детстве прародителей и оформляла становление их самостоятельности и представлений о ней.

«Проницаемой» же моделью Д. Элkind называет семью, для которой характерна открытость внешнему миру, а жизненные стили ее членов уникальны и разнообразны. Разнообразие способов построения жизни обеспечивает большую свободу для самореализации, однако вместе с этим увеличивается количество новых ситуаций, с которыми сталкивается семья, что может привести к повышенной тревожности родителя и снижению его самоэффективности [Gatrell, 2004]. В таких условиях самостоятельность может восприниматься не только как умение функционировать независимо от взрослых, но и как способность ориентироваться в пространстве возможностей, умение ставить цели и иметь систему направляющих внутренних ориентиров.

Однако есть и промежуточная модель между обозначенными выше. К концу 1980-х — началу 1990-х годов (время, ориентировочно приходящееся на детство родителей современных детей 7—11 лет) социальные условия в постсоветской

России были связаны с ухудшением экономического состояния граждан и ростом безработицы среди мужского населения [Назарова, 2003]. Вместе с тем данное время характеризуется как более свободное для реализации возможностей, например, в построении собственного бизнеса и принятии ответственности за свою жизнь [Storozheva, 2020]. Также пережившие этот период припоминают безопасность детства, радушность соседства, остатки коллективизма советской эпохи [там же]. Турбулентность этого периода, с одной стороны, и сохранение в нем советского менталитета, с другой [Omelchenko, Baldwin, 2003], могли задавать особый, нехарактерный для предыдущего и последующего периодов контекст формирования самостоятельности детей и желаемого образа самостоятельного ребенка у родителей.

Итак, можно выдвинуть предположение о различии привлекательных качеств самостоятельного ребенка у разных поколений: предпочтение дисциплинированности и послушания в детстве прародителей и возрастание значимости волевого функционирования в последующие периоды, приходящиеся на детство детей и внуков прародителей [Rutherford, 2009].

С учетом этого логичен вывод, что прародители в лице бабушек оказываются носителями представлений о самостоятельности и передают их современным детям. Проживание в различных временных периодах и наблюдение за социальными и культурными изменениями позволяет предположить, что бабушки могут рассказать о переменах представлений о самостоятельности в обществе. Целью настоящего исследования стало изучение представлений бабушек о детской самостоятельности в прошлом и настоящем.

Исследовательские вопросы:

- 1) Как прародители понимают самостоятельность в соответствии с возрастом школьника?
- 2) В чем заключаются аспекты проявления самостоятельности в прошлом и сейчас, по их мнению?
- 3) Как роль прародителей реализуется в контексте детской самостоятельности, по их мнению?

Методы и процедура исследования

Методологической базой исследования стала постпозитивистская парадигма, учитывающая вклад исследователя в коммуникацию с информантами и его влияние на интерпретацию полученных результатов. Перед началом работы авторы зафиксировали рефлексию собственных ожиданий, а в процессе работы вели исследовательские заметки.

Гайд для полуструктурированных интервью состоял из четырех блоков, отражающих видение самостоятельности школьника сегодня и в прошлом, ее понимание в различных возрастах детей и сферах реализации, различия между ожиданиями относительно самостоятельности внуков и их реальной самостоятельностью, а также обсуждение практик поддержки самостоятельности сегодня и в прошлом.

Была собрана удобная выборка. Ее составили бабушки младших школьников 7—10 лет ($n = 7$) и младших подростков 11—14 ($n = 7$) в возрасте от 53 до 76 лет ($M = 65,27$), взаимодействующие с внуками на регулярной основе (несколько раз

в месяц, совместные выходные, каникулы), но не проживающие с ними на момент проведения исследования. Девять информантов имели одного, пять — двух и более внуков в целевом возрасте. Место проживания информантов: семь проживали в городе-миллионнике (Москве), трое — в крупных и крупнейших городах (Пензе, Южно-Сахалинске), четыре — в средних и малых городах или сельской местности (Московской, Тверской, Ленинградской областях). Географическое распределение по объему городов проживания было выбрано с целью унификации социально-демографических показателей информантов. Ключевые характеристики информантов представлены в Приложении.

Интервью проводились в онлайн формате с марта по май 2023 г. Записи интервью были транскрибированы независимым лицом, не входящим в исследовательскую группу. Анализ данных был произведен в программе MAXQDA2022 путем тематического анализа [Braun, Clarke, 2006] — первичное кодирование, затем объединение кодов в более крупные, создание тем, в завершение — представление содержательной интерпретации данных в работе, формирование последовательного рассказа¹. Результаты представлены в виде двух блоков: сравнения представлений (1) об аспектах самостоятельности по возрастам детей (младший школьник и младший подросток) и (2) по условиям формирования самостоятельности по поколениям (детство бабушек, детство их детей и детство их внуков).

Результаты

Представления о самостоятельности младшего школьника

Самостоятельность младшего школьника проявляется в самостоятельном передвижении до школы или магазина, выполнении домашнего задания, заботе о домашних питомцах, самоорганизации досуга, общении со сверстниками, выборе из предложенных вариантов, инициативе (сообщении взрослому о желании что-либо сделать). Бытовыми навыками (готовкой, уборкой, мытьем посуды) по представлениям прародителей, дети в таком возрасте только начинают овладевать, часто при содействии и контроле родителя.

Это ребенок, который в состоянии сам решать... домашние задания, сам ходить в школу, ну, наверное, для маленького ребенка этого более чем достаточно. (Бабушка 60 лет, Москва, внучка 12 лет)

...У них кот есть, вот он за него в ответе. Кормит его, выгуливает... он сам себя обслуживает. Тоже может умыться. Там в туалет сам сходить, как бы покушать сам может, тут уже они его не кормят, в семь лет... сам себе он приготовить не может ничего покушать... Может играть с детьми, общаться, не знаю, некоторые на велосипеде не могут, как говорится... он может сам себя обслужить и как бы за себя постоять. (Бабушка 58 лет, Московская обл., внуки 5, 7 и 10 лет).

Инициативность описывалась преимущественно как сообщение родителям или прародителям о желании что-то сделать самому или совместно с ними. Из-за не-

¹ См. кодировочную таблицу: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionField?fileId=15740&hash=9af5a68c592abcf53d0b484a380de84c>.

достатка навыков в данном возрасте, по упоминаниям бабушек, такая интенция далее должна поддерживаться взрослым.

... Гулять без наблюдения бабушки, без мамы. Вот это самостоятельность. А если она, вот, например: «Я хочу гулять», — [отвечаем] «Ну иди, погуляй. Одевайся». А то ей было, ну поменьше, а перед школой [говорит]: «Ой, помоги мне колготки одеть» — «Но ты же уже сама большая, одевайся». — «Но я не могу». (Смех) Вот. А гулять — пожалуйста. Чтобы ее пустили и одну. (Бабушка 71 год, Тверская обл., внучка 8 лет)

Одна информантка упоминала инициативу в альтруистическом ключе — как желание быть полезным родителям: это то, что служит основой для независимости, мотивируя ребенка уметь выполнять задачи без помощи взрослых.

... Важно в ребенке воспитывать какое-то желание быть нужным в рамках тех возможностей и обязанностей, которые ему предлагаются для рассмотрения. Что, в общем-то, выполняя [свои обязанности], он облегчает и освобождает маму или папу для свободного времени, которое ему же и можно будет посвятить. (Бабушка 75 лет, Москва, внук 7 лет)

Несамостоятельный младший школьник видится как тот, кто не способен себя обслужить (одеться, обуться), не может найти общий язык со сверстниками, полагается на мнение родителей в бытовых вопросах. Однако в случае перемещений ориентирование на взрослых пока требуется в силу возраста и считается проявлением осторожности, послушности — положительных, по описаниям прародителей, качеств, сосуществующих вместе с самостоятельностью.

... Ребенок не знает, что ему одеть, хочет ли он гулять, хочет ли он что-то смотреть, телевизор, какую-то сказку или мультик какой-то. И постоянно будет спрашивать: «Мама, а это можно сделать? Мама, а это нельзя сделать? Мама, а это можно куда-то пойти?» «Баб, дай денежку, я пойду куплю мороженое». — «Пожалуйста». Это уже самостоятельность. А другой ребенок может не пойти, застеняется. (Бабушка 71 год, Тверская обл., внучка 8 лет)

Несамостоятельность одной информанткой описывалась как хитрость, полагание на содействие извне — просьба ребенка помочь выполнить действие при наличии способности и возможности сделать самому.

... [Может] сам одеваться, но иногда ему этого не хочется, то есть: «Ой, бабуля, помоги сапоги обуть, валенки поправить. Или застегнуть что-то, чтобы горло не прищемить». То есть ему иногда эту самостоятельность проявлять не хочется... Хотя он умеет все. (Бабушка 57 лет, Пенза, внуки 5 и 7 лет)

Четыре информантки также описывали чрезмерную самостоятельность — опасную инициативу, которая беспокоит прародителей и родителей и может привести к неблагоприятным последствиям для ребенка.

...Они такие самостоятельные, что ты очень переживаешь, что он самостоятельный. Лучше бы он не был таким (смех) самостоятельным. Лучше бы он был где-то тут недалеко, около. (Бабушка 62 года, Ленинградская обл., внучки 7 и 14 лет)

Упомянуется несколько причин несамостоятельности младших школьников: воспитание родителей, ограничивающих инициативу ребенка и принимающих за него решения, использование гаджетов, нейроособенности и склад характера.

Им суют телефончики — и все. Этим детей не видно, не слышно, и они там сидят и не хотят вообще развиваться. (Бабушка 62 года Ленинградская обл., внучки 7 и 14 лет)

Я как видела десятилетнего ребенка, который не может сам себя обслуживать и все прочее. Если у него нет, понимаете, каких-то отклонений в развитии. (Бабушка 58 лет, Московская обл., внуки 5, 7 и 10 лет)

Представления о самостоятельности младшего подростка

Описывая самостоятельность младшего подростка, прародители акцентируют внимание на коммуникативных навыках, планировании своей жизни, наличии собственной позиции и способности противостоять мнению других.

...Такое уже время, когда очень важны отношения со сверстниками. И человек должен, ребенок должен не идти на поводу у большинства или у какого-то ребенка, который [претендует на] лидерство, а принимать решение опять-таки самостоятельно, и, если ему это не нравится, как бы толпа и масса ни давила на него, он все равно остается верен себе. (Бабушка 60 лет, Москва, внучка 12 лет)

...Самостоятельное мышление =... он готов по поводу всего иметь свое собственное мнение. (Бабушка 68 лет, Москва, внуки 9 и 14 лет)

Ну, наверное, который... может распланировать свою детскую жизнь. (Бабушка 62 года, Москва, внучка 13 лет)

Несамостоятельный младший подросток описывается как не имеющий собственной позиции и не умеющий планировать свой день, активность, досуг. Ему требуются напоминания взрослых для регулирования собственного распорядка дня, удовлетворения голода и других нужд.

Ребенок несамостоятельный — это человек, который на вопрос «Это или это? Или это?» отвечает: «А мне все равно... Как скажут, так и будет». (Бабушка 60 лет, Москва, внучка 12 лет)

Тот, за которого собирают портфель, решают, что он будет есть, и сыт он или нет. Мама, там я... «Вася, иди домой». — «Я что, мне пора есть?» — «Нет, ты промок». Или там — нет, ты там спать хочешь. Ну и так далее. Вот из этой серии. Вот это несамостоятельный. (Бабушка, 62 года, Москва, внучке 13 лет)

Так же как и в случае с несамостоятельностью младшего школьника, несамостоятельность младшего подростка может объясняться поведением родителей, особенностям характера и нейроразвития ребенка, недостатком социализации и излишней увлеченностью гаджетами.

...Я бы не назвала внучку свою самостоятельной... она спокойно может приготовить обед, но в остальном мама очень сильно, пристально следит за ней. (Бабушка 62 года, Москва, внучке 13 лет)

Сейчас дети больше в телефонах, компьютерах сидят, а раньше-то дети активнее были и самостоятельнее были, и в кино ходили, и родителям помогали. (Бабушка 67 лет, Южно-Сахалинск, внук 12 лет)

Вот одна, старшая, в семь лет была довольно-таки самостоятельным человеком, которого можно было даже дома одного оставить ... вот другая внучка у меня совсем другая девочка. Она у нас одна не остается никогда. (Бабушка 62 года, Ленинградская обл., внучки 7 и 14 лет)

Самостоятельность в детстве первого поколения

В детстве бабушек проявление самостоятельности описывается через овладение бытовыми навыками (готовка, шитье), самостоятельные перемещения, самоорганизация обучения («делали все уроки сами»), бытовая независимость и дисциплина. Однако бабушки отмечают неспособность принимать собственные решения в детстве, подчиненность социальным ожиданиям и требованиям родителей. Самостоятельность обреталась за счет понятного организованного порядка жизни, воспринимаемой безопасности передвижений и нахождения на улице одним, отсутствия гаджетов, малого сопровождения родителями детей (например, вследствие загруженности по работе или заботы о других детях).

...У нас была несамостоятельность и дисциплина. Вот лично мне как ребенку, девочке, страшно что-то нарушить. Условно, я выполняла, какой-то такой кодекс заповедей, какая должна быть дочь. Вот первый класс, семь лет, у меня был младший брат новорожденный, и мама не смогла меня первого сентября встретить. Вот самостоятельность или нет, мне было ужасно страшно, вот какое время сейчас? Я пришла домой — там, наверное, десять дорог, мама там у двери чуть не упала. Не смогли [нпт] меня не встретить. Самостоятельность это или это жизненная какая-то необходимость? Вот я вышла, а меня никто не ждет. Я пошла, я знаю дорогу, я пошла, пошла, пошла, где-то я переходила дорогу, но я думаю, что в наше время это было реально. (Бабушка 57 лет, Пенза, внуки 5 и 7 лет)

Общение со сверстниками и инициация досуга описывались как области большой личной свободы, где можно было действовать без вмешательства взрослых.

Ну, в мое время были дома пионеров, у нас был дом пионеров, где было много кружков, и мы, дворовые ребята, ходили с удовольствием занимались кто чем, и во многих

кружках... Сейчас все платное в большинстве своем, все эти кружки. А у нас-то было просто в этом отношении. (Бабушка 76 лет, Москва, внуки 12 и 9 лет)

Свободные перемещения, быт и выполнение домашней работы также характеризовались как области, находящиеся без надзора.

Мы уходили на улицу. Утром в школу идешь, сам собираешься, никто тебя там не отвозит, ну, вы понимаете, это другое время... Я с первого класса ходила в школу сама. Вот. Приходишь, иногда там мама мне писала, что приготовить, на бумажке, как суп сварить, там все — сварила, поела, пошла с друзьями на улицу. И родители особо и не спрашивали чего, как. (Бабушка 71 год, Москва, внук 11 лет)

...Со мной уроков не делали никогда. Я сама всегда училась самостоятельно, даже папа не знал, в каком классе я учусь... Раньше так не было принято, чтобы родители сидели с детьми уроки делали. (Бабушка 76 лет, Москва, внуки 12 и 9 лет)

Все информантки, кроме двух, описывали себя как самостоятельных детей в бытовом плане и плане общения со сверстниками. Только две упоминали собственную несамостоятельность в этих областях. Одна описывала позднее знакомство с бытовыми обязанностями из-за пребывания матери дома и наличия сиблингов. Вторая рассказывала о вовлеченности взрослых в ее общение со сверстниками: с одной стороны, гиперопека со стороны прародителей сказалась негативно на ее самостоятельности в инициировании контактов, а с другой — вовлеченность мамы сыграла роль в установлении отношений.

У нас семья была большая, нас было девять человек у матери. Поэтому я была предпоследняя, я только в пятом классе в первый раз суп сварила. А остальное — мама не работала, старшие дети были. (Бабушка 71 год, Тверская обл., внучка 8 лет)

...У меня были сложности с коммуникациями, возможно, оттого что была гиперопека бабушки с бабушкой, и в какой-то момент моя мама... пришла в мою школу, на перемену, взяла за руку одну девочку, подвела ее ко мне... Мы дружим до сих пор. (Бабушка 68 лет, Москва, внучка 9 лет, внук 14 лет)

Самостоятельность в детстве второго поколения

Самостоятельность второго поколения описывалась с материнской позиции: гордость за ребенка, негодование от его действий или сожаление об упущенных возможностях взаимодействия с ним. Самостоятельность характеризовалась через овладение бытовыми навыками, учебу и выполнение домашней работы, свободные перемещения, помощь в уходе за сиблингами.

[Дочка] в девять лет уже и суп варила, и хлеб пекла... А сын ее полностью нянчил. Я работала одна. (Бабушка 71 год, Тверская обл., внучка 8 лет)

Я могла ее оставить, дома какие-то дела, могла... Но она занималась много. Она посещала там какие-то дополнительные занятия, когда у нее было свободное время, и она занималась, помогала мне с младшим ребенком (Бабушка, 62 года, Ленинградская обл., внукам 7 и 14 лет)

В одном случае упоминалось несогласие ребенка с позицией бабушки (матери на тот момент) — это характеризовалось как нежеланная самостоятельность, вызывающая раздражение и сожаление о недостатке совместного времени, вероятно, к этому приведшему.

... Слишком мало времени я проводила со своей дочерью и очень часто свою волю она выражала в скандальной форме и как противодействие моим каким-то словам. (Бабушка 62 года, Московская обл., внучка 8 лет)

В другом описывалась инициатива, которая вызывала беспокойство бабушки из-за невозможности контролировать происходящее, управлять поведением ребенка.

Она в 13 лет просто ушла из дома на месяц... Это был вот именно вот этот страшный гормональный как бы взрыв, когда они неуправляемы абсолютно. (Бабушка 60 лет, Москва, внучка 12 лет)

Большое внимание уделялось описанию различий самостоятельности детей, если их несколько. Обретение самостоятельности объяснялось особенностями характера или внешними условиями развития детей — заботой о сиблингах или отсутствием родителя дома вследствие работы.

Если [первый сын] рос фантазером и по жизни такими остался, [второй сын] был таким очень собранным, очень способным, он пошел в шесть лет в школу, в общем-то, уже тогда, ну, как бы, зная программу второго класса. И такой, ну, в общем-то, он очень осторожный был. (Бабушка 75 лет, Москва, внук 7 лет)

С моими детьми — они вообще рано самостоятельные. У меня вечно работа, с 8:00 до 6:00, потом приду, их накормлю, и мы на вторую работу идем куда-нибудь подработать. (Бабушка 71 год, Тверская обл., внучка 8 лет)

Бабушки указывали на особенности взросления второго поколения: условия стабильности, большей размеренности жизни, безопасности и меньшего количества отвлекающих факторов (например, яркая горка по дороге на развивающие занятия, смартфоны, игрушки в магазине), нежели в детстве третьего поколения.

30 лет назад у нас был день расписан, мы вставали, смотрели мультфильмы, и он шел там в школу, или еще куда-то... Мы жили как-то более размеренно... как-то по плану, что ли, вот как-то вот плановое, допустим хозяйство. Вот колея, была колея... Не было там каких-то автомобилей... факторов отвлекающих, интересующих было намного меньше, чем сейчас. (Бабушка 57 лет, Пенза, внуки 5 и 7 лет)

Самостоятельность в детстве третьего поколения

Самостоятельность у современного поколения детей, по описаниям бабушек, проявляется в бытовых делах, перемещениях, выполнении уроков, выборе продуктов питания, посещении кружков. К этому добавляется поиск полезных ресурсов в интернете и сопротивление отвлекающим стимулам в нем.

...На танцы, два раза в неделю, один день в неделю на рисование... рисовать, вот они там по два часа сидят, они самостоятельно фартуки надевают. Ну, она приготовит тоже сама. (Бабушка 71 год, Тверская обл., внучка 8 лет)

По-моему, они более самостоятельные, чем были мы или вот мои дети... более продвинутые. Я даже не знаю в силу чего. Может, в интернете понахватались самостоятельности... они просто знания оттуда черпают. Там же что ни спроси, на все ответ есть. И они сами могут чему-то научиться... Из того же интернета мне рассказывает там, что чеснок надо раздавить, прежде чем резать. (Бабушка 76 лет, Москва, внуки 12 и 9 лет)

Технический прогресс, по описаниям бабушек, может и способствовать, и препятствовать проявлению самостоятельности в сфере самоорганизации и быта. Так, гаджеты могут быть использованы для напоминаний и звонков, когда требуется помощь. В свою очередь, эксплуатация бытовой техники может негативно сказываться на способности поддерживать порядок дома.

Напоминание на телефон, сейчас очень хорошо то, что телефоны вот эти, все равно как бы есть от них польза. Можно и позвонить, как говорится, звонок другу сделать, там маме, папе, кому-то, да? Вот когда мне эту таблеточку выпить, какую, вот такую. Ну, и как бы всегда можно обратиться за помощью к кому-то. (Бабушка 58 лет, Московская обл., внуки 5, 7 и 10 лет)

У меня она моет посуду: на стульчик я ее поставлю, и она моет... А дома она посуду не моет. У них посудомоечная машина, (смех) так что... Вот это вот минус. (Бабушка 71 год, Тверская обл., внучка 8 лет)

Перемещения современного поколения по сравнению с тем, как они происходили в детстве бабушек или их детей, описывается как более организованное, структурированное (пространство свободы ребенка ограничено специальными игровыми площадками) и находящееся под надзором взрослых.

Мы самостоятельно гуляли с утра до вечера, играли в казаки-разбойники. За несколько кварталов могли стрелки эти рисовать, казаки. На улице проводили всей компанией дворовой днями. А сейчас вот нет, у нас сейчас во дворе тоже есть площадка, они молодцы, играют, хорошо. Устроили им хорошую площадку. (Бабушка 76 лет, Москва, внуки 12 и 9 лет)

Досуг также оказывается более структурирован взрослыми — сопровождение на кружки, материальное обеспечение их посещения. Такие условия связываются

информантами с опасностью среды для ребенка. Однако сопровождение, по мнению прародителей, отрицательно сказывается на самостоятельности ребенка.

Ну, им непросто быть самостоятельными, потому что у нас время непростое, да? Им требуется охрана постоянная или родители везут их в кружки, да? Самостоятельно они не очень-то могут куда-то пойти... Много негатива всякого, понимаешь, их подстерегает, мне кажется. (Бабушка 76 лет, Москва, внуки 12 и 9 лет)

А сейчас одного даже на занятия не принимают ребенка. Только с родителями. Ну не знаю, конечно, это не самостоятельность. (Бабушка 65 лет, Москва, внук 10 лет)

По описаниям информантов, генез самостоятельности современного поколения детей осуществляется в условиях информационной нагруженности, быстрого темпа жизни и общественной разобщенности.

...Люди стали более разобщены и более напряжены, и много какой-то внутренней агрессии. (Бабушка 75 лет, Москва, внук 7 лет)

Дети как-то, конечно, собраны, потому что, наверное, видя, как собраны родители, и вот эта вся бешенность ритмов, темпов, и всего... Из-за интенсивности жизни какой-то, я не знаю, мне кажется, что детки очень загружены информацией... Требования к ребенку, они возрастают. Нам надо дать вот это образование, нам надо дать язык, и танцы, и скрипку, и рояль. (Бабушка 57 лет, Пенза, внукам 5 и 7 лет)

Хотя повсеместное вмешательство взрослых в жизнь детей, направление и наставление, по описаниям бабушек, может препятствовать самостоятельности, такое внимание видится необходимым из-за условий быстрых перемен и большой неопределенности, к которой прародители и родители стремятся подготовить ребенка.

Очень серьезная включенность нас, взрослых, в их жизнь. Ну, особенно в подростковую... Нам надо все контролировать... Страшно что-то упустить, потому что все так быстро происходит, все меняется настолько быстро, что страшно, что ты что-то упустишь и чего-то недодашь им. [Страшно, что они могут] быть плохими, что они будут неудачниками... что ты что-то упустишь... что ты будешь каким-то не таким. (Бабушка 53 года, Южно-Сахалинск, внучка 13 лет)

Роль бабушек/матерей в воспитании самостоятельности ребенка

В воспитании самостоятельности приоритетная позиция отдается родителям. Основная функция бабушки заключается, по мнению информантов, в предоставлении заботы и любви, вовлечении в совместные бытовые дела, культурное просвещение, сопровождение при перемещениях и помощь в уроках, например, там, где родители не справляются или просят содействия.

Немного, конечно, у меня меньше ответственности за своих внуков, потому что я знаю, что есть мама, которая основной воспитатель. А я уже бабушка. Я уже как бы на вто-

ром плане, и мне в этом плане легче. Маме, конечно, гораздо сложнее. Мама отвечает за большее количество выполнения и решения всяких вопросов, чем я, бабушка. Я больше помогаю, наверное. (Бабушка 62 года, Ленинградская обл., внучки 7 и 14 лет)

...Стараюсь не лезть. Только если [дочь] попросит, скажет: «Мама, надо то-то, то-то». А так я стараюсь его... Или уже когда вижу, что он начинает что-нибудь, я говорю: «Вова...», а так я, у него есть мама и папа. (Бабушка 65 лет, Москва, внук 10 лет)

При этом прародители описывали и свою поддержку самостоятельности (независимости и волевого функционирования) детей через интеграцию в совместный досуг, обучение выполнению бытовых задач, а также диалог, способствующий выработке у ребенка собственной позиции.

...Я вот к самостоятельности внуков особо не приучала. Если вот только в плане каких-то занятий, допустим, вот [внучка], опять же, кулинарией увлекается. Когда я приезжаю к ней, а она говорит: «А что сегодня готовить?» (Бабушка 68 лет, Москва, внукам 9 и 14 лет)

Я, как бабушка, стараюсь, в общем-то, подталкивать больше все-таки, может быть, к принятию решения... то есть, а как ты думаешь, а согласен ли ты, когда мы с ним что-то делаем, в магазине... в каком-то выборе продукта. (Бабушка 57 лет, Пенза, внукам 5 и 7 лет)

Говоря о более теплых отношениях с внуками, нежели с детьми (11 информантов), о поддержке в большей мере, чем воспитании, бабушки описывали желание возместить недостаток родительской заботы.

...Отношение мамы и бабушки, оно абсолютно отличается, вот это я уже точно скажу... как будто сейчас я хочу дать им то, что, на мой взгляд, я, наверное, немножко недодала. (Бабушка 57 лет, Пенза, внуки 5 и 7 лет)

Слишком много, оглядываясь назад, я сейчас бы сделала по-другому... и сейчас, конечно, мне кажется, что я пытаюсь наверстать все упущенное, но это невозможно. (Бабушка 62 года, Московская обл., внучка 8 лет)

Две бабушки рассказали, что какое-то время воспитывали внуков наравне с родителями, и тогда их роль в формировании самостоятельности ребенка расширялась. Это происходило в том случае, когда родителям требовалась помощь или одного из родителей не было вовсе.

...Он мне говорит: «Бабушка, ты у меня вторая мама». Я с ним сидела до шести... Мама работала. Но он очень скучал за ней. (Бабушка 65 лет, Москва, внук 10 лет)

Наконец, информанты отмечали изменение семейных отношений: вследствие увеличения средовых выборов случился отход от принятой системы взаимодей-

ствия «взрослый — ребенок», и возросло количество возможных индивидуальных стратегий, требующих расстановки приоритетов, объяснений, диалога.

Раньше, конечно, было проще как-то в плане воспитания. Была какая-то система... Раньше больше дети на примерах воспитывались. На личных примерах в семье. А сейчас, поскольку много соблазнов, приходится и объяснять. Потому что в школе у одних, допустим, какие-то крутые игрушки, у кого-то нет. Вот уже и пошло дело. (Бабушка 71 год, Москва, внук 11лет)

Обсуждение результатов

Анализ результатов показал соответствие понимания самостоятельности бабушками структуре конструкта, выделяемой в научной литературе. Выделяемые аспекты самостоятельности включали умение обходиться без помощи взрослых и проявление интереса, инициативы ребенка, наличие собственной позиции, что соотносится с полюсами независимости и волевого функционирования, предложенными Б. Соненсом и коллегами [Soenens et al., 2017]. Аспект независимости описывался через конкретные наглядные действия — обладание навыками бытовой самостоятельности, самообслуживания, выполнение домашнего задания без помощи взрослых, перемещение без сопровождения, общение со сверстниками. Волевое функционирование описывалось как умение самостоятельно принимать решения, планировать, иметь собственное мнение, соблюдать «верность себе». Последняя категория привязывается к обществу, которое оказывает давление и препятствует реализации желаемого, но не к видимым действиям. Однако в определении бабушками волевого функционирования можно отметить некоторую размытость описаний, отсутствие конкретных примеров, что может объясняться самой характеристикой этого навыка как внутренней диспозиции, в отличие от независимости — внешне наблюдаемых действий.

Несамостоятельность, в свою очередь, проявляется в ориентировании на мнение взрослого и бытовую несостоятельность. При этом несамостоятельными не будут считаться действия, которые пока не соответствуют требованиям возраста и находятся на стадии развития.

В младшем школьном возрасте самостоятельность видится преимущественно через аспект независимости от взрослого в вопросах быта, самообслуживания и установления социальных контактов, инициатива позиционируется в формате озвучивания взрослому своих желаний. Последнее можно соотнести с аспектом волевого функционирования [ibid.] и с самостоятельным действием по Б. Эльконину, подразумевающему не только независимое его выполнение, но и желание действовать без ориентации на взрослого [Эльконин, 1989]. В младшем подростковом возрасте, по представлениям бабушек, самостоятельность расширяется — акцент смещается с навыков самообеспечения к навыкам самоорганизации, принятия решений.

Можно отметить, что бабушки корректно воспроизводят как составляющие аспекты самостоятельности, так и возрастные особенности ее формирования, что делает их экспертизу хорошим ресурсом для родителей. Исследования подтверждают это: родители используют разнообразные виды поиска информации о вос-

питании, но чаще всего прислушиваются к советам супругов, родителей и друзей [Михайлова, Сивак, 2018].

Удалось выявить воспринимаемые особенности самостоятельности в разных поколениях и условия ее формирования. По представлениям бабушек, в их детстве самостоятельность реализовывалась скорее как независимость [Soenens et al., 2017] — перемещения, досуг и обучение описывались как занятия, свободные от надзора взрослых, организовывались и реализовывались детьми, что способствовало их самостоятельности. В отношениях с родителями описывалась дисциплина, послушание, упоминались нормативные модели отношений. Самостоятельность первого поколения обреталась в условиях понятного организованного порядка жизни, воспринимаемой безопасности передвижений и нахождения на улице одним, отсутствия гаджетов, редкого сопровождения родителями детей (например, вследствие загруженности по работе или заботы о других детях). Прослеживается нарратив о безопасном советском детстве с преобладанием нуклеарной семьи с четко обозначенными ролевыми ожиданиями. В такой модели критерии наличия самостоятельности видны и понятны, что может облегчать достижимость самостоятельности, способствовать развитию мотивации и саморегуляции [Farooq, Asim, 2020].

Говоря о самостоятельности второго поколения в детском возрасте, прародители называли такие аспекты самостоятельности, как овладение бытовыми навыками, самоорганизация обучения, самостоятельное перемещение, помощь в уходе за сиблингами. Условия формирования самостоятельности детей описывались прародителями с позиции материнской роли. Так, материальные трудности, забота о сиблингах и родителях подавались, с одной стороны, как способствующие самостоятельности детей, с другой — как источник беспокойства бабушек по поводу достаточности их собственного присутствия в жизни детей. Воспринимаемые условия генеза самостоятельности второго поколения — стабильность, размеренность жизни, что только частично соотносится с исследованиями, описывающими социальный порядок того времени [Storozheva, 2020].

Самостоятельность у современного поколения детей, по описаниям бабушек, проявляется в навыках бытовой независимости (умение собрать рюкзак, например) и в выборах различного рода кружков, интересов, продуктов питания, навыках самообслуживания, противостоянии соблазнам. Говоря о самостоятельности внуков, прародители отмечали меньшую бытовую независимость и самоорганизацию, но большую инициативность и предприимчивость, нежели в их детстве, умение возразить, оспорить указания взрослых. Можно отметить расширение критериев самостоятельности в сторону волевого функционирования [Soenens et al., 2017], последствиями чего могут быть потеря видимости самостоятельности, размывание ее границ, уход от предметной закреплённости в личностные показатели. Генез самостоятельности, по ответам информантов, осуществляется в условиях быстрого темпа жизни и наличия гаджетов, что ставит детей перед особыми условиями, которых не было в жизни предыдущих поколений. В связи с этим описывалась обеспокоенность недостаточностью родительского и прародительского воспитания для подготовки третьего поколения детей к условиям современной реальности. Хотя исследования показывают снижение самоэффектив-

ности и возрастание тревоги родителей [Gatrell, 2004], вероятно, это может быть характерно и для прародителей.

Роль бабушки по описаниям информантов отличалась от роли матери. Если мать располагает приоритетной ответственностью за самостоятельность ребенка, бабушка — дополнительной, сопровождающей. Ее функция заключается в предоставлении заботы и любви, вовлечении в совместные бытовые дела, культурном просвещении, сопровождении при перемещениях и помощи в уроках.

Помимо более попустительского в сравнении с родителями стиля воспитания [Hilaliyyah, Desiningrum, 2022] и конфликтов с родителями внуков [Shorey, Ng, 2022], поддержке самостоятельности внуков бабушками может проявляться также в возмещении недостатка заботы о детях и смене формы поддержки самостоятельности (нормативных моделей воспитания [Elkind, 2009]) от предоставления примера к стратегиям большей включенности, диалогу с ребенком, способствующему формированию его индивидуального мнения.

Полученный материал расширяет понимание динамики конструкта самостоятельности — размытие конструкта, переход его критериев в сферу трудно характеризуемых феноменов, таких как выбор, «верность себе». Результаты данной работы могут быть использованы в формировании рекомендаций по поддержке самостоятельности для педагогов и родителей, особое внимание в которых будет уделено операционализации критериев самостоятельности и учету быстрого и насыщенного образа жизни современных детей.

Ограничения

Первое ограничение исследования заключается в частоте коммуникации прародителей с внуком. В воспитании самостоятельности внуков бабушки описывали свою второстепенную роль по сравнению с родителями, однако ответы могут отличаться, если воспитание осуществляется прародителями напрямую в случае отсутствия родителей или если прародители проживают с внуком на постоянной основе. Вторым ограничением исследования является небольшое количество информантов в выборке, что не позволяет с точной уверенностью констатировать исчерпаемость полученных результатов. Скорее, данное исследование — начальный этап в серии изучения взглядов прародителей на становление самостоятельности в разных поколениях. В перспективе исследования планируется расширение выборки через проведение количественного опроса прародителей об их трактовке самостоятельности и ее проявлениях в разные временные промежутки (в их детстве, в детстве их детей, сейчас).

Заключение

По представлениям прародителей в работе воспроизведена структура самостоятельности как конструкта, установлены различия в ее желаемом образе у внуков младшего школьного и младшего подросткового возраста. Подтвердились предположения о включенности в определение самостоятельности двух ее аспектов — независимости и волевого функционирования. Если независимость в младшем школьном возрасте видится как самообслуживание, а волевое функционирование — как озвучивание просьбы или инициативы что-то сделать, то в младшем подростковом

возрасте самостоятельность расширяется: независимость уже подразумевает вольность в коммуникативных навыках, планирование собственной жизни, а волевое функционирование — наличие и отстаивание собственной позиции.

Были изучены представления прародителей о самостоятельности в разных временных промежутках. Собственная самостоятельность характеризовалась как «не-самостоятельность и дисциплина», самостоятельность второго поколения описывалась через те же поведенческие характеристики. Во втором случае описание велось не с позиции ребенка, но с позиции родителя (возникал эмоциональный фон гордости, сожаления или негодования). Самостоятельность современных детей обладает новыми характеристиками: умение противостоять соблазнам среды, мультизадачность (кружки, секции) и способность находить в интернете полезную информацию. В плане перемещений самостоятельность третьего поколения предстает более структурированной, нежели самостоятельность предыдущих поколений.

В целом прародители отмечали перемены в структуре воспринимаемой самостоятельности детей третьего поколения, но не в самостоятельности детей второго поколения по сравнению с собственной самостоятельностью в соответствующем возрасте. Для подтверждения полученных выводов требуются количественные исследования представлений прародителей о самостоятельности.

Список литературы (References)

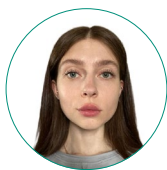
1. Багирова А. П. Объемы, формы и функции прародительского труда: оценки уральских родителей // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3. С. 33—42.
Bagirova A. P. (2021) Volumes, Forms and Functions of Grandparental Labor: Estimates of Ural Parents. *Social Policy and Sociology*. Vol. 20. No. 3. P. 33—42. (In Russ.)
2. Михайлова Я. Я., Сивак Е. В. Научное родительство? Что волнует родителей и какими источниками информации они пользуются. Вопросы образования. 2018. № 2. С. 8—25. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-2-8-25>.
Mikhailova Y. Y., Sivak E. V. (2018) Scientific Parenting? What Parents Care about and What Sources of Information They Use. *Educational Issues*. No. 2. P. 8—25. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-2-8-25>. (In Russ.)
3. Назарова И. Б. Здоровье российского населения: факторы и характеристики (90-е годы) // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 57—67.
Nazarova I. B. (2003) Health of the Russian Population: Factors and Characteristics (1990s). *Sociological Studies*. No. 11. P. 57—67. (In Russ.)
4. Шмарова И. В. Исследование динамики показателей, характеризующих социальное благополучие прародителей в России // Human Progress. 2022. Т. 8. № 4. С. 15. <https://doi.org/10.34709/IM.184.15>.
Shmarova I. V. (2022) Study of the Indicators' Dynamics Characterizing the General Parents' Social Welfare in Russia. *Human Progress*. Vol. 8. No. 4. Art. 15. <https://doi.org/10.34709/IM.184.15>. (In Russ.)

5. Шубат О. М., Багирова А. П. Продолжительность прародительства в России: статистические оценки и возможности управления в рамках национального проекта «Демография» // Вопросы управления. 2020. № 6. С. 142—155. Shubat O. M., Bagirova A. P. (2020) Duration of Grandparenthood in Russia: Statistical Assessments and Management Capabilities in the Framework of the National Project “Demography”. *Management Issues*. No. 6. P. 142—155. (In Russ.)
6. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. Jelconin D. B. (1989) Selected Psychological Works. Moscow: Pedagogy. (In Russ.)
7. Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*. Vol. 3. No. 2. P. 77—101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>.
8. Bryant B. K. (1985) Sources of Support Derived from the Neighborhood Walk. In: *The Neighborhood Walk: Sources of Support in Middle Childhood*. Vol. 50. No. 3. Hoboken, NJ: Wiley. P. 33—44. <https://doi.org/10.2307/3333847>.
9. Canedo-García A., García-Sánchez J. N., Díaz-Prieto C., Pacheco-Sanz D. I. (2021) Evaluation of the Benefits, Satisfaction, and Limitations of Intergenerational Face-To-Face Activities: A General Population Survey in Spain. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No. 18. Art. 9683. <https://doi.org/10.3390/ijerph18189683>.
10. Elkind D. (2009) *Ties that Stress: The New Family Imbalance*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
11. Farooq M. S., Asim I. (2020) Parental Involvement as Predictor for Self-Regulated Learning and Academic Achievement of Students at Secondary School Level. *Journal of Educational Sciences & Research*. Vol. 7. No. 1. Art. 14.
12. Gatrell C. (2004) *Hard Labour: The Sociology of Parenthood*. Maidenhead, Blacklick: Open University Press, McGraw-Hill Education.
13. Gur A., Gnaeem-Badran L., Stein M. A. (2021) The Role of Grandparents in Israeli Muslim Families with Intellectually Disabled Fathers: Social Workers’ Perspectives. *Social Work*. Vol. 66. No. 2. P. 139—147. <https://doi.org/10.1093/sw/swab006>.
14. Hayslip B., Knight R. P., Page K. S., Phillips C. (2020) Thematic Dimensions of Grandparent Caregiving: A Focus Group Approach. *GrandFamilies: The Contemporary Journal of Research, Practice and Policy*. Vol. 6. No. 1. Art. 5.
15. Hilaliyyah D. S. R., Desiningrum D. R. (2022) Parenting and Grandparenting: Perceived about Emotional Autonomy of Teenagers. In: *Proceedings of International Conference on Psychological Studies (ICPSYCHE)*. Vol. 3. Kedungjaya: International Journal Labs. P. 235—244.
16. Hoffman J. A. (1984) Psychological Separation of Late Adolescents from their Parents. *Journal of Counseling Psychology*. Vol. 31. No. 2. P. 170—178. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.31.2.170>.

17. Mahler M. S. (1967) On Human Symbiosis and the Vicissitudes of Individuation. *Journal of the American Psychoanalytic Association*. Vol. 15. No. 4. P. 740—763. <https://doi.org/10.1177/000306516701500401>.
18. Omelchenko E., Baldwin R. (2012) Russian Youth from the 1990s until 2010: Generational Changes. In: Henseler C. (ed.) *Generation X Goes Global: Mapping Youth Culture in Motion*. New York, NY: Routledge. P. 248—268. <https://doi.org/10.4324/9780203100219>.
19. Pilkauskas N. V., Dunifon R. E. (2016) Understanding Grandfamilies: Characteristics of Grandparents, Nonresident Parents, and Children. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 78. No 3. P. 623—633. <https://doi.org/10.1111/jomf.12291>.
20. Pratt M. W., Norris J. E., Hebblethwaite S., Arnold M. L. (2008) Intergenerational Transmission of Values: Family Generativity and Adolescents' Narratives of Parent and Grandparent Value Teaching. *Journal of Personality*. Vol. 76. No. 2. P. 171—198. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00483.x>.
21. Shorey S., Ng E. D. (2022) A social — Ecological Model of Grandparenting Experiences: A Systematic Review. *The Gerontologist*. Vol. 62. No. 3. <https://doi.org/10.1093/geront/gnaa172>.
22. Rutherford M. B. (2009) Children's Autonomy and Responsibility: An Analysis of Childrearing Advice. *Qualitative Sociology*. Vol. 32. P. 33—353. <https://doi.org/10.1007/s11133-009-9136-2>.
23. Ryan R. M., Deci E. L. (2000) Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist*. Vol. 55. No. 1. P. 68—78. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>.
24. Soenens B., Vansteenkiste M., Petegem S. V., Beyers W., Ryan R. (2017) How to Solve the Conundrum of Adolescent Autonomy? On the Importance of Distinguishing between Independence and Volitional Functioning. In: Soenens B., Vansteenkiste M., Petegem (eds.) *Autonomy in Adolescent Development: Towards Conceptual Clarity*. London: Psychology Press. P. 1—32.
25. Storozheva O. (2020) Opinion and Attitude Formation by Russian Youths on the Fall of the USSR and the following 1990s. Diplomová práce, vedoucí Nykl, Hanuš. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav východoevropských studií.
26. Westphal S. K., Poortman A. R., Van der Lippe T. (2015) What about the Grandparents? Children's Postdivorce Residence Arrangements and Contact with Grandparents. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 77. No. 2. P. 424—440. <https://doi.org/10.1111/jomf.12173>.
27. Zeiders K. H., Umaña-Taylor A. J., Jahromi L. B., Updegraff K. A. (2015) Grandmothers' Familism Values, Adolescent Mothers' Parenting Efficacy, and Children's Well-Being. *Journal of Family Psychology*. Vol. 29. No. 4. P. 624. <https://doi.org/10.1037/fam0000103>.

Приложение 1. Информанты

№	Пол	Воз- раст	Место жительства	Возраст и пол внуков	Род занятости
1	Ж	58	Московская обл.	5Ж, 7М, 10М	Библиотекарь в школе
2	Ж	71	Тверская обл.	8Ж	Бухгалтер (на пенсии)
3	Ж	75	Москва	7М	Инженер (на пенсии)
4	Ж	57	Пенза	5М, 7М	Инженер
5	Ж	62	Ленинградская обл.	7Ж, 14Ж	Администратор в детском центре (на пенсии)
6	Ж	60	Москва	12Ж	Журналист (на пенсии)
7	Ж	68	Москва	9Ж, 14М	Искусствовед
8	Ж	62	Москва	13Ж	Педагог-психолог
9	Ж	67	Южно-Сахалинск	12М	Серебряный волонтер
10	Ж	76	Москва	12М, 9Ж	Воспитательница в частной школе (на пенсии)
11	Ж	71	Москва	11М	Писательница (на пенсии)
12	Ж	62	Московская обл.	8Ж	Домохозяйка
13	Ж	65	Москва	10М	Агроном (на пенсии)
14	Ж	53	Южно-Сахалинск	13Ж	Учитель в школе

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2673](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2673)**Д. Е. Карева, Д. А. Стужук, С. Ю. Амшаринская****ВЗАИМОСВЯЗЬ ОДИНОЧЕСТВА И ОБРАЗА ЖИЗНИ
В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ****Правильная ссылка на статью:**

Карева Д. Е., Стужук Д. А., Амшаринская С. Ю. Взаимосвязь одиночества и образа жизни в пожилом возрасте // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 122—144. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2673>.

For citation:

Kareva D. E., Stuzhuk D. A., Amsharinskaya S. Y. (2024) The Relationship Between Loneliness and Lifestyle in Old Age. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 122–144. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2673>. (In Russ.)

Получено: 19.08.2024. Принято к публикации: 05.11.2024.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОДИНОЧЕСТВА И ОБРАЗА ЖИЗНИ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

КАРЕВА Дарья Евгеньевна — научный сотрудник, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dkareva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2076-7391>

СТУЖУК Дарья Андреевна — стажер-исследователь, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dstuzhuk@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0002-6786-9942>

АМШАРИНСКАЯ Станислава Юрьевна — стажер-исследователь, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: samsharinskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0006-6520-8867>

Аннотация. Феномен одиночества может оцениваться и изучаться в рамках различных подходов. В данной работе анализируется субъективное и объективное одиночество, определяемые как чувство одиночества (шкала UCLA) и социальная изоляция (одинокое проживание и редкие личные контакты) соответственно. При этом восприятие одиночества как позитивного или негативного состояния может определять предрасположенность к сокращению личных контактов или усилению субъективных переживаний. В пожилом возрасте происходит постепенный переход к новому жизненному этапу, сопряженному со сменой ролей, сокращением социальных контактов, изменением образа жизни, что повышает риски одиночества и обуславливает актуальность изучения этой группы населения.

THE RELATIONSHIP BETWEEN LONELINESS AND LIFESTYLE IN OLD AGE

*Darya E. KAREVA*¹ — Research Fellow, Institute for Social Policy
E-MAIL: dkareva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2076-7391>

*Daria A. STUZHUK*¹ — Research Assistant, Institute for Social Policy
E-MAIL: dstuzhuk@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0002-6786-9942>

*Stanislava Yu. AMSHARINSKAYA*¹ — Research Assistant, Institute for Social Policy
E-MAIL: samsharinskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0006-6520-8867>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The phenomenon of solitude could be evaluated and examined within various theoretical approaches. This paper analyses subjective loneliness, defined as the subjective experience of loneliness (UCLA scale), and objective social isolation (living alone and infrequent personal contact). Conversely, the perception of either loneliness or solitude may determine the predisposition to reduce personal contacts or increase subjective experiences. As individuals age, they experience a gradual transition to a new life course stage, characterized by a shift in roles, a reduction in social contacts, and changes in lifestyle. The transition increases the risk of loneliness and underscores the importance of studying this population group.

Целью исследования является оценка взаимосвязи чувства одиночества и социальной изоляции с образом жизни пожилых в России, а также сопоставление предикторов, влияющих на субъективное и объективное одиночество. Эмпирически работа опирается на данные онлайн-опроса, репрезентирующего россиян 20—74 лет, имеющих доступ к интернету. К пожилым в работе относится население 50—74 лет. Для оценки взаимосвязи одиночества и образа жизни построены бинарные логистические регрессии отдельно для объективного и субъективного показателей одиночества. Образ жизни пожилых определяется как совокупность досуговых активностей (физической, социальной, развлекательной, образовательной и общественной деятельности) и психологических конструкторов, которые могут обуславливать психоэмоциональное состояние пожилых, их предпочтения и отношение к одиночеству (шкала тревожности и депрессии PHQ-4, дифференциальный опросник переживания одиночества ДОПО-3к).

Анализ свидетельствует, что субъективное одиночество (чувство одиночества), в отличие от социальной изоляции, связано с более высокой потребностью в общении и меньшей предрасположенностью к позитивному восприятию одиночества. Регулярное участие в волонтерской деятельности или оказании помощи близким способствует снижению чувства одиночества, как и посещение развлекательных мероприятий. Полученные результаты могут быть использованы при разработке адресной политики в интересах старшего поколения и развитии программ активного долголетия в России.

Ключевые слова: одиночество, уединение, образ жизни, модели поведения, пожилое население, дифференциальный опросник переживания одиночества

The objective of this study is to examine the relationship between loneliness or social isolation and the lifestyle of the elderly population in Russia, as well as to identify the key predictors of loneliness and social isolation in this age group. Empirically, the study bases on the data from an online survey conducted on a representative sample of Russian citizens aged 20—74 years old with access to the Internet. The term old age is used in this paper to refer to the population aged 50—74 years old. To assess the relationship between loneliness and lifestyle, the authors estimate binary logistic regressions separately for social isolation and loneliness. Regarding lifestyle, the authors consider a set of leisure activities (physical, social, recreational, educational, and community activities) and psychological constructs that may influence the psychological and emotional state of the elderly, their preferences and attitudes towards loneliness (Anxiety and Depression Scale PHQ-4, Differential Questionnaire of Loneliness Experience DQLE-3k).

The analysis shows that subjective loneliness (feeling of loneliness), as opposed to social isolation, is associated with a greater need for communication and a lower predisposition to a positive perception of solitude. Regular participation in volunteer work or helping loved ones contributes to reducing the feeling of loneliness, as does participation in recreational activities. The results can be used to develop of targeted policies in the interests of the older generation and to promote the further development of active ageing programmes in Russia.

Keywords: loneliness, solitude, lifestyle, behavior patterns, older age, differential questionnaire for experiencing loneliness

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325). Авторы выражают благодарность О. В. Сивянской за рекомендации по усовершенствованию исследования.

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325). The authors express their gratitude to O. V. Sinyavskaya for her recommendations on improving the research.

Введение

Особенность исследований одиночества заключается в отсутствии единого подхода к его определению в разных дисциплинах, что приводит к нечеткости данного понятия, особенно в русскоязычной литературе. Одиночество может оцениваться как с субъективной точки зрения — отсутствие близких привязанностей, эмоциональной поддержки, так и объективно — одинокое проживание, непосредственное отсутствие или ограниченность социальных связей и контактов, иначе называемое социальной изоляцией [Weiss, 1973]. При этом состояние одиночества может восприниматься человеком как позитивно, так и негативно [Gierveld, Tilburg, Dykstra, 2018]. Отношение к одиночеству может обуславливать predisposedness к ограничению общения или усиливать субъективные переживания.

Актуальность исследования проблемы субъективного одиночества и социальной изоляции пожилых во многом объясняется общемировой тенденцией старения населения. Несмотря на то что с ситуацией социальной изоляции и хотя бы временным чувством одиночества человек может сталкиваться на протяжении всей жизни, исследования показывают, что пожилое население — одна из наиболее уязвимых групп [Fakoуа, McCorry, Donnelly, 2020]. В пожилом возрасте происходит переход к новому этапу жизненного пути, сопровождаемому сменой ролей и сокращением социальных контактов ввиду завершения трудовой деятельности, утраты близких, ухудшения здоровья, снижения мобильности¹, что повышает риски как субъективного, так и объективного одиночества [Courtin, Knapp, 2017].

Исследования подтверждают, что одиночество повышает распространенность поведенческих факторов риска [Leigh-Hunt et al., 2017], ухудшает физическое и ментальное здоровье [Meltzer et al., 2013], повышает вероятность наступления преждевременной смерти [Holt-Lunstad et al., 2015]. Некоторые работы показывают, что одиночество может выступать инструментом для сохранения независимости и снижения бремени излишних семейных обязанностей [Елютина, Трофимова, 2017], уединения и самопознания [Rokach, Orzeck, Neto, 2004].

Стоит отметить, что труды, посвященные изучению взаимосвязи образа жизни и одиночества пожилых, немногочисленны и фокусируются преимущественно на рассмотрении отдельных активностей [Teh, Teу, 2019; Елютина, Трофимова, 2017]. Среди российских исследований в данном поле выделяются работы

¹ Social Isolation and Loneliness Among Older People: Advocacy Brief. Geneva: World Health Organization, 2021. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240030749> (дата обращения: 10.12.2024).

М. Елютиной и О. Трофимовой, изучавших опыт переживания одиночества пожилыми и механизмы его преодоления [Елютина, Трофимова, 2017], а также А. Лазаревой и О. Медведевой, рассматривавших социально-психологические факторы одиночества и самоизоляции пожилых [Лазарева, Медведева, 2020]. Ряд российских авторов анализировали досуг пожилых в контексте преодоления одиночества [Соболева, 2020; Акутина, Столярова, 2021]. При этом исследования показывают, что ведение активного образа жизни и наличие досуга способствуют успешной адаптации пожилых к новому этапу жизненного пути и более высокому уровню субъективного благополучия [Zhang et al., 2017; Teh, Teу, 2019].

Преимущество нашего исследования заключается в использовании более комплексного подхода к определению образа жизни пожилых и изучении его взаимосвязи с одиночеством, а также сопоставлении оценок субъективного и объективного одиночества. Таким образом, *целью работы* выступает анализ взаимосвязи чувства одиночества и социальной изоляции с образом жизни пожилых в России, а также сопоставление предикторов, влияющих на субъективное и объективное одиночество. Для достижения поставленной цели в 2023 г. ВЦИОМ по заказу НИУ ВШЭ провел онлайн-опрос, посвященный различным аспектам одиночества в России. Выборка репрезентирует население РФ 20—74 лет, имеющее доступ к интернету. К пожилым относятся респонденты в возрасте 50—74 лет.

В рамках исследования объективное одиночество (социальная изоляция) определяется как фактическое ограничение (или полное отсутствие) социальных связей. Под субъективным одиночеством (чувством одиночества) мы понимаем переживание человека от недостатка общения, чувства покинутости или ощущения изоляции от других людей. Данные определения не дублируют друг друга, так как операционализируются на основе различных вопросов. Образ жизни в работе определяется через набор досуговых активностей и психологических конструктов, которые могут обуславливать психоэмоциональное состояние пожилых, их предпочтительные виды деятельности и отношение к одиночеству (шкала тревожности и депрессии RNQ-4, дифференциальный опросник переживания одиночества ДОПО-3к). Взаимосвязь одиночества и образа жизни анализируется на основе бинарных логистических регрессий.

Статья состоит из обзора академической литературы, посвященной связи одиночества и образа жизни, описания данных и методов исследования, представления результатов регрессионного анализа и завершается изложением основных выводов.

Влияние образа жизни на одиночество

Образ жизни — достаточно общее понятие, в литературе не существует его единого определения. В исследованиях образ жизни зачастую используется и операционализируется по-разному в зависимости от области и цели исследования. Он может включать не только непосредственно действия и поведение человека (его повседневную деятельность), но и некоторые «внутренние» характеристики, лежащие в их основе, например установки и ценности (психологический подход) [Brivio et al., 2023]. Таким образом, для изучения образа жизни пожилых мы включили как досуговую активность/деятельность пожилых, так и некоторые психоло-

гические конструкты, отражающие психоэмоциональное состояние пожилых и их отношение к одиночеству.

В зарубежных исследованиях досуговая активность рассматривается преимущественно как фактор укрепления благополучия и здоровья пожилых. Под досугом, как правило, понимается физическая, социальная или интеллектуальная деятельность, выполняемая в свободное от работы время, при этом с улучшением состояния пожилых в большей степени связана физическая и социальная активность [Henning et al., 2021]. Исследователи отмечают, что образ жизни, в котором уделяется особое внимание таким активностям, способен смягчить негативное влияние социальной изоляции. Например, физическая активность позволяет выходить из депрессивных состояний, снижает тревожность [Heaney, Carroll, Phillips, 2014] и уровень одиночества [Kim et al., 2017]. Израильский опрос населения старше 65 лет показывает, что ощущение одиночества выше среди малоподвижных пожилых и, наоборот, ниже среди тех, кто ведет активный образ жизни. Стоит отметить, что именно чувство одиночества, а не одинокое проживание, в большей степени связано с низкой вовлеченностью в физическую активность [Netz et al., 2013].

Досуговая деятельность помогает пожилым испытывать чувство вовлеченности и принадлежности, ощущать поддержку в трудную минуту, что в свою очередь позволяет легче преодолевать негативные жизненные события [Chao, 2016]. Расширение социальных связей за счет разнообразной активности смягчает негативные эффекты чувства одиночества и нивелирует сопутствующий стресс [Yoshida et al., 2021]. Анализ данных опроса населения старше 60 лет, проведенный в Китае, подтверждает наличие опосредованного влияния досуга на улучшение ментального состояния [Zhang, Qing, Zhang, 2021]. Однако в исследованиях отмечается взаимное влияние досуга и социальных контактов. С одной стороны, досуговая деятельность способствует расширению сети социальных связей, с другой стороны, они же могут стимулировать более активную вовлеченность в досуговые активности [Тоероел, 2013]. В то же время занятие делом, приносящим удовольствие, само по себе вызывает положительные эмоции [Dupuis, Smale, 1995].

Несмотря на убедительные доказательства значимости физической активности и социального досуга для снижения одиночества и повышения благополучия, российские исследования показывают, что среди пожилых россиян такие виды активности недостаточно распространены. Например, согласно данным опроса ВЦИОМ², среди россиян старше 60 лет только 36% опрошенных занимались физической нагрузкой не менее 1 часа в неделю и 24% посещали культурно-развлекательные мероприятия³.

Еще одним видом активности, повышающим удовлетворенность жизнью и снижающим одиночество в пожилом возрасте, является волонтерство. Такая деятельность позволяет пожилым оставаться вовлеченными в общественную жизнь, способствует социальной активности, дает чувство нужности и включенности [Sundström, Blomqvist, Edberg, 2021]. Особенно актуальным участие в волонтер-

² Опрос проведен в мае 2021 г. методом телефонного интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров, выборка 1 600 россиян в возрасте от 18 лет.

³ Активная жизнь на пенсии // ВЦИОМ. 2021. 28 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aktivnaja-zhizn-na-pensii> (дата обращения: 11.06.2024).

ской деятельности может быть для пожилых, не имеющих или утративших родственные связи [Li, 2007], в том числе потому, что волонтерство дает возможность включаться в новые социальные роли вне семейного окружения [Lee, 2022]. В России организованная добровольческая деятельность среди пожилых распространена значительно меньше, чем, например, в странах Европы и США [Соболева, 2020]. По данным ВЦИОМ, это наименее распространенный вид активности пожилых старше 60 лет — в нее вовлечены лишь 12%⁴.

Среди факторов, повышающих риски одиночества в пожилом возрасте, стоит отметить прекращение трудовой деятельности. Исследования показывают, что неработающие пенсионеры чаще испытывают чувство одиночества и отмечают ухудшение физического и ментального здоровья [Wang, 2007]. Сохранение занятости может способствовать поддержанию привычного образа жизни и снижает негативные эмоциональные последствия, такие как утрата самоидентификации, чувства принадлежности и собственной значимости [Yan et al., 2023]. Продолжение трудовой деятельности помогает поддерживать социальные связи [Loi, Shultz, 2007]. Однако если семейная и общественная жизнь приносила больше удовольствия, чем работа, то выход на пенсию может расцениваться положительно [Henning et al., 2021]. Высвобождение свободного времени после выхода на пенсию дает возможность заниматься тем, что приходилось откладывать по причине трудовой деятельности.

Исследователи отмечают, что взаимодействие с другими людьми способствует снижению чувства одиночества, а наиболее значимое воздействие оказывает общение с семьей [Henning et al., 2021; Pettigrew, 2007; Teh, Tey, 2019]. В частности, уход за внуками снижает риски субъективного одиночества [Szabó, Neely, Stephens, 2021]. Пожилые россияне зачастую вовлечены в деятельность по уходу за семьей, в первую очередь за детьми и внуками [Varlamova, Sinyavskaya, 2021], это подтверждается и данными ВЦИОМ⁵. Отсутствие возможности лично взаимодействовать с близкими приводит к более высокому уровню ощущения одиночества.

Для пожилых также важно сохранение устоявшихся дружеских связей: общение с друзьями снижает ощущение одиночества, однако по мере старения поддерживать отношения становится сложнее, и влияние дружеского общения на чувство одиночества после 65 лет ослабевает [Nicolaisen, Thorsen, 2017]. Примечательно, что, по данным ВЦИОМ, россияне старше 60 лет ведут достаточно активную социальную жизнь — 87% хотя бы несколько раз в неделю встречаются с родственниками и/или друзьями и знакомыми⁶.

Принимая во внимание существующие подтверждения позитивного влияния активного образа жизни, мы предполагаем, что те пожилые, кто ведет более активный образ жизни — регулярно занимается физической активностью, общается с друзьями и близкими, занимается волонтерством или другими активностями, включен в семейную деятельность, — будут реже ощущать субъективное одиночество и оказываться в социальной изоляции (гипотеза 1).

⁴ Активная жизнь на пенсии // ВЦИОМ. 2021. 28 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aktivnaja-zhizn-na-pensii> (дата обращения: 11.06.2024).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Несмотря на признание значимости семейных связей, иногда отдельное проживание от детей и других членов семьи, как и более низкое включение во внутрисемейную деятельность, может восприниматься положительно. В таком случае пожилые имеют меньше семейных обязанностей и располагают большим количеством времени для реализации своих интересов [Teerawichitchainan, Knodel, Pothisiri, 2015]. Одинокое проживание в условиях наличия близких родственников дает пожилым чувство независимости и самостоятельности, что важно для их благополучия [Лазарева, Медведева, 2020]. Результаты глубинных интервью с пожилыми старше 60 лет, проживающими в Саратове, свидетельствуют, что потеря независимости и возможности самостоятельно распоряжаться своим временем ощущается пожилыми острее, чем переживание одиночества [Елютина, Трофимова, 2017]. Более того, социальная изоляция может восприниматься пожилыми как возможность уединения и направления ресурсов на понимание себя [Rokach, Orzeck, Neto, 2004]. Позитивное отношение к одиночеству может являться адаптацией к условиям жизни, когда близких людей мало или они проживают в других населенных пунктах или регионах. *Это позволяет сформулировать вторую гипотезу (2): социальная изоляция связана с большей предрасположенностью к позитивному восприятию времяпрепровождения в одиночку и меньшей потребностью в общении, чем субъективное чувство одиночества.*

Как было отмечено выше, образ жизни включает и некоторые психологические конструкты, отражающие психоэмоциональное состояние пожилых. В литературе существуют убедительные доказательства того, что депрессия связана как с объективным одиночеством (социальной изоляцией), так и с субъективным чувством одиночества. При этом связь двунаправлена: с одной стороны, депрессия может выступать одним из факторов возникновения одиночества [Van As et al., 2022], с другой — неоптимальность социальных отношений может служить триггером возникновения и развития симптомов депрессии [Peerenboom et al., 2015].

Данные и методы

Анализ одиночества и его связи с образом жизни реализован на данных онлайн-обследования населения, проведенного ВЦИОМ по заказу НИУ ВШЭ в октябре 2023 г. Выборка обследования репрезентирует население РФ в возрасте 20—74 лет, имеющее доступ к интернету, по полу, возрасту, федеральным округам и размеру населенного пункта. Было опрошено 6 557 респондентов, среди них 40,2% — в возрасте 50—74 лет, которые являются целевой группой нашей работы. Население старше 75 лет не опрашивалось, так как в более старших возрастах вероятны смещения оценок в силу ограниченного распространения цифровых навыков. Обоснованность верхней возрастной границы подтверждается данными опросов Росстата: по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2022 г., среди населения старше 70 лет используют интернет лишь 29,5%, что значительно меньше, чем в группах 55—59 и 60—69 лет (86,7% и 67,9% соответственно)⁷. В исследовании вероятно занижение распространенности оди-

⁷ Использование сети Интернет по возрастным группам // Росстат. Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/Files/52.2.xlsx (дата обращения: 13.10.2024).

ночества, так как в престарелом возрасте она выше. Данные Национального исследования старшего поколения⁸, проведенного в 2023 г. среди россиян старше 50 лет, показывают, что доля испытывающих чувство одиночества по шкале UCLA в 50—74 лет равна 46,8%, а среди респондентов старше 75 лет составляет 64,4%. Для анализа выбрана возрастная группа 50—74 лет, так как после 50 лет начинаются постепенное изменение образа жизни и трансформация социальных статусов в связи с уходом с рынка труда, в том числе на досрочные пенсии. С другой стороны, это позволяет увеличить наполняемость групп респондентов.

В рамках работы одиночество оценивается с точки зрения двух подходов — объективного и субъективного состояния. Под объективным одиночеством, или социальной изоляцией, мы подразумеваем фактическое ограничение (или полное отсутствие) социальных связей. Для оценки объективного одиночества используется сочетание из двух показателей: одинокое проживание респондента и частота его контактов с родственниками и друзьями. Таким образом, к объективно одиноким (социально изолированным) мы относим респондентов, которые: 1) проживают одни и 2) имеют ограниченные личные контакты с друзьями, приятелями, знакомыми или родителями, детьми и другими родственниками, не проживающими вместе с ним, один-два раза в три месяца или реже. Если эти условия не выполняются, респонденты не относятся к социально изолированным.

Под субъективной оценкой одиночества (чувством одиночества) мы понимаем состояние, при котором человек испытывает недостаток общения, ощущение покинутости или изоляции от других людей, независимо от того, является он одиноким по объективной оценке (социально изолированным) или нет. Чувство одиночества рассчитывается на основе короткой версии шкалы одиночества UCLA, состоящей из трех вопросов о частоте, с которой респондент чувствует недостаток общения, ощущение покинутости и изоляции от других людей. Если респондент испытывал хотя бы одно из этих состояний время от времени или регулярно, он относится к субъективно одиноким (испытывающим одиночество). Если респондент не ощущал ни одно из этих состояний, он не является субъективно одиноким. Мы не использовали прямой вопрос об ощущении одиночества, так как опора на один вопрос самоотчета может привести к занижению оценки, в отличие от сумматорной шкалы [Russell, Peplau, Ferguson, 1978].

Для оценки взаимосвязи одиночества и образа жизни в пожилом возрасте и сравнения эффектов были построены две логистические регрессии для каждой оценки одиночества, модель 1 — для чувства одиночества, модель 2 — для социальной изоляции.

Под образом жизни мы понимаем набор досуговых активностей, описывающих, как пожилые люди проводят свое время, а также некоторые психологические конструкты, которые могут обуславливать психоэмоциональное состояние и предпочтения респондентов.

В число анализируемых видов деятельности входят физическая, социальная, развлекательная, образовательная и общественная активность.

⁸ Национальное исследование старшего поколения (НИСП). URL: <https://www.cessi.ru/natsionalnoe-issledovanie-starshego-pokoleniya> (дата обращения: 30.10.2024).

Физическая активность пожилых оценивается на основе пяти вопросов, три из которых характеризуют интенсивность и тип нагрузки: прогулки на улице, умеренная физическая нагрузка⁹, серьезная физическая нагрузка¹⁰, — а два дополнительно описывают формат занятий — посещение спортивного клуба / бассейна / фитнес-клуба; оздоровительные практики дома самостоятельно или онлайн¹¹. Все переменные включены в модели как бинарные и принимают значения 1 — при занятиях хотя бы раз в неделю и 0 — при более редкой частоте.

Социальная активность и контакты с семьей определяются на основе вопросов о частоте личных встреч (только для модели субъективного одиночества) и онлайн-общения с друзьями, приятелями, знакомыми и родственниками, не проживающими вместе с респондентом, — с частотой раз в неделю или чаще; а также о частоте ухода за внуками или близкими, нуждающимися в помощи, — с частотой почти каждую неделю и чаще.

Развлекательная, образовательная и общественная активность пожилых включает следующие занятия с частотой хотя бы один-три раза в месяц: посещение развлекательных мероприятий (кино, театров, выставок и пр.); творческая активность (рисование, музицирование, клубы по интересам и др.); посещение кафе / ресторанов / баров; обучение / прохождение образовательных тренингов; посещение церкви или иной религиозной организации; с частотой хотя бы раз в неделю — волонтерство / оказание помощи друзьям, соседям, родственникам, другим людям, не живущим с респондентом.

Среди психологических показателей в регрессии включены шкалы, определяющие, как респондент воспринимает одинокое времяпрепровождение, а также характеристика ментального благополучия.

Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3к) [Осин, Леонтьев, 2013] оценивает, как респондент воспринимает состояние одиночества. Опросник позволяет рассчитать три шкалы: переживание одиночества (отражает предрасположенность человека к негативным переживаниям относительно нахождения в состоянии одиночества); зависимость от общения (отражает степень, в которой человек испытывает потребность в общении); позитивное одиночество (отражает предрасположенность к восприятию одиночества как комфортного и ресурсного состояния для самопознания и саморазвития). Чем выше значение шкал, тем в большей степени выражен эффект. Перечень утверждений, на основе которых рассчитывались шкалы ДОПО-3к, приведен в Приложении, таблица 1. Состояние ментального благополучия в моделях оценивается на основе шкалы тревожности и депрессии (PHQ-4), состоящей из четырех вопросов, приведенных в Приложении, таблица 2. Чем выше значение шкалы, тем в большей степени человек ощущает тревожность и депрессию. Анализ надежности шкал протестирован методом альфа Кронбаха, значения приведены в таблице 1. Значения коэффицентов для всех шкал превышают 0,7, что свидетельствует о высокой вну-

⁹ Например, уход за садом или огородом, мытье машины или ходьба пешком непрерывно на протяжении не менее 15 минут.

¹⁰ Например, занятия спортом, работой по дому, которая требует значительных физических усилий, или физическим трудом на работе.

¹¹ Например, цигун, медитации, йога, дыхательные практики и др.

тренней согласованности, достаточной для дальнейшего анализа [Streiner, 2003]. Для регрессионного анализа шкалы были преобразованы методом минимально-максимальной нормализации и масштабированы в диапазоне от 0 до 10.

Таблица 1. Анализ надежности шкал

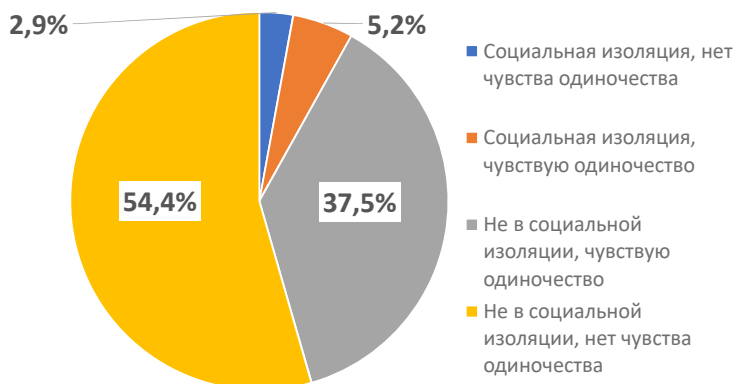
Шкалы	Альфа Кронбаха
Общее переживание одиночества	0,826
Зависимость от общения	0,830
Позитивное одиночество	0,866
Тревожность и депрессия PHQ-4	0,785

В регрессионные модели также включены контрольные переменные, в число которых входят пол, возраст, брачно-партнерский статус (только в модели для субъективного одиночества), уровень образования, тип населенного пункта, наличие занятости и субъективное материальное положение.

Чувство одиночества и социальная изоляция: сопоставление и особенности

Наши данные показывают, что около половины пожилых в возрасте 50—74 лет в России объективно или субъективно одиноки. Чувство одиночества по шкале UCLA в той или иной мере испытывают 42,7 % выборки, к социально изолированным пожилым по нашему определению относится 8,1 % опрошенных пожилых. Как свидетельствует рисунок 1, основная часть субъективно одиноких (чувствующих одиночество) проживает с кем-то или имеет регулярное личное общение с близкими. Одновременно и к социально изолированным, и к испытывающим чувство одиночества относятся 5,2 % анализируемой выборки.

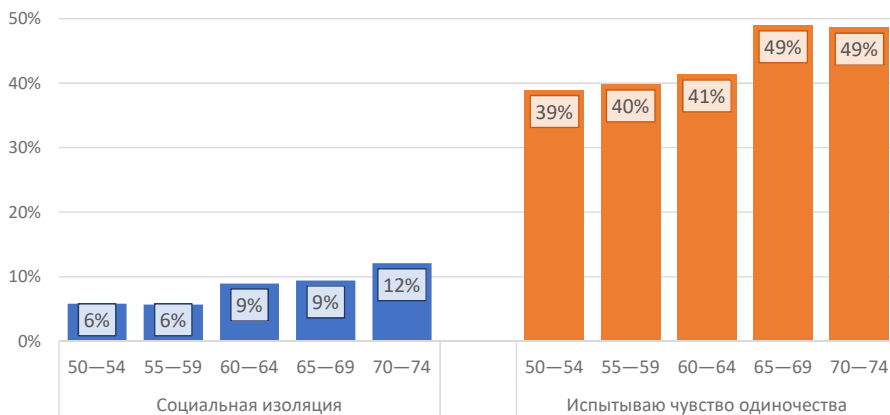
Рис. 1. Соотношение социальной изоляции и чувства одиночества, респонденты 50—74 лет, N = 2874

Если говорить о гендерных различиях, то для чувства одиночества они отсутствуют: 43 % представителей обоих полов испытывают это ощущение. При этом

социальная изоляция среди женщин распространена чуть сильнее — 9,6% живут одни и имеют мало контактов, в то время как среди мужчин эта доля составляет 5,9%. Это может быть связано с ранней мужской смертностью. Доля социально изолированных пожилых и испытывающих чувство одиночества растет с возрастом: после 60 и особенно после 70 лет (см. рис. 2).

Рис. 2. Социальная изоляция и чувство одиночества, в % от населения указанной возрастной группы

Волонтерством или помощью друзьям и близким раз в неделю или чаще занимаются около двух третей выборки (69,5%). Посещают кафе, рестораны и бары хотя бы один-три раза в месяц 60,7% пожилых; образовательные курсы/тренинги очно или онлайн — 57,6%. Deskриптивные статистики остальных переменных, используемых в регрессиях, приведены в Приложении, таблица 3.

Перейдем к результатам регрессионного анализа (см. табл. 2). Для субъективной оценки одиночества (модель 1) пол, возраст и материальное положение не являются значимыми предикторами, в отличие от модели 2, построенной для объективного одиночества. Возраст положительно ассоциирован с социальной изоляцией, а более высокое материальное положение (по субъективной оценке) — отрицательно. Брачно-партнерский статус тестировался только в модели 1 — отсутствие партнера положительно связано с чувством одиночества. Наличие работы значимо в обеих моделях и снижает шансы на субъективное и объективное одиночество. Уровень образования и тип населенного пункта незначимы.

Среди факторов, характеризующих восприятие одиночества и ментальное состояние пожилых, в обеих моделях значимы шкалы опросника ДОПО-3к. Общее переживание одиночества положительно ассоциировано с обеими оценками одиночества. Шкала зависимости от общения положительно ассоциирована с чувством одиночества (на уровне 1%) и отрицательно — со шкалой позитивного одиночества (на уровне 10%). Для социальной изоляции наблюдается обратная связь. При прочих равных, при более высокой потребности во взаимодействии с людьми респондент на 23,5% чаще будет ощущать одиночество и на 17,1% реже от-

носиться к социально изолированным пожилым. При большей склонности к позитивному восприятию одиночного времяпрепровождения шансы испытывать субъективное одиночество ниже на 5,2%, а быть социально изолированным, наоборот, выше на 9,9%. Это может свидетельствовать об адаптации пожилых людей к изоляции: вероятно, социально изолированные пожилые со временем привыкают к своему положению, учатся жить в новых условиях и постепенно начинают испытывать меньше дискомфорта от одиночества. Кроме того, это может отражать особенности личности, способствующие выбору в пользу уединения. Шкала тревожности и депрессии оказывается значимой и положительно связанной только с субъективным ощущением одиночества.

Таблица 2. **Отношения шансов логистических регрессий для эмоционального (шкала UCLA) и фактического одиночества (социальная изоляция)**

	Субъективное одиночество (чувство одиночества), Модель 1	Объективное одиночество (социальная изоляция), Модель 2
Мужской (реф. — Женский)	1,083	0,455***
Возраст	1,012	1,036***
Брачно-партнерский статус (реф. — Есть партнер, живут вместе)		
Нет партнера	1,731***	
Уровень образования (реф. — Высшее)		
Ниже высшего	0,988	0,885
Тип населенного пункта (реф. — Москва и Санкт-Петербург)		
Города-миллионники	1,250	1,118
Города, население от 100 до 950 тыс. чел.	1,036	1,062
Города, население менее 100 тыс. чел.	1,035	1,178
Село или ПГТ	1,085	0,935
Есть работа (реф. — Нет работы)	0,770**	0,654**
Субъективное материальное положение (реф. — Хватает на еду и одежду)		
Хватает на крупную бытовую технику	0,966	0,678**
Можем купить холодильник или телевизор	0,946	0,546***
Нет стесненности в средствах	0,949	0,684
Восприятие одиночества и ментальное здоровье		
Шкала депрессии и тревожности (PHQ-4)	1,232***	1,010
Шкала зависимость от общения	1,235***	0,829***
Шкала переживания одиночества	1,577***	1,359***
Шкала позитивного одиночества	0,948*	1,099*
Физическая активность		
Прогулки раз в неделю и чаще (реф. — Реже)	1,290*	0,904
Умеренная физ. нагрузка раз в неделю и чаще (реф. — Реже)	1,059	0,727
Интенсивная физ. нагрузка раз в неделю и чаще (реф. — Реже)	0,788**	0,725*

	Субъективное одиночество (чувство одиночества), Модель 1	Объективное одиночество (социальная изоляция), Модель 2
Посещение спортивного клуба/бассейна/фитнес-клуба раз в неделю и чаще (реф. — Реже)	1,049	1,379
Домашние оздоровительные практики раз в неделю и чаще (реф. — Реже)	1,303**	1,405*
Контакты с семьей и друзьями		
Личное общение с друзьями раз в неделю и чаще (реф. — Реже)	0,801**	
Личное общение с семьей раз в неделю и чаще (реф. — Реже)	0,837*	
Онлайн-общение с друзьями раз в неделю и чаще (реф. — Реже)	1,186	0,880
Онлайн-общение с семьей раз в неделю и чаще (реф. — Реже)	1,150	0,469***
Уход за внуками почти каждую неделю и чаще (реф. — Реже)	0,863	0,388***
Уход за близкими, нуждающимися в помощи, почти каждую неделю и чаще (реф. — Реже)	0,986	0,462***
Развлекательная, образовательная и общественная деятельность		
Посещение развлекательных мероприятий хотя бы 1—3 раза в месяц (реф. — Реже)	0,782*	0,942
Творческие занятия хотя бы 1—3 раза в месяц (реф. — Реже)	1,080	0,790
Посещение кафе, ресторанов, баров хотя бы 1—3 раза в месяц (реф. — Реже)	1,267*	1,648**
Посещение церкви/ религиозной организации хотя бы 1—3 раза в месяц (реф. — Реже)	1,038	1,096
Посещение образовательных/ обучающих курсов, тренингов очно или онлайн хотя бы 1—3 раза в месяц (реф. — Реже)	1,053	0,717
Волонтерство/ помощь друзьям, родственникам, людям, не живущим с пожилым, хотя бы раз в неделю (реф. — Реже)	0,767**	0,838
Константа	0,038***	0,039***
Псевдо R ²	0,1916	0,1677
Число наблюдений	2764	2794

Примечание: *** $p < 0,01$, вероятность ошибки на уровне 1%, ** $p < 0,05$, вероятность ошибки на уровне 5%, * $p < 0,10$, вероятность ошибки на уровне 10%.

Физическая активность как компонент образа жизни пожилых имеет значимый эффект для обеих зависимых переменных. В частности, регулярная интенсивная физическая нагрузка отрицательно связана как с чувством одиночества, так и с социальной изоляцией. Регулярные домашние занятия оздоровительными

ми практиками (в обеих моделях) и прогулки раз в неделю или чаще (только для чувства одиночества, модель 1) положительно ассоциированы с оценками одиночества. Это может быть обусловлено тем фактом, что социально изолированные пожилые располагают большими временными ресурсами для заботы о своем здоровье и занятии оздоровительными практиками. Для тех, кто испытывает чувство одиночества, положительная корреляция может отражать желание выйти из этого состояния за счет прогулок и оздоровительных практик.

Регулярное личное общение с друзьями или семьей включено только в модель 1, оба показателя снижают шансы испытывать чувство одиночества на 20% и 16% соответственно. Примечательно, что онлайн-общение не имеет связи с субъективным одиночеством в пожилом возрасте. В модели 2 такой формат общения с членами семьи оказывается значим и снижает шансы на социальную изоляцию. Оказание ухода за нуждающимися близкими, как и уход за внуками, значимо только для объективного одиночества. Такой эффект может быть связан с особенностью выборки, так как среди не социально изолированных пожилых регулярный уход за близкими или внуками вероятнее.

Примечательно, что среди компонентов развлекательной, образовательной и общественной деятельности для обеих моделей значимо регулярное посещение кафе, ресторанов и баров, связь при этом сонаправлена. Активность положительно ассоциирована с обеими оценками одиночества. Вероятно, респонденты, испытывающие одиночество, могут ощущать его сильнее в местах скопления людей, где могут предполагаться взаимодействие и коммуникация. Для социально изолированных пожилых отношения шансов выше, чем в модели 1, это может быть обусловлено их меньшей потребностью в общении и большей склонностью к позитивному восприятию одинокого времяпрепровождения.

Для фактического одиночества иные виды активности незначимы. При этом посещение развлекательных мероприятий и волонтерство / помощь друзьям и близким связаны с более низкими шансами ощущения одиночества. Регулярное участие в таких видах активности может повышать чувство собственной значимости и причастности к жизни общества, что, в свою очередь, может улучшать самоощущение пожилых и снижать чувство одиночества.

Заключение

Анализ связи одиночества и образа жизни пожилых показал, что предикторы объективного и субъективного одиночества частично различаются. Например, регулярная интенсивная физическая нагрузка отрицательно связана с обеими оценками одиночества: такая активность способствует снятию эмоционального напряжения и, вероятно, может предусматривать взаимодействие с другими людьми. Этот результат согласуется с зарубежными исследованиями. При этом наши модели показывают, что систематические домашние занятия оздоровительными практиками, наоборот, положительно связаны как с субъективным, так и с объективным одиночеством. Так как такой формат физической активности, скорее всего, предполагает уединение и индивидуальную нагрузку, его значимость для социальной изоляции кажется обоснованной. Однако для субъективного одиночества результат требует дальнейшей верификации. Возможно, наблюдается об-

ратный эффект: те, кто испытывает чувство одиночества, прибегают к таким занятиям для того, чтобы улучшить свое состояние.

Среди развлекательных, образовательных и общественных занятий для объективной оценки одиночества практически никакие активности незначимы, кроме посещения кафе, ресторанов и баров. Однако для субъективного одиночества примечателен эффект наличия волонтерской деятельности или оказания помощи близким — такая активность снижает шансы испытывать чувство одиночества. Значимость этого эффекта согласуется с результатами других авторов [Lee, 2022]. Результат может использоваться для адаптации государственной политики в интересах пожилых. Рост распространенности волонтерства в России будет повышать чувство значимости пожилых, снижать субъективное одиночество и, как следствие, повышать субъективное благополучие пожилых.

Стоит отметить, что снижение чувства одиночества наблюдается только при наличии частых личных встреч с семьей или друзьями, онлайн-общение не оказывает значимого эффекта. При этом уход за внуками и близкими, нуждающимися в уходе, также незначим для субъективного одиночества. Для объективной оценки одиночества, напротив, наличие семейной активности является основным предиктором непребывания в социальной изоляции. Это подтверждается значимостью онлайн-общения только с членами семьи.

Таким образом, мы частично подтверждаем первую гипотезу о том, что более активные пожилые реже испытывают одиночество и оказываются социально изолированными.

Регрессионный анализ показывает взаимосвязь обеих оценок одиночества с его восприятием, что подтверждает вторую гипотезу исследования. Склонность к позитивному восприятию одиночества в большей степени свойственна социально изолированным пожилым, и в меньшей — субъективно одиноким. При этом потребность в общении, наоборот, выше среди тех, кто испытывает чувство одиночества, и ниже — среди объективно одиноких. Это подтверждает тезис о том, что одиночество не всегда негативное явление: на это указывает концепция «позитивного одиночества», предполагающая, что нахождение в одиночестве (уединении) может быть осознанным выбором пожилых [Rokach, Orzeck, Neto, 2004]. Примечательно, что депрессия и тревожность связаны только с субъективным одиночеством, оценкой эмоционального состояния пожилых. Этот результат может свидетельствовать о принятии социально изолированными пожилыми ограниченного числа социальных контактов и некоторой психологической адаптации к этому состоянию.

В теории активного долголетия досуг рассматривается как одна из составляющих счастливого и активного старения: пожилые люди, которые продолжают поддерживать активный образ жизни и имеют социальные контакты, по мере старения обладают более высоким уровнем благополучия, чем те, кто этого не делает [Teh, Teu, 2019]. Выявленные различия в восприятии одиночества как ресурсного состояния, а также возможность осознанно отказаться от активной социальной жизни в пользу времяпрепровождения в одиночку, указывают на необходимость дифференциации мер, направленных на снижение одиночества пожилых.

Ограничением исследования является наличие верхней возрастной границы выборки, что не позволяет оценить ассоциацию с образом жизни в престарелом

возрасте, где, вероятно, одиночество может быть распространено сильнее. При этом восприятие одиночества и включенность в различные виды активности могут быть связаны с особенностями личности, что представляет собой потенциальное направление для дальнейшего развития исследования, например включения в анализ модели личности «Большая пятерка». Проведение глубинных интервью могло бы позволить верифицировать результаты регрессионного анализа и определить причинно-следственные связи образа жизни и одиночества. Полученные результаты могут быть использованы при разработке адресной политики в интересах старшего поколения и способствовать развитию программ активного долголетия в России.

Список литературы (References)

1. Акутина С. П., Столярова Е. В. Феномен одиночества граждан пожилого возраста: предмет обсуждения // Социодинамика. 2021. № 7. С. 1—12. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.7.34881>.
Akutina S. P., Stolyarova E. V. (2021) The Phenomenon of Loneliness Among Senior Citizens: Subject of Discussion. *Sociodinamika*. No. 7. P. 1—12. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.7.34881>. (In Russ.)
2. Елютина М. Э., Трофимова О. А. Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 37—50.
Elutina M. E., Trofimova O. A. (2017) Lonely Living Arrangements and Coping with Loneliness in Old Age. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 1. P. 37—50. (In Russ.)
3. Лазарева А. А., Медведева О. С. Проблема одиночества и самоизоляции пенсионеров // Актуальные проблемы активного долголетия и качества жизни пожилых людей. Сборник научных трудов. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского. 2020. С. 187—196.
Lazareva A. A., Medvedeva O. S. (2020) The Problem of Loneliness and Self-Isolation of Senior Citizens. In: *Current Problems of Active Longevity and Quality of Life of Older People. Collection of Scientific Works of KSU Named after K. E. Tsiolkovski*. P. 187—196. (In Russ.)
4. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55—81.
Osin E. N., Leontiev D. A. (2013) Multidimensional Inventory of Loneliness Experience: Structure and Properties. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 10. No. 1. P. 55—81. (In Russ.)
5. Соболева Е. В. Добровольческая деятельность граждан старшего возраста как одна из форм активного долголетия российских пенсионеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2020. Т. 20. № 1. С. 47—51.

- Soboleva E. V. (2020) Senior Citizens' Volunteer Activity as One of the Forms of Active Longevity of Russian Pensioners. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. Vol. 20. No. 1. P. 47—51. (In Russ.)
6. Brivio F., Viganò A., Paterna A., Palena N., Greco, A. (2023) Narrative Review and Analysis of the Use of “Lifestyle” in Health Psychology. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 20. No. 5. Art. 4427. <https://doi.org/10.3390/IJERPH20054427>.
 7. Chao S. F. (2016) Changes in Leisure Activities and Dimensions of Depressive Symptoms in Later Life: A 12-Year Follow-up. *The Gerontologist*. Vol. 56. No. 3. P. 397—407. <https://doi.org/10.1093/Geront/GNU052>.
 8. Courtin E., Knapp M. (2017) Social Isolation, Loneliness and Health in Old Age: A Scoping Review. *Health & Social Care in the Community*. Vol. 25. No. 3. P. 799—812. <https://doi.org/10.1111/hsc.12311>.
 9. Dupuis S. L., Smale B. J. A. (1995) An Examination of Relationship Between Psychological Well-Being and Depression and Leisure Activity Participation Among Older Adults. *Society and Leisure*. Vol. 18. No. 1. P. 67—92. <https://doi.org/10.1080/07053436.1995.10715491>.
 10. Fakoya O. A., McCorry N. K., Donnelly M. (2020) Loneliness and Social Isolation Interventions for Older Adults: A Scoping Review of Reviews. *BMC Public Health*. Vol. 20. P. 1—14. <https://doi.org/10.1186/S12889-020-8251-6>.
 11. Gierveld J. D. J., Van Tilburg T. G., Dykstra P. A. (2018) New Ways of Theorizing and Conducting Research in the Field of Loneliness and Social Isolation. In: Vangelisti A. L., Perlman D. (eds.) *The Cambridge Handbook of Personal Relationships*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 391—404. <https://doi.org/10.1017/9781316417867.031>.
 12. Heaney J. L., Carroll D., Phillips A. C. (2014) Physical Activity, Life Events Stress, Cortisol, and DHEA: Preliminary Findings That Physical Activity May Buffer Against the Negative Effects of Stress. *Journal of Aging and Physical Activity*. Vol. 22. No. 4. P. 465—473. <https://doi.org/10.1123/japa.2012-0082>.
 13. Henning G., Stenling A., Bielak A. A. M., Bjälkebring P., Gow A. J., Kivi M., Muniz-Terrera G., Johansson B., Lindwall M. (2021) Towards an Active and Happy Retirement? Changes in Leisure Activity and Depressive Symptoms During the Retirement Transition. *Aging & Mental Health*. Vol. 25. No. 4. P. 621—631. <https://doi.org/10.1080/13607863.2019.1709156>.
 14. Holt-Lunstad J., Smith T. B., Baker M., Harris T., Stephenson D. (2015) Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality: A Meta-Analytic Review. *Perspectives on Psychological Science: A Journal of the Association for Psychological Science*. Vol. 10. No. 2. P. 227—237. <https://doi.org/10.1177/1745691614568352>.

15. Kim J., Lee S., Chun S., Han A., Heo J. (2017) The Effects of Leisure-Time Physical Activity for Optimism, Life Satisfaction, Psychological Well-Being, and Positive Affect Among Older Adults with Loneliness. *Annals of Leisure Research*. Vol. 20. No. 4. P. 406—415. <https://doi.org/10.1080/11745398.2016.1238308>.
16. Lee S. (2022) Volunteering and Loneliness in Older Adults: A Parallel Mediation Model. *Aging & Mental Health*. Vol. 26. No. 6. P. 1234—1241. <https://doi.org/10.1080/13607863.2021.1913477>.
17. Leigh-Hunt N., Bagguley D., Bash K., Turner V., Turnbull S., Valtorta N., Caan W. (2017) An Overview of Systematic Reviews on the Public Health Consequences of Social Isolation and Loneliness. *Public Health*. Vol. 152. P. 157—171. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2017.07.035>.
18. Li Y. (2007) Recovering from Spousal Bereavement in Later Life: Does Volunteer Participation Play a Role? *The Journals of Gerontology: Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 62. No. 4. P. S257—S266. <https://doi.org/10.1093/Geronb/62.4.s257>.
19. Loi J. L. P., Shultz K. S. (2007) Why Older Adults Seek Employment: Differing Motivations Among Subgroups. *Journal of Applied Gerontology*. Vol. 26. No. 3. P. 274—289. <https://doi.org/10.1177/0733464807301087>.
20. Meltzer H., Bebbington P., Dennis M. S., Jenkins R., McManus S., Brugha T. S. (2013) Feelings of Loneliness Among Adults with Mental Disorder. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. Vol. 48. No. 1. P. 5—13. <https://doi.org/10.1007/S00127-012-0515-8>.
21. Netz Y., Goldsmith R., Shimony T., Arnon M., Zeev A. (2013) Loneliness Is Associated with an Increased Risk of Sedentary Life in Older Israelis. *Aging & Mental Health*. Vol. 17. No. 1. P. 40—47. <https://doi.org/10.1080/13607863.2012.715140>.
22. Nicolaisen M., Thorsen K. (2017) What Are Friends For? Friendships and Loneliness over the Lifespan—from 18 to 79 Years. *International Journal of Aging & Human Development*. Vol. 84. No. 2. P. 126—158. <https://doi.org/10.1177/0091415016655166>.
23. Peerenboom L., Collard R. M., Naarding P., Comijs H. C. (2015) The Association Between Depression and Emotional and Social Loneliness in Older Persons and the Influence of Social Support, Cognitive Functioning and Personality: A Cross-Sectional Study. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 182. P. 26—31. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2015.04.033>.
24. Pettigrew S. (2007) Reducing the Experience of Loneliness Among Older Consumers. *Journal of Research for Consumers*. No. 12. P. 1—14.
25. Rokach A., Orzech T., Neto F. (2004) Coping with Loneliness in Old Age: A Cross-Cultural Comparison. *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues*. Vol. 23. No. 2. P. 124—137. <https://doi.org/10.1007/BF02903073>.

26. Russell D., Peplau L. A., Ferguson M. L. (1978) Developing a Measure of Loneliness. *Journal of Personality Assessment*. Vol. 42. No. 3. P. 290—294. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4203_11.
27. Streiner D. L. (2003) Starting at the Beginning: An Introduction to Coefficient Alpha and Internal Consistency. *Journal of Personality Assessment*. Vol. 80. No. 1. P. 99—103. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa8001_18.
28. Sundström M., Blomqvist K., Edberg A. K. (2021) Being a Volunteer Encountering Older People's Loneliness and Existential Loneliness: Alleviating Loneliness for Others and Oneself. *Scandinavian Journal of Caring Sciences*. Vol. 35. No. 2. P. 538—547. <https://doi.org/10.1111/scs.12869>.
29. Szabó Á., Neely E., Stephens C. (2021) The Psychosocial Benefits of Providing Non-kin Childcare in Older Adults: A Longitudinal Study with Older New Zealanders. *Journal of Health Psychology*. Vol. 26. No. 11. P. 1926—1938. <https://doi.org/10.1177/1359105319893011>.
30. Teerawichitchainan B., Knodel J., Pothisiri W. (2015) What Does Living Alone Really Mean for Older Persons? A Comparative Study of Myanmar, Vietnam, and Thailand. *Demographic Research*. Vol. 32. P. 1329—1360. <https://doi.org/10.4054/demres.2015.32.48>.
31. Teh J. K. L., Tey N. P. (2019) Effects of Selected Leisure Activities on Preventing Loneliness Among Older Chinese. *SSM — Population Health*. Vol. 9. Art. 100479. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2019.100479>.
32. Toepoel V. (2013) Ageing, Leisure, and Social Connectedness: How Could Leisure Help Reduce Social Isolation of Older People? *Social Indicators Research*. Vol. 113. No. 1. P. 355—372. <https://doi.org/10.1007/S11205-012-0097-6>.
33. Van As B. A. L., Imbimbo E., Franceschi A., Menesini E., Nocentini A. (2022) The Longitudinal Association Between Loneliness and Depressive Symptoms in the Elderly: A Systematic Review. *International Psychogeriatrics*. Vol. 34. No. 7. P. 657—669. <https://doi.org/10.1017/S1041610221000399>.
34. Varlamova M., Sinyavskaya O. (2021) Active Ageing Index in Russia — Identifying Determinants for Inequality. *Population Ageing*. Vol. 14. No. 1. P. 69—90. <https://doi.org/10.1007/S12062-020-09277-4>.
35. Wang M. (2007) Profiling Retirees in the Retirement Transition and Adjustment Process: Examining the Longitudinal Change Patterns of Retirees' Psychological Well-Being. *The Journal of Applied Psychology*. Vol. 92. No. 2. P. 455—474. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.92.2.455>.
36. Weiss R. S. (1973) *Loneliness: The Experience of Emotional and Social Isolation*. Cambridge, MA: MIT Press.
37. Yan H., Liu J., Wei W., Xu H., Huang X., Ying J. (2023) Can Post-retirement Work Always Prevent Depression? *Behavioral Sciences*. Vol. 13. No. 6. Art. 466. <https://doi.org/10.3390/BS13060466>.

38. Yoshida Y., Iwasa H., Ishioka Y., Suzukamo Y. (2021) Leisure Activity Moderates the Relationship Between Living Alone and Mental Health Among Japanese Older Adults. *Geriatrics & Gerontology International*. Vol. 21. No. 5. P. 421—425. <https://doi.org/10.1111/ggi.14151>.
39. Zhang C., Qing N., Zhang S. (2021) The Impact of Leisure Activities on the Mental Health of Older Adults: The Mediating Effect of Social Support and Perceived Stress. *Journal of Healthcare Engineering*. Vol. 2021. Art. 6264447. <https://doi.org/10.1155/2021/6264447>.
40. Zhang W., Feng Q., Lacanienta J., Zhen Z. (2017) Leisure Participation and Subjective Well-Being: Exploring Gender Differences Among Elderly in Shanghai, China. *Archives of Gerontology and Geriatrics*. Vol. 69. P. 45—54. <https://doi.org/10.1016/j.archger.2016.11.010>.

Приложение

Таблица 1. Перечень утверждений для расчета шкал дифференциального опросника переживания одиночества

Общее переживание одиночества	
Я чувствую себя одиноким	Шкала рассчитывалась на основе суммы ответов о степени согласия с утверждениями: «не согласен», «скорее не согласен», «скорее согласен», «согласен». Чем выше значение шкалы, тем в большей степени человек испытывает переживания от нахождения в одиночестве или ощущения этого чувства.
Есть люди, с которыми я могу поговорить — <i>инвертированные ответы</i>	
Нет никого, к кому бы я мог обратиться	
Мне трудно найти людей, с которыми можно было бы поделиться моими мыслями	
Я чувствую себя покинутым	
Люди вокруг меня, но не со мной	
Мне кажется, что меня никто не понимает	
Есть люди, которые по-настоящему понимают меня — <i>инвертированные ответы</i>	
Зависимость от общения	
Когда рядом со мной никого нет, я испытываю скуку	Шкала рассчитывалась на основе суммы ответов о степени согласия с утверждениями: «не согласен», «скорее не согласен», «скорее согласен», «согласен». Чем выше значение шкалы, тем в большей степени человек зависим от общения.
Мне трудно быть вдали от людей	
Я не люблю оставаться один	
Когда я остаюсь один, я испытываю дискомфорт	
Худшее, что можно сделать с человеком, — это оставить его одного	
Я плохо выношу отсутствие компании	
Когда я остаюсь один, я не испытываю неприятных чувств — <i>инвертированные ответы</i>	

Позитивное одиночество	
В одиночестве приходят интересные идеи	Шкала рассчитывалась на основе суммы ответов о степени согласия с утверждениями: «не согласен», «скорее не согласен», «скорее согласен», «согласен». Чем выше значение шкалы, тем в большей степени человек воспринимает одиночество как ресурс.
Бывают чувства, ощутить которые можно лишь наедине с собой	
Чтобы понять какие-то важные вещи, человеку необходимо остаться одному	
В одиночестве голова работает лучше	
В одиночестве человек познает самого себя	
В одиночестве каждый видит в себе то, что он есть на самом деле	
Я люблю оставаться наедине с самим собой	
В одиночестве я чувствую себя самим собой	
Мне хорошо дома, когда я один	

Таблица 2. Перечень утверждений для расчета тревожности и депрессии PHQ-4

Шкала тревожности и депрессии PHQ-4	
Сильная нервозность, тревога, беспокойство	Шкала рассчитывалась на основе суммы ответов о частоте ощущения состояний в течение последних двух недель . Чем выше значение шкалы, тем в большей степени человек ощущает тревожность и депрессию.
Неспособность контролировать свои эмоции, держать себя в руках	
Плохое настроение, подавленность, чувство безнадежности	
Не хочется ничего делать, ежедневные занятия не приносят удовольствия	

Таблица 3. Дескриптивные статистики переменных

Переменные	Число набл.	Доля %	Переменные	Число набл.	Доля %
Объективное одиночество (социальная изоляция)			Субъективное одиночество (чувство одиночества)		
Нет	2644	92,0%	Не чувствую одиночество	1622	57%
Да	230	8,0%	Чувствую одиночество	1208	43%
Пол			Брачно-семейный статус		
Мужской	1475	51,3%	есть партнер, живут вместе	2050	71,3%
Женский	1399	48,7%	Нет партнера	824	28,7%
Образование			Наличие работы		
Высшее	2104	73,2%	Нет работы	1145	39,8%
Нет высшего	770	26,8%	Есть работа	1729	60,2%
Тип населенного пункта			Субъективное материальное положение		
Москва, Санкт-Петербург	387	13,5%	Серьезные затруднения	564	19,6%
Города-миллионники	359	12,5%	Хватает на еду и одежду	1131	39,4%
Города, 100—950 тыс. чел.	892	31,0%	Хватает на крупную бытовую технику	968	33,7%

Переменные	Число набл.	Доля %	Переменные	Число набл.	Доля %
Города, менее 100 тыс. чел.	575	20,0%	Нет стесненности в средствах	211	7,3%
Село или ПГТ	661	23,0%			
Прогулки			Умеренная физическая активность		
Реже	434	15,1%	Реже	314	10,9%
Раз в неделю или чаще	2440	84,9%	Раз в неделю или чаще	2560	89,1%
Интенсивная физическая активность					
Реже	1104	38,4%			
Раз в неделю или чаще	1770	61,6%			
Посещение спортивного клуба/ бассейна/фитнес-клуба			Домашние оздоровительные практики		
Реже	2530	88,0%	Реже	2203	76,7%
Раз в неделю и чаще	344	12,0%	Раз в неделю и чаще	671	23,3%
Личное общение с друзьями			Личное общение с семьей		
Реже	1231	42,8%	Реже	1177	41,0%
Раз в неделю или чаще	1643	57,2%	Раз в неделю или чаще	1697	59,0%
Онлайн общение с друзьями			Онлайн общение с семьей		
Реже	631	22,0%	Реже	524	69,0%
Раз в неделю или чаще	2243	78,0%	Раз в неделю или чаще	235	31,0%
Уход за внуками			Уход за близкими, нуждающимися в помощи		
Реже	2291	79,7%	Реже	2282	79,4%
Почти каждую неделю/ чаще	583	20,3%	Почти каждую неделю/ чаще	592	20,6%
Посещение развлекательных мероприятий			Творческие занятия		
Реже	2466	85,8%	Реже	2121	73,8%
1—3 раза в месяц или чаще	408	14,2%	1—3 раза в месяц или чаще	753	26,2%
Посещение кафе, ресторанов, баров			Посещение церкви/ религиозной организации		
Реже	249	39,3%	Реже	2549	88,7%
1—3 раза в месяц или чаще	384	60,7%	1—3 раза в месяц или чаще	325	11,3%
Посещение образовательных/ обучающих курсов, тренингов очно или онлайн			Волонтерство/ помощь друзьям, родственникам, людям, не живущим с пожилым		
Реже	253	42,4%	Реже	234	30,5%
1—3 раза в месяц или чаще	344	57,6%	Раз в неделю и чаще	534	69,5%
Возраст	60,6				
Депрессия и тревожность, шкала от 0 до 10	2,20		Переживание одиночества, шкала от 0 до 10	2,46	
Зависимость от общения, шкала от 0 до 10	3,34		Позитивное одиночество, шкала от 0 до 10	5,89	

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): ноябрь — декабрь 2024 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 145—156.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): November — December 2024. (2024) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 145–156.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 2024

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ТРАМП В БЕЛОМ ДОМЕ, ПОПЫТКА № 2.....146

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

НЕЙРОСЕТЬ В БЕЛОМ ХАЛАТЕ, ИЛИ НОВАЯ ЭРА МЕДИЦИНЫ?.....148

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ, ИЛИ О ПРОГРАММЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ.....150

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЧТЕНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРЫ152

ИИ: ВАШ НОВЫЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ154

ХОККЕЙ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВИД СПОРТА РОССИИ156

ПОЛИТИКА

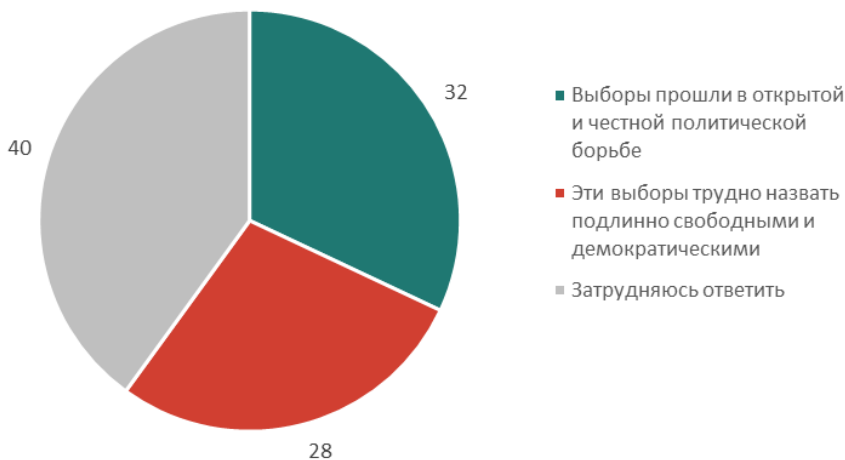
ТРАМП В БЕЛОМ ДОМЕ, ПОПЫТКА № 2146

ТРАМП В БЕЛОМ ДОМЕ, ПОПЫТКА № 2

8 ноября 2024 г.

С разной степенью вовлеченности за ходом избирательной кампании в США в этом году следили семь из десяти наших сограждан (69%), столько же следили за предвыборной битвой Б. Обамы и Дж. Маккейна в 2008 г., Д. Трампа и Х. Клинтона в 2016 г. (по 69%), правда, менялась степень вовлеченности. Восемь лет назад за президентскими выборами в США россияне следили пристальнее. Самыми внимательными наблюдателями в этом году можно по праву считать представителей старшего поколения (застоя и оттепели): за всей избирательной кампанией в этих группах следили 24% и 34% соответственно, а общая доля заинтересованных достигла максимальных 79% и 82%. Около трети россиян выборы за океаном обошли стороной (31%), меньше всего в этом году они интересовали активных интернет-пользователей (не следили 43%). В оценке честности и открытости избирательной кампании — 2024 в США содержательные ответы разделились примерно поровну: 32% считают, что выборы прошли в открытой и честной политической борьбе, еще 28% не смогли назвать таковой прошедшую избирательную кампанию. Несмотря на неоднозначность мнений, президентские выборы этого года заслужили больше доверия, чем предыдущие.

Рис. 1. Как бы Вы оценили прошедшую избирательную кампанию по выборам президента США? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

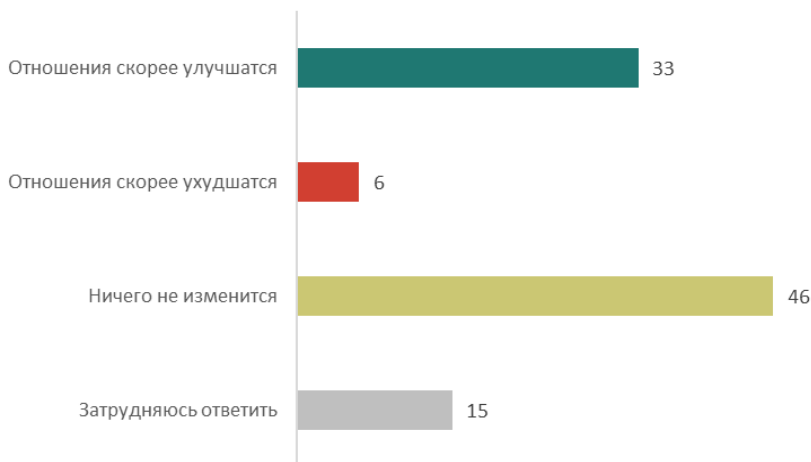

Фигура Трампа представляется россиянам чуть более понятной, чем фигуры других президентов США, о чем говорит сравнительно низкая доля затруднившихся

охарактеризовать его будущую деятельность на посту главы государства. В обществе доминируют нейтрально-позитивные ожидания от правления Трампа: 35% ожидают, что он будет средним президентом для своей страны, 19% — хорошим и 8% — одним из лучших. Четверо из десяти россиян ожидают изменений в двусторонних отношениях между Россией и США в связи с возвращением Трампа в Белый дом (39%), в том числе 33% — изменений к лучшему, и только 6% — к худшему. Еще 46% полагают, что никаких подвижек в этом вопросе не предвидится.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что Трамп воспринимается как гораздо более дружественный России президент США, чем Обама и, тем более, Байден. В то же время россияне стали заметно более осторожными в своем оптимизме в сравнении с 2016 г., когда на «оттепель» в российско-американских отношениях с приходом Трампа надеялись рекордные 46%.

Рис. 2. Как, на Ваш взгляд, отразится избрание президентом США Дональда Трампа на отношениях между Россией и США? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

НЕЙРОСЕТЬ В БЕЛОМ ХАЛАТЕ, ИЛИ НОВАЯ ЭРА МЕДИЦИНЫ?148

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ, ИЛИ О ПРОГРАММЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ.....150

НЕЙРОСЕТЬ В БЕЛОМ ХАЛАТЕ, ИЛИ НОВАЯ ЭРА МЕДИЦИНЫ?

11 ноября 2024 г.

Россияне довольно оптимистично воспринимают использование ИИ в здравоохранении: четверо из десяти (43%) считают, что оно приведет к улучшению здоровья пациентов. Более четверти (27%) полагают, что технологии ИИ никак не повлияют на здоровье, каждый восьмой (12%) выражает скепсис по этому вопросу и ожидает ухудшения здоровья пациентов. В общей сложности в течение последнего года с эффективным применением ИИ в здравоохранении — при постановке диагноза, поддержке принятия врачебных решений, мониторинге состояния пациентов, анализе медицинских изображений и др. — сталкивались или слышали о таком четверть россиян (25%).

Рис. 1. Как Вы считаете, использование искусственного интеллекта в здравоохранении для диагностики заболеваний и рекомендации лечения приведет к... (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

В целом россияне сохраняют позитивные ожидания относительно применения ИИ в медицине, хотя их оптимизм варьируется в зависимости от конкретных аспектов. Четверо из десяти опрошенных (41%) убеждены, что ИИ сократит количество врачебных ошибок, 33% ожидают улучшений относительно безопасности личных медицинских записей. По этим двум вариантам позитивные ожидания преобладают (24—30% считают, что ситуация не изменится, а 17—18% — что ухудшится). Несмотря на то что россияне в целом ожидают положительного влияния на здоро-

вье пациентов от внедрения ИИ в медицине, когда речь заходит о них самих, оптимизм становится сдержаннее. Около половины опрошенных (53%) чувствовали бы себя некомфортно, если бы их врач полагался на ИИ при диагностике и подготовке рекомендаций по лечению. В целом россияне видят потенциал ИИ для улучшения медицины, но, когда дело касается их личного здоровья, они относятся к этому осторожнее. Общество еще не до конца доверяет таким технологиям в медицине и нуждается в дополнительных гарантиях надежности и прозрачности работы ИИ.

Рис. 2. Скажите, пожалуйста, в течение последнего года Вы сталкивались лично или на опыте близких, родственников, знакомых с эффективным применением искусственного интеллекта в диагностике, лечении заболеваний или встречали в СМИ, интернете описания таких реальных случаев? (закрытый вопрос, до трех ответов, % от всех опрошенных)

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ, ИЛИ О ПРОГРАММЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ

29—30 ноября 2024 г.

Текущий уровень информированности россиян о программе долгосрочных сбережений (ПДС) можно оценить как умеренный: в разной степени о ПДС осведомлены почти три четверти (72%) респондентов, однако только 10% оценивают свои знания как хорошие, 40% знакомы в общих чертах, а 22% слышали только название. Негосударственные пенсионные фонды как операторы программы долгосрочных сбережений в общей сложности известны 78% респондентов, при этом большинство (60%) знают о них в общих чертах, а 18% хорошо осведомлены. Такой уровень информированности можно назвать достаточным для общего понимания темы, но недостаточным для осознанного использования программы, так как большинство знает об НПФ лишь поверхностно.

Половина россиян (49%) проявляют интерес к более глубокому изучению программы долгосрочных сбережений, то есть существующий потенциал вовлеченности довольно высокий. Однако почти столько же (47%) не заинтересованы в теме, что указывает на наличие барьеров в восприятии программы. При этом текущие сберегательные привычки не являются ключевым фактором для формирования интереса к программе: среди имеющих сбережения интерес к ПДС проявляют 50%, не имеющих — 47%. Готовность к участию в ПДС декларируют 22%, то есть примерно каждый пятый. Однако о точном намерении участвовать в ПДС в ближайшие один-два года говорят лишь 5%. Большинство же из тех, кто потенциально готов участвовать, откладывают свое решение на более отдаленную перспективу (три-пять лет — 17%), что указывает на недостаточную мотивацию для скорого вовлечения.

Рис. 3. Лично Вы будете участвовать в программе долгосрочных сбережений или нет? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Среди целей участия в ПДС респонденты чаще всего называют получение государственного софинансирования (38 %) и формирование финансовой подушки безопасности (38 %). Более четверти опрошенных отметили такие цели, как получение стабильного дохода в будущем (28 %) и получение выплат в случае критических жизненных ситуаций (26 %). Каждый пятый выбрал возможность перевода пенсионных накоплений в ПДС. Цели, связанные с налоговыми преференциями (13 %) и накоплениями для крупных покупок (14 %), остаются на периферии интереса. Это указывает на то, что ПДС воспринимается скорее как долгосрочный инструмент для обеспечения стабильности, чем как способ достижения краткосрочной финансовой выгоды.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЧТЕНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРЫ.....	152
ИИ: ВАШ НОВЫЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ.....	154
ХОККЕЙ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВИД СПОРТА РОССИИ.....	156

ЧТЕНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРЫ

8 ноября 2024 г.

Чтение остается популярным среди россиян способом получения знаний и информации — 87 % читали что-либо за последнюю неделю. Возглавляет рейтинг художественная литература (40%), впервые за время измерений она обходит чтение новостей и сообщений в социальных сетях (37%). Каждый третий (34%) за последнюю неделю читал профессиональную, научную или научно-познавательную литературу. Новости и новостные статьи в СМИ набирают 29%, блоги и популярные статьи в интернете — 22%. Каждый восьмой отметил, что ничего не читал (12%). В среднем за последние три месяца россияне прочли шесть книг (по ответам тех, кто назвал конкретное число книг, 56%), это примерно две книги в месяц, а при соблюдении темпа чтения на длинной дистанции — 24 книги в год.

Рис. 1. Что из перечисленного Вы читали за последнюю неделю?
(закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

Лидером рейтинга предпочитаемых россиянами жанров в этом году, как и пять лет назад, стали книги исторического содержания (27%). На втором месте — научная и профессиональная литература (24%), а на третьем — классика, как отечественная, так и зарубежная (22%). Почти столько же набирает фантастика, фэнтези

(21%). За пять лет более чем в четыре раза вырос интерес россиян к книгам по психологии (13%), что отражает общий тренд на саморазвитие и популярность психологии в обществе. Среди других ответов: приключенческая литература (8%), религиозная (7%), поэзия (6%), ужасы (3%) и др.

В целом жанровые предпочтения россиян и особенно устойчивый интерес к содержательной и образовательной литературе подчеркивают их ориентацию на интеллектуальное развитие, культурные традиции и самообразование. Каждый девятый сообщил, что практически или совсем не читает книг (11%). Интерес к чтению также варьируется в зависимости от возраста: среди зумеров почти все читают книги (лишь 1% заявил, что не читает), тогда как среди старших поколений (оттепели и застоя) доля нечитающих достигает 16—22%. Это подтверждает общую тенденцию, что молодежь больше увлекается чтением, чем старшие возрастные группы.

ИИ: ВАШ НОВЫЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ

26 ноября 2024 г.

Три года назад лишь треть россиян могли объяснить, что такое искусственный интеллект, а сегодня шесть из десяти (63 %) уже применяют эти технологии в своей жизни. Наиболее популярными способами взаимодействия с ИИ у россиян стали голосовые помощники и текстовые запросы с помощью чатов GPT или нейросетей (по 31 %). Каждый пятый (21 %) имеет опыт обращения к чат-боту, почти столько же (19 %) применяли систему распознавания объектов, поиска по фотографиям. Среди других ответов — генерация контента (14 %), использование системы «умный дом» (13 %), применение ИИ в работе (12 %). Каждый третий россиянин (33 %) в течение последнего года не делал ничего из перечисленного.

Большая часть россиян воспринимают ИИ позитивно, прежде всего как помощника (54 %). Среди других предложенных ролей ИИ 12 % голосов получает «игрушка». Тот факт, что противоположные роли выбирали одинаково часто (друг и враг — по 10 %, конкурент и эксперт — по 7 %, слуга и сверхразум — по 6 %), указывает на элемент неопределенности и противоречивости в восприятии технологий ИИ. Представления о роли ИИ достаточно схожи у россиян из разных поколений, исключение составляют зумеры, для которых в 22 % случаев ИИ стал другом. Восприятие ИИ как «друга» свидетельствует о том, что новые технологии могут вызывать эмоциональную привязанность, или о том, что у молодежи формируется свой, особый доверительный способ взаимодействия с технологиями, где ИИ выступает в роли субъекта, а не объекта.

Рис. 2. **Лично для Вас искусственный интеллект — это скорее...**
(закрытый вопрос, до двух ответов, % от всех опрошенных)

В рейтинге источников, к которым россияне готовы обратиться, чтобы разобраться в новом для них вопросе, ИИ занимает последнее место (5 %), уступая даже библиотекам и книгам (6 %). А на первом месте находится интернет (50 %),

он обходит даже личные связи — компетентных друзей и знакомых (29%). Россияне в целом лояльно относятся к использованию учащимися инструментов ИИ в учебе (допускают такое 76%), но есть нюанс. Только 7% говорят о допустимости применения ИИ школьниками и студентами без каких-либо ограничений, тогда как 69% уверены, что нужно соблюдать определенные правила. Шестая часть опрошенных (18%) оказалась против таких «упражнений».

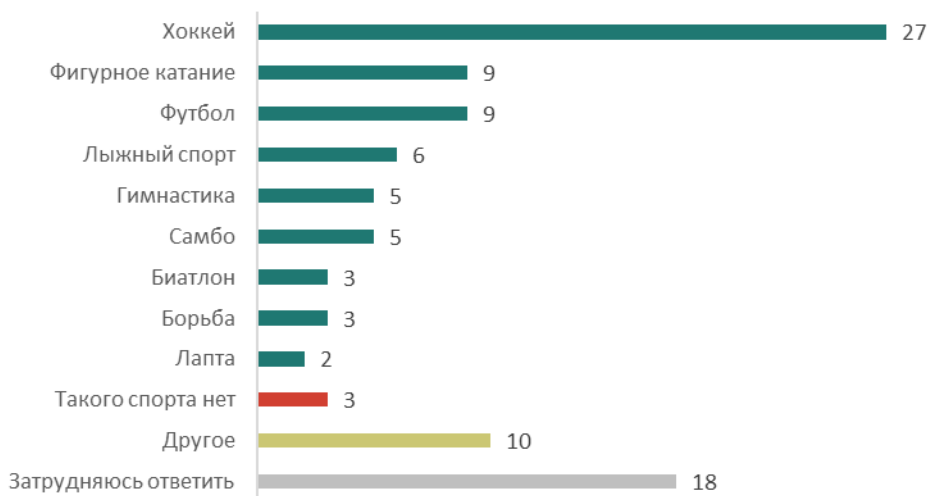
ХОККЕЙ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВИД СПОРТА РОССИИ

7 декабря 2024 г.

Восемь из десяти россиян (79%) считают, что национальный спорт в России есть. По большей части речь идет о зимних олимпийских видах спорта, в первую очередь о хоккее (27%). Второе место в «общем зачете» делят фигурное катание и футбол (по 9%). Лыжный спорт набирает 6%, гимнастика и самбо — по 5%, реже к национальным видам спорта россияне относят биатлон (3%), борьбу (3%) и русскую командную игру лапту (2%).

Примечательно, что среди наших сограждан практически не нашлось сторонников мнения, согласно которому в России нет национального спорта (3%), еще у 18% данный вопрос вызвал затруднение. Лидеры, вошедшие в топ-3, — хоккей, фигурное катание и футбол — достойны считаться национальными видами спорта по разным причинам. Россияне, назвавшие хоккей, чаще отмечают успехи российской сборной (43%), апеллируют к истории («исторически сложилось / всегда было / был развит в СССР» — 11%) и особенностям климата («зимний вид спорта / северная страна / снег» — 22%). Фигурное катание заслужило звание национального вида спорта за впечатляющие результаты российских фигуристов (66%), а футбол — благодаря его массовости, вовлеченности зрителей (24%).

Рис. 3. Национальный спорт — это вид спорта, который имеет особое значение и популярность в какой-либо стране. Например, как сумо в Японии. Скажите, как Вы думаете, а какой спорт можно считать национальным спортом России? (открытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие 2% и более)

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2654](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654)**Р. И. Капелюшников, Д. И. Зинченко****ЦИФРОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ
НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА.
ЧАСТЬ I: ДИСТАНЦИОННАЯ ЗАНЯТОСТЬ****Правильная ссылка на статью:**

Капелюшников Р. И., Зинченко Д. И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть I: дистанционная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 157—181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654>.

For citation:

Kapeliushnikov R. I., Zinchenko D. I. (2024) Digital Forms of Employment in the Russian Labor Market. Part I. Distant Employment. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 157—181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654>. (In Russ.)

Получено: 12.07.2024. Принято к публикации: 05.11.2024.

ЦИФРОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА. ЧАСТЬ I: ДИСТАНЦИОННАЯ ЗАНЯТОСТЬ

КАПЕЛЮШНИКОВ Ростислав Исаакович — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия; заместитель директора Центра трудовых исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: rostis@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2312-2110>

ЗИНЧЕНКО Дарья Игоревна — кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Центра трудовых исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dzinchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2491-4109>

Аннотация. Работа посвящена цифровым формам занятости на российском рынке труда. В первой части исследования обсуждается дистанционная занятость, получившая широкое распространение в 2020-е годы на рынках труда большинства стран мира. Рассматриваются выработанные международными статистическими организациями определения дистанционной занятости, методология ее измерения и оценки масштабов ее распространения в разных странах. Огромный импульс развитию этой формы цифровой занятости был дан пандемией коронавируса и введившимися для борьбы с ней локдаунами. На российском рынке труда она также испытала резкий всплеск в период коронакризиса.

DIGITAL FORMS OF EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN LABOR MARKET. PART I. DISTANT EMPLOYMENT

Rostislav I. KAPELIUSHNIKOV^{1,2} — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher; Deputy Director, Centre for Labour Market Studies
E-MAIL: rostis@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2312-2110>

Daria I. ZINCHENKO² — Cand. Sci. (Econ.), Junior Researcher, Center for Labor Market Studies
E-MAIL: dzinchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2491-4109>

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The paper analyzes digital forms of employment in the Russian labor market. The first part examines distant employment which gained widespread adoption in the 2020s in the labor markets of most countries. The authors examine the definitions of distant employment developed by international statistical organizations, the methodology for measuring it, and its prevalence in different countries. The coronavirus pandemic and the lockdowns introduced to combat it provided a strong impetus for this form of employment. The Russian labor market also experienced a sharp surge in distant employment during the coronavirus crisis.

A special section of the paper is devoted to the empirical analysis of the scale, dynamics, and

Специальный раздел статьи посвящен эмпирическому анализу масштабов, динамики и социально-демографического профиля дистанционной занятости с использованием микроданных Обследования рабочей силы Росстата за 2020—2023 гг. Сравнение российского опыта с международным показывает, что в России распространённость дистанционной занятости меньше, чем в большинстве развитых стран. На протяжении анализируемого периода она демонстрировала отчетливый понижательный тренд и в настоящее время составляет немногим больше 1%. Отмечается, что удаленную работу можно считать привилегией наиболее квалифицированной части рабочей силы (прежде всего — обладателей высшего образования). Анализ показывает, что в российских условиях стандартная занятость, скорее всего, останется в обозримой перспективе ведущей формой трудовых отношений и что прогнозы о ее вытеснении цифровыми формами занятости явно преждевременны.

Ключевые слова: цифровизация, дистанционная занятость, платформенная занятость, рынок труда, обследования рабочей силы

socio-demographic profile of distant employment based on the microdata from the Rosstat Labor Force Survey for 2020—2023. A comparison of Russian experience with international one shows that the prevalence of distant employment in Russia is lower than in most developed countries. Over the period under consideration, it demonstrated a strong downward trend and currently accounts for just over 1%. Largely it remains a privilege of the most skilled part of the workforce (primarily those with higher education). The analysis shows that in Russian conditions, so-called standard employment is likely to remain the leading form of labor relations in the foreseeable future and that forecasts of its displacement by digital forms of employment are premature.

Keywords: digitalization, distant employment, platform employment, labor market, labor force surveys

Введение¹

В 2020-е годы почти во всех странах широкое распространение получили две новые формы атипичной занятости, связанные с применением ИКТ: дистанционная и платформенная. Отличительный признак первой состоит в том, что она совершается удаленно (не на предприятии, где числится работник), отличительный признак второй — что она совершается с использованием цифровых платформ. Численность работников, охваченных этими формами цифровой занятости, повсеместно демонстрировала тенденцию к быстрому росту.

Дистанционная и платформенная занятость — сравнительно недавний феномен, который стал возможен только благодаря цифровизации экономики, поскольку и та и другая предполагают наличие доступа к интернету и использова-

¹ Результаты работы опубликованы в препринте: Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда: дистанционная и платформенная. М.: Высшая школа экономики, 2024. <https://publications.hse.ru/preprints/954870848> (дата обращения: 07.12.2024).

ние персональных электронных устройств. В отличие от стандартной занятости они чаще всего осуществляются не на производственных площадках, создаваемых специально с этой целью работодателями (цехах, офисах и т. д.), а на альтернативных местах работы (по большей части из дома). Из этой пространственной специфики вытекают и другие отклонения от «стандартной» формы трудовых отношений: дистанционные и платформенные работники часто трудятся не по бессрочному официально оформленному контракту на полный рабочий день с фиксированной заработной платой, имеют гибкий график работы, самостоятельно определяя продолжительность рабочего времени, многие из них действуют в качестве независимых работников (работодателей, подрядчиков, самозанятых).

У некоторых академических исследователей, деятелей профсоюзов, политиков, представителей государственных структур этот тренд вызывает тревогу, поскольку социальная защищенность работников, занятых на таких рабочих местах, может быть значительно ниже, чем у работников, занятых на «стандартных» рабочих местах: на тех, кто трудится на дистанте или через интернет-платформы, часто не распространяются общепринятые нормы трудового и социального законодательства. Передкими стали алармистские прогнозы, согласно которым со временем дистанционная и платформенная занятость вытеснят «стандартную» занятость.

Анализ цифровых форм занятости, связанных с использованием персональных электронных устройств, сталкивается с серьезными методологическими трудностями. Не выработано какой-либо консенсусной точки зрения относительно масштабов их распространения, их влияния на производительность и благосостояние работников, а также их будущей динамики. Одни видят в них революционное изменение всей системы трудовых отношений, другие — всего лишь скромную добавку к меню уже существующих разнообразных нестандартных видов занятости. Многие утверждают, что цифровые формы занятости — это новая нормальность и что стандартная занятость доживает свой век. Однако с этим согласны далеко не все, так что будущее дистанционной и платформенной занятости остается предметом острых дискуссий.

Первая часть исследования посвящена феномену дистанционной занятости. Она стала заметным явлением на рынке труда примерно с середины 2000-х годов. Однако, несмотря на растущую популярность, до начала пандемии COVID-19 она охватывала ограниченный сегмент рабочей силы. Ситуация резко и практически мгновенно изменилась в первые месяцы 2020 г., когда для борьбы с угрозой распространения коронавирусной инфекции государства по всему миру начали вводить жесткие локдауны, резко ограничивая любые социальные контакты — в том числе на рабочих местах. Все формы цифровой занятости в этот период испытали взрывной рост.

В условиях жестких карантинных ограничений массовый переход на дистант позволил сохранить сотни миллионов рабочих мест по всему миру. По оценкам, на пике пандемии в некоторых странах до половины или даже больше всех занятых трудились из дома в онлайн-режиме. При этом изменился и характер удаленной работы: если раньше она чаще всего была добровольной, отражая предпочтения работников, то теперь стала по большей части вынужденной, представляя собой реакцию на ограничительные меры государства. Вместе с тем этот опыт

позволил как работникам, так и работодателям осознать и оценить на практике выгоды и издержки, связанные с дистанционной занятостью, подтолкнув их к пересмотру привычных стереотипов поведения на рынке труда. Не удивительно поэтому, что хотя после прохождения пика пандемии ее уровень повсеместно начал снижаться, он все равно остался существенно выше, чем был в «доковидный» период². При этом по мере снятия карантинных ограничений предпочтения работников и работодателей стали все больше смещаться от «чистого» в пользу «гибридного» режима удаленной занятости, когда какую-то часть недели индивиды проводят на официальном месте работы, а какую-то — в домашних условиях с использованием ИКТ.

В ходе этого неожиданного крупномасштабного социального эксперимента цифровая занятость стала привычной формой трудовой активности для миллионов людей по всему миру³. Вынудив огромную массу работников трудиться из дома, пандемия резко ускорила внедрение цифровых технологий, а также организационных изменений, позволяющих осуществлять бизнес-процессы на расстоянии⁴ [Boland et al., 2020]. Поскольку со временем, как можно ожидать, процесс проникновения в экономику ИКТ будет только нарастать, рост цифровой занятости может стать одной из устойчивых и долгосрочных тенденций в эволюции современных рынков труда.

В данном отношении российский рынок труда не был исключением. На нем в 2020-е годы также начала широко использоваться дистанционная занятость. К сожалению, исследований, которые были бы посвящены этому новому феномену, пока еще недостаточно, и поэтому у нас до сих пор нет четкой картины, каковы его главные характеристики и перспективы дальнейшего развития. Велик и разброс в количественных оценках. Анализ, представленный в настоящей работе, призван, насколько возможно, восполнить этот пробел.

В российских условиях изучение цифровых форм занятости до последнего времени тормозилось отсутствием официальных данных, которые бы позволяли измерять их масштаб, проследить их динамику и описывать их социально-демографические профили. Большинство оценок, фигурировавших в литературе, строились на основе небольших разовых интернет-опросов, проводимых независимыми исследовательскими центрами, что делало получаемые результаты недостаточно надежными⁵. Однако начиная с 2020 г. Росстат начал вклю-

² «Все больше работников стали осознавать, что их работу можно выполнять за пределами традиционных офисных помещений, а также приобрели опыт обращения с необходимыми технологиями. Кроме того, многие бизнес-лидеры, которые раньше сопротивлялись тому, чтобы их персонал работал из дома, потому что не знали, будет ли это способствовать эффективности, обнаружили теперь, что это можно делать вполне успешно, и поэтому начали поощрять работников, готовых трудиться из дома» [Messenger, 2023: 20].

³ Sostero M., Milasi S., Hurler J., Fernandez-Macias E., Bisello M. Teleworkability and the COVID-19 Crisis: A New Digital Divide? Working Paper // Eurofund. 2023. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/system/files/2020-09/wpfe20020.pdf> (дата обращения: 07.12.2024).

⁴ Boland B., De Smet A., Palter R., Sanghvi A. Reimagining the Office and Work Life after Covid-19 // McKinsey&Company. 2020. June 8. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/people-and-organizational-performance/our-insights/reimagining-the-office-and-work-life-after-covid-19> (дата обращения: 07.12.2024).

⁵ В числе немногих исключений, где использовались данные официальной статистики, можно назвать работы: Демьянова А. В., Покровский С. И., Рыжикова З. А. Портрет платформенного работника в России // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2022. 24 ноября. URL: <https://issek.hse.ru/news/797813349.html> (дата обращения: 07.12.2024), а также [Забелина, Мирзабалаева, 2024; Капелюшников, 2023; Baimurzina, Chernykh, 2024].

чать в анкеты проводимых им выборочных Обследований рабочей силы (ОРС) вопрос о дистанционной занятости, а начиная с 2022 г. — вопрос о платформенной занятости. Это позволяет получать количественные оценки атипичных форм занятости на той же методологической основе, на которой строятся официальные показатели численности рабочей силы, занятых и безработных. По своим масштабам ОРС намного превосходят любые иные выборочные обследования, охватывая в течение года порядка 800—900 тыс. респондентов, что обеспечивает высокую надежность получаемых данных. Наше исследование опирается именно на эту эмпирическую базу.

В первой части исследования, посвященной феномену дистанционной занятости, анализ будет направлен на решение нескольких взаимосвязанных задач: обсудить принятые в международной статистике определения этой формы цифровой занятости, а также связанные с этим методологические проблемы; представить обобщенную картину ее использования на рынках труда различных стран; оценить масштабы и проследить динамику дистанционной занятости в условиях российского рынка труда; проанализировать социально-демографические профили российских дистанционных работников; наконец, проверить робастность получаемых количественных результатов с помощью инструментария эконометрического анализа. Насколько нам известно, это первая попытка дать целостное представление об этой форме цифровой занятости на российском рынке труда, опираясь на представительные данные официальной статистики.

Дистанционная занятость: исходные представления и межстрановой контекст

В своих методологических рекомендациях Международная организация труда (МОТ) проводит различие между понятиями «удаленная» и «дистанционная» занятость. По умолчанию принято считать, что работа должна выполняться на территории той экономической единицы, в интересах которой она осуществляется, будь то предприятие работодателя (для наемных работников), семейное предприятие (для семейных работников), собственное помещение работника (для независимых работников) или помещение клиента. В случае удаленной занятости это оказывается не так. Соответственно, удаленная работа (*remote work*) — это любая оплачиваемая деятельность, которая выполняется на альтернативном месте работы, отличном от того, которое типично для работников данной профессии с данным статусом занятости.

Что касается *дистанционной занятости* (или «телеработы» — *telework*), то она представляет собой один из подвидов удаленной занятости⁶: «Она включает работников, которые используют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) или стационарные телефоны для выполнения работы удаленно... Что делает ее уникальной, так это то, что работа, выполняемая удаленно, осуществляется

⁶ Отметим, что в работах российских авторов различия между понятиями «удаленная» и «дистанционная» занятость не проводится и они используются как синонимы. В последующих разделах мы также будем следовать этой устоявшейся терминологической практике.

с использованием персональных электронных устройств, таких как компьютер, планшет или телефон (мобильный либо стационарный)»⁷.

Однако в реальной статистической практике методологические рекомендации МОТ соблюдаются далеко не всегда и в литературе можно встретить самые разноречивые определения того, что такое «дистанционная занятость» (или «телезанятость»). Это касается не только работ независимых исследователей, но и официальных публикаций национальных статистических агентств. Отсюда — огромный разбой в количественных оценках, о котором нам еще придется говорить ниже. Понятнейшая неконсистентность далеко не безобидна, поскольку не только затрудняет диагностику состояния рынков труда внутри каждой отдельной страны, но и серьезно ограничивает возможности межстрановых сопоставлений.

В США, согласно официальным оценкам Бюро статистики труда (БСТ), до начала пандемии уровень дистанционной занятости не достигал даже 3%, но на пике коронакризиса весной 2020 г. увеличился более чем в десять раз до 35%⁸. После этого по мере снятия карантинных ограничений он начал постепенно снижаться, через два с половиной года вернувшись к почти допандемийной отметке — 5%. Однако в конце 2022 г. БСТ перешло к новому, более широкому определению дистанционной занятости, что привело к одномоментному скачку ее уровня более чем в три раза — до 18%. После этого она вновь пошла вверх, приблизившись в настоящее время к 25%, причем примерно половина находящихся на дистанте американских работников трудятся в этом режиме полностью и примерно половина — частично.

Следует, однако, отметить, что независимые источники рисуют несколько иную картину [Brynjolfsson et al., 2023]. Согласно этим данным, еще до начала пандемии в онлайн-режиме (полностью или частично) трудились примерно 15% американских работников. Коронакризис вызвал взрывной рост дистанционной занятости, когда она достигла феноменально высоких отметок — 45—70% (!). После этого ее уровень начал постепенно снижаться, но это снижение было гораздо менее сильным, чем говорят оценки БСТ. В последние годы, по данным независимых обследований, на онлайн-режиме продолжал находиться (полностью или частично) примерно каждый второй-третий американский работник.

Как видим, несмотря на значительные расхождения в показаниях официальных и неофициальных источников, и те и другие говорят о сверхактивном использовании режима дистанционной занятости в экономике США. «Отступление» от максимальных показателей, достигнутых на пике пандемии COVID-19, оказываются значительно меньше, чем можно было бы ожидать.

По схожей траектории, хотя и со значительными количественными различиями, развивалась ситуация на европейских рынках труда. По данным Евростата, до начала пандемии средний уровень дистанционной занятости в странах Евросоюза оценивался примерно в 6%⁹. После введения карантинных ограничений

⁷ International Labour Organization. Defining and Measuring Remote Work, Telework, Work at Home and Home-Based Work. Geneva: ILO Technical Note, 2020. URL: <https://www.ilo.org/publications/defining-and-measuring-remote-work-telework-work-home-and-home-based-work> (дата обращения: 07.12.2024).

⁸ Подробнее см. URL: <https://www.bls.gov/bls/news-release/home.htm#HOMEY> (дата обращения: 07.12.2024).

⁹ Подробнее см. Employed Persons Working from Home as a Percentage of the Total Employment, by Sex, Age and Professional Status (%) // Eurostat. 2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/lfsa_ehomp_custom_11312713/default/table?lang=en (дата обращения: 07.12.2024).

он увеличился примерно вдвое до 12—13%¹⁰, а затем по мере отмены локдаунов начал постепенно снижаться и в настоящее время составляет примерно 10%. Лидерами по охвату дистанционной занятостью выступают Ирландия и Финляндия (свыше 20%), а аутсайдерами — Болгария и Румыния (чуть больше 1%). Если говорить об укрупненных регионах, то для стран Северной и Западной Европы характерны в среднем существенно более высокие показатели дистанционной занятости (порядка 15%), чем для стран Восточной и Южной Европы (6%).

Социально-демографический профиль дистанционной занятости выявляется достаточно однозначно. Практически все исследования приходят к выводу, что склонность к «телеработе» выше у женщин, чем у мужчин, у лиц активных возрастов — чем у молодежи или пожилых, у городских жителей — чем у сельских, у обладателей высшего образования — чем у обладателей более низкого образования, у работников нефизического труда — чем у работников физического труда, у представителей высококвалифицированных профессий — чем у представителей средне- и низкоквалифицированных профессий¹¹, у лиц, принадлежащих к высокооплачиваемым группам рабочей силы, — чем у лиц, принадлежащих к ее низкооплачиваемым группам, у занятых в крупных фирмах — чем у занятых в мелких¹² [Piasna, Zwysen, Drahoukoupil, 2022; Zwysen, 2023].

Естественно, критически важное значение имеет отраслевой фактор. Обеспечить доступ на расстоянии к фабричным станкам невозможно технически (по крайней мере, пока), так что удаленную работу едва ли можно считать реальной опцией для подавляющего большинства тех, кто трудится на заводах, в ресторанах или отелях. В то же время «ноутбук» уже стал незаменимым средством производства для многих видов деятельности, которые с минимальными трудностями могут осуществляться вне офиса¹³. Соответственно, в отраслях, требующих физического присутствия работников, таких как здравоохранение, строительство, транспорт, услуги по размещению и питанию и т. д., — доля работающих на дистанте невелика. Напротив, в отраслях с высоким уровнем цифровизации, таких как связь и ИКТ, профессиональная деятельность, НИОКР, финансовые услуги и т. д., она намного выше и нередко доходит до 50%¹⁴ [Piasna et al., 2022].

¹⁰ Результаты специального обследования, проведенного в 2020 г. Еврофондом с использованием унифицированной методологии, выводят на более высокие показатели. Согласно этим данным, на пике пандемии в странах Евросоюза 40% всех занятых трудились онлайн. См. Eurofound. Platform Work: Types and Implications for Work and Employment // Literature Review. Dublin: Eurofound, 2018. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/system/files/2019-12/wpef18004.pdf> (дата обращения: 07.12.2024).

¹¹ По некоторым оценкам, во время пандемии COVID-19 работники с самой высокой квалификацией имели в 15 раз больше шансов трудиться дистанционно, чем работники с самой низкой. См. OECD. Measuring Telework in the Covid-19 Pandemic. Paris: OECD Digital Economy Papers, 2021. No. 314. URL: https://www.oecd.org/en/publications/measuring-telework-in-the-covid-19-pandemic_0a76109f-en.html (дата обращения: 07.12.2024).

¹² Employment Statistics — Digital Platform Workers // Eurostat. 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Employment_statistics_-_digital_platform_workers#Extent_and_profile_of_digital_platform_workers_in_the_last_year (дата обращения: 07.12.2024).

¹³ OECD. Measuring Telework in the Covid-19 Pandemic. Paris: OECD Digital Economy Papers, 2021. No. 314. URL: https://www.oecd.org/en/publications/measuring-telework-in-the-covid-19-pandemic_0a76109f-en.html (дата обращения: 07.12.2024).

¹⁴ Employment Statistics — Digital Platform Workers // Eurostat. 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Employment_statistics_-_digital_platform_workers#Extent_and_profile_of_digital_platform_workers_in_the_last_year (дата обращения: 07.12.2024).

Если говорить о межстрановой вариации, то она определяется двумя главными факторами. Во-первых, это уровень технологического развития экономики: чем шире представлены в ней сектора с активным использованием ИКТ (информация и связь, финансы и др.), тем выше при прочих равных условиях доля дистанционных (равно как и платформенных) работников [Milasi, González-Vázquez, Fernández-Macías, 2021]. Во-вторых, это институциональные особенности национальных рынков труда: чем жестче законодательство о защите занятости и чем сильнее влияние профсоюзов, тем при прочих равных условиях доля таких работников ниже [Zwysen, 2023].

Поскольку при измерении дистанционной занятости используются сильно различающиеся определения (см. выше), неудивительно, что в ее количественных оценках, как мы могли убедиться, наблюдается огромный разброс. Причем показатели, получаемые официальными статистическими службами, оказываются, как правило, намного ниже (нередко в десятки раз!) показателей, получаемых независимыми исследовательскими центрами. Похоже, если первые чаще всего недооценивают, то вторые чаще всего переоценивают реальные масштабы распространения дистанционной занятости. Напомним, что, скажем, в США, если верить данным БСТ, уровень дистанционной занятости составлял в 2022 г. всего лишь 5%, но если верить данным независимых исследователей, достигал в том же году порядка 30—50% (!)¹⁵.

Можно выделить несколько факторов, способных вызывать столь широкий количественный разброс [Brynjolfsson et al., 2023]. Во-первых, многое зависит от самой техники проведения опросов. У респондентов, опрашиваемых онлайн, уровень дистанционной занятости оказывается в несколько раз выше, чем у респондентов, опрашиваемых по почте или лично интервьюерами. Естественно, что среди активных интернет-пользователей случаи работы в онлайн-режиме должны встречаться намного чаще, чем среди тех, кто либо не пользуется им вообще, либо пользуется эпизодически. Во-вторых, обследования, охватывающие только наемных работников, выводят на гораздо более низкие оценки, чем обследования, охватывающие всех занятых, поскольку у самозанятых склонность к работе онлайн в среднем заметно выше, чем у работающих по найму. В-третьих, оценки оказываются значительно ниже, если вопрос о дистанционной занятости касается только опыта ее использования в условиях пандемии. Очевидно, что в таком случае за скобками остаются все те, кто трудился в онлайн-режиме еще в «доковидный» период. В-четвертых, когда сбор информации ограничивается только «чистым» режимом дистанционной занятости, оценки также оказываются намного ниже, чем когда он охватывает как «чистый», так и «гибридный» режим такого рода занятости. Наконец, большое значение имеет то, спрашивают респондентов о *любой* деятельности, осуществляемой из дома (*Work from House — WFH*), или же только о деятельности, осуществляемой из дома *с помощью электронных*

¹⁵ Правда, после того как БСТ перешло к более корректной формулировке вопроса о дистанционной занятости, охват ею, как мы уже упоминали, вырос вчетверо: с 5% до 20% (см. URL: https://www.bls.gov/news.release/history/homey_031198.txt (дата обращения: 07.12.2024)). Это еще одна наглядная иллюстрация того, насколько чувствителен в методологическом отношении данный показатель и как сильно его оценки зависят от конкретных формулировок тех вопросов, на которые предлагается отвечать респондентам.

устройств. Понятно, что первый подход должен приводить к существенному завышению масштабов работы на дистанте.

Как показывает анализ, при унификации процедуры измерения (скажем, при последовательном применении определения MOT) разброс в количественных оценках дистанционной занятости снижается до минимума [Brynjolfsson et al., 2023].

Для России, как и для остальных стран, разброс в оценках масштабов распространения дистанционной и платформенной занятости оказывается очень значительным. Причины все те же: разная методология проведения опросов, охват разных сегментов рабочей силы, разные формулировки ключевых вопросов.

По имеющимся оценкам, до начала пандемии COVID-19 уровень дистанционной занятости в России находился на низкой отметке, составляя от 1% [Монусова, 2021; Капелюшников, 2023] до 4% [Логинов, Лопатина, 2021]. Введение локдаунов во втором квартале 2020 г. сопровождалось резкой эскалацией этой атипичной формы трудовых отношений. По данным интернет-опроса среди пользователей сети Facebook¹⁶, проведенного РАНХиГС в 2021 г., на пике пандемии примерно 15% опрошенных работали полностью удаленно и 20% совмещали удаленный режим с работой в офисе [Ляшок, 2021].

Из данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ ВШЭ) следует, что в разгар коронакризиса в 2020 г. уровень дистанционной занятости достигал 16%, хотя по его ходу доля работников, трудившихся онлайн, сильно колебалась. Однако уже летом этого года показатель упал вдвое до 7%, а к концу 2000 г. опустился еще ниже — до не слишком значимых 3% [Капелюшников, 2023]. В следующем 2021 г. понижательный тренд продолжился, так что к концу этого года на дистанте находились уже менее 2% всех занятых. Иными словами, основная часть прироста, спровоцированного пандемией COVID-19, была отыграна назад. Похоже, в российском контексте стимулы к внедрению дистанционной занятости оставались не слишком сильными.

Как показал опрос Института социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС, проводившийся методом телефонного анкетирования в 2020—2021 гг., в период пандемии почти четверть (23%) всех работников столкнулись с необходимостью перехода на удаленную занятость и смогли осуществить такой переход [Логинов, Лопатина, 2021]. Из них у 17% пребывание на «удаленке» длилось менее и у 6% — более полугода. Можно сказать, что чаще всего это был краткосрочный феномен.

Дистанционная занятость: эмпирический анализ

Масштабы и динамика

Как отмечалось выше, наш эмпирический анализ строится на данных Обследования рабочей силы Росстата. Первоначально распространенность дистанционной занятости на российском рынке труда оценивалась Росстатом по ответам респондентов ОРС на вопрос о месте их основной работы: «Укажите, пожалуйста, где Ваша работа выполнялась...» Одной из опций в меню подсказок был вариант: «На дому с использованием сети Интернет». Респонденты, выбравшие этот вариант ответа, квалифицировались как работающие удаленно. Однако в 2022 г. Росстат ввел в анкеты

¹⁶ Компания Meta и соцсети, которыми она владеет, признаны в России экстремистскими и запрещены 20.06.2022.

ОРС специальный вопрос, касающийся дистанционной занятости: «Приходилось ли Вам на прошлой неделе выполнять работу удаленно, то есть работать на расстоянии от работодателя, клиента, в том числе с использованием персональных электронных устройств (компьютера, планшета, телефона)?» Те, кто отработал в таком режиме всю или часть обследуемой недели, квалифицируются как занятые дистанционно.

Как показывает рисунок 1, изменение вопроса о дистанционной занятости привело к увеличению соответствующих оценок в несколько раз. Если в декабре 2021 г. (при использовании старой формулировки) численность работников, занятых удаленно, оценивалась в 0,4 млн человек, что составляло 0,5 % от общей занятости, то в январе 2022 г. (при использовании новой формулировки) — уже 2,9 млн человек, что составляло 4,2 % от общей занятости. Этот разрыв в рядах данных необходимо учитывать при анализе того, как с течением времени менялся охват российских работников этим типом занятости.

До начала кризиса, вызванного пандемией коронавируса, дистанционная занятость оставалась вполне маргинальным явлением, составляя совершенно мизерную величину — всего лишь 0,2 % — от общей численности занятых (см. рис. 1). Непосредственно после введения жестких карантинных ограничений ее уровень продемонстрировал в апреле 2020 г. мгновенный рост до почти 7 %, после чего начал постепенно снижаться, достигнув в летние месяцы этого года 0,5 %. Осенью, в условиях очередной вспышки эпидемии, он вновь пошел вверх, увеличившись до 1,3 %. Тем не менее рекорд, достигнутый на старте пандемии, перекрыт не был. В следующем 2021 г. мы наблюдаем все тот же понижительный тренд — практически монотонное падение уровня дистанционной занятости до более чем скромных 0,5 %. Хотя этот показатель несколько выше, чем до начала пандемии и введения локдаунов, он свидетельствует о почти полном возвращении к докризисной ситуации.

Как уже упоминалось, следствием перехода в 2022 г. к новой формулировке вопроса о дистанционной занятости стал резкий скачок в оценках ее величины. Это означает, что использование в предыдущие годы менее корректной формулировки, скорее всего, должно было приводить к существенной недооценке реальных масштабов ее распространения — примерно в четыре-пять раз. Соответственно, можно предположить, что при использовании более корректной методологии реальный уровень дистанционной занятости на пике коронакризиса мог достигать порядка 25—30 %. Это все равно ниже, чем в большинстве других стран, введивших для борьбы с пандемией жесткие карантинные ограничения, но все же не так аномально мало, как показывали первоначальные оценки Росстата, полученные при использовании старой методологии.

Из рисунка 1 отчетливо видно, что на протяжении 2022—2023 гг. дистанционная занятость продолжала монотонно снижаться. Говоря иначе, с течением времени она все больше и больше выходила из употребления. С отметки 4,2 % в начале 2022 г. она опустилась почти втрое до отметки 1,4 % к концу 2023 г. По сути, это был возврат к значениям, наблюдавшимся еще в «доковидный» период. Подобная динамика свидетельствует о том, что многочисленные предсказания, согласно которым после кризиса, вызванного пандемией коронавируса, дистанционная работа превратится в едва ли не ведущую форму трудовой активности российских работников, оказались несостоятельными. В настоящее время на ди-

стане трудятся примерно 1 млн человек, что составляет чуть более 1% от общей численности занятых. Из них 35—45% работают полностью удаленно, тогда как 55—65% в смешанном режиме, осуществляя какую-то часть недели свою деятельность из дома, а какую-то в офисе (см. рис. 2).

Рис. 1. Динамика уровня дистанционной занятости, 2020—2023 гг., %¹⁷

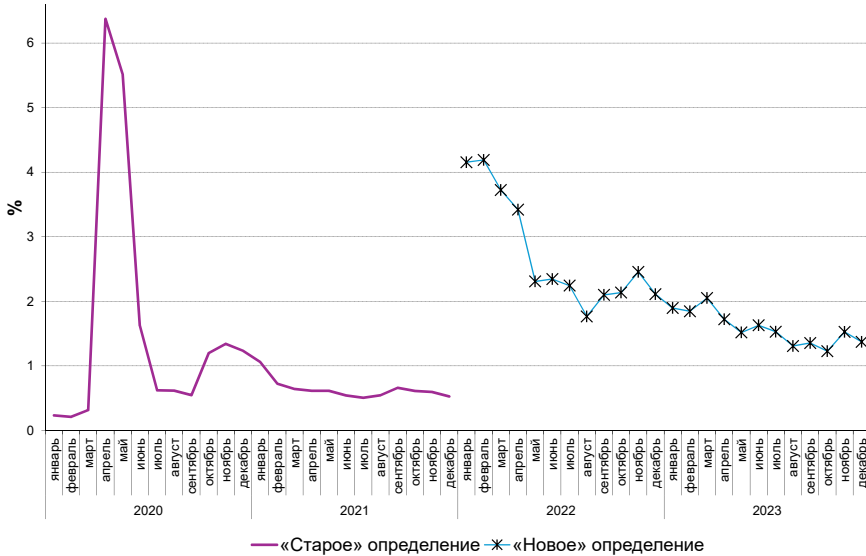
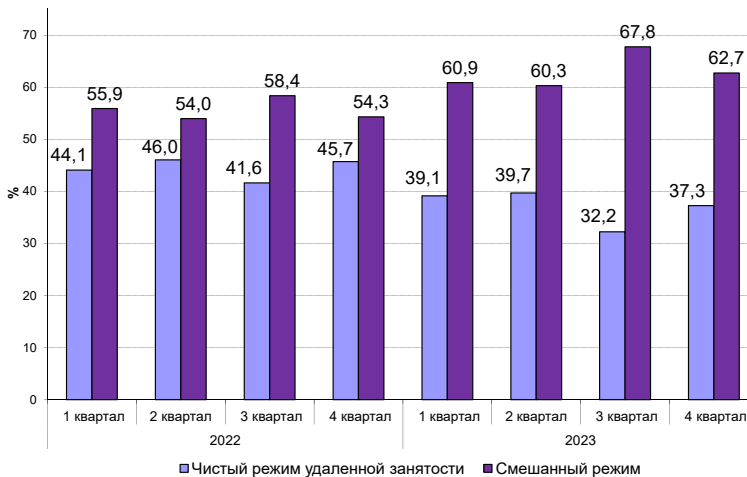

Рис. 2. Распределение работников, занятых в онлайн-режиме, по типу дистанционной занятости, 2022—2023 гг., % (вся дистанционная занятость = 100%)¹⁸

¹⁷ Источник: ОПС Росстата, расчеты авторов.

¹⁸ Источник: ОПС Росстата, расчеты авторов.

Общий вывод, который можно отсюда сделать, состоит в том, что на российском рынке труда дистанционная занятость по-прежнему встречается не часто, охватывая очень незначительный контингент работников. Ее всплеск, наблюдавшийся на пике коронакризиса, оказался краткосрочным и вскоре сошел на нет. Вместе с тем нельзя не признать, что за время коронакризиса эта форма нестандартной занятости была хорошо освоена российским рынком труда, так что при необходимости (при возникновении сходной кризисной ситуации) масштабы ее использования могут быть оперативно увеличены в разы.

Рисунок 3 позволяет увидеть, насколько трудовые отношения при работе онлайн отличаются от трудовых отношений при работе офлайн. Во-первых, среди занятых на некорпорированных предприятиях вероятность дистанционной занятости оказывается значительно выше, чем среди занятых на корпорированных предприятиях или у индивидуальных предпринимателей/физических лиц. Во-вторых, наблюдается отрицательная связь работы на «удаленке» с наемным трудом. Ненаемные работники — работодатели, самозанятые и зависимые подрядчики — трудятся онлайн значительно чаще, чем наемные. Особенно высок уровень дистанционной занятости — около 10% — у зависимых подрядчиков. В-третьих, в неформальном секторе доля работающих онлайн вдвое выше, чем в формальном. Иными словами, предпринимательство и деформализация трудовой деятельности выступают факторами, благоприятствующими удаленной занятости.

Рис. 3. Уровни дистанционной занятости по типам трудовых отношений, 2023 г., %¹⁹

¹⁹ Источник: ОПС Росстата, расчеты авторов.

Социально-демографические характеристики

Таблица 1 отражает социально-демографический профиль дистанционной занятости (используются усредненные показатели за 2023 г.).

Таблица 1. Социально-демографические характеристики дистанционной занятости, 2023 г., %

Группы	Структура дистанционной занятости	Вероятность дистанционной работы
Все	100	1,6
Пол		
Мужской	43,3	1,4
Женский	56,7	1,8
Тип населенного пункта		
Город	83,7	1,7
Село	16,3	1,2
Гражданство		
Российское	99,6	1,6
Другое (включая лиц с двойным гражданством)	0,4	1,3
Брачный статус		
В браке	62,4	1,4
Не в браке	37,6	2,0
Возраст, лет		
15—19	0,3	0,9
20—29	19,5	2,2
30—39	36,5	1,9
40—49	25,6	1,5
50—59	13,7	1,0
60—69	4,0	0,9
70 лет и старше	0,3	1,4
Уровень образования		
Высшее	73,8	3,2
Среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена	17,9	1,1
Среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих/служащих	2,7	0,2
Среднее общее	5,0	0,5
Основное общее и ниже	0,6	0,3
Профессии		
Руководители	12,5	4,1
Специалисты высшего уровня квалификации	67,5	3,8
Специалисты среднего уровня квалификации	13,8	1,5

Группы	Структура дистанционной занятости	Вероятность дистанционной работы
Служащие, занятые подготовкой информации	4,2	1,9
Работники сферы обслуживания и торговли	1,9	0,2
Квалифицированные работники сельского хозяйства	0,0	0,0
Квалифицированные рабочие	0,0	0,0
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	0,0	0,0
Неквалифицированные рабочие	0,0	0,0
Отрасли		
Сельское, лесное хозяйство	1,6	0,6
Добыча полезных ископаемых	0,3	0,2
Обрабатывающие производства	5,8	0,6
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	1,0	0,6
Водоснабжение, утилизация отходов	0,2	0,4
Строительство	3,4	0,8
Оптовая и розничная торговля	16,1	1,6
Транспортировка и хранение	4,1	0,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1,2	0,7
Деятельность в области информации и связи	14,8	11,8
Деятельность финансовая и страховая	6,0	4,2
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	4,5	4,2
Деятельность профессиональная, научная и техническая	16,7	6,7
Деятельность административная	3,9	2,3
Государственное управление	3,5	0,8
Образование	10,3	1,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	2,9	0,6
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1,9	1,4
Предоставление прочих видов услуг	1,9	1,0

Источник: ОПС Росстата, расчеты авторов.

Как видно из представленных оценок, в структуре дистанционной занятости явно доминируют женщины: среди работников, занятых онлайн, их доля приближается к 60 %, тогда как доля мужчин составляет примерно 40 %. Эту гендерную асимметрию можно связать с двумя обстоятельствами. Во-первых, среди работников, занятых нефизическим трудом («белых воротничков»), традиционно преобладают

женщины, тогда как среди работников, занятых физическим трудом («синих воротничков») — мужчины. Но физический труд, в отличие от интеллектуального, практически исключает возможность работы на расстоянии с использованием персональных электронных устройств. Во-вторых, для женщин преимущества, которые дает работа из дома, оказываются, по-видимому, намного больше, чем для мужчин, позволяя им уделять больше времени и внимания семейным обязанностям.

Еще более выраженная асимметрия наблюдается по типу поселения. В составе работающих дистанционно на долю городского населения приходится 84 %, тогда как на долю сельского — только 16 %. Причина этого достаточно очевидна: сельская экономика (из-за особенностей ее отраслевой структуры) предоставляет гораздо меньше возможностей для того, чтобы работать онлайн.

Среди работающих дистанционно лица, не имеющие российского гражданства или имеющие двойное гражданство, представлены практически в той же пропорции, что и среди всех занятых, — 0,4 %.

Работники, находящиеся в браке, составляют значительно большую долю занятых на «удаленке», чем холостые: 62 % против 38 %. Но объясняется это чисто статистическими причинами, а именно тем, что общая численность работников, состоящих в браке, намного (в два с половиной раза) превышает общую численность работников-одиночек.

Теми же статистическими причинами объясняется и преобладание в составе дистанционно занятых работников в возрасте 30—39 лет. Это самая многочисленная группа работающих в онлайн-режиме, доля которой превышает треть. Противоположный полюс представляют молодежь в возрасте до 20 лет (0,3 %) и люди старшего возраста от 70 лет и более (0,3 %). Можно сказать, что структура дистанционной занятости смещена в пользу экономически наиболее активных возрастов 30—39 и 40—49 лет.

Как показывает таблица 1, дистанционная занятость — это по большому счету «монополия» работников, получивших высшее образование. Среди всех работающих в подобном режиме доля обладателей вузовских дипломов приближается к 75 %. Вслед за ними идут работники со средним профессиональным образованием по программе подготовки специалистов среднего звена — 18 %. Интересно, однако, отметить, что работники с общим средним образованием представлены среди занятых дистанционно шире, чем работники со средним профессиональным образованием по программе подготовки квалифицированных рабочих/служащих: 5 % против 2,7 %. Наконец, представительство работников с самым низким образованием (основным общим и ниже) оказывается практически нулевым.

Как и можно было бы ожидать, в составе работающих на «удаленке» с огромным отрывом лидируют специалисты высшего уровня квалификации, доля которых приближается к 70 %. За ними идут специалисты среднего уровня квалификации и руководители — соответственно 14 % и 13 %. Доли офисных служащих и торговых работников минимальны — 4 % и 2 %. Но самое интересное заключается в том, что представители рабочих профессий («синие воротнички») независимо от уровня их квалификации вообще никогда не переводятся на режим удаленной занятости: у всех них нулевая доля работающих в онлайн-режиме. Иными словами, примерно каждый третий российский работник по определению лишен

возможности трудиться дистанционно. Удаленная работа — это, по существу, привилегия «белых воротничков», а если говорить конкретнее: привилегия самых квалифицированных групп рабочей силы — специалистов высшего уровня квалификации с вузовскими дипломами. Для всех остальных профессиональных групп доступ к данной форме занятости либо крайне ограничен, либо вообще закрыт.

Что касается отраслевой структуры дистанционной занятости, то в ней более всего представлены профессиональная и научно-техническая деятельность (17%), торговля (16%), сфера ИКТ (15%) и образование (10%). Почти нулевое представительство имеют такие сектора, как добыча полезных ископаемых, электроэнергетика, водоснабжение, ресторанный-гостиничный бизнес, культура и спорт, а также прочие услуги. В каких-то случаях это связано с небольшими размерами соответствующих секторов, но в каких-то с тем, что использующиеся в них производственные процессы не допускают физического отсутствия работников на рабочих местах.

В таблице 1 представлены также вероятности дистанционной занятости для различных социально-демографических групп.

Мы видим, что женщины примерно в полтора раза чаще оказываются на дистанте, чем мужчины: в 2023 г. вероятности работы онлайн соотносились у них как 1,8% против 1,4%. Можно сказать, что дистанционная занятость — это преимущественно женский феномен (причины такой скошенности в пользу женщин обсуждались выше).

У работников, живущих в городах, шансы оказаться на «удаленке» также примерно в полтора раза выше, чем у работников, живущих в сельской местности. Продолжая ту же линию рассуждений, можно сказать, что дистанционная занятость — это преимущественно городской феномен.

У лиц без российского гражданства/с двойным гражданством уровень дистанционной занятости несколько ниже, чем среди граждан России: 1,3% против 1,6%.

Одинокие работники примерно в полтора раза чаще трудятся дистанционно, чем работники, состоящие в браке. Здесь мы сталкиваемся с двумя противоположно направленными тенденциями. С одной стороны, семейные работники должны быть сильнее заинтересованы в работе онлайн, поскольку она позволяет уделять больше времени и сил ведению домашнего хозяйства. Однако с другой — большие семьи могут препятствовать эффективному выполнению производственных обязательств, отвлекая время и внимание на решение домашних проблем. По-видимому, в большинстве случаев второй фактор перевешивает первый, вследствие чего семейные работники чаще склоняются к обычному режиму работы (офлайн) по сравнению с несемейными.

Среди возрастных групп самую слабую склонность к удаленной работе демонстрируют тинэйджеры до 20 лет: в 2023 г. среди них трудились онлайн менее 1%. Однако следующая молодежная когорта (20—29 лет) оказывается рекордсменами по этому показателю — 2,2%. Практически столько же работающих на «удаленке» насчитывается и в группе 30—39 лет — 1,9%. Затем, по мере увеличения возраста, доля таких работников почти монотонно убывает, достигая минимума среди пожилых (60—69 лет) — 0,9%. Однако среди самых старших (70 лет и более) она вновь идет вверх, что может быть связано с тем, что с учетом состоя-

ния здоровья таких сотрудников работа из дома больше соответствует их физическим возможностям.

Среди образовательных групп самый высокий уровень дистанционной занятости предсказуемо наблюдается среди обладателей высшего образования — 3,2 %. Затем по мере снижения уровня образования он практически монотонно убывает: среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена — 1,1 %, среднее общее — 0,5 %, основное общее и ниже — 0,3 %. Причина практически однозначной положительной связи между образованием и дистанционной занятостью очевидна: чем выше образование, тем, как правило, выше цифровая грамотность работников и тем активнее использование ими на своих рабочих местах ИКТ, а значит, тем выше вероятность работы онлайн. Исключение из этой закономерности составляют работники со средним профессиональным образованием по программе подготовки квалифицированных рабочих/служащих, имеющие самую низкую долю работающих дистанционно, — 0,2 %. Объясняется это тем, что подавляющее большинство работников с образованием такого типа (ПТУ по старой номенклатуре) трудятся по «синеворотничковым» специальностям, для которых, как отмечалось выше, переводы на дистант не практикуются фактически никогда.

Более чем ожидаемо и то, что чаще всего удаленная работа встречается среди руководителей и специалистов высшего уровня квалификации — порядка 4 %. Третье место занимают офисные служащие (1,9 %), опережающие по этому показателю специалистов среднего уровня квалификации (1,5 %). Замыкают список работники торговли и сферы обслуживания (0,4 %). Наконец, как упоминалось выше, рабочие, какими бы конкретными профессиями они ни владели, полностью лишены возможности трудиться в онлайн-режиме. Соответственно, если пересчитать общий уровень дистанционной занятости без учета этих «синеворотничковых» групп, где ее использование невозможно по технологическим причинам, то он повышается примерно в полтора раза: до 2,5 % вместо 1,6 %.

При использовании более дробной классификации видов занятий (см. табл. 2) в составе профессий-лидеров по частоте работы онлайн оказываются некоторые подгруппы руководителей, а также подгруппы специалистов, связанных со сферой ИКТ. Среди профессий-аутсайдеров преобладают медицинские работники, а также работники сферы услуг, оказание которых невозможно без непосредственного контакта с потребителями.

Если говорить об отраслях (см. табл. 1), то по интенсивности использования дистанционной занятости лидирует сфера ИКТ, где онлайн трудится каждый восьмой (!). Затем идут профессиональная научно-техническая деятельность — 7 %, финансы и операции с недвижимым имуществом — 4 %. Относительно часто эта форма занятости используется также в административной деятельности — около 2,5 %. Абсолютным аутсайдером, как нетрудно догадаться, оказывается сельское хозяйство, где работающих в удаленном режиме практически нет. Во всех прочих отраслях доля работающих онлайн колеблется в узком диапазоне 0,5—1,5 %. Вырисовывается четкая закономерность: чем сильнее компьютеризирована отрасль и чем меньше она связана с физическим трудом, тем активнее в ней используется дистанционная занятость.

Таблица 2. Профессии-лидеры и профессии-аутсайдеры по уровню дистанционной занятости (ДЗ) при использовании двухзначной кодировки видов занятий ОКЗ-14, 2023 г., %

Код ОКЗ-14	Профессии-лидеры	Уровень ДЗ	Код ОКЗ-14	Профессии-аутсайдеры	Уровень ДЗ
25	Специалисты по ИКТ	14,9	51	Работники сферы индивидуальных услуг	0,0
35	Специалисты-техники в области ИКТ	5,8	31	Специалисты-техники в области науки и техники	0,0
11	Руководители высшего звена, высшие должностные лица	5,6	32	Средний медицинский персонал здравоохранения	0,1
14	Руководители гостиничного бизнеса	5,1	52	Продавцы	0,3
24	Специалисты в сфере бизнеса	4,7	53	Работники по индивидуальному уходу	0,6
33	Средний специальный персонал по экономической деятельности	4,7	22	Специалисты в области здравоохранения	0,7
26	Специалисты в области права и гуманитарных областей	4,6	44	Другие офисные служащие	1,2

Источник: ОРС Росстата, расчеты авторов.

Эконометрический анализ

Однако средние показатели не учитывают неоднородность рассматриваемой статистической совокупности. Эконометрический анализ позволяет получить более точную картину влияния индивидуальных характеристик на вероятность попадания на дистант, поскольку он строится при соблюдении требования «при прочих равных условиях» и, соответственно, дает представление о «чистом» вкладе каждого фактора. С этой целью мы оценивали пробит-модель с зависимой дихотомической переменной, принимающей значение 0 для режима стандартной и значение 1 для режима дистанционной занятости (как «чистой», так и «гибридной»). Набор независимых переменных включал те же факторы, что представлены в таблице 1, с дополнительным контролем на регион проживания индивидов. Расчеты строились на совмещенных данных за 2022—2023 гг., когда в ОРС использовалось идентичное определение дистанционной занятости (см. выше).

В Приложении представлены оценки средних предельных эффектов, показывающих, на сколько процентных пунктов меняется вероятность дистанционной занятости при изменении значения дамми-переменной с нуля на единицу. Хотя абсолютные значения полученных эффектов могут показаться достаточно небольшими, не стоит забывать, что, по данным Росстата, в 2022—2023 гг. средний уровень дистанционной занятости составлял скромные 2%²⁰.

²⁰ Нужно оговориться, что отбор в цифровые формы занятости может быть неслучайным не только по наблюдаемым, но и по ненаблюдаемым характеристикам, которые мы не можем учесть. Неучет ненаблюдаемых характеристик приводит к смещению получаемых оценок, сдвигая их в область более высоких значений. Поэтому представленные нами результаты регрессионного анализа не следует интерпретировать в терминах причинности.

Из полученных результатов следует, что у мужчин склонность к дистанционной занятости немного — на 0,2 п. п. — слабее, чем у женщин. Одинокие работники трудятся дистанционно чаще (на 1 п. п.), чем семейные. С возрастом вероятность «удаленки» почти монотонно убывает: у молодых людей, не достигших 30 лет, риск оказаться на дистанте на 1—1,6 п. п. выше, чем у лиц старше 40 лет. Сельские жители демонстрируют несколько более высокую вероятность работы онлайн (на 0,2 п. п.), чем городские: это один из немногих случаев, когда результаты эконометрического анализа корректируют результаты простых наблюдений. Лица с российским гражданством значительно реже (почти на 2 п. п.) работают удаленно, чем лица без российского гражданства или с двойным гражданством. Это еще один случай, когда после учета сопутствующих характеристик (возраста, образования, профессиональной принадлежности и т. д.) знак влияния для «чистого» эффекта оказывается иным, чем для наблюдаемого эффекта.

Связь удаленной занятости с образованием выглядит неоднозначно: вероятность дистанта выше у обладателей, во-первых, высшего и, во-вторых, среднего образования. Объяснить это можно тем, что значительная часть работников с начальным и средним профессиональным образованием (по старой номенклатуре) заняты физическим трудом, исключающим возможность работы онлайн.

Как и следовало ожидать, шире всего дистанционная занятость распространена среди руководителей и специалистов высшего уровня квалификации. У прочих профессиональных групп (3—5 по ОКЗ) она на 3—5 п. п. (!) ниже. Напомним, что для представителей рабочих специальностей вероятность дистанта равна нулю.

Что касается отраслевой вариации, то по сравнению с референтной группой — сельское хозяйство — вероятность удаленной работы значимо выше в бытовых услугах, торговле, финансах, административной, профессиональной и научно-технической деятельности, операциях с недвижимостью, а также ИКТ. Так, шансы трудиться дистанционно при устройстве на работу в сфере информации и связи на 9 п. п. (!) выше, чем при устройстве на работу в сфере сельского хозяйства. Список отраслей, принадлежность к которым, наоборот, значимо снижает вероятность удаленной занятости, включает, с одной стороны, промышленные производства, а с другой — социальные услуги (госуправление, образование, здравоохранение, культуру). В целом результаты эконометрического анализа подтверждают выводы, сформулированные выше на основе дескриптивных наблюдений²¹.

Заключение

Какие предварительные выводы можно сделать из первой части нашего исследования, посвященной «телеработе», или дистанционной занятости (в более полной и развернутой форме они будут представлены в его второй части)?

Важный методологический урок состоит в том, что, вопреки сложившейся терминологической практике, понятия удаленная занятость и дистанционная за-

²¹ Дополнительно мы оценивали мультиномиальную логистическую модель с зависимой трихотомической переменной, принимающей значение 1 для режима стандартной, 2 — для «чистого» и 3 — для «гибридного» режима дистанционной занятости. Анализ показал, что практически все индивидуальные характеристики влияют на вероятность как «чистого», так и «гибридного» дистанционного режима сходным образом, хотя величина эффектов может отличаться. Иными словами, «чистая» и «гибридная» дистанционная занятость находятся под действием примерно одного и того же набора определяющих факторов.

нятость не синонимы. Согласно определениям, выработанным международными статистическими организациями, работа на дистанте— это всего лишь один из подвидов удаленной работы, или работы в домашних условиях. Это нужно учитывать, когда мы пытаемся понять причины огромных количественных расхождений в оценках распространенности данной формы цифровой занятости. Другой методологический урок заключается в том, что важное значение имеет выбор референтного периода: чем он больше, тем выше оказываются получаемые показатели дистанционной занятости. Это предполагает, что значительная часть оценок, которые можно встретить в исследованиях на эту тему, сильно завышены.

Официальные данные ОПС Росстата подтверждают, что в России, как и в других странах, рекордный уровень дистанционной занятости был достигнут на пике пандемии коронавируса. Затем она начала быстро выходить из употребления и в настоящее время удерживается на очень скромной отметке чуть выше 1%. Это никак не согласуется с широко распространенными представлениями о том, что уже в ближайшем будущем она может стать ведущей формой трудовых отношений. Очевидно, что в настоящее время дистанционная занятость имеет явно маргинальное значение и пока ничто не указывает на то, чтобы эта ситуация могла радикально измениться. Об этом же говорит и то, что в российских условиях работа онлайн в «гибридном» режиме примерно вдвое популярнее работы онлайн в «чистом» режиме. На российском рынке труда «стандартная» занятость была и в обозримой перспективе будет, по-видимому, оставаться доминирующей формой трудовой активности.

Трудовые отношения при работе онлайн во многом отличаются от трудовых отношений при работе офлайн. Так, дистанционная занятость сильнее распространена среди занятых на некорпорированных, чем среди занятых на корпорированных предприятиях; среди работодателей, самозанятых и зависимых подрядчиков, чем среди наемных работников; среди занятых в неформальном, чем среди занятых в формальном секторе. В этом смысле предпринимательство и деформализация выступают факторами, способствующими переходу в режим работы онлайн.

Как дескриптивный, так и эконометрический анализ с использованием модели пробит-регрессии свидетельствуют о том, что в России социально-демографический профиль дистанционных работников мало отличается от их социально-демографического профиля в других странах. Уровень дистанционной занятости существенно выше для женщин, чем для мужчин; для городских жителей — чем для сельских; для одиноких работников — чем для семейных; для молодежи — чем для пожилых; для обладателей высокого образования — чем для обладателей низкого; для работников нефизического труда — чем для работников физического; для занятых в сфере услуг — чем для занятых в промышленности. Особенно поражают рекордные уровни работы онлайн у работников с высшим образованием и представителей высококвалифицированных профессий, которые в несколько раз превосходят ее уровень для всех занятых. С известным преувеличением можно сказать, что дистанционная занятость — это если не «монополия», то «привилегия» обладателей вузовских дипломов. Скошенность структуры дистанционной занятости в пользу рабочей силы с высокими запасами человеческого капи-

тала позволяет, по-видимому, сделать осторожный вывод, что чаще всего она носит не вынужденный, а добровольный характер.

В целом дистанционная занятость занимает на российском рынке труда очень узкую нишу, что резко контрастирует с ситуацией на рынках труда большинства развитых стран, где она обычно достигает двузначных отметок. По-видимому, в российских условиях на пути распространения этой формы цифровой занятости существуют серьезные ограничения. Это, как нам представляется, интересная и важная тема для будущих исследований.

Литература (References)

1. Забелина О. В., Мирзабалаева Ф. И. Социально-демографический профиль российской платформенной занятости // *Лидерство и менеджмент*. 2024. Т. 11. № 1. С. 407—421. <https://doi.org/10.18334/liim.11.1.120152>.
Zabelina O. V., Mirzabalaeva F. I. (2024) Socio-Demographic Profile of Russian Platform Employment. *Leadership and Management*. Vol. 11. No. 1. P. 407—421. <https://doi.org/10.18334/liim.11.1.120152>. (In Russ.)
2. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов: препринт WP3/2023/02 (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). М.: ИД ВШЭ, 2023. URL: https://wp.hse.ru/data/2023/05/16/2015545143/WP3_2023_02____.pdf (дата обращения: 07.12.2024).
Kapeliushnikov R. I. (2023) The Russian Labor Market: A Statistical Portrait against the Background of Crises: Preprint WP3/2023/02 (WP3 Series “Problems of the Labor Market”). Moscow: HSE Publishing House. URL: https://wp.hse.ru/data/2023/05/16/2015545143/WP3_2023_02____.pdf (accessed: 07.12.2024). (In Russ.)
3. Логинов Д. М., Лопатина М. В. Дистанционная занятость в период коронакризиса: масштабы распространения и результативность внедрения // *Народонаселение*. 2021. Т. 24. № 4. С. 107—121. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.9>.
Loginov D. M., Lopatina M. V. (2021) Remote Employment in the Corona-Crisis Period: The Extent of Spread and Effectiveness of Introduction. *Population*. Vol. 24. No. 4. P. 107—121. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.9>. (In Russ.)
4. Ляшок В. Ю. Дистанционная занятость: удаленный режим в ряде профессий становится нормой // *Экономическое развитие России*. 2021. Т. 28. № 8. С. 63—67.
Lyashok V. (2021) Distance Employment: Remote-Working Mode Becomes the Norm in a Number of Professions. *Russian Economic Developments*. Vol. 28. No. 8. P. 63—67. (In Russ.)
5. Монусова Г. А. Работа дома и вне: условия труда и внерабочее время // *Вопросы экономики*. 2021. № 12. С. 118—138. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-12-118-138>.

- Monusova G. A. (2021) Working at Home and Outside: Working Conditions and Non-Working Hours. *Voprosy Ekonomiki*. No. 12. P. 118—138. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-12-118-138>. (In Russ.)
6. Baimurzina G. R., Chernykh E. A. (2024) Platform Employment Specifics in Russia: What the Data of Workers' Online Profiles Indicate. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 17. No. 2. P. 202—219. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11>.
 7. Brynjolfsson E., Horton J. J., Makridis C., Mas A., Ozimek, A., Rock D., TuYe H.Y. (2023) How Many Americans Work Remotely? A Survey of Surveys and Their Measurement Issues. *NBER Working Paper No. 31193*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4433872 (accessed: 07.12.2024).
 8. Messenger J. C. (2023) Some Reflections on the Experience of Telework during the Covid-19 Pandemic: A Paradigm Shift and Its Implications for the World of Work. In: Countouris N., De Stefano V., Piasna A., Rainone S. (eds.) *The Future of Remote Work*. Brussels: ETUI Printshop. P. 19—27.
 9. Milasi S., González-Vázquez I., Fernández-Macías E. (2021) Telework before the COVID-19 Pandemic: Trends and Drivers of differences across the EU. *OECD Productivity Working Papers*. No. 21. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/d5e42dd1-en>.
 10. Piasna A., Zwysen W., Drahokoupil J. (2022) The Platform Economy in Europe: Results from the Second ETUI Internet and Platform Work Survey (IPWS). Research Paper-Working Paper No. 2022—5. Brussels: ETUI. URL: https://www.etui.org/sites/default/files/2022-02/The%20platform%20economy%20in%20Europe_2022.pdf (accessed: 07.12.2024).
 11. Zwysen W. (2023) Remote Work as a New Dimension of Polarisation: Individual and Contextual Determinants of the Relationship between Working from Home and Job Quality. In: Countouris N., De Stefano V., Piasna A., Rainone S. (eds.) *The Future of Remote Work*. Brussels: ETUI Printshop. P. 83—102.

Приложение

Результаты регрессионного анализа факторов, определяющих участие в дистанционной занятости, средние предельные эффекты, 2022—2023 гг.

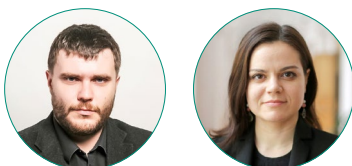
Переменные	Эффекты	Станд. ошибка
Гендер (база — женщины)	−0,002***	[0,001]
Брачный статус (база — одинокие)	−0,010***	[0,001]
Место проживания (база — село)	−0,002**	[0,001]
Гражданство (база — лица без российского гражданства/ с двойным гражданством)	−0,016**	[0,007]

Переменные	Эффекты	Станд. ошибка
Возраст, лет (база — 15—19 лет)		
20—29	−0,007	[0,005]
30—39	−0,009*	[0,005]
40—49	−0,011**	[0,005]
50—59	−0,016***	[0,005]
60—69	−0,016***	[0,005]
70 лет и старше	−0,01	[0,006]
Уровень образования (база — основное общее и ниже)		
среднее общее	0,007**	[0,003]
среднее профессиональное по программе подготовки квалифицированных рабочих/служащих	−0,007**	[0,003]
среднее профессиональное по программе подготовки специалистов среднего звена	−0,002	[0,003]
высшее	0,008***	[0,003]
Профессии (база — руководители)		
специалисты высшего уровня квалификации	−0,001	[0,001]
специалисты среднего уровня квалификации	−0,027***	[0,001]
служащие, занятые подготовкой информации	−0,025***	[0,002]
работники сферы обслуживания и торговли	−0,050***	[0,001]
работники сельского хозяйства	—	—
квалифицированные рабочие	—	—
операторы	—	—
неквалифицированные рабочие	—	—
Отрасль (база — сельское хозяйство)		
добыча полезных ископаемых	−0,01***	[0,002]
обрабатывающие производства	−0,003	[0,002]
обеспечение электрической энергией, газом и паром	−0,010***	[0,002]
водоснабжение, утилизация отходов	−0,007***	[0,004]
строительство	0,002	[0,002]
оптовая и розничная торговля	0,023***	[0,002]
транспортировка и хранение	0,004*	[0,002]
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,004	[0,002]
деятельность в области информации и связи	0,086***	[0,003]
деятельность финансовая и страховая	0,020***	[0,002]
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,061***	[0,004]
деятельность профессиональная, научная и техническая	0,039***	[0,002]
деятельность административная	0,032***	[0,003]
государственное управление	−0,012***	[0,002]
образование	−0,004**	[0,002]
деятельность в области здравоохранения	−0,015***	[0,002]
деятельность в области культуры и спорта	−0,005**	[0,002]
предоставление прочих видов услуг	0,018***	[0,003]
Год обследования (база — 2022 г.)	−0,019***	[0,001]
Регионы	Да	

Переменные	Эффекты	Станд. ошибка
Число наблюдений		620366
Log-Likelihood		-68739,804
AIC		137755,607
Pseudo R2		0,152

Примечание: *** p-value < 0,01; ** p-value < 0,05; * p-value < 0,1. В скобках робастные стандартные ошибки.

Источник: ОПС Росстата, расчеты авторов.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2529](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2529)**А. В. Вырковский, Ю. Ф. Шамсутдинова****КАТЕГОРИЯ ДОВЕРИЯ К МАССМЕДИА
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ:
ВРЕМЯ ОБНОВЛЯТЬ КОНЦЕПЦИИ?****Правильная ссылка на статью:**

Вырковский А. В., Шамсутдинова Ю. Ф. Категория доверия к массмедиа в условиях информационной турбулентности: время обновлять концепции? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 182—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2529>.

For citation:

Vyrkovsky A. V., Shamsutdinova Y. F. (2024) The Category of Trust in Mass Media in the Conditions of Information Turbulence: Time to Update the Concepts? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 182–203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2529>. (In Russ.)

Получено: 04.12.2023. Принято к публикации: 04.09.2024.

КАТЕГОРИЯ ДОВЕРИЯ К МАССМЕДИА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: ВРЕМЯ ОБНОВЛЯТЬ КОНЦЕПЦИИ?

ВЫРКОВСКИЙ Андрей Владимирович — доктор филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: a.v.vyrkovsky@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2798-7592>

ШАМСУТДИНОВА Юлия Фаритовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: ju.shamsutdinova@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0000-7377-6502>

Аннотация. Статья носит постановочный, проблемно-ориентированный характер: она посвящена определению характеристик новой феноменологии доверия к медиа. Авторы предполагают, что информационно-коммуникационный контекст, сложившийся в настоящее время в России и в мире, может стать причиной потенциальных изменений в феноменологии доверия к медиа.

Новизна предлагаемого подхода заключается в попытке понять, каким образом представители российской аудитории в текущей ситуации принимают решения о доверии тем или иным медиа, а также в попытке концептуализировать сомнение как категорию, которая может играть большую роль в процессе формирования критического отношения к текстам, авторам и брендам.

В результате исследования, которое было проведено в период с декабря 2022 г. по июнь 2023 г. с использованием мето-

THE CATEGORY OF TRUST IN MASS MEDIA IN THE CONDITIONS OF INFORMATION TURBULENCE: TIME TO UPDATE THE CONCEPTS?

Andrei V. VYRKOVSKY¹ — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, acting Head of the Department of New Media and Communication Theory, Faculty of Journalism

E-MAIL: a.v.vyrkovsky@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2798-7592>

Yuliya F. SHAMSUTDINOVA¹ — Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer at the Department of New Media and Communication Theory, Faculty of Journalism

E-MAIL: ju.shamsutdinova@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0000-7377-6502>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article is staged and problem-oriented. It is devoted to defining the boundaries and characteristics of the new phenomenology of trust in media. The authors suggest that the information turbulence currently observed in the Russian Federation may indeed cause potential changes in this phenomenology.

The novelty of the approach proposed lies in the attempt to understand how representatives of the Russian audience in the current situation make their decisions about trusting certain media and in the attempt to conceptualize doubt as a category that can play a large role in the process of forming a critical attitude to texts, authors, brands, and distrust.

As a result of the study, it became clear that the “classical” factors used by researchers to determine the level of (perceived) trust in media are now fading into the background: audiences may consume media content while doubt-

да полуструктурированного интервью, стало понятно, что «классические» факторы, используемые исследователями для определения уровня доверия к медиа, отходят на второй план: аудитория может потреблять контент медиа, изначально сомневаясь в его достоверности. Помимо феномена априорного сомнения авторы также выявляют и описывают в статье феномен «скептического медиапотребления». В практическом отношении результаты исследования могут быть приняты во внимание авторами контента и медиакомпаниями, для которых важен уровень доверия аудитории.

Ключевые слова: медиа, доверие, уровень доверия, информационная турбулентность, источники информации

ing its reliability. In addition to the phenomenon of a priori doubt, the authors also identify and describe the phenomenon of “forced media consumption.” In practical terms, the results obtained from the study can be considered by modern content authors and media companies for whom the level of audience trust is important.

Keywords: media, trust, level of trust, information turbulence, sources of information

Введение

Современный этап развития медиасистемы характеризуется рядом уникальных феноменов, ранее или не проявлявшихся, или проявлявшихся в ограниченных масштабах. Речь прежде всего о радикально снизившемся пороге доступа на рынок производства контента и, соответственно, о крайней дешевизне и избытке медийного контента [Deuze, Fortunati, 2011; Вартанова, 2018]. Итогом этого стала уже давно фиксируемая исследователями крайняя фрагментация аудитории [Webster, Ksiazek, 2012; Napoli, 2011], дополняющаяся ее миграцией на электронные платформы и резким увеличением роли неинституционализированных производителей контента — блогеров, стримеров и пр. [Вырковский, Макеенко, 2021].

Для традиционных медиа стало принципиально важно понимание специфики принятия решений представителями потенциальной аудитории [Терченко, 2021]. Речь в данном случае идет о решениях, связанных с выбором источников информации — брендов, каналов, площадок, авторов и пр. Ведь отток аудитории традиционных медийных брендов связан именно с негативным для них решением о переходе потребителей на иные площадки.

Как представляется, один из ключевых факторов данного выбора — вопрос доверия к информации, предоставляемой тем или иным медийным брендом [Strömbäck et al., 2020; Knobloch-Westerwick, 2014; Tsfati, Cappella, 2003]. Если речь идет об общественно-политической или деловой информации, воспринимаемое доверие к ее источнику однозначно детерминирует ее качество для аудитории и, соответственно, определяет ее потребительский выбор.

Соответственно, создание доверия к общественно-политическим и деловым массмедиа — чрезвычайно важный вопрос в контексте современной медиаэкономики. Однако помимо экономического измерения данной проблемы есть и по-

литическое, которое зачастую воспринимается (особенно в зарубежном научном дискурсе) едва ли не как более важное [Skovsgaard, Shehata, Strömbäck, 2016]. Доверие к общественно-политическим массмедиа (news media, general interest media) достаточно легко трансформируется в политический капитал, позволяющий тем или иным образом влиять на электоральный процесс и, соответственно, на управление государством как таковым [Mitchell et al., 2014].

Помимо описанной выше имманентной важности проблемы доверия к массмедиа, существуют и внешние факторы, актуализирующие этот феномен в индустриальном и научном дискурсе. Прежде всего, это глобальные информационные шоки, резко меняющие взаимоотношения аудитории с массмедиа, такие как эпидемия коронавируса 2020 г. или военная стадия конфликта на Украине, начавшаяся в феврале 2022 г. При этом действие данных факторов может быть глобальным, а может ограничиваться конкретными территориями, например территориями России и Украины в упомянутом случае.

Несмотря на большой корпус работ по вопросам доверия к массмедиа, уже порождающий соответствующие метаисследования [Kohring, Matthes, 2007], существует ряд феноменов, которые традиционно оставались вне внимания ученых либо рассматривались опосредованно, хотя представляют очевидную значимость как для теоретиков, так и для индустрии. Это вопросы диалектического характера — трансформации доверия и недоверия к конкретным медиа (производимые иногда в сложных комбинациях: доверие — недоверие — доверие и пр.), а также бытование сложных переходных состояний между доверием и недоверием. Так, одна из потенциально важнейших для медиапотребления категория сомнения часто рассматривается в принципиально разных дискурсах: с одной стороны, как категория, диаметрально противоположная доверию [Большой психологический словарь, 2003: 144], с другой стороны, как некий переходный, «нулевой» этап между доверием и недоверием [Кожемякин, Красикова, 2012].

Современный контекст, определяемый переизбытком информации, масштабной трансформацией медиасистем и наличием ряда политических, социальных, информационных шоков, мы будем условно называть «информационной турбулентностью». При этом мы полагаем, что в данных условиях в отношениях аудитории и медиа, описываемых категориями доверия и недоверия, должны актуализироваться «серые» зоны — пограничные, переходные состояния, не сводимые к простым полярным категориям. Речь, в частности, о том, что быстрое изменение политической и социальной ситуации может вызывать резкие, скачкообразные изменения в уровне доверия к тому или иному источнику информации. Это может усугубляться недостаточно отрефлексируемым отношением к происходящему: стрессовые ситуации активизируют самые глубинные слои психики [Kessler et al., 1995; Dworzniak, Garvey, 2018], и представители аудитории зачастую не до конца понимают специфику собственного отношения к информационным сообщениям.

В итоге можно предположить, что линейные одномерные инструменты, традиционно применяемые учеными и предназначенные для измерения уровня доверия, — шкалы и пр. [Tsfati, Ariely, 2014; Kohring, Matthes, 2007; Gaziano, McGrath, 1986; Meyer, 1988], по ряду причин могут становиться не вполне валидными, так

как не фиксируют истинное положение дел и их невозможно применять для изучения процесса принятия решений о выборе источника информации.

Определение характеристик новой феноменологии доверия к медиа в описанном выше контексте может быть любопытным не только с академической точки зрения, предполагающей разработку потенциально нового категориального аппарата доверия к массмедиа, но и с сугубо индустриальной: появление нового инструментария измерения уровня доверия не может не быть полезным для медиапредприятий любых видов и форм.

Именно поэтому данная работа нацелена прежде всего на возможное выявление новых факторов доверия к медиа, описание возможных вариантов диалектики доверия, а также фиксацию потенциально новых категорий, относящихся к парадигме доверия.

Теория и литература

Для нашей статьи принципиально важны научные направления, которые описывают не только феномен доверия к медиа, но и его контекстуальные рамки.

Традиционно доверие рассматривается как совокупность «социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий в отношении других людей, организаций, учреждений и естественных, моральных и социальных порядков, которые составляют фундаментальное содержание жизни» [Barber, 1983: 42]. Таким образом, доверие трактуется прежде всего как продукт опыта, воспринимаемого и осознаваемого индивидом в конкретной социальной структуре. При этом в последнее время фиксируется и движение к «абстрактивизации» доверия, «отвязке» его от конкретных объектов чувственного опыта [Giddens, 1990]. В контексте медиа можно говорить о некой «медиазации» доверия [Couldry, Hepp, 2016; Hepp, Krotz, 2014; Hjarvard, 2008] и его «деобъективизации». По сути дела, между двумя этими посылами строится подавляющее большинство трактовок доверия в отношении непосредственно медиатекстов — от доверия «объективно-чувственного» к доверию «медиаотизированному».

Несмотря на колоссальный объем литературы, посвященной концепту доверия и многочисленным его интерпретациям, в корпусе медиаисследований традиционно применяются сравнительно простые и инструментальные его трактовки, допускающие адекватную операционализацию понятия.

Так, в исследованиях доверия к медиа одним из основных рабочих определений служит следующее: доверие — «готовность стороны быть уязвимой по отношению к действиям другой стороны, основанная на ожидании того, что другая сторона совершит конкретное действие, важное для доверителя, независимо от возможности контролировать другую сторону» [Mayer, Davis, Schoorman, 1995: 712].

В работах, посвященных непосредственно медиа, приведенное определение чаще редуцируют, например, следующим образом: доверие к медиа — «готовность аудитории быть уязвимой для новостного контента, основанная на ожидании, что СМИ будут работать удовлетворительным образом» [Hanitzsch, Van Dalen, Steindl, 2017]. Для нашего исследования в данном определении принципиально значимо понятие «уязвимость» (vulnerability) [Ibid.]. В контексте медиапотребления «уязвимость» предполагает возможность медиа оказывать на аудиторию некое воз-

действие — контент для реципиента должен быть по какой-то причине важным [Kohring, Matthes, 2007]. На его основе, например, могут приниматься решения в личной и профессиональной жизни, создаваться личная непротиворечивая картина мира, организовываться процесс отдыха и пр. В данном контексте трактовать доверие к медиа можно как готовность аудитории использовать медийный контент в своих интересах — в чем бы они ни заключались, — в расчете на приемлемое качество контента. Уязвимость в данном случае рождается из возможности обмана ожиданий аудитории.

Таким образом, в исследованиях доверия к медиа есть как минимум два измерения. Первое — влияние на процесс создания доверия персональной специфики представителя аудитории, то есть его личных характеристик: пола, возраста, образования, персонального опыта, политических предпочтений и пр. [Faragó, Kende, Krekó, 2020; Hameleers, Brosius, de Vreese, 2022]. Второе — роль в этом процессе самого медиа: бренда, автора медиатекста, специфики презентации контента [Nadarevic, Reber, Helmecke, 2020; Newman et al., 2012; Unkelbach, Greifeneder, 2018; Heinbach, Ziegele, Quiring, 2018].

Исследователи признают высокую сложность феномена доверия, что требует его анализа на разных уровнях. Например, в наиболее современных работах выделяются следующие уровни (иными словами их можно назвать классификациями): новостные медиа в целом; типологические группы медиа (газеты, телевидение, радио, онлайн-новостные сайты и т. п.); индивидуальные бренды медиа; «журналисты» (группы источников информации) (непосредственно журналисты, политики, ученые, религиозные лидеры и пр.); «медиаконтент» (тематические направления) (экономика, международные отношения, здравоохранение, окружающая среда, происшествия и прочие) [Strömbäck, Tsfaty, Boomgaarden et al., 2020]. Соответственно, на каждом из этих уровней доверие может изучаться и измеряться отдельно.

Однако даже такие сложные подходы не вполне отвечают современным тенденциям, связанным, прежде всего, с «платформизацией» медиасистем. Так, англосаксонская традиция медиаисследований сконцентрирована в основном на «новостных медиа» («news media»), под которыми преимущественно понимаются институционализированные массмедиа, производящие новостной контент и при этом не имеющие явного тематического уклона (general interest). При этом в последние годы стали очевидными несколько тенденций, существенно снижающие роль и значение классических новостных массмедиа и как источника информации, и как института, и как сегмента медиасистемы.

Так, люди все чаще получают информацию вовсе не из институционализированных массмедиа, а с помощью источников на электронных площадках: каналов, групп, блогов и т. п. [Нигматуллина, 2021; Bodrunova, Litvinenko, 2016]. Безусловно, многие из них транслируют новости, продуцируемые классическими массмедиа, но даже возможность отбора новостей по собственному усмотрению уже делает их вполне независимым медиа, участвующим в формировании повестки дня [Shoemaker, Reese, 1996].

Если речь идет о выработке аудиторией осознанного отношения к феноменам реальности, то в последнее время эту функцию также все чаще берут на себя

медиа, зародившиеся и развившиеся на электронных площадках. Зачастую это блогеры, даже не сконцентрированные на производстве непосредственно общественно-политической информации, но обладающие значительно бóльшим потенциалом доверия и влияния на аудиторию, чем классические СМИ [Вырковский, Макеенко, 2021; Макеенко, Вырковский, 2021].

Электронные платформы радикально уменьшили значимость брендов традиционных медиа, «персонализовав» источники информации, привязав их к конкретным именам производителей контента, отношение аудитории к которым может быть значительно более важным фактором социальной жизни, чем десятилетиями анализируемое «доверие к новостным медиа» [Hudders, De Jans, De Veirman, 2021; Hutchinson, 2021; Kay, Mulcahy, Parkinson, 2020].

Таким образом, любого рода обобщения и попытки объединить различных производителей контента в какие-либо группы при анализе отношений доверия часто становятся в лучшем случае упрощением, а в худшем — просто ошибкой.

Фактически приемлемый уровень анализа в современных условиях — уровень конкретной персоналии, уровень личности, которая, в свою очередь, может быть как независимым брендом, имеющим свой канал доставки информации, так и частью уже имеющегося бренда массмедиа, обладающей узнаваемостью и собственной ценностью для аудитории.

Помимо этого, как уже было отмечено во введении, любого рода социально-политическая турбулентность может вызывать быстрые изменения и в уровнях доверия аудитории к медиа¹. В этом отношении эпистемологической ценностью для исследователя будет не определение уровней доверия к тем или иным массмедиа или даже факторов, влияющих на них, но, скорее, выявление условий, причин и специфики изменений: в каких случаях доверие увеличивается или появляется, снижается или пропадает.

Более того, важна еще и интегральная характеристика уровня доверия: если человек потерял доверие к тому или иному источнику, то во что оно преобразовалось? Стал ли он верить другим источникам, удовлетворился ли сниженным уровнем доверия к тому, что есть, перестал ли верить чему бы то ни было?

В данной ситуации необходимо рассматривать отдельно категории, которые не укладываются в стандартные линейные модели доверия к медиа, но тесно связаны с важнейшей зависимой от доверия переменной — медиапотреблением [Segado-Boj, Said-Hung, 2022; Strömbäck, 2020]. Прежде всего это сомнение, ведь зачастую низкий уровень доверия вовсе не означает отказ от потребления того или иного источника: человек не верит тому, что читает, слушает, смотрит, но по каким-то причинам продолжает знакомиться с контентом [Rubin, 2009; Tsfati, Cappella, 2005; Flynn, Nyhan, Reifler, 2017].

В данном контексте принципиально важен понятийный разрыв между академическим и индустриальным пониманием доверия к медиа и тем, как этот концепт понимает непосредственно аудитория. Как отмечает ряд исследователей, мало кто изучал то, как аудитория осознает доверие к медиа [Knudsen, Dahlberg, Iversen, 2022]. Несмотря на то что в целом понимание концепта потребителями

¹ Источники информации: предпочтения россиян // Фонд «Общественное мнение». 2023. 14 февраля. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14835> (дата обращения: 27.02.2023).

аудитории совпадает с «академическим», полностью оно ему не соответствует [Newman, Fletcher, 2017]. Отсюда ряд исследовательских лакун.

Таким образом, важно понять, может ли информационная турбулентность, наблюдаемая в Российской Федерации, стать причиной потенциальных изменений в феноменологии доверия к медиа и дать толчок к обновлению использовавшегося ранее концептуального аппарата.

Методология

Как мы уже отмечали выше, на процесс формирования доверия к медиа влияют два комплекса факторов: специфика аудитории и специфика предлагаемых ей медиатекстов. В нашем случае большей эвристической ценностью, полагаем, будет обладать исследование как раз второго комплекса, поскольку именно изменение информационного фона в Российской Федерации, то есть непосредственно контента, могло послужить триггером для появления новых феноменов, связанных с доверием медиа. Впрочем, совершенно упускать из вида аудиторную специфику не следует — хотя бы из-за возможных изменений в так называемом метакогнитивном (то есть общем, наработанном в течение жизни) опыте и знании аудитории [Thompson, Turner, Pennycook, 2011; Nadarevic, Reber, Helmecke, 2020].

Есть несколько концептуальных подходов к оценке влияния специфики медиатекстов на уровень доверия к ним. Первый ориентирован на «метапоказатели», агрегирующие сети более мелких характеристик и формирующие «интегральное» доверие. Среди них чаще всего выделяют репутацию источника информации, частоту воздействия информации и формат презентации контента (иногда под этим подразумевается добавление в медиатекст визуального контента) [Nadarevic, Reber, Helmecke, 2020].

Второй подход ориентирован непосредственно на специфику представления информации в медиатекстах и близок к анализу качества журналистики [Picard, 2000; Urban, Schweiger, 2014; Meijer, 2013]. В числе самых важных факторов доверия чаще всего называются точность, отбор фактов и тем, использование журналистских оценок [Kohring, Matthes, 2007], «справедливость», «беспристрастность», «объективность», «наличие разнообразия мнений», «профессиональное авторство» [Chung, Nam, Stefanone, 2012], «правдивость, скрупулезность/профессионализм», «непредвзятость, независимость/объективность» [Knudsen, Dahlberg, Iversen, 2022]. Примерно эти же характеристики приводятся в работах, посвященном качеству журналистских текстов, «хорошей» журналистике.

Впрочем, оба эти подхода не противоречат друг другу и, с нашей точки зрения, могут быть использованы одновременно, особенно если речь идет об исследовании концептуального характера, при этом основанного на изучении аудитории, которая далеко не всегда четко классифицирует феномены собственного опыта медиапотребления.

Таким образом, первая из наших исследовательских задач — проверить, не появились ли в опыте представителей аудитории Российской Федерации новые факторы доверия, не укладывающиеся в ранее разработанные системы (что может быть результатом упомянутой выше информационной турбулентности).

Вторая задача подразумевает исследование изменений в уровнях доверия, которые потенциально могут быть детерминированы социально-политическим контекстом и соответствующим информационным фоном. В каких условиях и почему происходят эти изменения, чем они завершаются, насколько характерными являются — именно эти вопросы представляются нам наиболее важными в контексте нашей работы.

И, наконец, третья задача соотносится с концептуализацией категории сомнения в отношении медиа. Как уже упоминалось, она может объяснить многие феномены нелинейной связи между доверием и медиапотреблением [Strömbäck et al., 2020], которая, в частности, проявляется в продолжении медиапотребления даже в условиях снизившегося уровня доверия. В современном корпусе медиаисследований категория сомнения почти никогда не рассматривается вместе с категорией доверия: авторы вводят ее преимущественно в лингвистические исследования [Evans, Stavrova, Rosenbusch et al., 2023] или используют как производную категорию, зависимую по отношению к доверию [Sarathchandra, Haltinner, 2023]. В то же время само ее существование и использование, нарушающее линейный характер дихотомии «доверие — недоверие», может быть ценно с эпистемологической и концептуальной точки зрения. Именно она может стать основой для понимания и изучения феномена «скептического медиапотребления», происходящего в условиях априорного признания низкого уровня качества того или иного источника информации («не хочу читать / смотреть / слушать то или иное медиа, но надо/буду»).

Методика

Исследование проводилось на базе кафедры новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова в период с декабря 2022 г. по июль 2023 г. Срок реализации описываемого в данном параграфе (практического) этапа исследования, который включал в себя стадии рекрутирования информантов, проведения интервью и обработки полученных данных, составил 2,5 месяца (15 апреля 2023 г. — 1 июля 2023 г.)

На данном этапе исследования мы решили обратиться к качественному подходу, так как нам было важно получить максимально полное представление о том, какие факторы (в частности, связанные с характеристиками медиатекста, спецификой его авторства, позиционированием бренда медиа) наиболее значимы при формировании доверия аудитории в контексте медиапотребления. Для этого этапа мы выбрали метод полуструктурированных интервью. Процедура подбора информантов была основана на одном из вариантов стратегии максимальной вариативности. Мы предположили, что люди с разными сценариями медиапотребления (которые, в свою очередь, являются следствием разных стратегий выбора платформ, типов медиа, конкретных источников, а также времени, проведенного во взаимодействии с медиаконтентом) могут дать максимально вариативную информацию о том, что и в какой степени оказывает влияние на формирование у них доверия. В связи с этим ключевым принципом при отборе информантов стала стратегия максимальной девиации в практиках медиапотребления: нам было важно учесть мотивацию человека (а именно — выявить цель обращения к ис-

точникам); преобладающий тип источников информации (традиционные или цифровые), к которым обращается человек; степень его вовлеченности в медиаповестку (очень вовлечен — совсем не следит за медиаповесткой); объем времени и характер медиапотребления («тяжелый потребитель» / практически не обращается к медиа / характер обращения к медиа — спонтанный и эпизодический).

Социально-демографические характеристики (пол, возраст, место проживания, уровень образования, профессия / род занятий) также учитывались нами при отборе информантов; однако, по нашему мнению, одних этих характеристик недостаточно для того, чтобы установить прямую и устойчивую связь с факторами, влияющими на формирование доверия в процессе медиапотребления. Данные об информантах, принимавших участие в исследовании, приведены в Приложении 1.

Для участия в интервью было отобрано 16 человек (информанты беседовали с нами добровольно и на условиях анонимности, они не получали от нас никакого вознаграждения). Предварительно были изучены анкетные данные информантов, соотносящиеся с характеристиками их медиапотребления. Если оставались неясными детали, связанные с характером медиапотребления информанта, перед началом беседы мы задавали уточняющие вопросы по теме. Мы посчитали важным уточнить и включить в описание информацию о роде занятий информантов: предполагается, что то, чем занимается человек на постоянной основе, может влиять на его образ жизни и сказываться на характере мышления и на процессе принятия решений о доверии/недоверии к медиа.

В качестве «разминочных» были использованы стимульные материалы — от двух до четырех текстов, правдивость которых должен был оценить информант. Эти материалы применялись для того, чтобы можно было установить первичный контакт с информантом, а также иметь в распоряжении одно или несколько оценочных суждений, от которых можно было бы оттолкнуться: те аргументы, которыми подкреплял выбор наш собеседник, стали отправной точкой для беседы на тему доверия. В целом наши собеседники охотно принимали участие в оценке материалов. Подчеркнем: в контексте целей настоящего исследования важную роль будет играть не то, корректно ли информант определяет «правдивость» текста, а то, какие суждения он выносит и какие доводы использует в процессе аргументации.

Длительность интервью зависела от того, как скоро нам удавалось получить ответы на интересующие нас вопросы, и составляла в среднем 45 минут. 13 интервью было проведено с использованием дистанционных средств связи, три интервью прошли в формате очной беседы.

Интервью представляло собой беседу с информантами для последовательного раскрытия четырех тем (генеральные блоки): «доверие», «недоверие», «сомнение» и «трансформация» (в данном случае под трансформацией мы понимали ситуацию, когда отношение к тексту, автору или бренду менялось под влиянием каких-либо обстоятельств).

Структура интервью будет рассмотрена на примере блока «Доверие». Мы просили информантов рассказать, что вызывает у них доверие в разных ситуациях: при взаимодействии с медиатекстом как таковым, при ознакомлении с контен-

том конкретного автора, в ситуации выбора бренда (платформы, медиа, канала, публика, сообщества и так далее), а также просили привести примеры подобных ситуаций. В случаях, когда информанту было сложно перейти на уровень абстракции и выявить общие принципы, которыми он руководствуется при принятии решения, факторы доверия выявлялись через детальное рассмотрение конкретных примеров, соотносящихся с предпочтениями информанта. Такой же основной вопрос интервью и такая же логика использовались нами и в процессе раскрытия остальных тем («недоверие», «сомнение» и «трансформация»).

Основной фокус нашего внимания был направлен на выявление индикаторов («маячков», или факторов), которые позволяли бы судить о возникновении: 1) доверия (или, по крайней мере, предпосылок к его формированию) у представителей аудитории медиа; 2) недоверия; 3) сомнения. В качестве дополнительной выступила информация о том, что может заставить информанта поменять свое мнение и/или отношение к тексту, к автору, к бренду.

Отдельное внимание было уделено блоку «сомнение», поскольку этот вопрос наименее изучен. Почти в каждом интервью возникала ситуация, когда мы просили информантов провести различие между ситуацией недоверия и ситуацией сомнения, поскольку это не всегда проявлялось достаточно отчетливо; по крайней мере, без их помощи нам сложно было вынести уверенное суждение и соотнести приведенный ими пример с тем или иным блоком (и феноменом).

Когда мы завершили серию интервью, в нашем распоряжении оказались их текстовые расшифровки. Была применена процедура кластеризации (мы систематизировали информацию, — вычленили из текстов фрагменты, соотносящиеся с интересующим нас феноменом и приближающие нас к ответу на тот или иной исследовательский вопрос).

Факторы доверия

Исследование показало, что особенности формирования доверия у информанта могут зависеть от того, какую позицию в процессе медиапотребления занимает этот представитель аудитории: включает ли он себя в этот процесс, то есть считает себя активным потребителем контента, выбирающим его осознанно, или предпочитает воспринимать себя как пассивного «получателя» информации, которая попадает к нему случайным образом (от друзей, из новостных агрегаторов и пр.). Данная постановка проблемы обычно не встречается в научной литературе и может быть значимым дополнением к существующим концептуальным трактовкам доверия.

Ответы, полученные нами от тех, кто воспринимает себя как активного участника процесса, можно соотнести с устоявшимися (классическими) требованиями, предъявляемыми к качественному новостному контенту: *«Доверяю, когда много уточняющей информации, когда есть ссылки на другие (более авторитетные) источники. Обращаю внимание, когда тональность нейтральная, нет какой-то эмоциональной окраски, отсутствуют авторские суждения»* (И5, 34, муж.). Условно «рациональный» подход выражался в следующих критериях, упоминаемых информантами: наличие в тексте фактов, причинно-следственных связей, уточнений; наличие нескольких источников [информации]; преобладание фактов над суж-

дениями; сведенная к минимуму эмоциональность; объективность в подаче информации/наличие разных точек зрения; «грамотно написанный» текст. Мы видим, что атрибуты «качества» по-прежнему могут быть востребованы у аудитории, однако это справедливо только для тех информантов, которые предпочитают занимать активную позицию (по крайней мере, они убеждены в том, что упомянутые нами признаки-атрибуты помогают им ориентироваться в потоке информации наилучшим образом).

Впрочем, некоторые информанты отмечали важность соотнесения полученной информации с жизненным опытом, связывали доверие с интуицией и личной симпатией: *«Знакомому и проверенному больше доверия. Также спикер должен вызывать доверие внешне, по физиогномике, по голосу. Ты же все равно с помощью интуиции оцениваешь человека — готов ты его слушать или нет»* (И8, 53, жен.). Такой «интуитивный» подход к доверию вполне соотносится с концепцией уязвимости медиапотребителя: у информанта нет необходимости критически относиться к автору/бренду, который «проверен временем» или просто вызывает симпатию, — он чувствует себя защищенным.

Еще в большей степени подобные («интуитивные») принципы свойственны «пассивным» медиапотребителям. Те информанты, которые — пусть и гипотетически — занимали «пассивную» позицию, пытались реконструировать процесс медиапотребления и предсказать, что именно могло/может вызвать реакцию доверия: *«Доверие вызывает эмоция. „Я там был, я все это знаю“, — вот что вызывает доверие... Еще доверие — это, наверное, один и тот же культурный код»* (И4, 51, муж.); *«Мы всегда начинаем с того, что нам понятно... Через образы люди хорошо вовлекаются, через метафору, через сравнение... Еще харизма играет большую роль»* (И2, 48, муж.). Эмоции, образы, метафоры — вот набор факторов формирования доверия в рамках «интуитивного» подхода, который наиболее характерен для пассивных медиапотребителей.

Вероятно, еще одной разновидностью «исключения» себя из процесса осознанного медиапотребления является практика «делегирования» (принятия решений) своему окружению: *«Если получаю информацию от знакомых, друзей, склонна верить»* (И11, 34, жен.). Таким образом, не всем необходимо считать себя активным субъектом медиапотребления. В этом случае фактором, который будет влиять на решение о доверии, выступает мнение близких людей.

Итог таков: не для всех важно самостоятельно отбирать информацию и выносить суждения о том, насколько она правдива, однако доверять (или не доверять) — это вопрос, значимый для всех наших собеседников.

При этом некоторые представители аудитории не могут идентифицировать факторы доверия к медиа — они не в состоянии объяснить, почему тот или иной источник (бренд, автор) вызывает у них доверие: *«Я больше его слушаю и верю, что они говорят. Я не знаю, почему [в контексте обсуждения темы доверия конкретным телеведущим]»* (И8, 89, жен.).

В целом же, если информанты оказывались способны идентифицировать факторы, которые вызывают у них доверие к медиа, они укладывались в существующие модели. Назывались: противоречие имеющемуся у информанта знанию о мире; «однобокая» подача информации; отсутствие ссылок на источники; нару-

шение логических связей; присутствие ошибок/опечаток в тексте; необоснованные обобщения либо отсутствие конкретики (цифр); чрезмерно эмоциональная подача, кликбейтный заголовок. Мы не обнаружили новых факторов, которые появились в условиях информационной турбулентности (хотя следует отметить, что значительная часть информантов настойчиво указывала на ряд изменений как в освещении событий, так и в собственном отношении к медиа в экстраординарных информационных условиях).

Изменение уровня доверия

Наша вторая исследовательская задача была связана с выявлением контекста, при котором возможно изменение уровня доверия к конкретным медиа, и описанием основных моделей такого рода трансформаций.

Тем не менее при ее решении мы столкнулись с гораздо более масштабным феноменом, иллюстрирующим деградацию самого по себе понятия уровня доверия к конкретным медиа: многие из наших информантов оказались не в состоянии его выявить. Представителям аудитории, которые пытаются следить за информационной повесткой, приходится постоянно сравнивать источники и находить подтверждение тому или иному факту в разных местах; и чем больше упоминаний об этом факте информанты находят, тем (по их мнению) более правдив этот факт и тем большего доверия заслуживают все эти источники. Само по себе понятие «уровень доверия», которое можно было бы каким-либо образом измерить, в данном случае теряет смысл: *«Когда какая-то новость плюс-минус одинаково освещена в разных по тональности пабликах, то, скорее всего, это действительно так» (И5, 34, муж.); «Иногда ты понимаешь: „Блин, это какая-то дичь. Почему я только здесь это слышу?“ Есть много каналов, которые я смотрю... Обычно, если что-то действительно происходит, они все друг на друга ссылаются, такая сеть получается» (И4, 51, муж.)*.

Возможно, этот феномен — результат крайне низкого уровня доверия к медиа в целом, который нивелирует уровни доверия к конкретным источникам. *«Такого, чтобы было полное доверие ко всему, что пишут, у меня нет нигде абсолютно. Я, можно сказать, „употребляю“, но все равно ничему не верю. Какое-то внутреннее недоверие к большинству новостей, особенно если они тебя лично не касаются» (И14, 19, жен.); «Если мне говорят, что все очень хорошо, я склонен не верить» (И10, 40 лет, муж.); «Когда доверие сменяется недоверием, это как будто уже привычно, из серии „мир опасный, тут небезопасно, и поэтому тебе могут наврать“» (И1, 31, жен.)*.

Осознанной стратегией поведения часто становится следующая: полное недоверие к любой медийной информации — с ней необходимо провести ряд когнитивных операций для того, чтобы составить относительно достоверную для информанта картину происходящего. *«СМИ манипулируют этими вещами, потому что они глубоко знают все эти процессы, они уже хорошо изучили всех людей, они их просто просчитали. И то, что спускается, транслируется только в таком виде, чтобы максимально завладеть сознанием человека» (И2, 48, муж.)*.

Многие собеседники обращали внимание на то, что они часто обнаруживают себя в затруднительном положении, когда пытаются сформировать отношение

к тексту, автору, бренду: «Наверное, из-за этого потока информации, который идет со всех сторон, сейчас уже теряется доверие к СМИ в принципе, потому что информации очень много, и информации разной» (И7, 31, жен.). Отдельные информанты открыто делились своими эмоциями и переживаниями на этот счет: «У меня все рушится, понимаешь? Потому что мне с разных сторон говорят: „Вот, смотри. Правда — вот это. Нет-нет, вот это — вот это правда“» (И4, 51, муж.); «Мир стал таким — не поймешь, где правда, а где ложь» (И8, 53, жен.).

Тем не менее некоторые информанты вспоминали контекст, в котором у них менялось доверие к тому или иному источнику, а также чем это изменение заканчивалось. В качестве причин снижения либо исчезновения доверия были названы несоответствие информации ожиданиям; попытка воспользоваться доверием; обнаружение различий в позициях информанта и автора/бренда по тому или иному вопросу. Снижение доверия фиксировалось и тогда, когда автор или медиа поменяли позицию и никаким образом это не прокомментировали. Отдельные информанты уделяли ошибкам, которые допускают медиа, и отношению к этим ситуациям: «Делать ошибки нормально, но надо как-то извиняться» (И3, 30, жен.).

Базовая стратегия, связанная с негативной трансформацией отношения к источнику, — отказ от дальнейшего ознакомления с контентом данного медиа/автора. Как правило, используется практика отписки от автора или канала.

По словам некоторых информантов, вернуть доверие либо повысить его часто помогает знакомство с альтернативным мнением, например, с позицией другого человека, а также получение дополнительных данных о ситуации. «Да, такое случается. Это может быть влияние какого-то авторитетного источника. Например, близкого (ну, или компетентного) человека» (И1, 31, жен.).

Несколько информантов сообщили, что своего отношения к тексту / автору / бренду они не меняют ни при каких обстоятельствах. Обычно это вариант, когда доверие к источнику утрачивается и больше никогда не возвращается к прежнему уровню: «Я еще пока ни к кому не возвращалась из тех, от кого я отписалась» (И12, 39 лет, жен.).

Категория сомнения и феномен «скептического медиапотребления»

Вероятно, одной из ключевых категорий в контексте информационной турбулентности и радикально снизившегося уровня доверия ко всем медиа становится категория сомнения. Напомним, что данной категории почти не уделяется внимания в медиаисследованиях, связанных с доверием, поэтому мы постараемся подробно изложить и структурировать все относящиеся к сомнению сведения, что предоставили нам информанты.

Несколько информантов сразу же заявили, что они по умолчанию скептически относятся к любым публикациям: «Любую информацию я ставлю под сомнение. За каждым текстом все равно стоит человек, его точка зрения, его личный бэкграунд. Наверное, сомнение — это защитная реакция» (И6, 31, жен.); «Критической оценке сегодня нужно подвергать, мне кажется, практически все» (И12, 39 лет, жен.).

Априорное сомнение — это лишь один из вариантов отношения. Ряд информантов отметили, что они попадали в ситуацию, когда их доверие к какому-то медиа

или автору было подорвано. В этом случае на первый план начинала выходить категория сомнения: *«Я могу продолжать пользоваться этим каналом либо слушать, смотреть этих авторов, но я буду сомневаться» (И10, 40 лет, муж.)*.

Большую часть факторов возникновения сомнения можно условно разделить на две группы. Первая связана с недостатком релевантной информации у представителя аудитории («У меня мало знаний о вопросе»), вторая — с ограниченностью информационного меню («Новость появилась только в одном месте», «Больше никто не опубликовал информацию»). Один из информантов, рассуждая о возникновении сомнения, привел в качестве примера практики ознакомления с текстами нативной рекламы: *«В основном, наверное, это тексты, которые незаметно затрагивают рекламу. Там тексты, по моему мнению, достаточно красивые и хорошо написанные» (И15, 30 лет, муж.)*.

Одним из важнейших последствий возникновения сомнения в отношении медиа стал следующий феномен: некоторые информанты продолжали знакомиться с контентом конкретного источника, даже несмотря на скепсис, разницу во взглядах, позициях и на отсутствие симпатии к нему: *«К любой новости я априори отношусь скептически уже. Да, я считаю, что у меня предвзятое отношение. Нужно знать и противоположную точку зрения, нужно понимать, что творится» (И16, 59, жен.)*. Таким образом, для некоторых представителей аудитории сомнение становится инструментом, который помогает им держать руку на пульсе, ориентироваться в многообразии новостей, а также сохранять бдительность.

Представляется, что феномен «скептического медиапотребления» требует дополнительного анализа, так как он не может быть интерпретирован и объяснен через существующие теории и концепции доверия. По сути, речь идет о том, что медиапотребление не находится в прямой зависимости от уровня доверия к массмедиа.

Чрезвычайно важно, что часть информантов дала четко понять, что в текущих условиях у них нет возможности и/или желания постоянно выносить суждения о правдивости и формировать отношение к каждому информационному поводу: *«Если неинтересно, то нет даже смысла думать, правда это или нет» (И16, 59, жен.)*; *«Я не вижу, возможно, какой-то пользы для себя» (И2, 48, муж.)*; *«Если воспринимать серьезно каждую ужасную новость, вообще никаких сил не хватит» (И14, 19, жен.)*.

Ситуация «если мне неинтересно, то не так важно, правда [это] или нет», свидетельствует об осознанном отказе части информантов (и, следовательно, аудитории в целом) признавать реальность происходящего вокруг них и правдивость соответствующей медийной информации как конечную ценность, а также о формировании чрезвычайно важного социального феномена, который, возможно, есть смысл интерпретировать в постмодернистской традиции, не предполагающей возможности или необходимости достижения объективной истины. Отчасти его иллюстрирует и то, что далеко не все информанты пытались узнать у нас, правильное ли решение они приняли в отношении того или иного стимульного материала, — им было безразлично.

Выводы и дискуссия

Наши наблюдения говорят о том, что информационная турбулентность, наблюдаемая в Российской Федерации, может стать причиной потенциальных

изменений в феноменологии доверия к медиа в широком смысле. Факторы, определяющие доверие и недоверие к медиа, авторам и контенту, упомянутые в теоретическом разделе данной статьи [Kohring, Matthes, 2007; Chung, Nam, Stefanone, 2012; Knudsen, Dahlberg, Iversen, 2022], в целом не изменились, но при этом отдельные данные, полученные в ходе исследования, позволяют утверждать, что вклад этих факторов больше нельзя оценивать в рамках линейного подхода к измерению доверия.

Концепция измеряемого доверия и традиционные шкалы [Tsfati, Ariely, 2014; Kohring, Matthes, 2007; Gaziano, McGrath, 1986; Meyer, 1988] теряют свою актуальность, поскольку в сложившейся ситуации представителям аудитории все сложнее понимать, на какие источники они могут полагаться, а на какие — нет, насколько они в целом доверяют (или не доверяют) медиа.

Картина мира современного медиапотребителя формируется в условиях избытка источников информации и максимального разнообразия контента. Мы выяснили, что в ситуации, когда у человека нет возможности проверить подлинность сообщения самостоятельно, вынесение решений о правдоподобности происходит, как правило, через сравнение подачи и оценку частотности появления информационного повода на различных медиаплощадках. В таком случае нет смысла вообще говорить о доверии тому или иному медиа, автору, тексту — люди верят факту, информацию о котором имеют возможность тем или иным образом проверить. В итоге может быть важно число, но не репутация источников. В чем-то это соответствует более ранним исследованиям, но в чем-то существенно противоречит им [Nadarevic, Reber, Helmecke, 2020] и потому требует уточнения в дальнейших работах.

Помимо этого, мы выяснили, что критически важным свойством при анализе факторов доверия становится активность аудитории [Napoli, 2011]: «активная» и «пассивная» аудитории формируют доверие к медиа принципиально разными способами, и не разделять две эти группы в рамках одних исследований может быть некорректным.

Один из самых важных выводов, к которому удалось прийти в ходе исследования: люди могут потреблять контент медиа, по умолчанию сомневаясь в его достоверности, — для многих подобная стратегия становится обыденностью. Отсутствие зависимости медиапотребления от доверия к медиа и, как вариант, от качества контента порождает феномен устойчивого «скептического медиапотребления». Несмотря на то что этот вопрос бегло затрагивался в некоторых прошлых исследованиях [Segado-Boj, Said-Hung, 2022; Flynn, Nyhan, Reifler, 2017], он явно требует объяснения и более тщательного (возможно, междисциплинарного) изучения. Мы допускаем, что такая стратегия относится у аудитории к числу адаптивных — это способ не разрывать связь с реальностью в быстро меняющемся и непредсказуемом мире.

Нельзя не упомянуть и о ситуации «если мне неинтересно, то не так важно, правда [это] или нет». Сложно с уверенностью сказать, чем именно обусловлена такая позиция — попыткой ухода от реальности, непризнанием функциональности медиа и ценности новостной информации или следствием применения «эффективного» подхода к управлению своим вниманием и количеством вынесенных решений.

Представленное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, оно выполнено в рамках качественного подхода, который соотносится с довольно ограниченными возможностями обобщения. Мы понимаем, что полученные данные позволяют лишь: 1) по-новому посмотреть на проблему доверия к медиа; 2) обратить внимание на феномены, ранее не выявленные и не отмеченные медиаисследователями; 3) наметить направления для дальнейших исследований в данной области.

Во-вторых, в процессе анализа результатов мы могли не заметить связь между отдельными элементами (в том числе высказываниями информантов) и не выявить какое-то количество феноменов. Кроме того, мы могли проявить долю субъективизма в процессе интерпретации тех данных, что попали в фокус нашего исследовательского внимания.

В-третьих, мы вынуждены были ограничить круг исследуемых проблем, а также свести к минимуму психологическую составляющую в анализе полученных данных. Мы уверены, что привлечение исследователей, специализирующихся на изучении психологии личности, психологии влияния и эффектов восприятия позволило бы немного иначе интерпретировать полученные нами данные и, возможно, обогатило бы результаты нашего исследования.

Список литературы (References)

1. Большой психологический словарь / под ред. Мещеряковой Б. Г., Зинченко В. П. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
Meshcheryakova B. G., Zinchenko V. P. (eds.) (2003) Large Psychological Dictionary. Saint Petersburg: Prajm-Evroznak. (In Russ.)
2. Вартанова Е. Л. Меняющаяся российская медиаиндустрия: теоретические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 186—196. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.203>.
Vartanova E. L. (2018) Changing Russian Media Industry: Theoretical Approaches. *Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature*. Vol. 15. No. 2: 186—196. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.203>. (In Russ.)
3. Вырковский А. В., Макеенко М. И. Возможности влияния неинституционализованных производителей развлекательного и познавательного контента на аудиторию // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 5. С. 74—99. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.7499>.
Vyrkovsky A. V., Makeenko M. I. (2021) Potential for Non-Institutionalized Creators of Entertainment and Educational Content to Influence the Audience. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 5. P. 74—99. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.7499>. (In Russ.)
4. Кожемякин Е. А., Красикова Т. Р. Доверие студенческой аудитории и профессионального медийного сообщества к различным типам медиатекстов: сравнительный анализ // Культура и текст. 2012. № 1. С. 34—43.
Kozhemyakin E. A., Krasikova T. R. (2012) Trust of Student Audience and Professional Media Communities to Various Types of Media Texts: Comparative Analysis. *Culture and Text*. No. 1. P. 34—43. (In Russ.)

5. Makeenko M. I., Vyrkovsky A. V. Онлайн-производители развлекательного контента как участники социально-политических процессов // Меди@льманах. 2021. № 6. С. 24—31.
Makeenko M. I., Vyrkovsky A. V. (2021) Online Producers of Entertainment Content as Participants in Socio-Political Processes. *MediaAlmanah* [Mediaalmanac]. No. 6. P. 24—31. (In Russ.)
6. Нигматуллина К. Р. Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 30—51. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051>.
Nigmatullina K. R. (2021) The Role of Social Networks in the Development of Regional Journalism in Russia. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 1. P. 30—51. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051>. (In Russ.)
7. Терченко Э. Б. Влияние публикаций в СМИ на принятие решений представителями российского делового сообщества // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 3. С. 3—28. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2020.328>.
Terchenko E. B. (2020) Influence of Publications in the Mass Media for Decision-Making by Representatives of Russian Business Community. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No 3: 3—28. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2020.328>. (In Russ.)
8. Barber B. (1983) *The Logic and Limits of Trust*. New Brunswick: Rutgers University Press.
9. Bodrunova S., Litvinenko A. (2016) Fragmentation of Society and Media Hybridisation in Today's Russia: How Facebook Voices Collective Demands. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 14. No. 1. P. 113—124.
10. Couldry N., Hepp A. (2016) *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press.
11. Chung C. J., Nam Y., Stefanone M. A. (2012) Exploring Online News Credibility: The Relative Influence of Traditional and Technological Factors. *Journal of Computer-Mediated Communication*. No. 17. P. 171—186.
12. Deuze M., Fortunati L. (2011) Atypical Newswork. Atypical Media Management. In: Deuze M. (ed.) *Managing Media Work*. London: SAGE. P. 111—120.
13. Dworzniak G., Garvey A. (2018) Are We Teaching Trauma? *Journalism Practice*. Vol. 13. No. 3. P. 367—382. <https://doi.org/10.1080/17512786.2018.1423630>.
14. Evans A. M., Stavrova O., Rosenbusch H., Brandt M. J. (2023) Expressions of Doubt in Online News Discussions. *Social Science Computer Review*. Vol. 41. No. 1. P. 163—180. <https://doi.org/10.1177/089443932111034163>.
15. Faragó L., Kende A., Krekó P. (2020) We Only Believe in News That We Doctored Ourselves. *Social Psychology*. Vol. 51. No. 2. P. 77—90.

16. Flynn D. J., Nyhan B., Reifler J. (2017) The Nature and Origins of Misperceptions: Understanding False and Unsupported Beliefs About Politics. *Political Psychology*. Vol. 38. No. S1. P. 127—150. <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/pops.12394>.
17. Gaziano C., McGrath K. (1986) Measuring the Concept of Credibility. *Journalism Quarterly*. No. 63. P. 451—462.
18. Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Stanford: Stanford University Press.
19. Hameleers M., Brosius A., de Vreese C. H. (2022) Whom to Trust? Media Exposure Patterns of Citizens with Perceptions of Misinformation and Disinformation Related to the News Media. *European Journal of Communication*. Vol. 37. Vol. 3. P. 237—268. <https://doi.org/10.1177/02673231211072667>.
20. Hanitzsch T., Van Dalen A., Steindl N. (2017) Caught in the Nexus: A Comparative and Longitudinal Analysis of Public Trust in the Press. *International Journal of Press/Politics*. Vol. 23. No. 1. P. 3—23.
21. Heinbach D., Ziegele M., Quiring O. (2018) Sleeper Effect from Below: Long-Term Effects of Source Credibility and User Comments on the Persuasiveness of News Articles. *New Media & Society*. Vol. 20. No. 2. P. 4765—4786. <https://doi.org/10.1177/1461444818784472>.
22. Hepp A., Krotz F. (2014) *Mediatized Worlds: Culture and Society in a Media Age*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137300355>.
23. Hjarvard S. (2008) The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*. Vol. 29. No. 2. P. 105—134. <https://doi.org/10.1515/nor-2017-0181>.
24. Hutchinson J. (2021) Micro-Platformization for Digital Activism on Social Media. *Information, Communication & Society*. Vol. 24. No. 1. P. 35—51. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1629612>.
25. Hudders L., De Jans S., De Veirman M. (2021) The Commercialization of Social Media Stars: A Literature Review and Conceptual Framework on the Strategic Use of Social Media Influencers. *International Journal of Advertising*. Vol. 40. No. 3. P. 327—375. <https://doi.org/10.1080/02650487.2020.1836925>.
26. Kay S., Mulcahy R., Parkinson J. (2020) When Less Is More: The Impact of Macro and Micro Social Media Influencers' Disclosure. *Journal of Marketing Management*. Vol. 36. No. 3—4. P. 248—278. <https://doi.org/10.1080/0267257X.2020.1718740>.
27. Kessler R., Sonnega A., Bromet E., Hughes M., Nelson C. (1995) Posttraumatic Stress Disorder in the National Comorbidity Survey. *Archives of General Psychiatry*. Vol. 52. No. 12. P. 1048—1060. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1995.03950240066012>.

28. Knudsen E., Dahlberg S., Iversen M. H., Johannesson M. P., Nygaard S. (2022) How the Public Understands News Media Trust: An Open-Ended Approach. *Journalism*. Vol. 23. No. 11. P. 2347—2363. <https://doi.org/https://doi.org/10.1177/14648849211005892>.
29. Knobloch-Westerwick S. (2014) Choice and Preference in Media Use. *Advances in Selective Exposure Theory and Research*. New York, NY: Routledge.
30. Kohring M., Matthes J. (2007) Trust in News Media: Development and Validation of a Multidimensional Scale. *Communication Research*. Vol. 34. No. 2. P. 231—252. <https://doi.org/10.1177/0093650206298071>.
31. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. (1995) An Integrative Model of Organizational Trust. *Academy of Management Review*. Vol. 20. P. 709—734.
32. Picard R. G. (ed.) (2000) Measuring Media Content, Quality, and Diversity: Approaches and Issues in Content Research. Turku: Media Economics, Content and Diversity Project and Media Group, Business Research and Development Centre.
33. Meijer I. C. (2013) Valuable Journalism: A Search for Quality from the Vantage Point of the User. *Journalism*. Vol. 14. No. 6. P. 754—770.
34. Meyer P. (1988) Defining and Measuring Credibility of Newspapers: Developing an Index. *Journalism Quarterly*. Vol. 65. P. 567—574.
35. Mitchell A., Gottfried J., Kiley J., Matsa K. E. (2014) Political Polarization and Media Habits. URL: <https://www.journalism.org/2014/10/21/political-polarization-media-habits/> (дата обращения: 10.11.2023).
36. Nadarevic L., Reber R., Helmecke A. J. et al. (2020) Perceived Truth of Statements and Simulated Social Media Postings: An Experimental Investigation of Source Credibility, Repeated Exposure, and Presentation Format. *Cognitive Research: Principles and Implications*. Vol. 5. No. 56. <https://doi.org/https://doi.org/10.1186/s41235-020-00251-4>.
37. Napoli P. M. (2011) Audience Evolution: New Technologies and the Transformation of Media Audiences. New York, NY: Columbia University Press.
38. Newman E. J., Garry M., Bernstein D. M., Kantner J., Lindsay D. S. (2012) Nonprobative Photographs (Or Words) Inflate Truthiness. *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 19. P. 969—974. <https://doi.org/https://doi.org/10.3758/s13423-012-0292-0>.
39. Newman N., Fletcher R. (2017) Bias Bullshit and Lies: Audience Perspectives on Low Trust in the Media. Oxford: Reuters Institute.
40. Rubin A. M. (2009) Uses and Gratifications. An Evolving Perspective of Media Effects. In: Nabi R. L., Oliver M. B. (eds.) *The SAGE Handbook of Media Processes and Effects*. London: Sage. P. 147—159.
41. Sarathchandra D., Haltinner K. (2023) How Media, Information Sources, and Trust Shape Climate Change Denial or Doubt. *Social Currents*. Vol. 10. No. 6. P. 583—602. <https://doi.org/10.1177/23294965231168785>.

42. Segado-Boj F., Said-Hung E. (2022) Alternative Approaches to News: The Role of Media Distrust, Perceived Network Homophily, and Interests in News Topics. *Revista de Comunicación*. Vol. 20. No. 2. P. 355—373. <https://doi.org/10.26441/RC20.2-2021-AX19>.
43. Shoemaker P., Reese S. (1996) *Mediating the Message: Theories of Influences on Mass Media Content*. New York, NY: White Plains.
44. Skovsgaard M., Shehata A., Strömbäck J. (2016) Opportunity Structures for Selective Exposure: Investigating Selective Exposure and Learning in Swedish Election Campaigns Using Panel Survey Data. *International Journal of Press/Politics*. Vol. 21. No. 4. P. 527—546. <https://doi.org/10.1177/1940161216658157>.
45. Strömbäck J., Tsfati Y., Boomgaarden H., Damstra A., Lindgren E., Vliegenthart R., Lindholm T. (2020) News Media Trust and Its Impact on Media Use: Toward a Framework for Future Research. *Annals of the International Communication Association*. Vol. 44. No. 2. P. 139—156. <https://doi.org/10.1080/23808985.2020.1755338>.
46. Thompson V.A., Turner J.A., Pennycook G. (2011) Intuition, Reason, and Metacognition. *Cognitive Psychology*. Vol. 63. No. 3. P. 107—140. <https://doi.org/10.1016/j.cogpsych.2011.06.001>.
47. Tsfati Y., Ariely G. (2014) Individual and Contextual Correlates of Trust in Media Across 44 Countries. *Communication Research*. Vol. 41. No. 6. P. 760—782. <https://doi.org/10.1177/0093650213485972>.
48. Tsfati Y., Cappella J. N. (2003) Do People Watch What They Do Not Trust? Exploring the Association Between News Media Skepticism and Exposure. *Communication Research*. Vol. 30. No. 5. P. 504—529. <https://doi.org/10.1177/0093650203253371>.
49. Tsfati Y., Cappella J. N. (2005) Why Do People Watch News They Do Not Trust? The Need for Cognition as a Moderator in the Association Between News Media Skepticism and Exposure. *Media Psychology*. Vol. 7. No. 3. P. 251—271. https://doi.org/10.1207/S1532785XMEP0703_2.
50. Unkelbach C., Greifeneder R. (2018) Experiential Fluency and Declarative Advice Jointly Inform Judgments of Truth. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 79. P. 78—86. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2018.06.010>.
51. Urban J., Schweiger W. (2014) News Quality from the Recipients' Perspective. *Journalism Studies*. Vol. 15. No. 6. P. 821—840.
52. Webster J. G., Ksiazek T. B. (2012) The Dynamics of Audience Fragmentation: Public Attention in an Age of Digital Media. *Journal of Communication*. Vol. 62. No. 1. P. 39—56. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2011.01616.x>.

Приложение 1. Данные об информантах, принявших участие в исследовании

Условное обозначение информанта	Пол	Возраст	Место проживания	Уровень образования	Род деятельности
И1	жен	31	Город федерального значения	Кандидат наук	Юрист
И2	муж	48	Город-миллионник (региональный центр)	Высшее	Фотограф, видеооператор, монтажер, режиссер, осветитель театральной сцены, пчеловод
И3	жен	30	Город федерального значения	Высшее	Дизайнер
И4	муж	51	Город до 100 тыс. человек	Среднее техническое	Электрослесарь
И5	муж	34	Город федерального значения	Высшее	Копирайтер
И6	муж	22	Город федерального значения	Высшее	Инструктор АФК
И7	жен	31	Город федерального значения	Высшее	Музейный специалист
И8	жен	53	Город до 100 тыс. человек	Среднее	Парикмахер
И9	жен	88	Город до 100 тыс. человек	Основное общее	Пенсионер
И10	муж	40	Город федерального значения	Неоконченное среднее	Безработный
И11	жен	34	Город федерального значения	Высшее	Помощник руководителя
И12	жен	38	Город федерального значения	Неоконченное высшее	Специалист по маркетингу
И13	жен	19	Город федерального значения	Неполное высшее	Студентка
И14	жен	54	Город до 100 тыс. человек	Среднее специальное	Самозанятость (няня)
И15	жен	59	Город федерального значения	Высшее	«Подрабатывающий пенсионер»
И16	муж	30	Город федерального значения	Высшее	Специалист поддержки (IT)

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2680](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2680)**Е. А. Островская, Т. Б. Бадмацыренов****РОССИЙСКИЙ ТРАДИЦИОННЫЙ БУДДИЗМ
В ПУБЛИЧНЫХ МЕДИАСФЕРАХ****Правильная ссылка на статью:**

Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б. Российский традиционный буддизм в публичных медиасферах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 204—225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2680>.

For citation:

Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B. (2024) Russian Traditional Buddhism in Mediatized Public Spheres. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 204–225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2680>. (In Russ.)

Получено: 03.09.2024. Принято к публикации: 27.11.2024.

РОССИЙСКИЙ ТРАДИЦИОННЫЙ БУДДИЗМ
В ПУБЛИЧНЫХ МЕДИАСФЕРАХ

ОСТРОВСКАЯ Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: e.ostrovskaya@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0664-1514>

БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой политологии и социологии, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия
E-MAIL: latorovitch@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6363-9464>

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегий и форм самопрезентации российского традиционного буддизма в условиях медиатизированной публичности. Авторы задаются следующими вопросами: как презентует себя в публичной сфере буддизм Бурятии, Калмыкии и Тувы? Кто те акторы, которые выступают в медиа от его лица? Какой вклад вносят различные медиа или их комбинации в конструирование традиционного буддизма России в публичной сфере?

Методологической рамкой исследования послужили институциональный подход к медиатизации Стига Хьярварда, концепция медиатизированной публичной религии Мии Лёвхайм и Марты Акснер, концепция религиозных цифровых новаторов Хайди Кэмпбелл. Авторы использовали количественные методы при сборе и анализе данных о буддийских сообществах в социальной сети VK, а также экспертные интервью для выявления стратегий буддийских цифровых новаторов в отношении интернета и медиатехнологий.

RUSSIAN TRADITIONAL BUDDHISM IN MEDIATIZED PUBLIC SPHERES

Elena A. OSTROVSKAYA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Theory and History of Sociology
E-MAIL: e.ostrovskaya@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0664-1514>

Timur B. BADMATSYRENOV² — Dr. Sci. (Soc.), Head of Department of Politology and Sociology
E-MAIL: latorovitch@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6363-9464>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan Ude, Russia

Abstract. The article provides an analysis of strategies and forms of self-presentation of Russian traditional Buddhism in mediatized public spheres. The authors consider the following questions: how does Buddhism of Buryatia, Kalmykia, and Tuva present itself in the public sphere? Who are the actors presenting it in the media? How do various media, or their combinations, contribute to constructing traditional Buddhism of Russia in the public sphere?

How do various media forms, or combinations of these, contribute to constructing traditional Buddhism of Russia in public spheres?

Methodologically, the study relies on a combination of the institutional approach to mediatization by Stig Hjarvard, the concept of mediatized public religion by Mia Lövhelm and Marta Axner, and the concept of religious digital creatives by Heidi Campbell. The authors use quantitative methods to collect and analyze data on Buddhist communities on the VK social network and expert interviews

Авторы пришли к заключению, что исторически имевшая место претензия традиционного буддизма Бурятии, Калмыкии и Тувы представлять весь российский буддизм исчерпалась в период реинституционализации буддизма в 1990—2000-х годах. Возрождение буддизма в традиционных для этой религии регионах России предполагало строительство монастырей, создание системы традиционного монашеского образования только одного направления — гелугпа. Проведенный анализ буддийских гелугпинских сообществ и пабликов в VK, экспертные интервью с их создателями, а также буддийскими цифровыми стратегами и светскими журналистами, вовлеченными в курсы о буддизме в СМИ, выявил четыре тенденции в реинституционализации российского традиционного буддизма: (1) перераспределение религиозного авторитета между различными направлениями буддизма, но при ведущей роли традиционного для России направления школы гелугпа; (2) традиционный для России буддизм направления гелугпа презентует себя в культурной публичной медиасфере как коллективный религиозный бренд; (3) медиатизированный российский буддизм презентует себя в четырех дискурсах о буддизме; (4) традиционные буддийские наставники разворачиваются в направлении широкого онлайн-продвижения буддизма на различных цифровых площадках и социальных сетях.

Ключевые слова: российский буддизм, публичная медиасфера, медиатизированный буддизм, буддийские паблики, буддийские блогеры, коллективный буддийский бренд

Благодарность. Публикация выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>.

to identify strategies of Buddhist digital creatives in relation to the Internet and media technologies.

The authors conclude that the historical claim of traditional Buddhism in Buryatia, Kalmykia, and Tuva to represent all Russian Buddhism was exhausted during the period of reinstitutionalization of Buddhism in the 1990s–2000s. The revival of Buddhism in the regions of Russia traditional for this religion implied the construction of monasteries and the creation of a system of traditional monastic education of Gelugpa. The analysis of Buddhist Gelugpa communities and publics on VK social network, expert interviews with their creators, Buddhist digital strategists, and secular journalists involved in discourses on Buddhism in the media, revealed four trends in the reinstitutionalization of Russian traditional Buddhism. Namely, the authors conclude that (1) religious authority is being redistributed between various directions of Buddhism, with the leading role of the Gelugpa school, traditional for Russia; (2) Russian Gelug Buddhism represents its identity in public media sphere as a collective religious brand; (3) mediatized Russian Buddhism presents itself in four formats of discourses on Buddhism; (4) traditional Buddhist teachers are turning towards the broad online promotion of Buddhism on various digital platforms and social networks.

Keywords: Russian Buddhism, public media sphere, mediatized Buddhism, Buddhist publics, Buddhist bloggers, Buddhist collective brand

Acknowledgments. This article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, grant <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>.

Введение

В последние десятилетия возрастает интерес социологов к исследованию процессов медиатизации и цифровизации религий. Этот интерес во многом актуализирован тем, что цифровизация, поначалу трактовавшаяся сугубо как перевод аналоговых данных и рабочей рутины в цифровой формат, на дистанции лет предстала этапом глобальной общественной трансформации — процесса, который принято обозначать понятием «медиатизация». Медиа буквально прошивают все полотно коммуникативных практик, становятся значимыми агентами изменения социальных институтов. Одно из ключевых последствий медиатизации — влияние цифровых медиа на социальное взаимодействие во всех сферах жизнедеятельности общества, включая религию [Lundby, 2013: 197]. Применительно к религии медиатизация обернулась появлением медиатизированной религии — разнообразных форм самопрезентации и репрезентации религии в культурной публичной медиасфере.

В таких условиях религии предстают как гибридные медиатизированные институции, презентуемые религиозными и традиционными СМИ, кинематографом, различными ток-шоу, сериалами и др. [Хьярвард, 2020]. Свой вклад в продуцирование медиатизированной религии вносят также религиозные блоги, паблики, тематические сайты, подкасты и т. п. [Lövhheim, Axner, 2015]. Разнообразные медиа становятся интерфейсами религии в культурной публичной сфере.

Интернет и новые медиатехнологии открыли возможность для формирования транслокальных взаимодействий религиозно вовлеченных пользователей, разворачивающихся вне каких-либо привязок к традиционным сакральным локациям — церквям, дацанам, монастырям и проч. [Непп, Krönert, 2009]. В этом взаимодействии конструируются новые смыслы и трактовки религиозных практик и религиозных авторитетов, свободные от организационного или общинного контроля [Lövhheim, 2011]. Оцифровка религиозных священных текстов, доступность сакрального знания девальвируют традиционное религиозное образование и ставят под вопрос эпистемический авторитет религиозных профессионалов [Cheong, 2022; Campbell, Bellar 2023]. Новые медиа бросают вызов традиционным религиозным ценностям, поскольку предоставляют пространство и способы формирования новых религиозных авторитетов, новых способов влияния на определенную религиозную группу. Одним из порождений медиатизации стало «перераспределение авторитета», прежде закрепленного за религиозными профессионалами, получившими традиционное образование, наделенными институциональными статусами и полномочиями [Campbell, Bellar, 2023: 83—86]. С середины 2010-х годов социологи все больше говорят о полном стирании границы между онлайн- и офлайн-коммуникациями, а также активностями религиозных общин. Социологические исследования заострены на анализе традиций, авторитетов и идентичностей, трансформирующихся в процессе медиатизации религий [Radde-Antweiler, 2019].

В последние годы растет интерес российских ученых к изучению медиатизации религии, публикуются специальные номера религиозноведческих журналов [Островская, 2018; Гришаева, Шумкова, 2020] и исследования отдельных направлений [Островская, 2019].

В истекшее десятилетие появились статьи, посвященные обзору российских буддийских сайтов и электронных ресурсов [Актамов, Бадмацыренов, Цыремпилов, 2015], онлайн-картографированию и анализу буддийских сообществ социальной сети VK [Актамов, Бадмацыренов, Доржиева 2015], рассмотрению общих характеристик буддийской части русскоязычного сегмента интернета [Дондуков, 2019], изучению буддийского паломничества и киберпаломничества [Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020], а также цифровых стратегий русскоязычных буддийских общин [Островская, Бадмацыренов, 2022].

В настоящей работе мы сосредоточимся на анализе медиатизации традиционного буддизма Бурятии, Калмыкии и Тувы. В фокусе нашего анализа вопрос: как продвигается традиционный буддизм в этих регионах России через медиатизированные публичные сферы?

Методология и методы исследования

Методологической рамкой исследования стала комбинация институционального подхода к изучению медиатизации религии, разработанного датским социологом Стигом Хьярвардом, с концепцией медиатизированной публичной религии Миа Лёвхайм и Марты Акснер и концепцией цифровых религиозных новаторов Хайди Кэмпбелл.

Подход Хьярварда и предложенная им концепция медиатизированной религии достаточно известны в отечественном академическом поле (см., например, подробно [Островская, 2018]). В контексте настоящего исследования следует сказать несколько слов о концепции публичной сферы медиа, являющейся ключевой для институционального подхода. Согласно Хьярварду, публичная сфера медиа — это реальность совместного опыта, в которой культурное содержание различных институтов становится видимым и репрезентативным [Hjarvard, 2013: 68]. Медиа-реальность институтов включает в себя политическую публичную сферу и культурную публичную сферу. Благодаря медиа институциональное содержание различных социальных сфер общества становится объектом публичного осмысления и обсуждения. Это, в свою очередь, стимулирует дискурс внутри соответствующих институтов о собственных нормативных основаниях [Hjarvard, 2014: 215—217]. На микроуровне медиакоммуникации возникает реальность продленного и разделяемого опыта — принципиально важная составляющая формирования новых идентичности и общностей. Создаваемая медиа публичная сфера общего опыта включает интеракцию и коммуникацию в новых культурных контекстах [Hjarvard, 2013: 37—38]. Таким образом, методологическое уточнение о микроуровне структурирования реальности предполагает фокус внимания на выявлении культурных содержаний, которые попадают в публичную медиасферу благодаря индивидуальным и групповым медиапрактикам. На макроуровне медиа образуют публичную сферу, совершенно по-новому увязывающую культурные содержания разных социальных институтов. В публичной сфере медиа осуществляется структурное пересечение образа действия/логики различных институтов.

Публичная медиасфера образована тремя типами медиа: журналистикой по конкретной теме (радио, телевидение, газеты, подкасты и влоги); литературными и кинематографическими сюжетами, ток-шоу, затрагивающими проблема-

тику конкретных социальных сфер или культурные контексты; таргетированными институциональными медиа (подробнее см. [Островская, 2023: 608—609]).

Концепция медиатизированной публичной религии Лёвхайм и Акснер выстроена на комбинации тезисов теории медиатизированной религии Хьярварда и концепции публичных сфер дискурса Юргена Хабермаса. Для нашего исследования принципиален методологический тезис Лёвхайм и Акснер, что религию в публичных сферах медиа следует изучать с учетом нескольких единиц анализа — типов акторов (религиозных и светских), типов медиасфер, обеспечивающих дискуссиям публичный формат, и контекста дискурса о религии (светского или религиозного). Таким образом, медиатизированная публичная религия — это публичные дискурсы о религии, обнаруживаемые в медиасферах журналистики, религии, в массовой культуре и цифровых пространствах. Определения каждой из сфер практически полностью воспроизводят дефиниции, предложенные Хьярвардом для форм медиатизированной религии. Лёвхайм и Акснер обогащают типологию указанием на четвертую медиасферу — религиозные цифровые пространства блогов, сайтов, подкастов и т. п. Они считают необходимым исследование религиозных блогов, поскольку такие блоги презентуют медиатизированный публичный дискурс, трансформирующий культурно закрепленные представления об обсуждаемой в них религии [Lövhheim, Aksner, 2015: 47—48].

Предложенная Кэмпбелл концепция религиозных цифровых новаторов применялась нами для дифференцированного изучения стратегий буддийских сообществ, применявшихся в ходе использования цифровых технологий для отстройки собственной идентичности, авторитета и границ. Кэмпбелл предложила выделять три типа религиозных цифровых новаторов, деятельность которых форматирует цифровые религиозные дискурсы. Это цифровые профессионалы, цифровые спикеры и цифровые стратеги. В рамках нашего исследования особое значение имеет концепт цифровых стратегов, тех, кто использует уже имеющиеся цифровые ресурсы для религиозных целей. В число цифровых стратегов Кэмпбелл включила онлайн-миссионеров, создающих инструментарий для цифрового распространения доктрин и установок конкретной религии, разработчиков религиозных мобильных приложений, веб-сайтов и социальных сетей. Наиболее активны и продуктивны в деле религиозного онлайн-просвещения стратеги-блогеры. Они не разрабатывают технологических инноваций, но их религиозный цифровой контент привлекает широкую аудиторию. Среди таких цифровых стратегов-блогеров Кэмпбелл выделила два значимых вида — теологов-блогеров и тео-блогеров. Первые — это профессиональные теологи, обладающие религиозным образованием и фиксированной позицией в иерократической статусной иерархии. Они рассматривают свой блог или сайт в качестве пространства для перевода академической теологии на язык, доступный широкой общественности и неопиту. В качестве отдельных задач они ставят себе мониторинг и рецензирование сторонних дискурсов об их религиозной организации/идеологии, а также выискивание ошибок в цифровых повествованиях других религиозных блогеров. Большинство теологов-блогеров в офлайн-реальности являются религиозными профессионалами в конкретных церквях и приходах, преподавателями в духовных учебных учреждениях. Второй вид — тео-блогеры — это все те, кто создают блог для распространения собствен-

ной рефлексии на теологические сюжеты и приобретения таким образом репутации теологических мыслителей. Влияние тео-блогеров базируется исключительно на их онлайн-активности, а не на обладании религиозным образованием или статусом в религиозной иерархии. Сети связей, формирующиеся вокруг блогов, делают их глобально популярными [Campbell, 2021: 48—54].

В нашей методологической комбинации концепция Лёвхайм и Акснер ориентировала наш фокус на типах акторов, медиасфер и дискурсов в перспективе выявления и классификации форматов медиатизированного дискурса о традиционном буддизме в российской публичной медиасфере. Предложенная Кэмпбелл типология использовалась нами для конструирования выборки респондентов для экспертных интервью, а также послужила аналитической рамкой для интерпретации результатов интервью. В ответах респондентов мы выделяли смысловые блоки с их мотивацией использовать интернет и цифровые технологии в религиозных целях.

Эмпирическая часть исследования проводилась в период с января 2021 г. по август 2024 г. в два этапа. На первом этапе, в 2022—2023 гг., мы использовали количественные программные нереактивные методы сбора данных из социальных сетей с применением специально разработанного программного обеспечения — кроулера — сборщика данных. Нами был разработан список поисковых запросов, содержащих ключевые семантические единицы (слова и словосочетания), отражающие общепонятные буддийские понятия (Будда, Дхарма и т. п.), школы и направления (гелугпа, тхеравада, дзогчен и т. п.), формы социальной организации буддийских сообществ (сангха, дацан, хурул и т. д.). После этого была произведена серия запросов в API vk.com и получен список из более тысячи сообществ, обнаруженных по «буддийским» поисковым запросам. Следующим шагом стало применение методов математического моделирования. С их помощью была построена графовая модель, выявлены и описаны кластеры буддийских онлайн-сообществ в социальной сети VK [Ostrovskaya et al., 2021]. Анализ обнаруженных кластеров позволил говорить о своего рода онлайн-карте российского буддизма, преобладающими направлениями которого являются бурятская, калмыцкая и тувинская ветви тибетской школы гелугпа, российская Ассоциация общин, входящих в состав Международной организации Карма-кагью, российская часть Международной Дзогчен-общины и русскоязычная Тхеравада.

Полученные результаты позволили, во-первых, картографировать буддийские онлайн-сообщества традиционного для России направления гелугпа в соцсети VK и проанализировать структуры взаимосвязей между ними. Во-вторых, мы смогли сформулировать вопросы для второго этапа исследования — выборочного изучения некоторых из описанных буддийских онлайн-сообществ сети VK и их блогов, подкастов на платформе YouTube с помощью качественных методов социологического исследования.

На втором этапе мы провели серию экспертных интервью с создателями крупных буддийских сайтов, VK-сообществ и пабликов, светских журналистов, авторов и ведущих программ о буддизме, блогов и подкастов на платформе YouTube. Выборку мы выстраивали в соответствии со следующими критериями: участие в создании и ведении сообщества или паблика, влога или подкаста; продуктивная ци-

фровая активность не менее пяти лет; отчетливый профиль онлайн-активности; упоминание аккаунта/блога/сайта этого «новатора» более чем в одном интервью. Всем респондентам был предложен один и тот же список вопросов, включивший два тематических блока — биографический и о репертуаре и целевом использовании созданного медиа. Всего было проведено 27 интервью; прямые цитаты из семи были воспроизведены в тексте статьи. Респонденты были заранее проинформированы о ведении записи во время разговора и дали свое разрешение. Когда текст был готов, респонденты имели возможность ознакомиться с теми разделами, где были приведены сведения о них и цитаты из их интервью. От каждого было получено разрешение на использование этих цитат в публикации.

Медиатизация российского буддизма: от подполья к идентичности направлений

Специфика медиавовлеченности традиционных российских буддистов напрямую связана с особенностями сложения среды российского буддизма. Проблема в том, что именуемый традиционным для России буддизм исторически был институционализирован в имперский период истории страны преимущественно в Бурятии и Калмыкии. В каждом регионе сформировались свои локальные особенности. Однако социокультурная модель воспроизведения была сходной — монастыри как религиозные и образовательные центры, существующие на содержании мирян. Такая модель восходит к тибето-монгольскому образцу школы гелугпа, известной своей монастырской системой образования, делением на монахов, послушников и мирян, в российском варианте относительно автономно развивавшемся под патронажем имперской конфессиональной политики. Нескольким особняком стоит история становления буддизма Тувы, поскольку она стала российским протекторатом только в 1914 г., а в состав СССР вошла в 1944 г.

В советское время имперская модель социокультурного бытования буддизма в регионах была разрушена — духовенство репрессировано, монастыри уничтожены, социализация потенциальных мирян проходила в условиях идеологии атеизма. Лишь после окончания Великой Отечественной войны, в конце 1940-х годов наметилась тенденция послабления в отношении буддизма со стороны государственных властей. В 1946 г. на территории Бурятии был создан новый структурный орган — Центральное духовное управление буддистами (ЦДУБ) во главе с Пандито Хамбо-ламой [Бакаева, 2012: 38]. Было разрешено перестроить и возобновить деятельность двух буддийских монастырей — Агинского и Иволгинского со штатом монахов не более 20 человек. Однако во многих регионах Бурятии нелегально вели религиозную деятельность вернувшиеся из тюрем и ссылки ламы [Ванчикова, 2012: 130]. Многие десятилетия Иволгинский дацан оставался духовным форпостом для всех, кто желал практиковать буддизм, несмотря на атеистическую пропаганду и высокие риски. В дацан приезжали калмыцкие буддисты-миряне с целью совершения религиозных треб, проведения обрядов после похорон родственников и проч. [Бакаева, 2015: 8]. В конце 1950-х годов тувинские ламы и послушники наладили регулярные контакты с Иволгинским дацаном.

Постепенно в течение 1950-х — 1970-х годов сложилась модель воспроизведения буддизма в условиях идеологического прессинга. Принципиальной иннова-

цией этой модели стало включение мирских последователей, причем как мирян — этнических буддистов, так и людей других национальностей. В среде подпольных буддистов существовали три автономные ветви. Одна была образована этническими буддистами-мирянами (бурятами, тувинцами, калмыками), получившими инициацию от монахов, не снявших с себя обеты и продолжавших устную передачу традиции мирянам. Две другие ветви представляли подпольный буддизм иноэтнической конверсии.

В 1960-е — 1970-е годы развивался так называемый подпольный буддизм, распространившийся преимущественно в среде востоковедных и философских факультетов, а также исследовательских институтов. Создателями и руководителями групп подпольных буддистов становились выходцы из разных советских республик. На свой страх и риск они отправлялись в Бурятию в поисках буддийского наставника, получали прибежище от него, подолгу жили при дацанах, изучая доктрину и практику буддизма. Свою духовную миссию они видели в просветительской деятельности, предполагавшей переводы тибетских текстов на русский язык и налаживание контактов с западными буддистами и тибетской диаспорой в Индии. Их деятельность была сконцентрирована на создании сначала бумажных, а позже цифровых медиа о тибетском буддизме. Основными направлениями деятельности этой группы в 2000-х годах стали перевод с тибетского языка на русский текста «Ламрима», подготовка и публикация бумажных и оцифрованных томов русского перевода, наполнение и ведение сайта журнала «Буддизм России», сотрудничество с дружественным сайтом и одноименным YouTube-каналом «Сохраним Тибет» [Островская, Бадмацыренов, 2022: 111—112].

Другую группу составили последователи бурятского буддийского наставника Бидии Дандарона, учительская традиция которого была ближе к дзогчену, нежели к гелугпа, характерной для буддийских регионов Бурятии, Калмыкии и Тувы. В начале 1990-х годов они инициировали издание нового для российского буддизма медиа — бумажного историко-буддологического журнала «Гаруда». Он выходил в течение 1992—1998 гг. как иллюстрированное религиозное медиа, где публиковались переводы отрывков текстов сутр, учительских текстов, биографий известных наставников [там же: 112].

В начале 1990-х годов на волне идеологического мейнстрима возрождения религий исторического наследия России и выхода в свет федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» были предприняты попытки возродить традицию бытования буддизма в имперской России и созданную в советское время организацию ЦДУБ. Обе попытки, как показало время, обнажили диверсификацию среды последователей гелугпа в Бурятии, Калмыкии и Туве. В 1997 г. в качестве правопреемницы ЦДУБ была учреждена организация «Буддийская традиционная сангха России» (БТСР). Вслед за этим возникли альтернативные централизованные организации в Бурятии, Калмыкии и Туве. Каждая из них претендовала на выражение интересов всех буддистов России и выполнение функции некоего единого органа управления [Бакаева, 2012]. Буддисты Бурятии, Калмыкии и Тувы выбрали собственных глав, которые стали налаживать отношения с гелугпинскими монастырями тибетской диаспоры в Индии. В течение последующих десятилетий традиционный буддизм Бурятии, Калмыкии

и Тувы выстраивался вокруг формирования собственной сангхи профессиональных монахов и послушников, налаживания коммуникативных практик ритуально-взаимодействия с мирянами, построения систем монастырского образования [Островская, 2009].

В течение 2000-х годов большинство вновь отстроенных дацанов и буддийских центров Бурятии, Калмыкии и Тувы создали собственные сайты. Однако этому предшествовал длительный период самоопределения. В данном контексте будет уместной цитата из интервью с респондентом, участвовавшим в 2001—2002 гг. в создании первого сайта Иволгинского дацана и сайта первого русскоязычного буддийского медиа «Буддизм в России». В своем биографическом нарративе он подробно описывает реалии тех лет, когда информация о буддизме, российских организациях и центрах, само взаимодействие о буддизме опосредовалось электронными досками объявлений и русскоязычной веткой эхоконференций в сети Fidonet. В то время все еще было распространено мнение, что познакомиться с живой традицией гелугпа можно лишь в монастырях Бурятии.

У меня был узел сети Fidonet, она была сильно популярнее интернета у нас до начала-середины 2000-х. В Fido была крупная буддийская эхоконференция ru.dharma. Первый буддист, с которым я общался в ru.dharma, посоветовал мне самому поехать в Иволгинский дацан. Я оказался там, прибыл в Улан-Удэ. Сел на автобус и приехал к Иволгинскому дацану, там никого нет, пусто. Зашел в калитку, наугад, смотрю — там пусто, пошел к какому-то домику, а там были бурятские хувараки. Они сказали: «О, заезжай, давай садись, нальем тебе чаю, рассказывай, чего хочешь». Я им говорю: «Я приехал из Питера, мне интересно насчет буддизма, хочу узнать, как у вас тут все устроено». Они спрашивают: «А ты чем занимаешься?» Я такой: «Да я в Питере в веб-студии сайты делаю». Они: «Сайты! Отлично! А нам как раз послезавтра надо запускать сайт Иволгинского дацана, а у нас ничего не готово, у нас ничего нет, мы в полной панике». Меня отводят в здание Института Даши Чойхорлин, где сидит такой русский парень и пытается чего-то там склеить с сайтом, у него ничего не получается. <...>. За два дня мы сделали сайт Иволгинского дацана и разместили на моем личном сервере. Мы его запустили. Потом фотографии — я там фотографировал виды дацана — сканировали, первые фотки, которые появились на сайте, тоже были мои фотки. Сейчас его уже, конечно, поменяли много раз. (Интервью, 2023, создатель первого сайта Иволгинского дацана, Санкт-Петербург)

В этот период в условиях специфического для советского периода контекста подпольной солидарности буддийских групп формируется стремление к сотрудничеству между российскими буддийскими сообществами, возникшими в 1990—2000-е годы. В интервью с респондентами, принявшими буддизм в 1990-х годов, как правило, звучит тема надежд и устремлений к созданию некоего общего коммуникативного пространства. Основными медиа, претендовавшими на представительство всего российского буддизма 1990—2000-х годов, стали журнал «Буддизм России» и Буддийский форум на сайте «Ассоциация „Буддизм в интернете“». И здесь показательна цитата из интервью с создателем «Буддийского форума», возникшего в 1998 г.:

Получается, в 1996 г. я пришел в буддизм, нашел в своем городе локальные группы и начал через них изучать буддизм. Изучал буддизм, который тогда был доступен в России. Мне попались знакомые, которые практиковали дзогчен и ездили к Намкхаю Норбу Ринпоче. Это была одна из первых встреч с дзогченем: я поехал на ретрит к НН в Подмосковье, получил там передачу, мы там практиковали. Позже меня заинтересовало более традиционное для России направление — гелуг. Тогда издавался журнал «Буддизм в России», я был подписан на этот журнал. Я его получал, он был гелугпинской направленности, больше информация от далай-ламы. У меня были бюллетени этого журнала — предвестники его онлайн-версии. И так я попал в гелуг к известному у нас в России геше Тинлею. Ездил вместе с ним на ретрит в Бурятию, где он проходил вместе с монгольским Богдо-гегеном, Еще Лодой Ринпоче — такие столпы того времени. Это был 1998 г., первые крупные ретриты в Бурятии происходили. На тот момент еще к нам в город приезжал Еще Лодой Ринпоче, а потом он приехал в Бурятию. Его пригласил один наш деятель, через которого организовался центр. Несколько лет я посвятил гелуг: ездил в Иволгинский дацан, в Калмыкию посмотреть, как там все устроено. Но в какой-то момент я столкнулся с направлением тхеравада, она была в России практически никому неизвестна, материалы нигде не публиковались. Я натолкнулся на материалы в сети, с которыми меня познакомил один переводчик, переведивший первые сутры буддийского канона. И я понял, что она наиболее близка к Слову Будды. Еще я переписывался через мой форум с одним профессором из Питера — ЕТ, у которого тоже был свой форум. Его форум не сохранился, но записи ЕТ есть до сих пор на моем форуме. К 2000 г. я ушел в тхераваду и с тех пор уже направление не менял. В Россию тогда приезжал известный монах Ратанасара из Шри-Ланки. Он учился в Москве, хорошо знал русский язык, проводил ретриты. На один я попал. В 2001—2002 гг. я приехал к нему в монастырь на Шри-Ланке, поближе познакомился с оригинальной тхеравадой. Мы практиковали у него випассану в ретритном центре. (Интервью, октябрь 2021 г., создатель Буддийского форума, Екатеринбург)

Приведенная цитата ярко характеризует период распространения буддизма за пределами этнических регионов в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Информации было крайне мало, из доступных медиа только самодельные сайты-визитки отдельных вновь построенных дацанов, журнал «Буддизм России», «Гаруда», Fidonet, почтовые рассылки Norbunet. Во многих интервью нам встречались сходные биографические нарративы, когда, будучи еще очень юными людьми, респонденты отправлялись в Бурятию и Калмыкию послушать проповеди великих гостевых наставников, пытались примкнуть к тем или иным группам бывшего буддийского подполья, занятого на тот момент преимущественно переводами буддийских текстов того или иного направления тибетского буддизма. Репертуар тематического участия, предлагавшийся традиционным буддизмом того времени, не был широким. По сути, выбор стоял между помощью бывшему подполью в переводческой и публикационной активности и интеграцией в ряды буддийских монастырских послушников Бурятии, Калмыкии или Тувы с перспективой обучения в монастырях Индии. А большинство увлеченных буддизмом российских последователей отнюдь не стремились к монашеству или издательской деятельности. Насколько можно судить по интервью, они искали учителей, способных преподать

буддизм как мирскую практику, образ жизни, способ работы со своей психикой. Именно такими наставниками и стали для российской молодежи 1990-х годов Чо-гьял Намкай Норбу Ринпоче и Оле Нидал [Островская, 2016].

Анализ материалов Буддийского форума и интервью с его создателем позволяет утверждать, что на короткий период российский буддизм был представлен в многообразии своих направлений в едином медиапространстве. В течение 1998—2008 годов Буддийский форум был пространством дискурсов о буддизме для самых разных направлений, последователи которых активно участвовали в медиапрактиках обсуждения доктрины буддизма, терминологии, особенностей медитативных и ритуальных практик. Сайт «Ассоциация „Буддизм в Интернете“» стал первым и единственным в своем роде медиаресурсом, на котором в свободном доступе находилось все то, что прежде возможно было добыть лишь при посредстве электронных досок объявлений, внутри общинных рассылок или через сеть Fidonet. Контент сайта включал как общую информацию по истории и доктрине буддизма, так и актуальные сведения о направлениях российского буддизма, конкретных общинах в различных городах и странах, новости о новинках буддийского книжного рынка, приездах и лекциях учителей и наставников [Островская, Бадмацыренов, 2022: 114].

В наших интервью 2021—2024 гг. многие респонденты отмечали, что в конце 1990-х годов имели опыт участия в дискуссиях на Буддийском форуме, но потом это стало для них неактуальным. В большинстве биографических интервью «потом» респондент так или иначе включался в медиакоммуникации на сайтах, форумах, в пабликах социальных сетей и стримингах, созданных представителями различных направлений русскоязычного буддизма. В нашем интервью был отдельный вопрос о буддийских медиа, которые респонденты используют сами и порекомендуют при необходимости. Примечательно, что ни в одном из ответов не был обозначен Буддийский форум. Более того, ни в одном из ответов не был назван какой-либо общий для всех русскоязычных буддистов медиаресурс. Респонденты, как правило, называли либо собственный сайт или блог, либо сайт или аккаунт своей общины, дацана, организации. Во всех ответах на данный вопрос подчеркивался интерес исключительно к онлайн-активности и медиарепертуару той общины/организации или направления буддизма, к которому принадлежал респондент.

Медиатизированный публичный буддизм: онлайн-форматы дискурса о российском буддизме

В течение 2019—2024 гг. мы проводили регулярный мониторинг медиаактивности буддийских сообществ традиционного для России направления гелугпа в социальной сети VK. Сообщества, позиционирующие свою принадлежность к гелугпа, составляют самый крупный кластер онлайн-карты российского буддизма VK. Подписчики этих сообществ в своем большинстве принадлежат к «буддийским регионам» — Бурятии, Туве и Калмыкии. В этот кластер входят паблики о далай-ламе, включая его «верифицированный» профиль, а также сеть групп под духовным руководством геше Джампа Тинлея, имеющих свои аналоги офлайн — общин, зарегистрированных на территории России и ближнего зарубежья. Другую

часть данного кластера составили сообщества дацанов Бурятии, Забайкальского края, Новосибирска и Иркутской области, хурулов Калмыкии, хурээ Тувы и курее Республики Алтай.

В кластере буддийских сообществ направления гелугпа преобладают паблики и группы, представляющие бурятские и калмыцкие монастыри, мирские организации. Тувинские сообщества составляют лишь малую часть этого крупного кластера онлайн-карты российского буддизма. Большая их часть почти не связана в своей деятельности с офлайн-храмами или общинами. Достоин внимания и тот факт, что адресованы они исключительно тувинским буддистам, поскольку их медиакоммуникации осуществляются на тувинском языке [Бадмацыренов, Хандаров, Бадараев, 2020: 127]. Проведенные нами в 2022—2024 гг. интервью с создателями разных общинных медиа показали, что в ответах на вопрос о региональных буддийских медиа упоминания о тувинских блогерах, религиозных СМИ или пабликах в социальных сетях не обнаруживаются.

Ориентируясь на количество подписчиков, регулярность обновлений и разнообразие репертуара тем крупных гелугпинских VK-сообществ, мы провели серию экспертных интервью с создателями и ведущими этих сообществ. В ходе интервьюирования мы установили, что создателями и администраторами большинства крупных буддийских пабликов направления гелугпа в социальной сети VK являются священнослужители дацанов и хурулов Бурятии и Калмыкии. Биографические нарративы этих респондентов обнаружили много пересечений: все они родились в середине 1970-х или начале 1980-х годов, в ранней юности приняли решение встать на путь буддийского послушания, получить традиционное буддийское образование, принять монашеский обет. Многие из опрошенных прошли обучение в Буддийском университете Даши Чойнхорлин им. Дамба Даржа Заяева. Некоторые стажировались в Санкт-Петербургском дацане Гунзечойней, имели опыт обучения в Дрепунг Гоман дацане в Индии. На вопрос об отношении к интернету и новым медиатехнологиям респонденты неизменно отвечали, что и то и другое является важной составляющей современной жизни, поскольку цифровые медиа встроены в коммуникативные практики повседневности и, соответственно, обладают ценностью для буддийского просвещения.

Отдельным блоком в интервью шли вопросы о допустимости вынесения буддийских практик в онлайн-коммуникации. Здесь респонденты гелугпинского направления подчеркивали, что не видят принципиального различий между онлайн- и офлайн-коммуникацией о доктрине, если речь идет о молебнах, проповедях или образовательных лекциях о Дхарме. Приведем разъяснения из интервью с ректором Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» им. Дамба Даржа Заяева по этому вопросу:

У нас есть отличие от других направлений буддизма. Гелуг больше сосредоточена на изучении философии. Другие направления буддизма, особенно тантрические, ограничены в выносе своих практик в онлайн. Прежде, если собирались те, кто хочет изучать тантру, то они отдельно уединялись группой, получали лично посвящение и практиковали. В онлайн это невозможно. Нам в гелуг проще — мы выносим молебны и лекции по Учению в онлайн. По практикам тантры у нас есть разные мнения: если учитель

сам готов, знает лично людей, которые где-то сидят в других местах. Но есть и противники выноса таких практик в онлайн — здесь речь о том, что нет личной передачи. В техническом плане нет разницы — слушает человек live online или в записи. Особенно если речь идет о лекциях по буддийской философии, которые с ходу не понятны, требуют многократного прослушивания. И в личном обучении по сути нас так же учили в университете: много раз с разными преподавателями рассматривали одну и ту же тему. Буддийская философия многогранна, есть смысл перечитывать и пересматривать. (Интервью, 2024 г., ректор Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» им. Дамба Даржа Заяева)

И в данном интервью, и в других экспертных интервью респонденты подчеркивали, что репертуар гелугпинских медиа значимо расширился за пределы сайтов дацанов, хурулов, пабликов и сообществ в VK только в последние пять лет. Этому в значимой степени способствовала ситуация локдауна в период пандемии COVID-19.

Во время пандемии многие учителя перешли в пространство интернета — проводят онлайн-обучение в Zoom, YouTube. До пандемии медленно все двигалось: хотели преподавать онлайн, думали снимать короткие ролики пять-семь минут и выкладывать в YouTube. Весной 2020 г. мы начали преподавать онлайн в соответствии с расписанием. Какое-то время до зимы мы пытались еще обучать офлайн, а в марте с началом нового учебного года ввели онлайн. Сначала попробовали Zoom, но есть слушатели, которым он недоступен или которым было сложно освоить его функции. Перешли в YouTube, который прост в использовании, что важно для людей более взрослого возраста. Для иногородних, которые обычно не могут посещать офлайн-занятия, переход в онлайн оказался очень хорош, они получили возможность подключиться к занятиям и посмотреть в записи. Кроме того, открылась новая перспектива — те, кто прежде пропускал по объективным причинам две-три недели, а дальше, конечно, уже не помнил, что там говорилось ранее, теперь они могут в записи все посмотреть и разобраться в пропущенном материале. Переход в онлайн определенным образом упростил взаимодействие с учениками: в офлайн тратилось много времени на дорогу, обсуждения после лекции, пробки на дороге обратно. В онлайн читается лекции час тридцать — и все. Еще сложнее прежде было с выездами в Москву, например, когда приходилось оставлять все дела здесь. А теперь ввели еженедельные встречи онлайн в Zoom, YouTube. В Zoom были вопросы и ответы после лекции, в других местах писали вопросы, я отвечаю. (Интервью, 2024 г., ректор Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» им. Дамба Даржа Заяева)

Анализ ответов по блоку вопросов о репертуарах используемых медиа позволяет сделать вывод, что для взаимодействия наставников с учениками и мирянами чаще применяются закрытые чаты в мессенджерах Viber и WhatsApp. Паблики и сообщества в социальной сети VK выполняют преимущественно просветительскую роль и адресованы мирским последователям и всем тем, кто хотел бы встать на путь буддийского учения. Так, создатель и администратор одного из самых крупных буддийских пабликов «Буддизм | Махаяна | Гелуг» подчеркнул, что выбрал эту

социальную сеть в силу ее популярности и общедоступности. Поначалу группа создавалась с целью обсуждения буддизма махаяны, но с течением времени миряне из разных городов России стали подписываться и задавать вопросы о доктрине и практиках. Постепенно паблик приобрел четкую направленность «передачи буддийского учения».

Зачем я назвал «Буддизм | Махаяна | Гелуг?» Именно буддизм, махаяна и гелуг — это наша традиция. Сначала паблик для общения был, потому что махаяна обширная, общаться вместе с братьями тувинцами, калмыками хотели. Общались, да. Потом потихоньку начали сами добавляться, кому интересно, вот. Теперь не только общение, передача учения. Стараюсь это небольшими объемами писать. Люди мало читают, только как в новостях — краткие тексты. Ламрим выкладываю, выжимки из лекций больших учителей, которые бурятские. Ламрим стараюсь по четыре строчки, хотя бы по две строчки каждый день. Больше толку нет, ну, важно каждый день вот так. Ну, там мысль как раз она так и идет. (Интервью, 2023 г., создатель паблика «Буддизм | Махаяна | Гелуг», Мамба-дацан, Бурятия)

Согласно всем респондентам, в 2012—2024 гг. цифровая площадка YouTube стала ведущим медиа для образовательных коммуникативных практик, привлечения и просвещения максимально широкой аудитории. В интервью мы просили назвать популярные в русскоязычной буддийской среде YouTube-каналы. Наше дальнейшее обращение к анализу этих каналов и экспертные интервью с их создателями показали следующее. На YouTube обнаруживаются брендовые (коллективные) каналы отдельных буддийских дацанов и хурулов, личные влоги (видеоблоги) авторитетных наставников и настоятелей дацанов Бурятии и Калмыкии. Кроме этого, есть журналистские подкасты о буддизме Бурятии, Калмыкии и Тувы, презентующие авторские программы о буддизме на соответствующих региональных цифровых телеканалах. Их количество невелико и появились они преимущественно в период с 2012 по 2024 г.

В контексте нашего исследования медиатизации российского традиционного буддизма примечательно, что брендовые каналы, принадлежащие дацанам или хурулам, появились на YouTube раньше личных влогов и журналистских подкастов, в 2012—2016 гг. На эти годы приходится обособление различных направлений российского буддизма, формирование собственных интерфейсов в публичной медиасреде. Крупные дацаны Бурятии и Калмыкии именно в этот период обновили контент своих сайтов, соединив их ссылками на свои паблики в социальной сети VK, и создали брендовые каналы на YouTube. Следующим шагом стало сотрудничество с региональными СМИ, участие в создании журналистских программ о буддизме на цифровых телеканалах, в результате на YouTube начали выходить тематические подкасты.

Одним из пионеров цифровизации бурятского буддизма выступила Буддийская традиционная сангха России под руководством Пандито хамба-ламы Дамбы Аюшеева. Согласно материалам экспертных интервью, хамбо-лама еще в 1990-х годах, на начальных периодах цифровизации, считал необходимым использовать интернет и новые медиатехнологии для буддийского просвещения и продвижения

знаний о буддизме. Многие респонденты, создатели сообществ и пабликов бурятских дацанов Бурятии, отмечали, что именно хамбо-лама вдохновил их на активное привлечение медиа в коммуникативные практики, адресованные послушникам и мирянам. Как мы уже упоминали выше, сайт Иволгинского дацана был запущен в начале 1990-х годов, а в последующие годы неоднократно подвергался изменениям в соответствии с расширявшимся репертуаром технологических возможностей интернета. В 2015 г. был создан паблик БТСР в социальной сети VK, в 2016—2018 гг. — сообщества и паблики других бурятских дацанов. Инициативой Пандито хамбо-ламы было установление сотрудничества с цифровыми каналами бурятского телевидения. Наряду с этим в 2016 г. БТСР выступила учредителем цифрового общественного информационно-публицистического телеканала «Селенга-ТВ». С 2017 г. подкаст этого канала на YouTube регулярно публикует прямые трансляции молебнов из бурятских дацанов, интервью и лекции авторитетных лам, репортажи о буддийских мероприятиях и праздниках в течение года. Отдельным тематическим направлением коммуникативных практик БТСР стало создание в 2018 г. еженедельной передачи «Буддийская среда» на муниципальном цифровом телерадиоканале «Тивиком». Подкаст «Буддийская среда» имеет свою площадку на сайте Иволгинского дацана, а также на YouTube-канале телеканала «Тивиком». Из интервью с пресс-секретарем Иволгинского дацана и создательницей программы «Буддийская среда» становится понятна специфика медиатизации буддизма через светские СМИ:

Сама идея о необходимости осваивать интернет принадлежит хамбо-ламе. Все выпуски программы «Буддийской среды» полностью посвящены буддизму. Я приглашаю на беседу специалистов из музеев, ректора или проректора Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» им. Дамба Даржа Заяева. Есть какие-то вещи, которые они мне поручают сказать и рассказать, потому что ламе не надлежит публично об этом высказываться. Где бы я ни была, необходимо выкладывать учение. Когда в 2020 г. начался карантин, люди стали писать на сайт, в Fb, в Instagram*¹ просьбы с чтением молебнов. Вот на сайте есть возможность подать прошение на молебен, прислать имена. И тогда я предложила, что буду на телевидении регулярно рассказывать о значении различных хуралов, чтобы люди знали, на какой молебен посылать прошение. Три месяца я это делала. Мне позже присылали видео с телевидения, и я выкладывала его в соцсетях. С тех пор каждые три дня я выкладываю в Fb* разъяснения о хуралах. Хотела это уже прекратить, когда закончился локдаун. Но подписчики стали мне писать в личку и просить это продолжать. Так что вот такое просвещение пошло. (Интервью, 2021 г., пресс-секретарь Иволгинского дацана, Бурятия)*

Из приведенной цитаты и контекста интервью отчетливо просматривается рефлексия о том, что специфика медиатизированного буддизма заключается в сотрудничестве светской журналистики с буддийскими профессионалами. Стремясь к расширению своего медиабренда, буддийская организация пригласила на работу профессиональных журналистов и деятелей аудио- и видеопроизвод-

¹ Компания Meta и соцсети, которыми она владеет, признаны в России экстремистскими и запрещены 20.06.2022.

ства. Журналист выводит в публичное обсуждение темы, недоступные для монаха в силу религиозных обетов, создает повестку и репертуар тем сообразно пожеланиям аудитории передачи. В свою очередь буддийские профессионалы получают возможность контролировать соответствие контента доктринальным и этическим положениям буддизма.

Наряду с указанным форматом взаимодействия со светскими СМИ с течением времени появился встречный интерес к традиционному российскому буддизму со стороны светской журналистики. Ярким примером тому стал один из первых документальных фильмов о бурятском буддизме и феномене «нетленного тела» хамбо-ламы Этигелова, снятом в 2020 г. при поддержке Фонда президентских грантов светскими режиссером и продюсерами².

Яркими кейсами журналистики о буддизме в регионах традиционного распространения направления гелугпа являются также подкасты на YouTube «Медиахолдинга „Бумба“» и телепередачи «Буддийский путь» на телеканале «Тува 24».

Возникновение в 2012 г. подкаста «Медиахолдинга „Бумба“» (39,2 тыс. подписчиков) напрямую связано с процессами формирования медианиши калмыцкого традиционного буддизма. Центральный хурул Калмыкии имеет свой сайт, неоднократно обновленный в течение 2008—2023 гг., зарегистрированный в 2013 г. крупный паблик в социальной сети VK, брендированный канал на YouTube (13,1 тыс. подписчиков). Отдельным направлением стало сотрудничество со светскими медиа.

Тувинский буддизм представлен на цифровой платформе YouTube подкастом еженедельной телепередачи «Буддийский путь», транслируемой цифровым телеканалом «Тува 24» (создан в 2013 г.). Ведущей и создательницей данной передачи является известная тувинская исследовательница тувинского буддизма, социолог. Каждый тематический выпуск подкаста посвящен истории тувинского буддизма или интервью с тувинскими буддийскими наставниками, послушниками, монахами и монахинями. Кроме того, подкаст содержит регулярный еженедельный обзор новостей из жизни тувинского буддизма — лекции приезжающих буддийских наставников, интервью с исследователями буддизма и Тувы.

В большинстве экспертных интервью самым популярным в России называли блог на YouTube «ламы Олега» (12,4 тыс. подписчиков), настоятеля Курумканского дацана. В беседе с нами автор блога подчеркнул, что пришел к идее создания собственного канала в 2013 г., поскольку получал много писем от людей из разных регионов России, просивших его стать для них наставником. Часто они узнавали о буддийском наставнике из Курумканского района Бурятии от своих знакомых, побывавших на йога-турах, организовываемых настоятелем дацана для мирян. Первые годы блог был посвящен преимущественно ежемесячным, потом еженедельным астропрогнозам, готовя которые, «лама Олег» штудировал литературу по буддийской астрологии на тибетском и монгольском языках, адаптируя ее под реалии современного общества. В дальнейшем по запросам стремительно разрастающейся русскоязычной аудитории он ввел лекции по основам учения, по медитации, стал снимать и выкладывать короткие документальные

² Феномен Этигелова. Загадка бурятского ламы. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SzY-NiQwumc> (дата обращения: 20.10.2024).

фильмы о своих буддийских паломничествах с группами подписчиков, интервью, восхождения в горы и т. п.

Обращаюсь через блог не только к бурятам. Это сейчас мы буряты, а потом умрем и родимся в другом государстве, в облике другого человека. Из постоянных рубрик сначала была «Зурхай», появившаяся благодаря моей жене. Она спросила, могу ли я прогноз делать, что это было бы полезно для людей. Как стал выкладывать «Зурхай», пошел резкий рост подписчиков. Мне многие люди писали и говорили, что пользуются блогом. Я стараюсь сделать так, чтобы все было доступно и логично. Все труды буддийские по астрологии на бурятском и монгольском написаны для скотоводов. Я это расширил, сейчас же скотоводов мало. Люди заказывают мне личные прогнозы, обращаются через Telegram, VK, Viber. Интернет увеличивает возможности. Те возможности интернета, которые есть даже у нас в районе, что-то позволяют. <...>. Последние годы люди много обращались с просьбой стать их учителем. Как стал проводить йога-туры, много людей уже на них побывало, стали обращаться. Я объясняю, что у меня еще нет таких реализаций, не могу им быть учителем, но могу быть помощником, советчиком. Огромные армии людей получали посвящения не только у далай-ламы, у разных учителей, хотели заняться учением дальше, но не было такой возможности. Учителя приезжали на короткий срок, выкладывали нам информацию, давали посвящения, а что с этим делать, как двигаться дальше? Я много об этом думал, может быть, это одна из моих миссий — я могу помочь реализовать то, что получили. Этому посвящены йога-туры, когда мы уходим в затвор. (Интервью, 2022 г., настоятель Курумканского дацана, Бурятия)

В приведенной цитате содержится важное указание на последствия медиатизированной коммуникации о буддизме — подписчики блога, привлеченные в цифровой дискурс о буддизме медиаактивностью буддийского блогера, с течением времени включаются в офлайн-взаимодействие с буддийскими наставниками, обретают искомую возможность личного ученичества и взаимодействия с выбранным буддийским наставником.

Заключение

Процессы цифровизации и медиатизации обернулись формированием феномена медиатизированного российского буддизма. Разработанные буддийскими цифровыми стратегами форматы взаимодействия с интернетом и новыми медиатехнологиями способствуют включению традиционного буддизма Бурятии, Калмыкии и Тувы в широкий смысловой контекст культурного публичного медиапространства. Наряду с другими религиями исторического наследия России традиционный буддизм презентует традиционные буддийские ценности в публичном медийном пространстве. Кроме того, мы полагаем, что медиатизация как процесс тотального включения медиа в структуру смыслового конструирования реальности предельно обнажила четыре ключевые тенденции в реинституционализации российского традиционного буддизма Бурятии, Калмыкии и Тувы.

Первая тенденция — это перераспределение религиозного авторитета между различными направлениями буддизма, но при ведущей роли традиционного для

России направления школы гелугпа. Эта тенденция отчетливо просматривается в анализе буддийских интерфейсов в публичной медийной сфере. Так, онлайн-картография самой популярной российской социальной сети VK показала, что по количеству аккаунтов, подписчиков и цифровой активности лидирующие позиции занимают сообщества и паблики гелугпинского направления российского буддизма. Наряду с этим буддийские профессионалы из Бурятии, Калмыкии и Тувы — авторитетные буддийские главы в регионах, наставники, настоятели — активно включаются в формирование контента передач о буддизме для федеральных и региональных светских СМИ. Таким образом медиатизируется продвижение традиционного буддизма направления гелугпа в публичное медийное пространство.

Вторая тенденция — традиционный для России буддизм направления гелугпа презентует себя в культурной публичной медиасфере как коллективный религиозный бренд. В русскоязычном интернете российский буддизм направления гелугпа представлен преимущественно сайтами дацанов, хурулов и хурээ. В самой популярной российской социальной сети VK он продвигается посредством сообществ и пабликов монастырей, учебных заведений, мирян-прихожан конкретных монастырей, пабликов содружеств буддийских наставников. На площадке YouTube — через брендированные каналы дацанов и хурулов, объединения буддийских организаций (например, БТСР).

Третья тенденция — активное расширение медиастратегий российского традиционного буддизма, стартовавшее с началом локдауна в 2020 г. Медиатизированный российский буддизм презентует себя в четырех дискурсах о буддизме. Это, во-первых, дискурс буддийских стратегов, монахов и настоятелей, ведущих или курирующих активность монастырских сайтов и светских СМИ о буддизме. Во-вторых, активно развивающийся дискурс буддийских блогеров, представленный пабликами в социальной сети VK, брендированными YouTube-каналами монастырей и влогами на YouTube. Они делают доступными буддийских наставников из Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» им. Дамба Даржа Заяева, из различных дацанов, хурулов и хурээ, отдаленных районов Бурятии и Калмыкии для максимально широкой русскоязычной аудитории. В-третьих, регулярные выпуски программ о буддизме региональных цифровых СМИ, авторами и ведущими которых выступают светские журналисты и ученые. В-четвертых, буддийские медиа, созданные мирянами, — документальные фильмы о выдающихся буддийских учителях, о роли буддизма в истории Бурятии, Калмыкии и Тувы, о биографических нарративах и становлении ныне живущих и активно проповедующих буддийских учителях и наставниках.

Четвертая тенденция — разворот традиционных буддийских наставников в направлении широкого онлайн-продвижения буддизма на различных цифровых площадках и социальных сетях. Как показало наше исследование, медиакommunikации буддийских блогеров становятся этапом на пути к офлайн-практике буддизма. Через общение онлайн с наставниками подписчики буддийских блогов и пабликов получают возможность выбрать подходящего для себя наставника. Они приезжают к любимому блогеру-инфлюенсеру, принимают Прибежище, становятся последователями буддизма. И здесь отчетливо просматривается сравнительно новая для регионов традиционного буддизма тенденция обращения к широкой аудитории.

Список литературы (References)

1. Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Цыремпилов Н. В. Российский буддизм в интернет-измерении // *Власть*. 2015. № 7. С. 125—130.
Aktamov I. G., Badmatsyrenov T. B., Tsyrempilov N. V. (2015) Russian Buddhism in the Internet Dimension. *Vlast' — Power*. No. 7. P. 125—130. (In Russ.)
2. Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Доржиева И. Ц. Буддизм в Интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2015. № 6. С. 86—91.
Aktamov I. G., Badmatsyrenov T. B., Dorzhieva I. Ts. (2015) Buddhism on the Internet: Methodology for Studying Virtual Religious Communities. *Bulletin of the Buryat State University*. 2015. No. 6. P. 86—91. (In Russ.)
3. Бадмацыренов Т. Б., Хандаров Ф. В., Бадараев Д. Д. Российский буддизм и социальные медиа: тувинские буддийские онлайн-сообщества ВКонтакте // *Новые исследования Тувы*. 2020, № 4. С. 120—134. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.9>.
Badmatsyrenov T., Khandarov F., Badaraev D. (2020) Russian Buddhism and social media: Tuvan Buddhist online-communities on Vkontakte. *New Research of Tuva*. 4. P. 120—134. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.9>. (In Russ.)
4. Бакаева Э. П. Центральное Духовное Управление Буддистов: представления и реальность // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2012. № 4. С. 34—44.
Bakaeva E. P. (2012) Central Spiritual Administration of Buddhists: ideas and reality. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*. No. 4. P. 34—44. (In Russ.)
5. Бакаева Э. П. Между Центральным духовным управлением буддистов и Объединением буддистов Калмыкии: буддизм в Калмыкии в 1988—1991 // *Вестник Калмыцкого университета*. 2015. № 1. С. 6—14.
Bakaeva E. P. (2015) Between the Central Spiritual Administration of Buddhists and the Association of Buddhists of Kalmykia: Buddhism in Kalmykia in 1988—1991. *Bulletin of Kalmyk University*. No. 1. P. 6—14. (In Russ.)
6. Ванчикова Ц. П. Тибетцы в Бурятии: новый феномен в этническом и культурном многообразии Республики // *Ученые записки ЗабГГПУ Серия: Филология, история, востоковедение*. 2012. Вып. 2. С. 128—135.
Vanchikova Ts.P. (2012) Tibetans in Buryatia: A New Phenomenon in the Ethnic and Cultural Diversity of the Republic. *Scientific notes of ZabGGPU. Series: Philology, History, Oriental Studies*. No. 2. P. 128—135. (In Russ.)
7. Гришаева Е., Шумкова В. Теории среднего уровня в исследовании религии и медиа: медиатизация, медиация и RSST // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2020. № 38. С. 7—40.
Grishaeva, E., Shumkova, V. (2020) Middle-Range Theories in Religion and Media Studies: Mediation, Mediatization and RSST. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. Vol. 38. No. 2. P. 7—40.

8. Дондуков Б. Ц. Особенности формирования буддийского интернет-ландшафта в Рунете // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 4. С. 134—138.
Dondukov B. Ts. (2019) Features of the formation of the Buddhist Internet landscape in Rунet. *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*. No. 4. P. 134—138. (In Russ.)
9. Ламажаа Ч. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере. Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 135—155. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>.
Lamazhaa Ch. K., Bicheldey U. P. and Mongush A. V. (2020) Tuvan Buddhist Pilgrimage: From Tradition to the Faith. *New Research of Tuva*. No. 4. P. 135—155. (In Russ.) www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.10.
10. Островская Е. А. Российский буддизм в оправе гражданского общества // Двадцать лет религиозной свободы в России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 294—328.
Ostrovskaya E. A. (2009) Russian Buddhism in the Framework of Civil Society. In A. V. Malashenko, S. B. Filatov (eds.) *Twenty Years of Religious Freedom in Russia*. Moscow: ROSSPEN. P. 294—328. (In Russ.)
11. Островская Е. А. Буддийские общины Санкт-Петербурга. 2016. СПб: Алетейя.
Ostrovskaya E. A. (2016) *Buddhist Communities of Saint Petersburg*. Saint Petersburg: Aletheia.
12. Островская, Е. А. Российская социология религии: религия общества (вступительная статья приглашенного редактора) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2. 1—31. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.01>.
Ostrovskaya, E. A. (2018) Russian Sociology of Religion: Religion of Society (Introductory Article of the Guest Editor). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 1—31. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.01>.
13. Островская Е. А. Медиатизация православия — это возможно? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.14>.
Ostrovskaya E. A. (2019) Is the Mediatization of the Orthodoxy Possible? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 300—319. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.14>.
14. Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б. Стратегии буддийских сообществ в новых медиа // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 109—119. <https://doi.org/10.31857/S013216250019277-7>.
Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B. (2022) Strategies of Buddhist Communities in New Media. *Sociological Studies*. No. 1. P. 109—119. <https://doi.org/10.31857/S013216250019277-7>.
15. Островская Е. А. Институциональный подход социологического изучения медиатизации: концептуальные составляющие и примеры исследований // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. № 4. С. 598—620. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.409>.

- Ostrovskaya E. A. (2023) Institutional Approach to the Sociological Study of Mediatization: Conceptual Components and Research Examples. *Medialinguistics*. Vol. 10. No. 4. P. 598—620. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.409>.
16. Хьярвард С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 41—75. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75>.
Hjarvard S. (2020) Three Forms of Mediatized Religion: Changing the Face of Religion in the Public Space. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. No. 2. P. 41—75. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75>.
17. Campbell H. (2021) *Digital Creatives and the Rethinking of Religious Authority*. New York, NY: Routledge.
18. Campbell H. A., Bellar W. (2023) *Digital Religion: The Basics*. New York, NY: Routledge.
19. Cheong P. H. (2022) Authority. In H. Campbell, R. Tsuria (eds.) *Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds*. New York, NY: Routledge. P. 87—102.
20. Hepp A., Krönert V. (2009) *Medien — Event — Religion. Die Mediatisierung des Religiösen*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.
21. Hjarvard S. (2013). *The Mediatization of Culture and Society*. London; New York, NY: Routledge.
22. Hjarvard S. (2014) Mediatization and Cultural and Social Change: An Institutional Perspective. In: K. Lundby (ed.) *Mediatization of Communication*. Berlin; Boston, MA: De Gruyter Mouton. P. 199—226. <https://doi.org/10.1515/9783110272215.199>.
23. Lundby K. (2013) Media and Transformations of Religion. In: Knut Lundby (ed.) *Religion Across Media: From Early Antiquity to Late Modernity*. New York, NY: Peter Lang. P. 185—201. <https://doi.org/10.3726/978-1-4539-1085-6>.
24. Lövheim M. (2011) Mediatization of Religion: A Critical Appraisal. *Culture and Religion*. Vol. 12. No. 2. P. 153—166. <https://doi.org/10.1080/14755610.2011.579738>.
25. Lövheim M., Axner M. (2015) Mediatized Religion and Public Spheres: Current Approaches and New Questions. In: K. Granholm, M. Moberg, S. Sjö (eds.) *Religion, Media, and Social Change*. London: Routledge. P. 38—53. <http://dx.doi.org/10.4324/9781315814339>.
26. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T., Khandarov F., Aktamov I. (2021) Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha. *Religions*. Vol. 12. No. 6. Art. 449. <https://doi.org/10.3390/rel12060449>.
27. Radde-Antweiler K. 2019. Religion as Communicative Figurations — Analyzing Religion in times of Deep Mediatization. In K. Radde-Antweiler, X. Zeiler (eds.) *Mediatized Religion in Asia. Studies on Digital Media and Religion*. London; New York, NY: Routledge. P. 211—224.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2483](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2483)

Е. В. Щекотин, Д. О. Дунаева, П. А. Басина, П. С. Вахрамеев

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ОПЫТ ТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Правильная ссылка на статью:

Щекотин Е. В., Дунаева Д. О., Басина П. А., Вахрамеев П. С. Экологический дискурс в социальных медиа: опыт тематического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 226—250. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2483>.

For citation:

Shchekotin E. V., Dunaeva D. O., Basina P. A., Vakhrameev P. S. (2024) Environmental Discourse in Social Media: The Experience of Thematic Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 226–250. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2483>. (In Russ.)

Получено: 08.09.2023. Принято к публикации: 22.10.2024.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ОПЫТ ТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ЩЕКОТИН Евгений Викторович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории, Сибирский государственный университет телекоммуникации и информатики, Новосибирск, Россия; доцент кафедры философии, истории и права, Сибирский государственный университет водного транспорта, Новосибирск, Россия
 E-MAIL: evgvik1978@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7377-0645>

ДУНАЕВА Дарья Олеговна — лаборант Центра прикладного анализа больших данных, Томский государственный университет, Томск, Россия
 E-MAIL: ddo@data.tsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6622-9882>

БАСИНА Полина Александровна — аналитик Центра прикладного анализа больших данных, Томский государственный университет, Томск, Россия
 E-MAIL: polya.basina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7904-7394>

ВАХРАМЕЕВ Павел Сергеевич — руководитель Инжинирингового центра, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия
 E-MAIL: psvakhrameev@chsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8226-0265>

Аннотация. Одним из актуальных направлений в экологических исследованиях последних лет стали интернет-экология и экологическая культуромика, отличительной особенностью которых является использование цифровых следов интер-

ENVIRONMENTAL DISCOURSE IN SOCIAL MEDIA: THE EXPERIENCE OF THEMATIC ANALYSIS

Eugeniy V. SHCHEKOTIN^{1,2} — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Philosophy and History; Associate Professor at the Department of Philosophy, History and Law
 E-MAIL: evgvik1978@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7377-0645>

*Darya O. DUNAEVA*³ — Laboratory Assistant of Center for Applied Big Data Analysis
 E-MAIL: ddo@data.tsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6622-9882>

*Polina A. BASINA*³ — Analyst of Center for Applied Big Data Analysis
 E-MAIL: polya.basina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7904-7394>

*Pavel S. VAKHRAMEEV*⁴ — Head of Engineering Center
 E-MAIL: psvakhrameev@chsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8226-0265>

¹ Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Novosibirsk, Russia

² Siberian State University of Water Transport, Novosibirsk, Russia

³ Tomsk State University, Tomsk, Russia

⁴ Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

Abstract. One of the most relevant areas in environmental research in recent years has been iEcology and ecological culturomics, a distinctive feature of which is the use of digital footprints of Internet users (search queries, posts and reactions on social networks,

нет-пользователей (поисковых запросов, постов и реакций в социальных сетях, видеороликов в открытом доступе и т. д.) для изучения взаимодействия человека и природы. Онлайн-данные используются для исследования широко круга вопросов — от анализа поведения животных в естественной среде до оценки экосистемных услуг.

Цель данной работы заключается в тематическом анализе экологического дискурса в социальных медиа. В качестве объекта исследования авторы выбрали сообщества в социальной сети VK Череповца. В результате исследования были выделены 16 тематических блоков экологического дискурса: мусор и свалки; воздух; субботники; мероприятия по озеленению и благоустройству города; проблемы благоустройства городской среды; природные пожары; переработка и утилизация мусора; вода и водоемы; экологические проекты; климатические аномалии; дикие и бездомные животные в городах; паводки и подтопления; браконьерство; рекультивации земельных ресурсов; сохранение и восстановление лесов; борщевик. Также был проведен анализ пользовательских реакций (количества лайков, репостов и комментариев) в отношении выделенных тематических блоков, в результате чего определено, что наибольшим конфликтным потенциалом обладают темы «браконьерство», «проблемы благоустройства городской среды» и «дикие и бездомные животные в городах».

Ключевые слова: экологический дискурс, социальные сети, тематический анализ, интернет-экология, экологическая культуромика, цифровые следы

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ (Приоритет-2030), проект НУ 2.3.3.22 ОНГ.

open-access videos, etc.) to study the interaction of humans and nature. Online data is used to study a wide range of issues from analyzing animal behavior in the natural environment to assessing ecosystem services.

The purpose of this study is to provide a thematic analysis of environmental discourse in social media. As an object of research, the authors chose communities in the social network VK of the city of Cherepovets. Their analysis allowed to identify 16 thematic blocks of ecological discourse, namely: garbage and landfills; air; clean-up; gardening and urban improvement activities; problems of urban improvement; natural fires; recycling and disposal of garbage; water and reservoirs; environmental projects; climatic anomalies; wild and homeless animals in cities; floods and flooding; poaching; recultivation of land resources; conservation and restoration of forests; hogweed. Studying user reactions (the number of likes, reposts, and comments) in relation to the selected thematic blocks, the authors determine that such topics as poaching, problems of urban improvement, and wild and homeless animals in cities have the greatest conflict potential.

Keywords: environmental discourse, social networks, thematic analysis, iEcology, conservation culturomics, digital footprints

Acknowledgments. The study was carried out with the support of the TSU Development Program (Priority-2030), project NU 2.3.3.22 ONG.

Введение

Проблемы экологии неизменно находятся в фокусе общественного внимания в последние десятилетия и вряд ли отойдут на второй план в обозримой перспективе. Свежие исследования обнаруживают значительный интерес российского общества к экологической проблематике. Более половины россиян «что-то делали» для уменьшения экологических проблем (52 %, исследование ВЦИОМ)¹, а 43 % отметили, что для них важно состояние окружающей среды в их населенном пункте [Экологическая повестка..., 2022]. Это третий по популярности параметр качества жизни после качества здравоохранения и финансовой стабильности. В немалой степени этот интерес поддерживается усилиями органов государственной власти, которые достаточно энергично продвигают экологическую повестку. Примером такой деятельности может служить нацпроект «Экология». Также экологические проблемы нередко становятся предметом сложных и резонансных конфликтов между населением и государством (например, как в случае с мусорными полигонами в Шиесе и т. п.).

В связи с этим изучение экологического дискурса представляет значительный интерес с точки зрения понимания того комплекса экологических проблем, которые воспринимаются местным населением как важные и волнующие. Социальные медиа как источник экологического дискурса имеют, безусловно, огромный потенциал, так как позволяют изучать процесс формирования и трансформации экологического дискурса в процессе непосредственной коммуникации. В данной статье мы сосредоточились на изучении экологического дискурса в рамках одного города — Череповца. В качестве источника информации выступали городские сообщества в социальной сети VK. В рамках предыдущих исследований нами были выделены ключевые темы, формирующие экологический дискурс в онлайн-сообществах Череповца [Щекотин и др., 2023; Щекотин, 2023]. На этот раз мы предприняли попытку дать количественную оценку востребованности тем экологического дискурса, опираясь на анализ онлайн-метрик (просмотров, лайков, репостов и комментариев). Анализ тематики интереса к темам сообщений позволяет лучше понять актуальность конкретных экологических проблем в восприятии самих череповчан.

В качестве объекта исследования выбран Череповец, так как это один из крупнейших промышленных центров черной металлургии, входит в перечень моногородов² и нередко фигурирует в научной литературе как город со сложной экологической ситуацией [Кузьмин и др., 2021; Салтыкова и др., 2020]. В этом отношении Череповец не представляет собой уникальный случай и репрезентирует довольно большую группу крупных по российским меркам индустриальных городов. Кейс Череповца типичен с точки зрения комплекса проблем в области окружающей среды, характерных для городов, где размещаются огромные промышленные предприятия. Можно предположить, что схожие экологические темы будут обсуждаться пользователями из других городов, имеющих близкие социально-экономические

¹ Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал // ВЦИОМ. 2023. 6 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vovlechenost-motivacija-potencial> (дата обращения: 15.07.2023).

² Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р. URL: <http://government.ru/docs/14051/> (дата обращения: 15.07.2023).

и демографические характеристики (такие как Магнитогорск, Новокузнецк, Норильск и т. д.).

Социальная сеть VK выбрана в связи с тем, что это крупнейшая в России социальная сеть по количеству активных пользователей, а также она имеет открытый API, что облегчает сбор информации. На 1 января 2021 г. в Череповце проживало 312 тыс. жителей, на начало 2021 г. в VK было зарегистрировано около 174 тыс. активных пользователей, указавших местом проживания Череповец. Таким образом, уровень проникновения составил 56 %.

Цифровые следы в экологии: современные тенденции

За последние десять лет сформировался объемный массив исследований, в котором разные типы онлайн-данных используются для изучения и, в некоторых случаях, решения различных вопросов, связанных с окружающей средой. В научной литературе применяются следующие источники онлайн-данных.

1. Анализ поисковых запросов пользователей. Например, с помощью поисковых запросов в Google ученые могут проследить, как изменялся во времени интерес пользователей к целям устойчивого развития ООН [Correia, Di Minin, 2023]. Авторы показывают, что интерес к экологическим целям устойчивого развития в последние годы вырос. Также данные Google Trends используются для предсказания посещаемости национальных парков [Clark et al., 2019], измерения общественного внимания к определенным территориям [Correia et al., 2018; Pereira et al., 2022], видам животных [Kim et al., 2018; Wang et al., 2021] и растений [Kacprzyk et al., 2023; Woodworth et al., 2023], восприятия тепловой среды [Kim, Kim, 2023].

2. Онлайн-платформы: сайты, цифровые энциклопедии (такие как «Википедия»), специализированные сайты для сбора экологической информации. Например, анализ посещаемости страниц в «Википедии» достаточно часто используется для измерения общественного интереса к проблемам окружающей среды: к биоразнообразию и охране окружающей среды [Mittermeier et al., 2021], к объектам всемирного природного наследия ЮНЕСКО [Falk, Hagsten, 2022], к охраняемым территориям в Бразилии (национальным паркам и т. п.) [Guedes-Santos et al., 2021]. Среди других цифровых платформ, данные которых могут привлекаться для изучения окружающей среды, выделяются Taobao [Wang et al., 2023b], eBay [Wang et al., 2023a], YouTube [Jagiello, Dyderski, Dylewski, 2019], Google Maps [Zhang et al., 2023], другие маркетплейсы в сочетании с данными «Википедии» и YouTube [Fink et al., 2023], специализированные государственные платформы [Manservigi et al., 2023] или сайты для гражданской науки (привлечения неспециалистов к проведению научных исследований) [Pecl et al., 2019]. Довольно часто исследователи используют сразу несколько источников онлайн-данных — цифровые платформы, поисковые запросы и социальные медиа.

3. Социальные медиа. Данные из социальных медиа активно используются для исследования экологической проблематики. В 2011—2021 гг. было опубликовано не менее 415 статей, в которых исследуются различные аспекты устойчивого развития в его экологическом измерении [Ghermandi et al., 2023]. Направление исследований здесь очень широкое — от оценки экосистемных услуг [Hale, Cook, Beltrán, 2019; Vieira et al., 2021; Zhang et al., 2020] и изучения дискурса из-

менения климата [Pearce et al, 2019] до анализа поведения животных [Boldrocchi, Storai, 2021] и стихийных бедствий [Smith et al., 2020; Wiegmann et al., 2021; Young et al., 2021].

Остановимся на некоторых вопросах, которые сдерживают общее признание социальных медиа как источника экологической информации. Эти ограничения носят скорее технический, а не концептуальный характер [Daume, 2016]. Систематический обзор 169 публикаций, в которых взаимодействие человека и природы анализируется с помощью данных социальных сетей, проведенный А. Германди и М. Синклером в 219 г., показал, что, хотя данные социальных сетей предлагают беспрецедентные возможности с точки зрения объема данных, масштаба анализа и мониторинга в режиме реального времени, исследователи только подошли к тому, чтобы справляться с проблемами неоднородности данных и уровня шума, потенциальных предубеждений, этики сбора и использования данных, а также неопределенности в отношении доступности данных в будущем [Ghermandi, Sinclair, 2019]. Нельзя сказать, что указанные проблемы были решены за прошедшие с момента исследования годы (это обсуждается, например, в более поздней работе с участием тех же авторов [Ghermandi et al., 2023]), но очевидно, что прогресс в области технологий анализа данных и постепенное преодоление предубеждений со стороны исследователей к различным формам онлайн-данных радикальным образом изменили ситуацию. Количество исследований, в которых используются такие данные для изучения различных аспектов экологического дискурса, растет экспоненциально с каждым годом.

Российские социологи также обращаются к онлайн-данным в своих исследованиях. Специфика отечественной социологии состоит в том, что экологическая проблематика в социальных медиа глубоко погружена в политический контекст. Фокус внимания российских социологов направлен преимущественно на анализ «экополитических конфликтов», разворачивающихся вокруг решений властей в отношении использования экологических объектов. То есть экологический дискурс рассматривается как одно из проявлений цифрового гражданского протестного активизма, наряду с другими его формами [Ермолаева, Ермолаева, Башева, 2020; Бронников, Белоусов, Горбачев, 2021; Гольбрайх, 2019; Цепилова, Гольбрайх, 2020; Гольбрайх, 2021а; Гольбрайх, 2021б; Батанина и др., 2021; Соколов, Беляков, 2022]. Данное смещение фокуса, видимо, следует рассматривать в целом как проявление тенденции политизации экологического дискурса [Чмель, Климова, Митрохина, 2020].

Вместе с тем изучение цифровых следов интернет-пользователей открывает гораздо более широкие исследовательские перспективы, чем изучение протестного эоактивизма. Анализ цифровых следов может дать представление о конкретных экологических проблемах, которые волнуют людей. Справедливой представляется точка зрения, что интерес к экологической проблематике напрямую зависит от того, как горожане оценивают экологическую ситуацию в своем городе [Рыбакова, Зверева, 2022]. Чем больше этот интерес, тем более неблагоприятна экологическая ситуация в восприятии жителей.

Уровень интереса можно оценить не только посредством социологических опросов, но с помощью анализа цифровых следов пользователей в интернете. Так,

анализ социальных сетей и поисковых запросов используется для оценки уровня вовлеченности населения в экологическую повестку в различных регионах РФ. Авторы этого исследования во главе с экоактивистом Р. Хвостовым анализировали инфоповоды по экологической тематике в популярных СМИ, новостных агрегаторах и на страницах пользователей в социальных сетях³. Использовались такие метрики, как количество документов в сюжете; индекс популярности, основанный на соотношении населения региона к количеству публикаций; количество просмотров, комментариев и упоминаний каждого сюжета; место, которое занимает сюжет по ключевым показателям среди всех новостных публикаций в региональных СМИ. Согласно этим результатам, наибольший интерес к проблемам экологии проявляют жители Барнаула, далее идут Тамбов, Горно-Алтайск, Курск, Москва.

Подобных исследований, выполненных в рамках академической науки, в российской социологии крайне мало. Помимо упомянутых выше, можно отметить исследование С. В. Расторгуева и Ю. С. Тянь комментариев по экологической повестке в разных социальных сетях (VK, OK, Twitter, Facebook*⁴, Instagram*) [Расторгуев, Тянь, 2021]. Л. Д. Забокрицкая и Т. А. Орешкина [Забокрицкая, Орешкина, 2021] в качестве источника информации использовали статистику поисковых запросов в поисковой системе Яндекс для выявления экологических установок жителей Свердловской области.

Метод тематического моделирования — популярный инструмент для анализа различных типов дискурса [Jacobs, Tschötschel, 2019], в том числе экологического. Так, тематическое моделирование применяется для анализа дискурса по проблеме изменения климата [Benites-Lazaro, Giatti, Giarolla, 2018; Meier, Eskjær, 2023], глобального потепления [Qiao, Williams, 2022], водных ресурсов [Sweitzer, Gunda, Gilligan, 2023] и т. д.

Методология исследования

Методология исследования подробно изложена в предыдущих работах авторов [Дунаева, 2022; Щекотин и др., 2023; Щекотин, 2023], поэтому не будем подробно останавливаться на ее описании. На этапе сбора данных мы выделили в VK 787 сообщений, опубликованных в период с 1 января 2020 по 31 октября 2022 г., в которых затрагивалась экологическая проблематика. На этапе анализа данных посредством алгоритмов тематического моделирования и экспертной оценки сообщения были кластеризованы по 16 тематическим блокам (см. табл. 1). Затем использовался метод контент-анализа. Контент-аналитикам было предложено разделить массив из 787 сообщений по 16 тематическим блокам. Для повышения точности результатов мы использовали кросс-валидацию: одни и те же наборы данных независимо кодировали два контент-аналитика. В итоге оценки контент-аналитиков совпали в 86,5% случаев. В остальных случаях решение, к какой группе следует отнести то иное сообщение, принимали авторы статьи. 17 сообщений имеют политематическое содержание (в основном это сообщения об офици-

³ «ЗА!» представила рейтинг регионов с самыми экологически осознанными гражданами // Зеленая альтернатива. URL: <https://zaecology.ru/issledovanie/za-predstavila-regiony-s-samyimi-ekologicheski-osoznannymi-grazhdanami/> (дата обращения: 18.07.2023).

⁴ Компания Meta и соцсети, которыми она владеет, признаны в России экстремистскими и запрещены 20.06.2022.

альных мероприятиях, встречах, совещаниях и т. п.). В этом случае авторы также коллегиально принимали решение, к какому тематическому блоку отнести сообщение, так как для нас важно было однозначно маркировать каждое сообщение. Такая необходимость обусловлена тем, что в дальнейшем мы подсчитывали суммы реакций пользователей по каждому тематическому блоку. Впрочем, политематические сообщения не внесли существенного вклада в сумму реакций, поэтому влиянием, которое они могут оказать на итоговые результаты, можно пренебречь.

Результаты

В таблице 1 представлено частотное распределение сообщений по тематическим блокам, а также суммарное количество разных форм онлайн-активностей — просмотров, комментариев, лайков и репостов по каждому тематическому блоку.

Таблица 1. Частотное распределение сообщений по тематическим блокам

Тематический блок	Кол-во сообщений	Кол-во комментариев	Кол-во лайков	Кол-во репостов	Кол-во просмотров
Экологические проекты	134	339	3179	644	421471
Мероприятия по озеленению и благоустройству города	123	755	3204	625	348483
Переработка и утилизация мусора	104	332	1638	478	267928
Субботники	65	94	1678	272	171882
Дикие и бездомные животные в городах	61	549	2018	679	269703
Вода и водоемы	49	230	1512	1021	258878
Воздух	48	202	800	894	173316
Мусор и свалки	47	219	1290	215	148370
Природные пожары	38	54	402	200	120553
Паводки и подтопления	28	19	181	80	62906
Сохранение и восстановление лесов	26	97	606	58	184890
Проблемы благоустройства городской среды	20	157	614	143	108147
Браконьерство	19	290	1102	169	186026
Климатические аномалии	12	23	186	228	56656
Борщевик	10	77	324	90	31302
Рекультивация земельных ресурсов	3	1	176	29	27124

Чтобы глубже понять интерес пользователей к каждой из выделенных тем, мы проанализировали метрики онлайн-активности пользователей в отношении каждого тематического блока. Онлайн-активность — важная характеристика актуальности темы сообщения для пользователей социальной сети, так как позволяет оценить интерес аудитории к данной тематике. Количество лайков, репостов и комментариев показывает «вовлеченность» пользователей в тематику сообщения [Белоконев, Титов, Усманова, 2019; Черный, Вебер, 2021]. Соответственно, чем больше количество разных форм онлайн-активности получает сообщение, тем выше интерес аудитории к данной теме, выше его актуальность для пользователей.

Для оценки уровня интереса в маркетинге используется коэффициент вовлеченности ERR (engagement rate by reach), рассчитываемый как отношение суммы реакций, которые собрало сообщение, к охвату аудитории (количеству просмотров), выраженное в процентах. Применительно к тематическим блокам коэффициент вовлеченности мы будем считать как отношение суммы всех реакций пользователей, которые собрали все сообщения по данной теме, к сумме просмотров всех сообщений по данной теме (см. табл. 2). При этом нужно учитывать, что разные типы реакций пользователей раскрывают различные аспекты вовлеченности пользователей. Так, анализ политической коммуникации в социальной сети VK [Myagkov et al., 2018, 2019, 2021] позволил прийти к выводу, что большое количество комментариев (в сравнении с количеством лайков и репостов), сопровождающих публикацию, говорит об остроте и дискуссионности темы сообщения, вокруг которой нарастают возмущение и споры между пользователями. Большое количество лайков свидетельствует о том, что пользователи выражают заинтересованность данной темой или согласие с тезисом сообщения. Большое число репостов можно интерпретировать как желание сохранить для себя или поделиться с другими пользователями информацией, которая содержится в сообщении. В зависимости от темы сообщения большое количество репостов можно расценивать как стремление предупредить других пользователей об опасности, как удивление или восхищение событием или действием, которое описывается в сообщении.

Для экологического дискурса указанные особенности интерпретации разных метрик онлайн-активности также применимы. Если экстраполировать приведенные выше соображения на выделенные тематические блоки, то необходимо сравнить между собой отдельные тематические блоки по разным типам реакций пользователей. Так как количество сообщений в каждом тематическом блоке существенно различается, мы рассчитали среднее количество разных типов реакций на одно сообщение в данном тематическом блоке. Результаты расчетов представлены в таблице 2.

Как показывают результаты, наибольший интерес вызвали темы «борщевик» и «мероприятия по озеленению и благоустройству города». Здесь следует сделать оговорку: так как в теме «борщевик» всего десять сообщений, у нас нет уверенности в релеванности таких расчетов, тем более в сравнении с большой темой «мероприятия по озеленению и благоустройству города» (123 сообщения). На наш взгляд, это слишком малая выборка, чтобы делать обобщения. Другие темы, представленные несколькими десятками сообщений и привлекающие интерес, — это

«дикие и бездомные животные в городах», «субботники», «мусор и свалки» (коэффициент вовлеченность ERR на уровне 1,1—1,2%).

Таблица 2. Коэффициенты ERR, КК, КЛ и КР для тематических блоков

Тематический блок	ERR	КК	КЛ	КР
Борщевик	1,57	7,70	32,40	9,00
Мероприятия по озеленению и благоустройству города	1,32	6,14	26,05	5,08
Дикие и бездомные животные в городах	1,20	9,00	33,08	11,13
Субботники	1,19	1,45	25,8	4,18
Мусор и свалки	1,16	4,66	27,45	4,57
Воздух	1,09	4,21	16,67	18,63
Вода и водоемы	1,07	4,69	30,86	20,84
Экологические проекты	0,99	2,53	23,72	4,80
Переработка и утилизация мусора	0,91	3,19	15,75	4,60
Проблемы благоустройства городской среды	0,85	7,85	30,7	7,15
Браконьерство	0,84	15,26	58,00	8,89
Природные катаклизмы и климатические бедствия	0,77	1,92	15,5	19,00
Рекультивации земельных ресурсов	0,76	0,33	58,67	9,67
Природные пожары	0,54	1,42	10,58	5,26
Паводки и подтопления	0,45	0,68	6,46	2,86
Сохранение и восстановление лесов	0,41	3,73	23,31	2,23

Примечание. КЛ — среднее количество лайков на одно сообщение по данной теме, КК — среднее количество комментариев, КР — среднее количество репостов.

Далее на примере отдельных сообщений разберем, насколько справедливо предположение о том, что разные метрики онлайн-активности позволяют оценить различные параметры сообщений — конфликтный потенциал, степень согласия/поддержки и информационную ценность. Рассмотрим эти особенности на примере сообщений по теме «экологические проекты», так как здесь хорошо прослеживаются указанные различия. Наибольшее количество комментариев (110) в этом тематическом блоке собрало сообщение следующего содержания:

Череповчанам предлагают озеленить Соляной парк своими силами

Почти 100 миллионов рублей, выделенных на реконструкцию, на цветы не хватило

Городской общественный совет разместил такое объявление: «Информация для любителей всего прекрасного и нашего замечательного города!»

 Мы запускаем проект ГОС „Подари цветок в Соляной парк“

 Акция проводится с 30 мая по 15 июня

 Предлагаем приносить многолетние саженцы, достойного размера, с корневой системой. Например:

 бадан

 хоста

 гейхера

 очиток

 девичий виноград

Саженцы просим оставлять у администрации при входе в соляной парк со стороны улицы Максима Горького».

Да, действительно, растений, чтобы Соляной парк выглядел как на проекте реконструкции [фото слева], явно не хватило. И мы «за» акцию Городского общественного совета — озеленим Соляной сами! (79 лайков, 72 репоста)

Как видно из текста сообщения, жителям Череповца предлагается за счет собственных средств высадить цветы. Данная тема инициировала масштабную дискуссию и, по всей видимости, волну несогласия и недовольства горожан таким подходом городских властей к решению проблемы. Большое количество комментариев свидетельствует о том, что разгорелся жаркий заочный спор между пользователями и «городскими властями». Пользователи выразили свое несогласие, что позволяет оценить данную тему как потенциально конфликтную. Для того чтобы глубже и точнее оценить степень несогласия с такими действиями властей города и, соответственно, степень конфликтности, необходимо содержательно проанализировать комментарии, но даже без этого активность обсуждения свидетельствует о чувствительности горожан в отношении данной тематики.

Второе сообщение, которые приведем в качестве иллюстрации, собрало наибольшее количество лайков в данном тематическом блоке (911), причем с большим отрывом от сообщения, занявшего второе место по этому показателю (375):

Череповецкая школьница спасает детсад от несознательных собачников

15-летняя Мария Яшина разработала дизайн информационной таблички с шутивным лозунгом: «Хозяин, не будь задавакой, убери за собакой!». Девушка за свой счет распечатала таблички, которые были размещены по периметру ограждения детского сада № 115 «Веснянка» на ул. Олимпийской в Череповце.

💬 — У нас около садика часто гуляют собачники, и почти никто не убирает за своими животными. По весне там бывает очень грязно. Мне хотелось привлечь внимание к проблеме, еще раз напомнить людям об обязанности убирать за своими четвероногими любимцами, — поясняет Мария Яшина. — Если каждый внесет свой небольшой вклад и уберет за своим питомцем, то малыми шажками мы вместе придем к чистоте и порядку. Хочешь изменить мир — начни с себя. (45 комментариев, 28 репостов)

Активная реакция пользователей позволяет предположить, что, во-первых, поднятая проблема актуальна для горожан, во-вторых, таким образом горожане выразили поддержку инициативе школьницы.

Третье сообщение собрало наибольшее количество репостов в данном тематическом блоке (137).

В Усть-Кубинском районе появится геоглиф. Это нанесенный на землю геометрический или фигурный узор, который можно полностью увидеть только с воздуха.

Единственный сохранившийся на территории Вологодской области геоглиф сейчас находится в Вытегорском районе. Это роща, высаженная в виде слова Ленин в 1924 году.

В Усть-Кубинском районе решили высадить геоглиф в виде слова Сухона. Его планируют разместить в Высоковском сельском поселении между деревнями Новое и Кочеватик. Деревья высадят, как только позволит погода. (16 комментариев, 375 лайков)

Это сообщение находится на втором месте по количеству собранных лайков, что говорит о поддержке пользователями описываемого начинания. Большое количество репостов можно интерпретировать как желание поделиться этой информацией с другими пользователями или сохранить сообщение, так как речь идет о новой экологической достопримечательности, которая создается на территории области.

В некоторых случаях наибольшее количество всех трех метрик онлайн-активности собирает одно сообщение. Его можно рассматривать как «проблемный узел», который диагностирует высокий конфликтный потенциал темы, высокую степень интереса пользователей к проблематике и желание обнародовать информацию на максимально широкую аудиторию. В качестве примера такого сообщения приведем сообщение из тематического блока «воздух».

В Росприроднадзоре назвали три города с самым загрязненным воздухом

👉 По словам главы Росприроднадзора Светланы Радионовой, лидирует город Норильск, где общий объем загрязняющих веществ в воздухе составляет 1,8 млн тонн в год или 11% выбросов по России.

👉 Второе место в тройке регионов с самым загрязненным воздухом занял город Череповец в Вологодской области, где объем выбросов составляет 280 тыс. тонн или 1,7% выбросов по России.

👉 Третье место досталось Новокузнецку в Кемеровской области, здесь промышленные предприятия выбрасывают в атмосферу 278 тыс. тонн токсичных веществ в год, что составляет 1,6% выбросов по стране. (56 комментариев, 198 лайков, 368 репостов)

Тему данного сообщения можно интерпретировать как крайне актуальную и вызывающую озабоченность пользователей.

Показательны и сообщения из этого же тематического блока, которые заняли вторые места по различным метрикам. Так, на втором месте по количеству лайков (106) и комментариев (29) находится сообщение от подписчика:

Друзья и сограждане! Я хочу знать, почему на ЧМК не начнут уже фильтровать свои выбросы! Я хочу знать результаты работы передвижной лаборатории, реакцию местных эоактивистов и снимки со спутника. Начиная с утра воскресенья в городе невозможно дышать! Три дня я не могу проветрить квартиру! У меня диван и занавески начали вонять аглофабрикой... Сегодня весь город погружен во взвесь розоватого цвета... Поспоспешуйте, чтобы прекратить это безобразие. (31 репост)

Данное сообщение тематически развивает проблему загрязнения воздуха, которая была поднята в рассмотренном выше сообщении. Большое количество лайков указывает на то, что другие пользователи поддерживают позицию автора сообщения. На втором месте по количеству репостов (113) в тематическом блоке «воздух» находится сообщение об аварии, приведшей к выбросу аммиака:

Сегодня, в 7:12, на локальном участке цеха по производству жидких комплексных удобрений АО «Апатит» в Череповце в результате внеплановой остановки оборудования сработала система защиты, из-за чего произошел кратковременный выход через противоаварийное отверстие незначительного количества аммиака.

Находящиеся рядом на месте инцидента и пострадавшие работник цеха и два сотрудника подрядной организации были экстренно госпитализированы в медицинское учреждение, им оказывается медицинская помощь.

Выход аммиака незначительный, локализован, его последствия оперативно устранены. Угрозы окружающей среде и здоровью работников завода и жителей Череповца нет, производство продолжает работу.

Превышения концентрации вредных веществ контролирующими органами не зафиксировано. В течение дня на промплощадке и в городе будут проводиться регулярные замеры атмосферного воздуха.

Причины инцидента установит специальная комиссия. (0 комментариев, 22 лайка)

Большое количество репостов данного сообщения объясняется, вероятно, тем, что пользователи хотят поделиться информацией и сообщить другим пользователям о возникшей опасности.

Интересные результаты также демонстрирует анализ коэффициентов КК, КЛ и КР. Наибольшая величина КК и КЛ фиксируется в тематическом блоке «браконьерство» (формально наибольшую величину коэффициента КЛ имеет тема «рекультивация земельных ресурсов» (58,7), однако в данном тематическом блоке всего три сообщения, одно из которых собрало 148 лайков, в связи со столь незначительным количеством сообщений сложно дать содержательную интерпретацию полученного результата). При этом коэффициент ERR составляет всего 0,84. Такая ситуация сложилась из-за единственного сообщения, в котором описывается вопиющий случай:

Устюжна. В воскресенье, 13 декабря, на озере Ваня спасали лосиху, но дальше все пошло не так гладко.

По информации местных жителей, молодая лосиха пыталась перейти озеро от Подвысокого по переходу в Ванскую Луку. На льду животное поскользнулось и не смогло встать самостоятельно. Местные жители не бросили животное в беде и вытащили ее со льда до снега. Какое-то время она оставалась на снегу — может быть, ослабла, может быть, повредила ногу.

Устюжане надеялись на счастливый исход истории, но его не получилось. Последний раз лосиху видели живой около двух часов дня, потом егерю пришлось отлучиться. Чуть позже выяснилась страшная концовка истории — около семи вечера лосиху кто-то убил, на месте происшествия была обнаружена только ее шкура. Уже подано заявление в полицию. Браконьеров ищут. (229 комментариев, 647 лайков, 48 репостов)

Можно предположить, что такие пользовательские реакции на это сообщение обусловлены смешанными чувствами, которое оно вызывает. С одной стороны, это гнев из-за действий браконьеров, с другой — поддержка действий местных жителей, которые пытались спасти попавшее в беду животное.

Далее по убыванию по коэффициенту КК идут такие темы, как «дикие и бездомные животные в городах», «проблемы благоустройства городской среды» и «борщевик» (7,7—9). В целом это соответствует ожиданиям, так как это потенциально спорные темы, вызывающие напряженные дискуссии и конфликты. Тема безнадзорных животных провоцирует острые дискуссии защитников животных и сторонников радикальных решений этой проблемы. «Проблемы благоустройства городской среды» — это по определению сложный узел противоречий интересов разных акторов и поле острых конфликтов. По коэффициенту КР первые три места занимают темы «вода и водоемы», «природные катаклизмы и климатические бедствия» и «воздух» (18—20). Особенность этих тематических блоков в том, что сообщения зачастую содержат информацию о предстоящих капризах стихии или уже произошедших (как сообщение 6) авариях и происшествиях. Пользователи делятся этой информацией, чтобы поставить в известность других пользователей.

Ограничения исследования

Представленный подход к изучению экологического дискурса имеет ограничения. К их числу следует отнести, во-первых, проблему репрезентативности полученных результатов. Данная проблема присутствует во всех исследованиях, в которых используются цифровые следы в качестве источника социологической информации. Суть проблемы репрезентативности состоит в том, что интернет-аудитория в целом и конкретных социальных медиа в частности не представляет все население [Богданов, Смирнов, 2021]. Часть населения не пользуется интернетом и не оставляет цифровых следов. По разным данным эта часть составляет от одной пятой до трети населения России. Также существенно различается между собой аудитория конкретных социальных платформ. Хотя VK и является крупнейшей российской социальной сетью, ее аудитория отличается от аудитории, например, социальной сети ОК, она является более молодой в демографическом измерении⁵. Поэтому полученные результаты фиксируют интерес именно пользователей данной социальной сети к теме публикации.

Вместе с тем в прикладных отраслях знания, таких как маркетинг, анализ цифровых следов давно и прочно занял ведущее место. Это позволяет нам предложить использовать рассматриваемый источник данных для оперативного мониторинга интереса к экологическим проблемам, конечно, в сочетании с традиционными социологическими методиками, чтобы обеспечить репрезентативные результаты. К тому же в формировании экологической повестки в публичном пространстве социальные сети прочно занимают первое место, опережая телевидение и другие источники информации [Экологическая повестка..., 2020].

Во-вторых, следует учитывать, что предложенный нами метод количественного анализа онлайн-активностей, который использовался применительно к темам экологического дискурса, позволяет обнаруживать корреляционную, но не каузальную взаимосвязь [Климова, Куликов, Чмель, 2021]. Раскрытие причинно-следственных связей требует более комплексного и глубокого исследования, в том числе применения качественных методов, а также анализа комментариев. Понимая эту проблему, мы отказались от выдвижения исследовательских гипотез и ограничились описанием полученных результатов.

Еще одно ограничение обусловлено особенностями метода тематического моделирования. Полученная в результате многоступенчатого тематического отбора классификация не имеет теоретического основания, не носит исчерпывающего и строго формального характера. Классификация формировалась эмпирическим путем в процессе анализа и обработки автоматически выделенных кластеров. Поэтому на первый взгляд некоторые тематические блоки можно было бы укрупнить (сделать меньше тематических блоков), в то время как другие, напротив, разделить (разделить тематический блок на несколько тем). Кроме того, некоторые тематические блоки включают всего десять и менее сообщений. Тем не менее мы полагаем, что выделенный перечень тематических блоков позволяет получить определенное представление о содержании экологического дискурса пользователей из Череповца.

⁵ Лысова А. Аудитория девяти крупнейших соцсетей в России в 2024 году: исследования и цифры // PPC.WORLD. 2024. 23 января. URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya-devyati-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2024-godu-issledovaniya-i-cifyr/#Аудитория%20ВКонтакте> (дата обращения: 23.12.2024).

Заключение

В заключении нам хотелось бы обсудить полученные результаты в двух аспектах — методологическом и содержательном. Первое, что нужно отметить, это то обстоятельство, что данное исследование является попыткой использовать методологические ресурсы относительно нового подхода к изучению проблематики окружающей среды, который получил наименование «экологическая культуромика» [Ladle et al., 2016]. Для нее характерно стремление использовать для изучения самых различных экологических вопросов цифровые данные, которые напрямую не связаны с экологическими исследованиями. Сегодня этот подход активно развивается, что не в последнюю очередь связано с обилием доступных данных (цифровых следов) и стремительным развитием технологий анализа больших данных. Экологическая культуромика, как и более широкое исследовательское направление «интернет-экология» [Jarić et al., 2020; Jarić et al., 2021], находится в двойственном положении как область научных исследований. С одной стороны наблюдается жгучий интерес со стороны исследователей к новым методикам и источникам данных, о чем свидетельствует бурный рост числа публикаций по этой теме. С другой стороны, пристальное внимание пока не приводит к признанию этого подхода в качестве равноправного научного направления. Тем не менее подход уже сегодня может быть полезен для изучения восприятия населением экологической ситуации в своем городе и выявления наиболее конфликтогенных экологических проблем (конечно, с учетом рассмотренных выше ограничений).

Второй момент касается содержательных результатов исследования. На этапе планирования исследования мы полагали, что экологические проблемы, связанные с деятельностью градообразующего предприятия — Череповецкого металлургического комбината, — будут занимать главенствующее место в структуре экологического дискурса. Изучение литературы по данной теме наталкивало нас на мысль, что повышенное внимание будет привлекать проблема атмосферного воздуха, возможно, также проблемы мусора и загрязнения водных ресурсов. Однако полученные результаты расходятся с нашими ожиданиями: указанные проблемы занимают важное место в экологическом дискурсе горожан, но не определяющее. Как оказалось, горожан больше волнуют такие вопросы, как благоустройство городского пространства и экологические проекты, хотя и проблемы загрязнения атмосферного воздуха вызывают интерес. Неконсистентность исследовательских ожиданий и полученных результатов сама по себе интересное явление, она заставляет задуматься над тем, насколько экологический дискурс в социальных медиа связан с данными измерений уровня загрязнения окружающей среды. Мы можем предполагать, что такая связь существует, но, по-видимому, она носит сложный, нелинейный характер.

Список литературы (References)

1. Батанина И. А., Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Парма Р. В. Экологическая повестка в российском сегменте социальных медиа: результаты анализа больших данных // Известия Тульского государственного университета. Науки о земле. 2021. № 2. С. 409—428.

- Batanina I. A., Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Y., Parma R. V. (2021) Environmental Agenda in the Russian Segment of Social Media: Results of the Big Data Analysis. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o zemle*. No. 2. P. 409—428. (In Russ.)
2. Белоконов С. Ю., Титов В. В., Усманова З. Р. Резонансные события и непопулярные политические решения: специфика репрезентации в пространстве рунета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 365—381. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.17>
Belokonev S. Yu., Titov V. V., Usmanova Z. R. (2019) Resonant Events and Unpopular Political Decisions: Specificity of Representation in Runet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 365—381. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.17>. (In Russ.)
 3. Богданов М. Б., Смирнов И. Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 304—328. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1760>
Bogdanov M. B., Smirnov I. B. (2021) Opportunities and Limitations of Digital Footprints and Machine Learning Methods in Sociology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 304—328. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1760>. (In Russ.)
 4. Бронников И. А., Белоусов Г. Ф., Горбачев М. В. Факторы формирования и развития региональных экологических протестных движений в современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 214—223. <https://doi.org/10.17223/1998863X/59/20>
Bronnikov I. A., Belousov G. F., Gorbachev M. V. (2021) Factors of Formation and Development of Regional Environmental Protest Movements in Modern Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya — Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. Vol. 59. P. 214—223 <https://doi.org/10.17223/1998863X/59/20>. (In Russ.)
 5. Гольбрайх В. Б. Медиапотребление членов виртуальных экологических протестных сообществ (на примере конфликта вокруг мусорного полигона в Архангельской области) // Вестник Томского государственного университета. 2021а. № 472. С. 56—63. <https://doi.org/10.17223/15617793/472/7>
Golbraikh V. B. (2021a) News Consumption by Members of Virtual Environmental Protest Communities (On the Example of the Conflict Over a Landfill in Arkhangelsk Oblast). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*. Vol. 472. P. 56—63. <https://doi.org/10.17223/15617793/472/7>. (In Russ.)
 6. Гольбрайх В. Б. Социальные медиа в локальных экологических конфликтах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. № 4. С. 368—384. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.405>.

- Golbraich V. B. (2019) Social Media in Local Environmental Conflicts. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 12. No. 4. P. 368—384. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.405>. (In Russ.)
7. Гольбрайх В. Б. Экологический конфликт в повестке дня социальной сети // Научный результат. Социология и управление. 2021б. Т. 7. № 2. С. 102—115. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-8>.
Golbraikh V. B. (2021b) Environmental Conflict on the Agenda of Social Network. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 7. No. 2. P. 102—115. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-8>. (In Russ.)
8. Дунаева Д. О. Методология сбора данных из открытых онлайн-источников для оценки качества жизни населения (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Перспективы развития фундаментальных наук: сборник научных трудов XIX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 7 т. Том 5. Экономика и управление / под ред. И. А. Курзиной, Г. А. Вороновой. Томск: Изд-во ТПУ, 2022. С. 14—16.
Dunaeva D. O. (2022) Methodology of Data Collection from Open Online Sources for Assessing the Quality of Life of the Population (Using the Example of the Social Network Vkontakte). In: Kurzina I. A., Voronova G. A. (eds.) *Prospects for the Development of Fundamental Sciences: Proceedings of the XIX International Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists. In 7 Vols. Vol. 5. Economics and Management*. Tomsk: TPU Publishing House. P. 14—16. (In Russ.)
9. Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 376—408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>
Ermolaeva P., Ermolaeva Yu., Basheva O. (2020) Digital Environmental Activism as the New Form of Environmental Participation. *Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 376—408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>. (In Russ.)
10. Забокрицкая Л. Д., Орешкина Т. А. Анализ статистики поисковых запросов как инструмент мониторинга экологических установок населения региона // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 175—193.
Zabokritskaya L. D., Oreshkina T. A. (2021) Analysis of Search Query Statistics as a Tool for Monitoring the Ecological Attitudes of the Region's Population. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 12. No. 2. P. 175—193. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.721>. (In Russ.)
11. Климова А. М., Куликов С. П., Чмель К. Ш. Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 28—52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024>
Klimova A. M., Kulikov S. P., Chmel K. S. (2021) The Role of Social Media in Shaping Regional Ecological Protest in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 28—52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024>. (In Russ.)

12. Кузьмин С. В., Авалиани С. Л., Додина Н. С., Шашина Т. А., Кислицин В. А., Сидницына О. О. Практика применения оценки риска здоровью в федеральном проекте «Чистый воздух» в городах-участниках (Череповец, Липецк, Омск, Новокузнецк): проблемы и перспективы // Гигиена и санитария. 2021. Т. 100. № 9. С. 890—896. <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2021-100-9-890-896>.
Kuzmin S. V., Avaliani S. L., Dodina N. S., Shashina T. A., Kislitsin V. A., Sinitsyna O. O. (2021) The Practice of Applying Health Risk Assessment in the Federal Project “Clean Air” in the Participating Cities (Cherepovets, Lipetsk, Omsk, Novokuznetsk): Problems and Prospects. *Hygiene and Sanitation*. Vol. 100. No. 9. P. 890—896. <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2021-100-9-890-896>. (In Russ.)
13. Расторгуев С. В., Тян Ю. С. Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса») // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. No 6. С. 53—75. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>
Rastorguev S. V., Tyan Y. S. (2021) Protest Eco-Activism in the Digital Environment (On the Example of the «Krasnoyarsk Case»). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 53—75. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>. (In Russ.)
14. Рыбакова М. В., Зверева М. М. Экологическая обстановка в Москве: оценка динамики общественного мнения по результатам опросов 2013—2022 гг. // Власть. 2022. Т. 30. № 5. С. 156—162. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9256>.
Rybakova M. V., Zvereva M. M. (2022) The Environmental Situation in Moscow: Assessment of the Dynamics of Public Opinion Based on the Results of Polls in 2013—2022. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 30. No. 5. P. 156—162. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9256>. (In Russ.)
15. Салтыкова М. М., Балакаева А. В., Федичкина Т. П., Бобровницкий И. П. Основные причины смертности, обусловленной загрязнением воздуха // Гигиена и санитария. 2020. Т. 99. № 4. С. 337—343. <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2020-99-4-337-343>.
Saltykova M. M., Balakaeva A. V., Fedichkina T. P., Bobrovnikskii I. P. (2020) Leading Air Pollution Related Reasons of Death. *Hygiene and Sanitation*. Vol. 99. No. 4. P. 337—343. <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2020-99-4-337-343>. (In Russ.)
16. Соколов А. В., Беляков А. А. Трансформация и поддержка экологических повесток в протестных кампаниях в социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 202—215. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/18>
Sokolov A. V., Belyakov A. A. (2022) Transformation and Support of Environmental Agendas in Protest Campaigns on Social Network Sites. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 67. P. 202—215. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/18>. (In Russ.)

17. Цепилова О. Д., Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018—2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 4. С. 136—162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>
Tsepilova O., Golbraih V. (2020) Environmental Activism: Resource Mobilisation for “Garbage” Protests in Russia in 2018—2020. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 23. No. 4. P. 136—162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>. (In Russ.)
18. Черный В. А., Вебер В. В. Авторские платформы — главный тренд в развитии социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 192—198. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2101>
Cherny V. A., Veber V. V. (2021) Author Platforms as a Key Trend in the Development of Social Networks. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 192—198. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2101>. (In Russ.)
19. Чмель К. Ш., Климова А. М., Митрохина Е. М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 1. С. 83—98. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>
Chmel K., Klimova A., Mitrokhina E. (2020) The Politicization of Environmental Discourse in Arkhangelsk Region: the Landfill Site at Shies Railroad Station. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 18. No. 1. P. 83—98. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>. (In Russ.)
20. Щекотин Е. В., Гойко В. Л., Басина П. А., Бакулин В. В. Использование машинного обучения для изучения качества жизни населения: методологические аспекты. Цифровая социология/Digital Sociology. 2022. Т. 5. № 1. С. 87—97. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-87-97>.
Shchekotin E. V., Goiko V. L., Basina P. A., Bakulin V. V. (2022) Using Machine Learning to Study the Population Life Quality: Methodological Aspects. *Digital Sociology*. Vol. 5. No. 1. P. 87—97. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-87-97>. (In Russ.)
21. Щекотин Е. В., Дунаева Д. О., Басина П. А., Вахрамеев П. С. Цифровые следы в экологии: опыт эмпирического исследования. Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. № 4. С. 255—263. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-255-263>
Shchekotin E. V., Dunaeva D. O., Basina P. A., Vakhrameev P. S. (2023) Digital Footprints in Ecology: Empirical Research. *Virtual Communication and Social Networks*. Vol. 2. No. 4. P. 255—263. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-255-263>. (In Russ.)
22. Щекотин Е. В. Экологическая повестка в сообществах социальной сети ВК моногородов (на примере г. Череповец) // Особенности социально-экономического развития региона: правовые, управленческие и социально-гуманитарные ас-

пекты: электронный сборник научных статей / отв. ред. Е. А. Ильина, Г. Л. Белов. Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2023. С. 822—827.

Shchekotin E. V. (2023) The Environmental Agenda in the Communities of the VK Single-Industry Towns Social Network (On the Example of Cherepovets). In: Ilyina E. A., Belov G. L. (eds.) *Features of the Socio-Economic Development of the Region: Legal, Managerial and Socio-Humanitarian Aspects: Electronic Collection of Scientific Articles*. Cheboksary: ChSPU. P. 822—827. (In Russ.)

23. Экологическая повестка как стратегический ориентир российской экономики и общества: экспертный доклад. М.: АНО «Национальные приоритеты»: AXES Management: Росатом: НАФИ, 2022. URL: https://национальныепроекты.рф/upload/Ecology/Doklad_Ecology_16.01.2023.pdf (дата обращения: 16.07.2023). Environmental Agenda as a Strategic Guideline of the Russian Economy and Society: Expert Report. (2022) Moscow: National Priorities; AXES Management; Rosatom, NAFI. URL: https://национальныепроекты.рф/upload/Ecology/Doklad_Ecology_16.01.2023.pdf (accessed: 16.07.2023). (In Russ.)
24. Benites-Lazaro L.L., Giatti L., Giarolla A. (2018) Topic Modeling Method for Analyzing Social Actor Discourses on Climate Change, Energy and Food Security. *Energy Research & Social Science*. Vol. 45. P. 318—330. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2018.07.031>.
25. Boldrocchi G., Storai T. (2021) Data-Mining Social Media Platforms Highlights Conservation Action for the Mediterranean Critically Endangered Blue Shark *Prionace glauca*. *Aquatic Conservation: Marine and Freshwater Ecosystems*. Vol. 31. No. 11. P. 3087—3099. <https://doi.org/10.1002/aqc.3690>
26. Clark M., Wilkins E. J., Dagan D. T., Powell R., Sharp R. L., Hillis V. (2019) Bringing Forecasting Into the Future: Using Google to Predict Visitation in Us National Parks. *Journal of Environmental Management*. Vol. 243. P. 88—94. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2019.05.006>.
27. Correia R. A., Di Minin E. (2023) Tracking Worldwide Interest in Sustainable Development Goals Using Culturomics. *PLOS Sustainability and Transformation*. Vol. 2. No 6. P. e0000070. <https://doi.org/10.1371/journal.pstr.0000070>.
28. Correia R. A., Jepson P., Malhado A. C. M., Ladle R. J. (2018) Culturomic Assessment of Brazilian Protected Areas: Exploring a Novel Index of Protected Area Visibility. *Ecological Indicators*. Vol. 85. P. 165—171. <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2017.10.033>.
29. Daume S. (2016) Mining Twitter to Monitor Invasive Alien Species — An Analytical Framework and Sample Information Topologies. *Ecological Informatics*. Vol. 31. P. 70—82. <https://doi.org/10.1016/j.ecoinf.2015.11.014>.
30. Falk M. T., Hagsten E. (2022) Digital Indicators of Interest in Natural World Heritage Sites. *Journal of Environmental Management*. Vol. 324. Art. 116250. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2022.116250>.

31. Fink C., Toivonen T., Correia R. A., Di Minin E. (2023) Mapping the Online Songbird Trade In Indonesia. *Applied Geography*. Vol. 134. Art. 102505. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2021.102505>.
32. Ghermandi A., Sinclair M. (2019) Passive Crowdsourcing of Social Media in Environmental Research: A Systematic Map. *Global Environmental Change*. Vol. 55. P. 36—47. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2019.02.003>.
33. Ghermandi A., Langemeyer J., Van Berkel D., Calcagni F., Depietri, Y., Egarter Vigl L., Fox N., Havinga I., Jäger H., Kaiser N., Karasov O., McPhearson T., Podschun S., Ruiz-Frau A., Sinclair M., Venohr M., Wood S. A. (2023) Social Media Data for Environmental Sustainability: A Critical Review of Opportunities, Threats, and Ethical Use. *One Earth*. Vol. 6. No. 3. P. 236—250.
34. Guedes-Santos J., Correia R. A., Jepson P., Ladle R. J. (2021) Evaluating Public Interest in Protected Areas Using Wikipedia Page Views. *Journal for Nature Conservation*. Vol. 63. Art. 126040. <https://doi.org/10.1016/j.jnc.2021.126040>.
35. Hale R. L., Cook E. M., Beltrán B. J. (2019) Cultural Ecosystem Services Provided by Rivers Across Diverse Social-Ecological Landscapes: A Social Media Analysis. *Ecological Indicators*. Vol. 107. Art. 105580. <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2019.105580>.
36. Jacobs T., Tschötschel R. (2019) Topic Models Meet Discourse Analysis: A Quantitative Tool for a Qualitative Approach. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 22. No. 5. P. 469—485. <https://doi.org/10.1080/13645579.2019.1576317>.
37. Jagiello Z. A., Dyderski M. K., Dylewski Ł. (2019) What Can We Learn About the Behaviour of Red and Grey Squirrels from YouTube? *Ecological Informatics*. Vol. 51. P. 52—60. <https://doi.org/10.1016/j.ecoinf.2019.02.006>.
38. Jarić I., Bellard C., Correia R. A., Courchamp F., Douda K., Essl F., Jeschke J. M., Kalinkat G., Kalous L., Lennox R. J., Nóvoa A., Proulx R., Pyšek P., Soriano-Redondo A., Souza A. T., Vardi R., Veríssimo D., Roll U. (2021) Invasion Culturomics and iEcology. *Conservation Biology*. Vol. 35. No. 2. P. 447—451. <https://doi.org/10.1111/cobi.13707>.
39. Jarić I., Correia R. A., Brook B. W., Buettel J. C., Courchamp F., Di Minin E., Firth J. A., Gaston K. J., Jepson P., Kalinkat G., Ladle R., Soriano-Redondo A., Souza A. T., Roll U. (2020) iEcology: Harnessing Large Online Resources to Generate Ecological Insights. *Trends in Ecology & Evolution*. Vol. 35. No. 7. P. 630—639. <https://doi.org/10.1016/j.tree.2020.03.003>.
40. Kacprzyk J., Clune S., Clark C. M., Kane A. (2023) Making a Greener Planet: Nature Documentaries Promote Plant Awareness. *Annals of Botany*. Vol. 131. No. 2. P. 255—260. <https://doi.org/10.1093/aob/mcac149>.
41. Kim J. Y., Noda A. T., Im R., Nishihiro J. (2018) Web Search Volume as a Surrogate of Public Interest in Biodiversity: A Case Study of Japanese Red List Species. *Eco-*

- system Health and Sustainability*. Vol. 4. No. 12. P. 289—298. <https://doi.org/10.1080/20964129.2018.1547125>.
42. Kim Y., Kim Y. (2023) Global Regionalization of Heat Environment Quality Perception Based on K-Means Clustering and Google Trends Data. *Sustainable Cities and Society*. Vol. 96. Art. 104710. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2023.104710>.
43. Ladle R. J., Correia R. A., Do Y., Joo G.-J., Malhado A. C. M., Proulx R., Roberge J.-M., Jepson P. (2016) Conservation Culturomics. *Frontiers in Ecology and the Environment*. Vol. 14. No. 5. Art. 269—275. <https://doi.org/10.1002/fee.1260>.
44. Manservigi F., Banzi M., Tonelli T., Veronesi P., Ricci S., Distante D., Faralli S., Bortone G. (2023) Environmental Complaint Insights Through Text Mining Based on the Driver, Pressure, State, Impact, and Response (Dpsir) Framework: Evidence from an Italian Environmental Agency. *Regional Sustainability*. Vol. 4. No. 3. P. 261—281. <https://doi.org/10.1016/j.regsus.2023.08.002>.
45. Meier F., Eskjær M. F. (2023) Topic Modeling Three Decades of Climate Change News in Denmark. *Frontiers in Communication*. Vol. 8. Art. 1322498. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2023.1322498>.
46. Mittermeier J., Correia R. A., Grenyer R., Toivonen T., Roll U. (2021) Using Wikipedia to Measure Public Interest in Biodiversity and Conservation. *Conservation Biology*. Vol. 35. No. 2. P. 412—423. <https://doi.org/10.1111/cobi.13702>.
47. Myagkov M., Shchekotin E., Goiko V., Kashpur V., Aksenova E. (2019) The Socio-Economic and Demographic Factors of Online Activity among Right-Wing Radicals. *Studies of Transition States and Societies*. Vol. 11. No. 1. P. 19—38.
48. Myagkov M., Shchekotin E., Kashpur V., Goiko V., Baryshev A. (2021) A Comparative Analysis of the Online Activity of Alexei Navalny's Supporters Affected by the Parliamentary Election of 2016 and the Presidential Election of 2018: Regional Differences. *European Politics and Society*. Vol. 22. No. 3. P. 305—330. <https://doi.org/10.1080/23745118.2020.1752523>.
49. Myagkov M., Shchekotin E. V., Kashpur V. V., Goiko V. L., Baryshev A. A. (2018) Activity of Non-parliamentary Opposition Communities in Social Networks in the Context of the Russian 2016 Parliamentary Election. *East European Politics*. Vol. 34. No. 4. P. 483—502. <https://doi.org/10.1080/21599165.2018.1532411>.
50. Pearce W., Niederer S., Ozkula, S. M., Sanchez Querubin N. (2019) The Social Media Life of Climate Change: Platforms, Publics, and Future Imaginaries. *WIREs Climate Change*. Vol. 10. P. e569. <https://doi.org/10.1002/wcc.56>.
51. Pecl G. T., Stuart-Smith J., Walsh P., Bray D. J., Kusetic M., Burgess M., Frusher S. D., Gledhill D. C., George O., Jackson G., Keane J., Martin V. Y., Nursey-Bray M., Pender A., Robinson L. M., Rowling K., Sheaves M., Moltschaniwskyj N. (2019) Redmap Australia: Challenges and Successes with a Large-Scale Citizen Science-Based Approach to Ecological Monitoring and Community Engagement on Climate Change. *Frontiers in Marine Science*. Vol. 6. P. 349. <https://doi.org/10.3389/fmars.2019.00349>.

52. Pereira E. J., Ferreira P., da Cunha Lima I. C., Murari T. B., Moret M. A., de B. Pereira H. B. (2022) Conservation in the Amazon Rainforest and Google Searches: A DCCA Approach. *Plos One*. Vol. 17. No. 10. P. e0276675. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0276675>.
53. Qiao F., Williams J. (2022) Topic Modelling and Sentiment Analysis of Global Warming Tweets: Evidence from Big Data Analysis. *Journal of Organizational and End User Computing*. Vol. 34. No. 3. P. 1—18. <http://doi.org/10.4018/JOEUC.294901>.
54. Smith K. H., Tyre A. J., Tang Z., Hayes M. J., Akyuz F. A. (2020) Calibrating Human Attention as Indicator Monitoring #drought in the Twittersphere. *Bulletin of the American Meteorological Society*. Vol. 101. No. 10. P. 1801—1819. <https://doi.org/10.1175/BAMS-D-19-0342.1>.
55. Sweitzer M. D., Gunda T., Gilligan J. M. (2023) Water Narratives in Local Newspapers Within the United States. *Frontiers in Environmental Science*. Vol. 11. Art. 1038904. <https://doi.org/10.3389/fenvs.2023.1038904>.
56. Vieira F. A. S., Santos D. T. V., Bragagnolo C., Campos-Silva J. V., Correia R. A. H., Jepson P., Malhado A. C. M., Ladle R. J. (2021) Social Media Data Reveals Multiple Cultural Services Along the 8.500 Kilometers of Brazilian Coastline. *Ocean & Coastal Management*. Vol. 214. Art. 105918. <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2021.105918>.
57. Wang Z., Chan W., Pham N. T., Zeng J., Pierce N. E., Lohman D. J., Meng W. (2023a) One in Five Butterfly Species Sold Online Across Borders. *Biological Conservation*. Vol. 283. Art. 110092. <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2023.110092>.
58. Wang, Z., Zeng, J., Ran, H.D., Meng W., Zhou S., Davies A. B., Liu C. (2023b) Monitoring the Online Ant Trade Reveals High Biological Invasion Risk. *Biological Conservation*. Vol. 282. P. 110038. <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2023.110038>.
59. Wang Z., Zeng J., Meng W., Lohman D. J., Pierce N. E. (2021) Out of Sight, Out of Mind: Public and Research Interest in Insects Is Negatively Correlated with Their Conservation Status. *Insect Conservation and Diversity*. Vol. 14. No 5. P. 700—708. <https://doi.org/10.1111/icad.12499>.
60. Wiegmann M., Kersten J., Senaratne H., Potthast M., Klan F., Stein B. (2021) Opportunities and Risks of Disaster Data from Social Media: A Systematic Review of Incident Information. *Natural Hazards and Earth System Sciences*. Vol. 21. P. 1431—1444. <https://doi.org/10.5194/nhess-21-1431-2021>.
61. Woodworth E., Tian A., Blair K., Pullen J., Lefcheck J. S., Parker J. D. (2023) Media Myopia Distorts Public Interest in US Invasive Plants. *Biological Invasions*. Vol. 25. P. 3193—3205. <https://doi.org/10.1007/s10530-023-03101-8>.
62. Young J. C., Arthur R., Spruce M., Williams H. T. P. (2021) Social Sensing of Heatwaves. *Sensors*. Vol. 21. P. 3717. <https://doi.org/10.3390/s21113717>.

63. Zhang H., Huang R., Zhang Y., Buhalis D. (2020) Cultural Ecosystem Services Evaluation Using Geolocated Social Media Data: A Review. *Tourism Geographies*. Vol. 24. P. 646—668. <https://doi.org/10.1080/14616688.2020.1801828>.
64. Zhang J., Li D., Ning S., Furuya K. (2023) Sustainable Urban Green Blue Space (UGBS) and Public Participation: Integrating Multisensory Landscape Perception from Online Reviews. *Land*. Vol. 12. No. 7. P. 1360. <https://doi.org/10.3390/land12071360>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2417](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2417)**М. Р. Бабилова, О. В. Кружкова, Е. М. Божко****ОСОБЕННОСТИ ПОТЕНЦИАЛА «МЯГКОЙ СИЛЫ»
В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ О COVID-19****Правильная ссылка на статью:**

Бабилова М. Р., Кружкова О. В., Божко Е. М. Особенности потенциала «мягкой силы» в интернет-мемах о COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 251—274. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2417>.

For citation:

Babikova M. R., Kruzhkova O. V., Bozhko E. M. (2024) Peculiarities of Soft Power Potential in Internet Memes on COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 251–274. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2417>. (In Russ.)

Получено: 20.04.2023. Принято к публикации: 12.08.2024.

ОСОБЕННОСТИ ПОТЕНЦИАЛА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ О COVID-19

БАБИКОВА Марина Рашитовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: nauka219@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0814-5936>

КРУЖКОВА Ольга Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, зав. лабораторией перспективных социосредовых исследований, доцент кафедры общей психологии и конфликтологии, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: galiat1@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>

БОЖКО Екатерина Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия;
E-MAIL: e.m.bozhko@linguanet.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8604-2361>

Аннотация. Исследование посвящено изучению особенностей потенциала «мягкой силы» интернет-мемов, ограниченных тематикой COVID-19. Представлены результаты анализа восприятия интернет-мемов молодежью 14—35 лет с учетом различий по полу. К обсуждению предлагаются тепловые карты, полученные в ходе работы с респондентами на айтрекере Tobii Pro Scerum (150 Hz), позволяющие оценить фиксацию взгляда испытуемого.

Работа с группой респондентов позволила определить ключевые вербально-

PECULIARITIES OF SOFT POWER POTENTIAL IN INTERNET MEMES ON COVID-19

*Marina R. BABIKOVA*¹ — Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor at the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language
E-MAIL: nauka219@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0814-5936>

*Olga V. KRUSHKOVA*¹ — Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor, Head of the Laboratory of Advanced Socio-Environmental Research; Associate Professor, Department of General Psychology and Conflictology
E-MAIL: galiat1@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>

*Ekaterina M. BOZHKO*² — Cand. Sci. (Pedagogical), Associate Professor at the Academic Department of the English Language, Faculty of Translation and Interpreting
E-MAIL: e.m.bozhko@linguanet.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8604-2361>

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The study regards the features of the soft power potential of Internet memes on the topic of COVID-19. The authors present the results of the analysis of the perception of Internet memes by young people aged 14—35, considering differences by gender, and discuss the heat maps obtained during the work with respondents on the Tobii Pro Scerum eye tracker (150 Hz), which allow assessing the subject's gaze fixation.

Working with a group of respondents made it possible to identify the key verbal and visual elements of Internet memes that hold the

визуальные элементы интернет-мемов, удерживающие внимание респондентов. В исследовании сделаны выводы о реакции респондентов на стимульный материал в зависимости от возраста и пола. Определены смысловые доминанты мемов и степень их считываемости, на основании чего отмечено, что в большей степени воздействию рассматриваемых интернет-мемов подвержены молодежные группы в возрасте 14—17 и 18—24 лет, так как их восприятие характеризуется повышенным буквализмом и эмоциональностью. Различия по признаку пола менее выражены, чем различия между возрастными группами.

Ключевые слова: молодежь, интернет-мемы, интернет-воздействие, медиа, COVID-19, мягкая сила

Благодарность. Работа была выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Soft power-потенциал интернет-мемов: ключевые механизмы воздействия» № 21-011-32197 опн_мол.

Введение

В научном дискурсе немало исследований сосредоточено вокруг концепта «мягкой силы». В некоторых работах «мягкая сила» отождествляется с манипуляцией, которая работает как скрытое принуждение, способное программировать мысли, чувства, отношения, установки и поведения [Строганов, 2017: 156]. Однако мы вслед за уральской группой ученых, возглавляемой О. Ф. Русаковой, придерживаемся мнения, что манипуляция является одним из инструментов реализации технологии «мягкой силы» [там же].

Результаты нашей работы дополняют спектр исследований, позволяющих оценить потенциал «мягкой силы» как инструмента решения разных задач — как позитивных, приносящих пользу обществу, так и негативных, способствующих формированию деструктивных настроений. Основная цель исследования — характеристика потенциала «мягкой силы» интернет-мемов о COVID-19. Значимость анализируемого в статье материала обусловлена популярностью мемов и их релевантностью основным проблемам, затронувшим множество людей в период пандемии COVID-19: необходимость вакцинации и ношение масок.

attention of respondents. The study draws conclusions about the reaction of respondents to the stimulus material depending on age and gender. The authors determine the semantic dominants of memes and the degree of their readability and note that youth groups aged 14—17 and 18—24 are more susceptible to the influence of the Internet memes in question, since their perception is characterized by increased literalism and emotionality. Differences by gender are less pronounced than differences between age groups.

Keywords: youth, internet memes, internet exposure, media, COVID-19, soft power

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research under the grant “Soft power potential of Internet memes: key mechanisms of influence” No. 21-011-32197 opn_mol.

Исследование дополняет существующие в научном дискурсе выводы о мететиконе ковидной тематики посредством выявления ключевых вербально-визуальных образов, являющихся «якорями», формирующими настроение молодежи через оценку антиковидных мер и ограничений. Кроме того, представлен анализ понимания контекста интернет-мемов как вариант изучения критического подхода молодежной аудитории к осмыслению их содержания. Исследование позволит не только выделить ключевые механизмы воздействия мемов, но и качественно оценить его степень. Способствовать этому будет поиск ответов на следующие вопросы:

- 1) как воспринимаются смыслы, содержащиеся в мемах на ковидную тематику и как они интерпретируются представителями молодежи?
- 2) наблюдается ли половозрастная специфика восприятия и интерпретации мемов на тему COVID-19 среди молодежи?

Обзор литературы

Впервые феномен «мягкой силы» был описан во второй половине 1980-х годов Дж. Наем. Концептуализация термина представлена в его книге «Soft Power: The Means to Success in World Politics», в которой автор подробно описывает данный концепт, имеющий существенное значение в формировании глобальной политики и в процессах информатизации общества. Он говорит о «мягкой силе» как об умении делать так, чтобы другие захотели тех же результатов, что и вы, умении вовлечь и объединять людей, а не принуждать их. Кроме того, «мягкая сила» — это способность привлекать к себе сердца и чувства, способность формировать желания и потребности других [Nye, 2004]. Продолжая мысль Дж. Нае, О. Ф. Русакова утверждает, что «мягкая сила» основывается на механизмах непринужденного воздействия. Благодаря включению в тот или иной материал интеллектуальных паттернов, когнитивных соблазнов, привлекательных идей и символов, обольстительных визуальных и аудиальных образов адресат подчиняется посылу сообщения и воспринимает его уже как результат собственного выбора [Русакова, 2010: 174]. В других исследованиях отмечены схожие характеристики данной технологии. Например, «мягкая сила» может быть схожа с комплексом мер по «культивированию привлекательности нравственных идеалов и примеров образа жизни» [Микитинец, 2022: 134]. Ю. А. Ермаков в своем определении сравнивает и объединяет значения феномена манипуляции, в результате чего появляется метафорическое наименование косвенной регуляции, воздействия, скрытого управления сознанием, волей и поведением человека — «мягкая сила» («невидимая рука»). Технология создает эффект мнимой самостоятельности индивидов, имитацию субъектности. И чем больше человек ощущает себя субъектом, тем меньше он им является, превращаясь в объект управления скрытой власти благодаря особым приемам «мягкой силы» [Ермаков, 2013: 216]. На специфику «мягкой силы» оказало влияние развитие информационных технологий, на что указывает А. В. Костина, утверждая, что технология «мягкой силы» не просто основана на новейших информационных технологиях, она, испытывая их влияние на себе, приобретает качества сети [Костина, 2019: 174].

«Мягкая сила» активно применяется не только для решения внешнеполитических задач, но также эффективно реализуется внутри страны [Русакова, 2010:

174]. Важно, что к ней прибегают не только для достижения благих целей, отмечается ее противоправное использование, способствующее дестабилизации обстановки внутри страны, изменению общественного мнения [Костина, 2019: 172]. Средствами упомянутой технологии, например, осуществляются трансформация моральных и нравственных установок, формирование агрессивных моделей поведения, социальная дезадаптация, склонение к противоправному поведению [Федосеева, 2023: 290].

Инструменты рассматриваемой технологии варьируются в зависимости от задач, стоящих перед теми, кто их использует. В условиях развития информационных технологий расширяется спектр механизмов влияния технологии «мягкой силы». Интернет становится площадкой не только для применения различных инструментов рассматриваемой технологии, но и для появления новых [Строганов, 2017]. Безграничный поток контента, который не всегда поддается фильтрации, потенциально направлен на изменение мнений, настроений, вкусов, предпочтений пользователей глобальной сети средствами «мягкой силы», в том числе за счет создания новых видов текста.

В частности, к современному способу хранения и трансляции элементов культуры относятся такие единицы информации, которые распространяются от человека к человеку посредством интернета и называются мемами. Роль меметикона сегодня достаточно высока, так как он может рассматриваться как дополнительный источник информации. По мнению С. А. Шомовой, мемы являются источником новостей, представляющим интерес для широкой аудитории, тем самым выступая фактором формирования информационной повестки дня [Шомова, 2021: 404].

Настоящее исследование представляет часть результатов анализа мемов и рассматривает мемы, посвященные тематике COVID-19. Всплеск их циркуляции в период пандемии акцентировал внимание на вопросах, связанных с ношением масок, введением QR-кодов, обязательной вакцинацией. По мнению части общества, такие ограничительные меры нарушают права и свободы граждан, что находит отражение в интернет-мемах. Зарубежные исследователи считают, что такие мемы способны оказывать влияние на решение граждан по вопросам профилактики коронавирусной инфекции, а механизмы влияния требуют пристального внимания и дополнительного исследования, касающегося контекстной специфичности, а также потенциальных психологических механизмов, посредством которых действуют мемы [Shawn et al., 2022: 1].

Следует обратить внимание на исследуемый нами жанр мемов — демотиваторы. Благодаря особой структуре они наиболее остро отражают злободневность темы, одновременно формируя отношение к поставленному в меме вопросу. Специфическая трансляция некоторых тем может способствовать формированию социальной напряженности, побуждать молодежь к агрессивному поведению, нередко переходящему в протестные формы социальной активности. В данном случае мемы, по справедливому замечанию С. А. Шомовой имеют такой же мощный воздействующий потенциал, как и иные технологии коммуникативного воздействия на аудиторию [Шомова, 2019: 126]. Кроме того, одной из коммуникативных целей демотиватора признается дискредитация социально одобряемых ценностей,

критика сложившейся ситуации, комическое переосмысление какого-либо фрагмента действительности и пр. [Горбачева и др., 2021: 77]. Использование мемов в качестве инструмента технологии влияния обусловлено их природой.

Специфика интернет-коммуникации глубоко проанализирована в зарубежном научном дискурсе. Некоторые исследователи называют мемы «паразитами» рэзума, которые подобно биологическим паразитам наносят ущерб своему хозяину [Boudry, Hofhuis, 2018]. А. Пиата подчеркивает юмористический контекст интернет-мемов, который может оказывать воздействие на эмоциональный фон адресатов и обладает достаточно высоким прагматическим потенциалом [Piata, 2016]. Отмечается политический потенциал интернет-мемов: «С одной стороны, они являются „барометром“ общественных настроений в молодежной среде, а с другой — сами формируют эти настроения, выступая как своеобразное „оружие слабых“» [Горбатов, Гурушкин, 2021: 27]. Интернет-мемы сравниваются с «троянским конем», умело маскирующим свое истинное назначение [там же]. В процессе передачи мемы способны преобразовываться, обрастать новыми смыслами, становясь творческим продуктом в результате коллективного прироста мнений [Ross, Rivers, 2017].

В научном дискурсе представлено немало работ, посвященных изучению мемов, возникших в качестве реакции на пандемию. Один из ведущих российских специалистов в области изучения мемов С. А. Шомова изучает их семантические, стилевые и образные характеристики, воспроизводящие «коронавирусную повседневность», а также предлагает рассмотрение нового жанра в дискурсе Рунета, который можно обозначить как мем-сериал [Шомова, 2021: 400]. Зарубежными исследователями проводилось анкетирование после демонстрации стимулов — мемов о вакцинации против COVID-19, направленное на фиксацию мыслей и эмоций адресатов на заданную мемом тему, что позволило ученым предположить, что убеждение, основанное на мемах, может зависеть от контекста [Shawn et al., 2022: 1]. Внимание исследователей сосредоточено на выявлении общих тем и художественных приемов, которые использовали создатели мемов для объяснения вирусного феномена [Gadi, 2023].

Мемы, будучи неким «штрихкодом для подсознания», могут рассматриваться не только в структуре культурного пространства, но и в контексте мало осознаваемого [Шомова, 2019: 12]. Инструменты технологии «мягкой силы» также работают на мало осознанном уровне. Кроме того, согласно исследованиям В. Б. Строганова, использование меметических средств может применяться для достижения целей «мягкой силы» [Строганов, 2017: 158]. Авторы настоящего исследования также предлагают рассмотреть потенциал мемов в качестве инструментов упомянутой технологии.

Анализ существующих в научном дискурсе исследований демонстрирует существенную проработку темы, посвященной «мягкой силе» и функциональной значимости интернет-мемов. Между тем существует ниша, в которую встраивается наше исследование, где центром внимания является мем как инструмент технологии «мягкой силы», что дает нам возможность сделать выводы о специфике восприятия мемов и потенциале их воздействия на мнение адресата.

Методы

Реализация поставленных задач обуславливает выбор методов. Использование метода окулографии (айтрекинга) во многом продиктовано его спецификой. Изучение направленности взгляда человека дает возможность оценить закономерности в восприятии мемов аудиторией. Айтрекинг широко применяется в современных российских и зарубежных исследованиях, позволяющих изучить психические процессы, поведение людей. В том числе метод айтрекинга применяется для исследования текстов, мемов, демотиваторов [Горбачева и др., 2021], вандально нанесенных граффити [Gartus, Helmut, 2014; Gartus, Klemer, Leder, 2015] и иных инструментов «мягкой силы». Применение метода айтрекинга для решения поставленных перед нами задач позволяет оценить зоны внимания при восприятии визуального стимула мема, понять, как происходит считывание заключенных в мем смыслов и в связи с чем они искажаются или считываются поверхностно с учетом половозрастных характеристик реципиентов. В рамках применения метода окулографии учитывались качественные результаты (тепловая карта, отражающая зоны внимания участников исследования) и количественные показатели (число и общее время фиксации на смысловых зонах мемов).

В исследовании применялся дополнительный уточняющий метод — анкетирование, которое позволило собрать данные относительно первоначальной оценки стимульного материала в условиях анонимности, что обеспечило откровенность полученных ответов, позволило зафиксировать наличие или отсутствие критического отношения к мемам, а также проанализировать особенности интерпретации меметического контента на тему COVID-19. Также были сопоставлены результаты тепловых карт и ответы респондентов, благодаря чему мы смогли вывить наиболее «привлекательные» вербально-визуальные элементы мемов.

Для количественной обработки данных использовались методы математической статистики (частотный и медианный анализ, сравнительный анализ с применением критериев Манна-Уитни и Краскела-Уоллиса¹), реализованные в JASP 0.18.1.0².

Выборка

Фокус исследования сконцентрирован на молодежной аудитории. Эта возрастная группа в большей степени подвержена влиянию, оказываемому средствами интернета. В данном случае невозможно не согласиться с мнением Т.Д. Вакушенко, утверждающего, что интернет для молодежи — инструмент освоения социально значимого информационного опыта, пространство для осуществления различных видов деятельности [Вакушенко, 2022: 5—6]. Однако интернет можно рассматривать и как инструмент влияния, воздействия на молодежную аудиторию, средство управления сознанием и поведением представителей молодежи [там же]. Важно подчеркнуть активность молодежной аудитории в интернет-пространстве: пользователями интернета сегодня являются молодежные группы разных возрастов, о чем говорят результаты опроса россиян о пользовании интернетом³: «среди 18—24-летних при-

¹ Применялись непараметрические методы в связи с малыми объемами контрастных групп.

² Статистический пакет открытого доступа.

³ Данные за 2023 г.

рост составил 4 п. п. (2018 г. — 92%, 2023 г. — 96%), среди 25—34-летних — 7 п. п. (2018 г. — 85%, 2023 г. — 92%). В то же время интенсивность потребления интернета подросла в обеих группах, но в большей степени — среди младшей молодежи до 25 лет, здесь доля достигает 86% (+24 п. п. к 2018 г.)⁴.

В группу респондентов вошла молодежь четырех возрастных диапазонов, соответствующих разным этапам получения образования или профессиональной деятельности:

- шесть представителей мужского пола и шесть представителей женского пола в возрасте от 14 до 17 лет,
- шесть представителей мужского пола и шесть представителей женского пола в возрасте от 18 до 23 лет,
- шесть представителей мужского пола и шесть представителей женского пола в возрасте от 24 до 30 лет,
- шесть представителей мужского пола и шесть представителей женского пола в возрасте от 31 до 35 лет.

Выборка состояла из обучающихся школ, вузов и трудоустроенной молодежи, проживающей на территории г. Екатеринбурга и Свердловской области. К участию в исследовании были привлечены посетители профориентационных мероприятий, проводимых на территории Свердловской области в период с сентября по ноябрь 2021 г.

Объем выборки обусловлен высокотехнологичностью айтрекинга и контролируемыми условиями лабораторного эксперимента. В соответствии с рекомендациями Н. С. Спрогис для проведения качественного исследования с применением айтрекинга был определен минимальный порог числа респондентов для отдельной категории — шесть человек [Фарахутдинов, Панова, 2019: 194].

Юноши и девушки 14—17 лет — школьники. В этом возрасте развитие характеризуется чувством взрослости, формируется готовность ребенка к взрослой жизни, возникает желание показать себя взрослым и добиться признания данного статуса со стороны окружающих. Для подростка характерно стремление продемонстрировать себя полноправным членом общества и социальных групп [Эльконин, 1989; Драгунова, 1961]. Эти изменения обусловлены переоценкой собственных физических и психических возможностей, а также стремлением к самостоятельности [Матяш, Павлова, 2020: 168]. Чувство взрослости формируется в отношениях со сверстниками, средой, другими взрослыми, изменениями в жизни страны (о последнем свидетельствуют лонгитюдные исследования современных подростков [Регуш, 2006]) и той информацией, которая наполняет ребенка в этот период. Включение данного возраста в экспериментальную группу позволяет оценить степень влияния содержащегося в мемах контента на формирование личности.

Молодые люди 18—23 лет — студенческая аудитория. В данном возрасте происходит профессиональное становление, молодежь находится в состоянии поиска, самоопределения «вынужденного выбора жизненного пути» [Матяш, Павлова, 2020: 205]. Для этого возраста характерны поиски самоидентичности, что порождает

⁴ Цифровой детокс — 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него // ВЦИОМ. 2023. 13 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (дата обращения 20.10.2023).

дает кризис, провоцирующий необходимость решения молодежью таких вопросов, как: «Что я собой представляю?», «Куда я иду?». Молодые люди, переживая кризис идентичности, находятся на пути определения своей социальной роли [Регуш, 2006: 21]. В данном случае также важно оценить, как влияет социальный контекст на становление личности в юношеском возрасте.

Возраст молодых людей от 24 до 30 лет — наиболее стабильный период в жизни человека. В этот период молодежь активно входит в социальные взаимодействия, начинает строить карьеру, создавать семью, может происходить переоценка дружеских связей. Акценты смещаются в сторону семейного благополучия, а также углубления профессиональных навыков, получения дополнительных компетенций [Матяш, Павлова, 2020]. В данном случае интересны результаты, полученные в ходе эксперимента, так как они демонстрируют малую восприимчивость этого возраста по отношению к разного рода контенту.

Молодежь в возрасте 31—35 лет находится в состоянии кризиса, связанного с переоценкой жизненного выбора в профессиональной и личной сфере. Поэтому оценка восприимчивости к мемам в данной возрастной группе также актуальна и показательна в соответствии с возрастными изменениями.

Экспериментальное исследование обозначенной выборки позволило выявить особенности считывания мемов на ковидную тематику разными возрастными группами в пределах молодежной аудитории, а также провести анализ с учетом фактора пола в восприятии мемов.

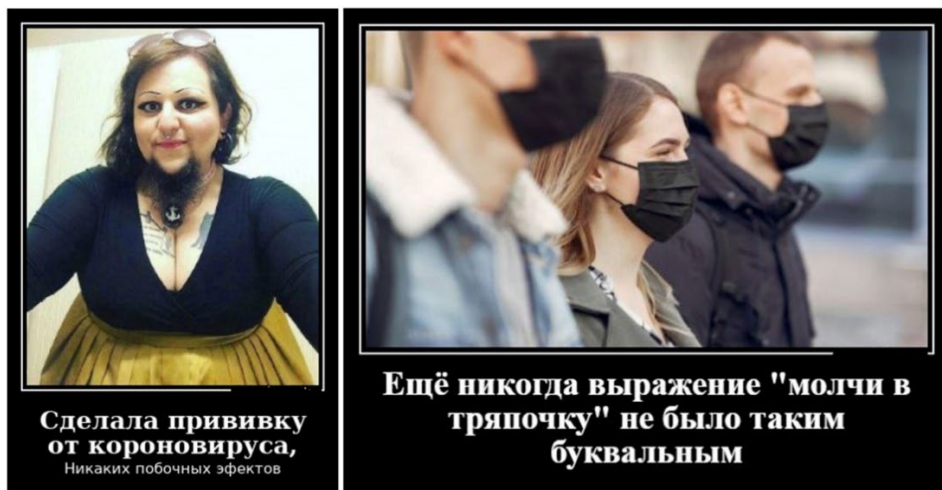
Данные

Материалом исследования послужили тематически ограниченные мемы, относящиеся к жанру «демотиватор». Изначально мы понимаем, что положенная в основу демотиватора тема злободневна, а с помощью отмеченного жанра раскрывается ее суть и формируется отношение к поставленному вопросу. Как отмечает Н. В. Гладкая, «В современном интернет-пространстве реализуется тенденция к разрушению авторитетов, а также высмеиванию сложных социальных и политических ситуаций. Формируется новый „демотиваторный тип мышления“» [Гладкая, 2020: 17]. Отмеченный формат коммуникации представляется удобным, потому что позволяет смотреть на серьезные вещи, события сквозь призму иронии, сарказма, выражаемые резким контрастом между изображением и надписью, нарушающими логику и вызывающими эмоциональную реакцию адресата. Мемы ковидной темы были отобраны в социальной сети «ВКонтакте» и некоторых Telegram-каналах посредством детерминированной выборки (отбирались политизированные интернет-мемы, популярность которых была определена количеством лайков и репостов). Общий объем языкового материала, предложенного респондентам, составил десять меметических единиц, в том числе по теме COVID-19. Результаты представленного в статье исследования проиллюстрированы с помощью двух демотиваторов, ярко отражающих специфику мемов периода пандемии (оба демотиватора были отражены в социальной сети VK. Первый мем имел 150 лайков и 20 репостов, второй понравился 113 пользователям и транслировался 25 раз).

Выводы исследования дополняют полученные в мировой науке результаты изучения мемов о коронавирусной инфекции, расширяя ее благодаря применяе-

мым методам, что является уникальным в данном направлении. Рассмотрим некоторые примеры (см. рис. 1).

Рис. 1. Мемы, содержащие контекст пандемии⁵

Первый мем создан по принципу контраста путем представления нетипичного образа женщины, имеющей бороду. Мем направлен на формирование негативного отношения к вакцинации против коронавирусной инфекции посредством комического эффекта, возможного благодаря совокупному прочтению вербального и визуального рядов демотиватора. Эффект комизма возникает в момент осмысления контрастного визуального образа (женщина с бородой) и вербальной информации: «Сделал прививку от коронавируса, никаких побочных эффектов». Именно комическое осмысление позволяет осуществить переоценку ситуации, изменить ее ценностную ориентацию, на что и направлен демотиватор. Таким образом, адресату непрямо демонстрируются потенциальные последствия от прививки.

Второй мем основан на принципе переноса (по классификации Ю. Р. Тагильцевой) [Тагильцева, 2021: 126]. Действия, направленные на поддержку социальных мер защиты — ношение масок, — наделяются негативной коннотацией, отмеченной в вербальной части демотиватора: «Еще никогда выражение „молчи в тряпочку“ не было таким буквальным». Данный демотиватор не только формирует негативное отношение к средствам индивидуальной и общественной защиты, но и оказывает влияние на отношение к официальным мерам регуляции сложной ситуации, связанной с пандемией, так как значение выражения «молчи в тряпочку» имеет отрицательные коннотации⁶.

⁵ Источник изображения: социальная сеть «ВКонтакте».

⁶ «Молчать в тряпочку. Помолчать в тряпочку. Прост. Не высказывать в слух свое мнение, свои взгляды, мысли; не высказываться» [Фразеологический словарь русского языка, 1978].

Процедура

Исследование реализовывалось в два этапа. Первый предполагал выявление ключевых вербально-иконических компонентов интернет-мемов, привлекающих особое внимание респондентов, и проводился на стационарном айтрекере Tobii Pro Scerum (150 Hz). Каждый стимул демонстрировался в течение 20 секунд с промежутком в одну секунду или более (в случае демонстрации мотивирующих текстов для снятия визуального напряжения испытуемых). «Вхождение» взгляда на стимул было организовано принудительно с центральной точки фиксации взгляда.

В результате проведения окулографии были получены тепловые карты, позволяющие оценить, какие визуальные и (или) вербальные элементы интернет-мемов ковидной темы удерживают внимание молодежной аудитории. При чтении тепловой карты опора идет на цветовые ориентиры, где: красный цвет — максимальное количество времени фиксации взгляда на элементе изображения; оранжевый, желтый — среднее, но также значимое количество времени фиксации на фрагменте мема; зеленый, бледно-зеленый — минимальное количество времени фиксации взгляда, то есть респондент практически не обращал внимание на фрагмент мема, прочитывал его «вскользь». Отсутствие цвета на тепловой карте обозначает, что целенаправленное восприятие данного фрагмента изображения респондентом не осуществлялось, взгляд на него не перемещался.

На втором этапе испытуемым предлагалось расшифровать увиденное. Выявление понимания было реализовано посредством анонимного анкетирования. К продемонстрированным на айтрекере изображениям были предложены вопросы:

1. Как вы понимаете смысл представленного изображения?
2. Согласны ли Вы со смыслом?
3. На что Вы обратили внимание в первую очередь?
4. Какие эмоции вызвало изображение?

Перечень вопросов был направлен на уточнение смыслов, элементов — «якорей», которые были определены в результате окулографии. Изучение возрастных особенностей восприятия позволило качественно проработать распространяемый материал, определить ключевые смысловые доминанты, служащие своеобразными «якорями» в молодежной аудитории. Выявление сходств и различий в понимании интернет-мемов дало возможность оценить воздействующий потенциал «мягкой силы» в разнопоколенных группах молодежи с учетом фактора пола. Применение анонимного анкетирования показало максимально объективную картину, так как от респондентов были получены откровенные ответы.

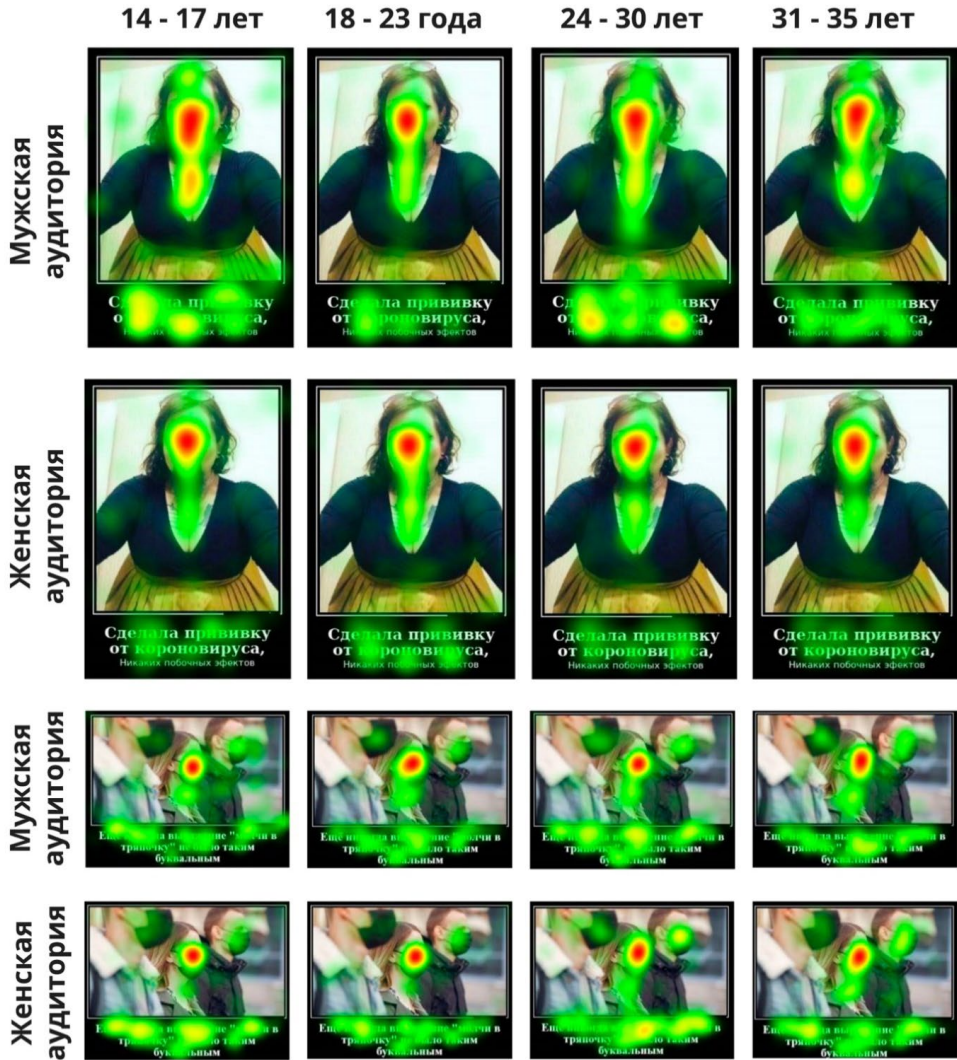
Результаты

В результате проведения исследования были получены следующие тепловые карты. Представим их в соответствии с половыми и возрастными различиями (см. рис. 2).

Чтобы решить исследовательские задачи — выявление ключевых вербально-иконических компонентов интернет-мемов, привлекающих особое внимание респондентов, и интерпретация смысловой составляющей интернет-мемов

в рамках проведения анкетирования принявших участие в исследовании на айтрекере, — мы получили следующие результаты (см. табл. 1).

Рис. 2. Тепловые карты групп респондентов с учетом факторов пола и возраста⁷

⁷ Источник изображения: авторы.

**Таблица 1. Анализ тепловых карт первого мема
с опорой на возрастную и гендерную специфику восприятия**

Возрастная группа 14—17 лет	
Мужская выборка	Женская выборка
Концентрация взгляда на лице женщины, а также на зоне декольте. В этих зонах на тепловых картах присутствует красный цвет, что говорит о максимальной фиксации взгляда на этих фрагментах мема. Также отметим фиксацию взгляда на вербальной составляющей, но не на отдельных лексемах, а на тексте целиком.	Пристальный обзор лица женщины, но в значительно меньшей степени рассмотрены другие элементы демотиватора. В вербальной части мы можем наблюдать незначительное скольжение по лексемам «прививка», «коронавирус».
Возраст 18—23 года	
Мужская выборка	Женская выборка
Объединим описание возрастной группы, так как различия в восприятии мема отсутствуют. Основная фиксация взгляда на лице женщины, но в меньшей степени, чем это было в предыдущей возрастной группе. Взгляд переходит на зону декольте. В меньшей степени представлена фиксация на вербальном компоненте, и здесь мы наблюдаем фрагментарное считывание текста: затронуты формы «сделал», «коронавируса».	
Возраст 24—30 лет	
Мужская выборка	Женская выборка
Распределение взгляда по всему демотиватору. По-прежнему наибольшая концентрация взгляда отмечается в области лица женщины, далее мы фиксируем скольжение взгляда по зоне декольте, и наблюдается фиксация на тексте. В данном случае, как и у юношей в возрастной группе 14—17 лет, мы видим полное прочтение текста.	Внимание только на лице, при этом в основном на центральной части: судя по всему, привлекает макияж глаз. Незначительная фиксация на зоне декольте и практически отсутствие взгляда на тексте. Бледно-зеленым выделены слова «сделал», «прививку», «коронавируса».
Возраст 31—35 лет	
Мужская выборка	Женская выборка
Внимание на лице женщины с переходом на декольте. Вербальная информация просмотрена вся, но без длительной фиксации.	Продолжительный взгляд респондентов фиксируется только на лице женщины, в центральной части, в меньшей степени просмотрена зона декольте и бегло просмотрен текст.

В результате анализа тепловых карт реакций на первый мем можно выделить два ключевых образа: лицо женщины с бородой — противоречивый образ, а также вербальные компоненты «прививка» и «коронавирус». В категорию ключевых образов мы не включаем декольте женщины, так как эта часть не отвечает целям исследования, и внимание к ней может быть обусловлено фактором пола и побочным приемом привлечения внимания — сексуализацией объекта.

На следующем этапе респондентами была предложена интерпретация смысловой составляющей увиденного изображения, а также получена обратная связь относительно эмоционального восприятия мема.

В пределах возрастной группы 14—17 лет следует отметить повышенную буквальность в определении смысла демотиватора. Молодые люди напрямую указывают, что после вакцинации от COVID-19 у женщины выросла борода. Возрастная

группа выразила несогласие с идеей мема, но встретились ответы, поддержавшие контекст изображения. В совокупности из 12 респондентов согласились с переносным смыслом (малая изученность последствий вакцинации) пять человек. Также следует отметить, что даже те, кто не согласился со смыслом, подчеркнул положительную сторону мема: изображение вызвало смех, улыбку, положительные эмоции.

Представители молодежи 18—23 лет наряду с определением прямого смысла назвали и комическую интерпретацию мема. Однако если в предыдущей возрастной группе говорилось о несогласии с истинным смыслом мема, то в данной возрастной группе, отмечая комический подход к трансляции темы, молодежь поддержала смысл в половине случаев (6 из 12), поддержала смысл, давая утвердительные ответы на вопрос: «Согласны ли Вы со смыслом?».

В ответах респондентов 24—30 лет можно наблюдать более критическую интерпретацию, определяющую мем и как иронию, и как возможное предостережение. Выявленные смыслы чаще демонстрируют несогласие с передаваемым смыслом, на что указывают отрицательные ответы респондентов (10 из 12). Среди эмоций, вызванных данным мемом, отмечаются в основном «нейтральные» или «отвращение».

Молодежь возрастной группы 31—35 лет, отвечая на вопрос о смысле мема, в основном дает прямое толкование, часто с выражением собственного отношения к теме. Встретились ответы, оценивающие демотиватор как «бред», «неудачный демотиватор». При этом согласие с содержанием мема выразили лишь три респондента из 12. В ответах, содержащих эмоциональные реакции, встречаются выражения, описывающие недовольство и усталость от «популярности» этой темы: избитая тема, отвращение от изображения и прививок, никаких эмоций.

Результаты качественного анализа подтверждаются количественными оценками, когда во всех восьми контрастных группах согласие со смыслом первого мема по медиане колеблется в пределах от $-0,75$ до -1 (здесь и далее по шкале от -1 , то есть полного несогласия, до 1 , то есть полного согласия). В то же время эмоциональные реакции в группах преимущественно нейтральные или амбивалентные, где медианы оценок составляют 0 (здесь и далее по шкале от -1 , то есть сильных отрицательных эмоций, до 1 , то есть сильных положительных эмоций), кроме женской выборки возраста 18—23 года (медиана $-0,75$) и мужской выборки возраста 31—35 лет (медиана $-1,00$). Последнее подтверждается наличием статистической тенденции различий между мужской и женской выборками возраста 31—35 лет ($U = 7,0$ при $p = 0,074$), где мужчины при восприятии мема испытывают более негативные эмоции (медиана $-1,00$), чем их сверстницы-женщины (медиана $0,00$). Кроме того, в данной возрастной группе присутствуют статистически значимые различия в количестве фиксации ($U = 4,0$ при $p = 0,014$) и общем времени фиксации ($U = 4,0$ при $p = 0,014$) на зоне интереса «никаких эффектов», где мужчины на данный текст смотрят чаще и дольше иных групп (подтверждается данными по критерию Краскела-Уоллиса, где $\chi^2 = 5,98$ при $p = 0,014$ и $\chi^2 = 6,00$ при $p = 0,014$ соответственно), а женщины не просматривают его вовсе.

При анализе результатов исследования второго мема следует отметить, что для каждой возрастной группы характерна фиксация взгляда на женщине в ма-

ске, что, вероятно, обусловлено ее позицией на изображении — четко просматривается образ. Далее взгляд представителей всех возрастов переходит на маски рядом стоящих мужчин. Визуальный ряд просматривается всеми респондентами с разной степенью фокусировки (см. табл. 2).

**Таблица 2. Анализ тепловых карт второго мема
с опорой на возрастную и гендерную специфику восприятия**

Возрастная группа 14—17 лет	
Мужская выборка	Женская выборка
Внимание респондентов было сосредоточено в основном на визуальной части мема. Просматривается фрагментарное изучение текста. Молодые люди просмотрели отдельные слова, по тепловой карте видно отсутствие стандартного чтения.	Девушки сфокусировались на центральном образе визуального ряда, с переключением взгляда на маски мужчин. Текст прочитан полностью, с фокусировкой внимания на фразе «молчи в тряпочку».
Возраст 18—23 года	
Мужская выборка	Женская выборка
Объединим описание возрастной группы, так как различия в восприятии мема отсутствуют. Одинаково распределен взгляд на визуальную часть — фокусировка на женщине в маске и беглый просмотр масок, рядом стоящих мужчин. Текст респондентами просмотрен бегло, но, в отличие от предыдущей возрастной группы, присутствует полное прочтение.	
Возраст 24—30 лет	
Мужская выборка	Женская выборка
Концентрация внимания на центральном женском образе с переходом на маски соседних персонажей. Чтение текста классическое, не фрагментарное. Судя по интенсивности цвета — вдумчивое.	Обращается внимание не только на центральный образ, но и на мужчину, стоящего слева от женщины в маске. В области прочтения надписи к демотиватору отмечается пристальное внимание только на фразе «молчи в тряпочку».
Возраст 31—35 лет	
Мужская выборка	Женская выборка
Интересное сходство со способом прочтения мема в мужской аудитории 14—17 лет: основная сосредоточенность наблюдается в области визуальной части. Текст просмотрен фрагментарно.	В целом наблюдается такой же способ фиксации взгляда, как и в мужской группе респондентов этого возраста.

Анализ тепловых карт позволил выделить несколько ключевых вербально-визуальных образов, приковывающих внимание респондентов: образ девушки в маске, остальные маски, располагающиеся на картинке, а также текст — в основном идет полное его прочтение, что обусловлено недостаточностью информации в визуальной части, однако в некоторых возрастных группах фиксируется внимание только на фразе «молчи в тряпочку», напрямую связывающей значение фразеологизма и семантику медицинской маски.

Что касается анализа восприятия мема, то в возрастной группе респондентов 14—17 лет наблюдается расхождение в его интерпретации. С одной стороны, это молодежь, не знающая смысла фразеологизма «молчи в тряпочку» и буквально

воспринимающая значение мема, с другой стороны — молодежь, понимающая смысл фразы или интуитивно выстраивающая логическую связь между визуальным и вербальным компонентами. Отмечается также и третий способ интерпретации: его респонденты просто отождествляют как целевую установку мема. В данной возрастной группе больше ответов, выражающих согласие со смыслом мема. Лишь три респондента не согласились с представленным на картинке утверждением. Однако при анализе эмоциональной реакции мы обнаруживаем либо отсутствие эмоций, то есть «никакие; нейтральные», либо ответы, в которых значится, что у респондента увиденное вызвало «смех, улыбку». Отсутствие эмоций по отношению к мему, вероятно, связано с возрастом: молодежь 14—17 лет, как видно по ответам, в целом понимает, о чем идет речь, но эмоциональный фон снижен, в отличие от предыдущего мема, эмоции от которого достигаются за счет контрастного образа.

Возрастная группа 18—23 года также демонстрирует расхождение в интерпретации, при этом часть респондентов считают метафору «ограничения свободы слова» (4 из 12). Другая часть отмечает, что это констатация факта масочного режима в стране или принуждение к его соблюдению (8 из 12). Несмотря на согласие со смыслом мема большинства респондентов, оно происходит с разными смысловыми конструкциями. Одна часть респондентов соглашается с буквальным смыслом фразы (63% от считавших буквальный смысл), другая — с переносным (25% от считавших переносный смысл). В блоке эмоциональных реакций присутствуют ответы, передающие или нейтральные эмоции, или смех.

В возрастной группе 24—30 лет не встречаются ответы, демонстрирующие непонимание контекста. В данном случае присутствуют две группы ответов: 1) констатация факта юмора над темой ковида; 2) интерпретация истинного смысла демотиватора с выражением собственного отношения к вопросу, чаще всего именно политического и негативного. В ответе на вопрос о согласии с предложенным смыслом 10 из 12 респондентов ответили «да». Остальные дали осмысленные, взвешенные ответы, подтверждающие самостоятельность в вопросе ношения маски или поддержку антиковидных мер. В эмоциональном восприятии отмечается или нейтральность, или злость за очередное напоминание о масочном режиме.

Возрастная группа 31—35 лет как дает интерпретации в буквальном смысле, так и передает то значение, в котором представлен мем. Встретились ответы, демонстрирующие непонимание смысла. Все респонденты, определившие метафорический смысл мема, подтвердили согласие с ним. Встречается и несогласие, но оно, как правило, демонстрирует или непонимание смысла, или понимание лишь юмористического подтекста демотиватора. В эмоциональном плане присутствуют ответы «грусть, негатив, печальное согласие, отрицательные», но в целом эмоции можно охарактеризовать как нейтральные.

Результаты качественного анализа подтверждаются количественными оценками, когда во всех восьми контрастных группах согласие со смыслом второго мема по медиане колеблется в пределах от 0,25 до 1. При этом эмоциональные реакции в группах в основном нейтральные или амбивалентные, где медианы оценок составляют 0, кроме женской выборки 24—30 лет (медиана 0,50). Тем не менее статистически значимых различий в оценках согласия и эмоциональных реакций

в контрастных группах не выявлено (это может быть следствием малой чувствительности непараметрических критериев). Однако присутствует статистически значимое различие в общем времени фиксации ($\chi^2 = 5,96$ при $p = 0,015$) на зоне интереса «маска мужчины слева»: мужчины возрастной группы 31—35 лет смотрят на нее дольше других (медиана 1 секунда), а мужчины и женщины возрастной группы 18—23 года практически не останавливают на ней взгляд (медиана 0 секунд).

Дискуссия

Мемы, посвященные теме COVID-19, распространены в цифровом пространстве. Их использование может приводить к распространению определенных мнений и эмоциональных реакций, зачастую ориентированных на сопротивление вводимым мерам по профилактике распространения COVID-19. Такой подход можно считать эффективным, на что нам указывают не только существующие в научном дискурсе исследования. Пандемия обострила противоречия между обществом и государством, спровоцировав панические настроения [Катермина, Липириди, 2022: 99] и когнитивное сопротивление ограничительным мерам [Бабич, Батыков, 2022: 35], ощущение пониженной работоспособности и депрессию [Щербатых, 2022: 324] и т. д. Сильная эмоциональная реакция проявилась и на индивидуальном, и на коллективном уровне [Kruzhkova et al., 2021: 468]. Анализ демотиваторов, поднимающих эту тему, в очередной раз обозначил актуальность изучения способов воздействия на общественное мнение. Проведенное исследование позволило расширить данную научную тему и сделать ряд выводов.

Следует обозначить имеющиеся в зарубежном научном дискурсе результаты экспериментальных исследований, связанных с изучением восприятия мемов посредством окулографии. Ю. Акрам и соавторы с помощью айтрекера получили интересные данные, посвященные роли депрессивных мемов в восприятии лиц, страдающих депрессией. Выяснилось, что такие мемы чаще привлекают внимание таких людей, чем нейтральные, что позволило коллективу авторов сделать вывод о взаимосвязи между депрессией и реакцией на социально-эмоциональные значимые стимулы [Akram et al., 2020].

Применяемые в мемах образы и их корреляция с текстовыми фрагментами способны оказывать влияние на решение относительно вакцинации. С. Н. Гениоле и коллеги получили результаты, свидетельствующие о том, что мемы о вакцинации способны оказывать влияние на положительное решение населения вакцинироваться [Geniole et al., 2022].

Нами рассмотрены мемы, имеющие негативный посыл, антиковидные меры в них освещаются в негативном ключе. При этом в научном дискурсе представлены исследования, подчеркивающие позитивные стороны распространения интернет-мемов на тему пандемии, в частности, В. С. Котова пришла к выводу, что мемы на тему COVID-1 способствуют сохранению спокойствия и осознанности, поскольку пандемия — это проблема всего мира, а не отдельной личности, послание о чем и передают мемы. Положительное влияние также оказывает юмористический формат представления темы, что позволяет несколько снизить ее эмоциональную значимость в глазах адресата [Котова, 2021: 109]. Аналогичный подход встречается в зарубежных источниках. Например, исследования А. Т. Хюс-

сеин и Л. Н. Алджамили посвящены анализу конкретных семиотических паттернов в карикатурах и мемах, связанных с COVID-19, в иорданских социальных сетях, в результате чего сделаны выводы о том, что юмор используется как средство, улучшающие «мрачные» настроения из-за пандемии [Hussein, Aljamili, 2020]. Вне всякого сомнения, комический посыл смягчает подачу информации, но между тем сарказм нередко используется с целью дискредитации.

Анализ результатов, полученных в ходе работы с респондентами, позволяет сделать некоторые предположения о специфике восприятия мемов представителями разных возрастов.

Молодежь 14—17 лет в большей степени склонна к буквальной интерпретации смыслов. Для этого возраста существует два варианта: плохой и хороший. Подробный анализ смыслов, представленных в мемах позволяет юношам и девушкам сделать выбор «за» или «против». В плане эмоционального восприятия у группы отмечаются или нейтральные эмоции, или ощущение положительных эмоций от комического способа подачи информации. Такое восприятие возможно в силу низкого уровня готовности к серьезному пониманию глубинных смыслов политических вопросов. Такой вывод дает основание полагать, что респонденты находятся в группе риска по воздействию на них посредством интернет-мемов: низкий уровень критичности и буквализм делают молодых людей уязвимыми для воздействия «мягкой силы» и способствуют формированию искаженного понимания общественно-социальных процессов.

В возрастной группе 18—23 года наблюдается повышение уровня критического восприятия информации, но большинство респондентов выражают согласие и поддержку смысловой составляющей мемов, причем чаще это относится к юношам, нежели девушкам. Составление мнения в данной возрастной группе во многом зависит от сформированной личной позиции молодого человека, от его социального статуса, взаимоотношений с обществом, куда входят и родители, и сверстники, и коллеги. Однако группу также стоит считать наиболее уязвимой перед деструктивным контентом в силу повышенной эмоциональности и фрагментарности восприятия мема.

В группе 24—30 лет отмечается наличие критического подхода к переосмыслению распространяемых в интернете изображений, но наряду с выражением согласия по отношению к содержанию мемов появляется собственное аргументированное мнение о контенте. Мнение респондентов в этой возрастной категории во многом не совпадает с посылом мемов. Однако часть ответов респондентов данной группы также демонстрируют согласие с передаваемым смыслом, что в целом свидетельствует о распространенности определенного мнения в социуме.

Молодежь 31—35 лет, так же как и представители предыдущей возрастной группы, проявляет осознанный подход к определению смыслов, но при этом следует отметить резко негативное отношение к феномену, событию или политическому факту, заявленному в меме. Большинство респондентов при ответе на вопросы анкеты, соглашались с оппозиционным посылом мема. В качестве основных эмоциональных реакций отмечаются злость, смех, ненависть.

Перечисленные основные моменты, связанные с восприятием интернет-мемов, позволяют говорить о соответствии последних стратегическим задачам техно-

логии «мягкая сила». В данном случае особую роль играет именно структурные и функциональные характеристики мемов: яркие, неординарные образы, зачастую имеющие прецедентный характер; емкость смыслового компонента, достигаемая за счет вербально-визуальной корреляции, юмористический подход в подаче материала.

Вышеизложенное позволяет выделить механизм реализации «мягкой силы» через интернет-мемы. На фоне значимости темы, заявленной в демотиваторе, происходит первичный эмоциональный отклик, который провоцирует центрацию внимания адресата. На следующем этапе происходит расшифровка смысла демотиватора, далее его интерпретация. Осознание смысла способствует формированию вторичной эмоциональной реакции на его содержание, которая уже может отличаться от той, что возникла в самом начале знакомства с мемом. На основе этого происходит согласие или несогласие со смыслом. И далее возможно несколько вариантов: если изначально человек согласен со смыслом, происходит групповая поляризация, то есть усиление первоначальной позиции. Если не согласен — адресат может начать сомневаться. Мем в данном случае запускает мыслительные процессы, что подтверждается в работах С. Шомовой. Исследователь отмечает особую специфику мема, воздействующего на подсознание адресата. Содержание мема может одновременно и раздражать, и смешить, и сердить адресата, при этом человек не до конца понимает, что именно его так привлекает, воспроизводя в памяти мем снова и снова, пока не осознает заложенную в нем идею [Шомова, 2015: 30—31].

Заключение

Анализ тепловых карт позволил сделать некоторые предположения о привлекательности таких вербально-визуальных единиц в рамках рассматриваемой тематики, как образы, построенные на контрасте, состоящие из элементов, противоречащих друг другу. На вербальном уровне встречаются сравнительные обороты, метафоры. Если визуальный ряд отсылает к комически представленным предполагаемым последствиям вакцинации, можно встретить такие комментарии, как «побочка», «вакциношвайн», «цифровой пропуск» и пр.

Анализ возрастной специфики с учетом фактора пола при восприятии интернет-мемов демонстрирует различия в гендерном аспекте: женская часть респондентов менее агрессивна в выражении эмоций и отношении к содержанию мемов, в мужской выборке больше ответов, сопряженных с негативным отношением, эмоциональной реакцией на происходящее. Говоря о возрастных особенностях восприятия текстов, следует отметить, что 14—17 лет — наиболее уязвимый возраст при моделировании социальной и политической реальности, так как молодежь отличается буквализмом в восприятии текстов, не всегда критически осмысливает предлагаемую информацию, при этом имеет сниженную эмоциональную реакцию. В возрастных группах 18—24 и 24—30 лет наблюдается критический подход к определению смыслов, но при этом присутствует частотность согласий с деструктивным посылом мемов и повышенная эмоциональность в их восприятии, что также делает уязвимой данную группу молодежи. В возрасте 31—35 лет, так же как и в предыдущей возрастной группе, проявляется осознанный подход

к определению смыслов, но при этом и резко негативное отношение к феномену, событию или политическому факту, заявленному в меме. Большинство респондентов при ответе на вопросы анкеты соглашались с контекстом рассмотренных мемов. В качестве основных эмоциональных реакций на предъявляемый материал у респондентов отмечаются злость, смех, ирония, ненависть. Учитывая общее состояние «накала» эмоций, связанного с пандемией, группа респондентов потенциально может оказаться в зоне воздействия мема как инструмента «мягкой силы».

Ограничения исследования

Ограничением исследования является размер выборки респондентов. Однако данное ограничение частично было компенсировано применением высоконадежного метода окулографии. Кроме того, исследование проводилось в одном регионе — Свердловской области, что может влиять на полученные данные из-за лингвокультурной специфики других регионов РФ. Как ограничение следует обозначить и уровень интеллектуальных данных респондентов. В основном в выборке молодые люди из семей педагогов, студенческая молодежь, получающая высшее образование, работающие в университете молодые преподаватели, так или иначе реализующие траекторию личностного развития. В контексте данного исследования целесообразно в дальнейшем посмотреть результаты восприятия мемов представителями различных молодежных субкультур, объединений, а также маргинальных слоев населения.

Список литературы (References)

1. Бабич Н. С., Батыков И. В. Когнитивное сопротивление воздействиям со стороны государства в России (на примере вакцинации от COVID-19) // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 2. С. 26—38. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9025>.
Babich N. S., Batykov I. V. (2022) Cognitive Resistance to Government Influences in Russia (The Case of COVID-19 Vaccination). *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 10. № 2. P. 26—38. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9025>. (In Russ.)
2. Вакушенко Т. Д. Влияние интернет-среды на молодежь // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер: сборник научных статей. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2022. С. 4—8.
Vakushenko T. D. (2022) The Influence of the Internet Environment on Youth. In: *Improving the Quality of Professional Training of Specialists in the Social and Educational Spheres: A Collection of Scientific Articles*. Vitebsk: Vitebsk State University. P. 4—8. (In Russ.)
3. Горбачева А. В., Берлин Хенис А. А., Пучкова А. Н., Осадчий М. А. Сложность восприятия демотиваторов и мемов: экспериментальное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 2. С. 74—86. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7>.

- Gorbacheva A. V., Berlin Khenis A. A., Puchkova A. N., Osadchi M. A. (2021) Experimental Study of Demotivators and Memes Perception Complexity. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. Vol. 20. No. 2. P. 74—86. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7>. (In Russ.)
4. Гладкая Н. В. К вопросу о демотиваторах как неотъемлемой составляющей интернет-дискурса // Новые горизонты русистики. 2020. № 11. С. 14—20.
Gladkaya N. V. (2020) About the Demotivator as an Intolerable Internet-Discourse Component. *New Horizons of Russian Studies*. No. 11. P. 14—20. (In Russ.)
 5. Горбатов Д. С., Гурушкин П. Ю. Приемы пропаганды в новостных интернет-мемах мессенджера телеграмм // Власть. 2021. Т. 29. № 3. С. 26—35. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8128>.
Gorbatov D. S., Gurushkin P. Y. (2021) Techniques of Propaganda in Internet News Memes of the Telegram Messenger. *Vlast'*. Vol. 29. No. 3. P. 26—35. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8128>. (In Russ.)
 6. Драгунова Т. В. Вопросы психологии личности школьника: о некоторых психологически особенностях подростка. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1961.
Dragunova T. V. (1961) Questions of the Psychology of the Personality of a Schoolchild: About Some Psychological Characteristics of a Teenager. Moscow: The Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. (In Russ.)
 7. Ермаков Ю. А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 119. № 4. С. 215—225.
Ermakov Yu. A. (2013) “Soft power” of Social and Political Manipulations by the Man. *Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. Vol. 119. No. 4. P. 215—225. (In Russ.)
 8. Катермина В. В., Липириди С. Х. Лексика пандемии коронавируса как отражение эволюции социума. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 95—105.
Katermina V. V., Lipiridi S. Ch. (2022) Vocabulary of the Coronavirus Pandemic as a Reflection of the Evolution of Society. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. No. 1. P. 95—105 (In Russ.)
 9. Костина А. В. «Мягкая сила» как «жесткая сила»: «цветные революции» // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 171—183. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.1.13>.
Kostina A. V. (2019) “Soft Power” as “Hard Power”: “Color Revolutions”. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 1. P. 171—183. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.1.13>. (In Russ.)
 10. Котова В. С. Мемы на тему ковида как летопись пандемии // Медиасреда. 2021. № 1. С. 102—113. <https://doi.org/10.47475/2070-0717-2021-10117>.
Kotova V. S. (2021) Covid Memes as a Chronicle of the Pandemic. *Media Environment*. No. 1. P. 102—113. <https://doi.org/10.47475/2070-0717-2021-10117>. (In Russ.)

11. Матяш Н. В., Павлова Т. А. *Возрастная психология*. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. <https://doi.org/10.23681/578503>.
Matyash N. V., Pavlova T. A. (2020) *Age-Related Psychology*. Moscow; Berlin: Direkt-Media. <https://doi.org/10.23681/578503>. (In Russ.)
12. Микитинец О. И., Чебыкин Д. Д. Инструменты «мягкой силы»: опыт культурологического осмысления // *МедиаВектор*. 2022. № 6. С. 135—139.
Mikitinets O. I., Chebykin D. D. (2022) Tools of “Soft power”: Experience of Cultural Understanding. *MediaVector*. No. 43. P. 135—139. (In Russ.)
13. Регуш Л. А. *Проблемы психического развития и их предупреждение (от рождения до пожилого возраста)*. СПб.: Речь, 2006.
Regush L. A. (2006) *Problems of Mental Development and Their Prevention (from Birth to Old Age)*. Saint Petersburg: Rech. (In Russ.)
14. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // *Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН*. 2010. № 10. С. 173—192.
Rusakova O. F. (2010) The Concept of “Soft Power” in Contemporary Political Philosophy. *Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS*. No. 10. P. 173—192. (In Russ.)
15. Строганов В. Б. Манипулятивные технологии soft power в Интернете // *Дискурс-Пи*. 2017. № 3—4. С. 155—160. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.155160>.
Stroganov V. B. (2017) Manipulative Soft Power Technologies in the Internet. *Discourse-P*. No. 3—4. P. 155—160. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.155160>. (In Russ.)
16. Тагильцева Ю. Р. Приемы информационно-психологического воздействия в статических поликодовых текстах, посвященных самоизоляции // *Политическая лингвистика*. 2021. № 2. С. 127—133. https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_02_12.
Tagiltseva Yu. R. (2021) Techniques of Information and Psychological Impact in Static Polycode Texts on Lockdown. *Political Linguistics*. No. 2. P. 127—133. https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_02_12. (In Russ.)
17. Фарахутдинов Ш. Ф., Панова А. В. Айттрекинг в маркетинговых и социологических исследованиях // *Социология*. 2019. № 5. С. 189—198.
Farakhutdinov Sh. F., Panova A. V. (2019) Eye Tracking in Marketing and Sociological Research. *Sociology*. No. 5. P. 189—198. (In Russ.)
18. Федосеева О. И. *Технология «мягкой силы»: сущность, инструменты и маркеры воздействия // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года*. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 289—300.

- Fedoseeva, O. I. (2023) Technology of “Soft Power”: Essence, Tools and Markers of Influence. In: *Pedagogy and Psychology in the Activities of Law Enforcement Officers: Integration of Theory and Practice. Proceedings of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, October 27, 2023*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 289—300. (In Russ.)
19. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова [и др.]; под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978.
Molotkov A. I. (ed.) (1978) *Phraseological Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Russian Language. (In Russ.)
 20. Шомова С. А. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22. С. 28—41.
Shomova S. A. (2015) *The Political Internet Meme: Essence, Characteristics, Types*. *Business. Society. Power*. No. 22. P. 28—41. (In Russ.)
 21. Шомова С. А. Мемы как они есть. М.: Аспект Пресс, 2019.
Shomova S. A. (2019) *Memes as They Are*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
 22. Шомова С. А. Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 399—424. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1977>.
Shomova S. A. (2021). *Meme-Chronicler: Representation of the News Agenda of the Pandemic in Memetic Content of the Runet*. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. Vol. 5. P. 399—424. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1977>. (In Russ.)
 23. Щербатых Ю. В. Стресс в период пандемии COVID-19 и способы профилактики постковидного синдрома // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2022. № 1. С. 319—331.
Shcherbatykh Yu. V. (2022) *Stress during the COVID-19 Pandemic and Ways to Prevent Post-Covid Syndrome*. *The Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia*. No. 1. P. 319—331. (In Russ.)
 24. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
Elkonin D. B. (1989) *Selected Psychological Works*. Moscow: Pedagogy. (In Russ.)
 25. Akram U., Ellis J. G., Cau G., Hershaw F., Ashlieen R., Lowe M., Trommelen C., Drabble J. (2021) *Eye Tracking and Attentional Bias for Depressive Internet Memes in Depression*. *Experimental Brain Research*. Vol. 239. P. 575—581. <https://doi.org/10.1007/s00221-020-06001-8>.
 26. Boudry M., Hofhuis S. (2018) *Parasites of the Mind. Why Cultural Theorists Need the Meme’s Eye View*. *Cognitive Systems Research*. Vol. 52. P. 155—167. <https://doi.org/10.1016/j.cogsys.2018.06.010>.
 27. Gadi A. (2023) *Smile! It’s only Covid: Analyzing Covid-19 Internet Memes*. *Journal of Creativity*. Vol. 33. No. 1. P. 100049. <https://doi.org/10.1016/j.jyoc.2023.100049>.

28. Gartus A., Klemer N., Leder H. (2015) The Effects of Visual Context and Individual Differences on Perception and Evaluation of Modern Art and Graffiti Art. *Acta Psychologica*. Vol. 156. P. 64—76. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2015.01.005>.
29. Gartus A., Helmut L. (2014) The White Cube of the Museum Versus the Gray Cube of the Street: The Role of Context in Aesthetic Evaluations. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. No. 8. P. 311—320. <https://doi.org/10.1037/a0036847>.
30. Hussein A. T., Aljamili L. N. (2020) Covid-19 Humor in Jordanian Social Media: A Socio-Semiotic Approach. *Heliyon*. Vol. 6. No. 12. P. e05696. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05696>.
31. Kruzhkova O. V., Simonova I. A., Ljovkina A. O., Krivoschekova M. S. (2021) Vandal Practices as a Psychological Response to the COVID-19 Pandemic. *Changing Societies & Personalities*. Vol. 5. No. 3. P. 452—480. <https://doi.org/10.15826/csp.2021.5.3.145>.
32. Nye J. S., Jr. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, NY: Public Affairs.
33. Piata A. (2016) When Metaphor Becomes a Joke: Metaphor Journeys from Political Ads to Internet Memes. *Journal of Pragmatics*. Vol. 106. P. 39—56. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2016.10.003>.
34. Ross A. S., Rivers D. (2017). Digital Cultures of Political Participation: Internet Memes and the Discursive Delegitimization of the 2016 US Presidential Candidates. *Discourse, Context & Media*. Vol. 16. P. 1—11. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001>.
35. Shawn N., Geniolea B., Bird M., Witzel A., McEvoy J., Proietti V. (2022) Preliminary Evidence that Brief Exposure to Vaccination-Related Internet Memes May Influence Intentions to Vaccinate Against COVID-19. *Computers in Human Behavior*. Vol. 131. No. 2. Art. 107218. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107218>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2649](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2649)**К. И. Казенин, Е. С. Митрофанова****ТРАДИЦИЯ И ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ?
ОПЫТ АНАЛИЗА ПОДХОДОВ К РЕШЕНИЮ О РОЖДЕНИИ ДЕТЕЙ
СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ И РЕГИОНОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА****Правильная ссылка на статью:**

Казенин К. И., Митрофанова Е. С. Традиция или осознанный выбор на жизненном пути? Опыт анализа подходов к решению о рождении детей среди жителей сельских территорий и регионов Северного Кавказа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 275—296. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2649>.

For citation:

Kazenin K. I., Mitrofanova E. S. (2024) Following Traditions or Conscious Choice during the Life Course: An Analysis of Fertility Decision Making in Russian Population Groups with Higher Fertility. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 275–296. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2649>. (In Russ.)

Получено: 04.07.2024. Принято к публикации: 01.10.2024.

ТРАДИЦИЯ ИЛИ ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ? ОПЫТ АНАЛИЗА ПОДХОДОВ К РЕШЕНИЮ О РОЖДЕНИИ ДЕТЕЙ СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ И РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

КАЗЕНИН Константин Игоревич — независимый исследователь, Москва, Россия
E-MAIL: konstantinkazenin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

МИТРОФАНОВА Екатерина Сергеевна — научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: mitrofanova-es@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>

Аннотация. В статье рассмотрены результаты качественного исследования отношения к вопросам деторождения и его места в жизненном пути индивида. Методом фокус-групп были изучены мнения жителей тех частей России, где в 2010-е годы наблюдался более заметный рост рождаемости и более молодой возраст материнства, чем по стране в целом. После анализа статистических данных в качестве таких территорий были отобраны две республики Северного Кавказа (Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии), а также сёла в пяти других регионах РФ (Калмыкии, Башкортостана, Ставропольского края, Астраханской и Томской областей).

Исследование показало, что респонденты в целом оказались весьма далеки от подхода к рождению детей, основанного на воспроизводстве традиций предшествующих поколений, от представлений об «обязательности» рождения определенного количества детей к определенному возрасту и т.д. Для опрошенных характерны прагматичные

FOLLOWING TRADITIONS OR CONSCIOUS CHOICE DURING THE LIFE COURSE: AN ANALYSIS OF FERTILITY DECISION MAKING IN RUSSIAN POPULATION GROUPS WITH HIGHER FERTILITY

Konstantin I. KAZENIN¹ — Independent Researcher
E-MAIL: konstantinkazenin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

Ekaterina S. MITROFANOVA² — Research Fellow, Centre for Regional Studies and Urban Studies
E-MAIL: mitrofanova-es@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>

¹ Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The paper examines the results of a quantitative survey of attitudes towards childbearing among people living in those parts of Russia, which were characterized by a more noticeable increase in the birth rate than in the country as a whole, as well as a younger age of motherhood in the 2010s. These are the Northern Caucasus and rural territories of several regions. The study is based on focus groups held in two republics of the Northern Caucasus (Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia) and among the rural population of five regions in other parts of the country (Kalmykia, Bashkortostan, Stavropol Territory, Astrakhan, and Tomsk regions).

The respondents generally did not accept the approach to childbearing, which assumes reproducing fertility patterns of older generations and considers having a certain number of children to certain ages as “obligatory.” Much more “pragmatical” attitudes dominated among the respondents. Age at childbearing and the number of children was considered a matter of a couple’s free choice, not con-

взгляды на родительство: число детей и возраст деторождения рассматриваются как самостоятельный, нерегламентированный никакими социальными ограничениями выбор пары; подчеркивается важность совмещения родительства с профессиональной самореализацией и отца, и матери; качество воспитания объявляется существенно более важным приоритетом, чем количество детей.

Результаты фокус-групп показали, что у жителей Северного Кавказа и ряда сельских территорий взгляды на деторождение трансформируются сообразно тому, как это происходит в остальных частях страны. Представляет интерес для дальнейшего изучения, как при отсутствии «ценностного разлома» с жителями других регионов, на перечисленных территориях уровни рождаемости остаются выше среднего.

Ключевые слова: рождаемость, фокус-группы, регионы России, демографический переход

strained by any ideals or restrictions accepted in society. The importance of combining parenthood and professional self-realization was emphasized. The “quality” of parenthood, indicated mainly by psychological comfort conditions for all family members, is assigned a higher priority than the number of children.

The results of focus groups showed that among residents of the North Caucasus and a number of rural areas, views on childbearing are transforming in accordance with how it is ongoing in the rest of the country. It is of interest for further study, as in the absence of a “value fault” with residents of other regions, in the listed territories the birth rates remain above average.

Keywords: fertility, focus groups, regions of Russia, demographic transition

Введение¹

Один из ключевых результатов мировых демографических исследований последних десятилетий состоит в том, что уровень рождаемости и ее возрастные характеристики существенным образом зависят от доминирующих в социуме представлений о семье, браке, рождении потомства. Именно с изменениями этих представлений исследователи связывают ключевые трансформации репродуктивного поведения, имевшие место в Европе и Северной Америке в последние два столетия — так называемые Первый и Второй демографические переходы [Демографическая модернизация..., 2006: 67—95, 137—152; Lesthaeghe, 1993; Notestein, 1945; van den Kaa, 1987]. Более «новая» из этих трансформаций, Второй демографический переход (ВДП), начался в странах Западной и Северной Европы в 1960-е годы, а в странах бывшего коммунистического блока — преимущественно в 1990-е годы, после падения Берлинской стены [Sobotka, 2008]. В репродуктивной сфере основные признаки ВДП состояли в увеличении среднего возраста матери при рождении детей всех очередностей, снижении рождаемости до уровня менее двух детей на одну женщину, а также в росте доли детей, родившихся вне зарегистрированного брака. Комплекс взглядов, укрепление которых среди населения

¹ Исследование Е. С. Митрофановой выполнено в рамках НИР госзадания РАНХиГС.

исследователи рассматривают как основную предпосылку ВДП, в наиболее общем виде можно представить следующим образом [van den Kaa, 1994; Sobotka 2008]:

- отказ от точки зрения об «обязательности» для женщин иметь определенное число детей к определенному возрасту;
- признание деторождения сферой самостоятельного выбора каждой пары;
- ориентация на совмещение родительства и профессиональной самореализации и для мужчин, и для женщин;
- ориентация на «качественное» родительство, один из приоритетов которого — психологический комфорт родителей и детей;
- отказ от жесткой связки между браком и деторождением: допущение возможности рождения детей вне зарегистрированного брака и заключения брака без цели деторождения.

В России основные признаки ВДП начали проявляться после 1991 г. [Zakharov, 2008]: число браков и деторождений стало снижаться так, что рождаемость упала ниже уровня простого воспроизводства [Захаров, 2007], а возраст вступления в первый брак и «старта» материнства — расти [Население России, 2014: 78—84]; сожительства начали распространяться в разных слоях общества [Долбик-Воробей, 2003; Захаров, 2007; Шабунова, Калачикова 2015] и постепенно вписываться в приемлемый сценарий начала брачно-партнерской траектории [Казьмина, Пушкарева, 2004: 213; Митрофанова, 2019: 64]; количество деторождений вне брака, соответственно, увеличилось [Население России, 2014: 113—114]. Эти перемены соотносились с изменениями более широкого плана: сама организация жизненного пути россиян в послесоветский период начала отходить от институционализированных сценариев в пользу более вариативных моделей формирования календаря наступления демографических событий согласно собственным представлениям и интериоризированным нормам [Митрофанова 2019: 62—68].

Помимо «количественного» аспекта происходящих трансформаций, которые были подтверждены статистикой и результатами выборочных обследований, также важна «качественная» сторона демографической модернизации: стали ли представления о браке и деторождении меняться в том направлении, которое предсказывается ВДП (разные точки зрения на этот вопрос см., например, в [Perelli-Harris, Gerber, 2011; Zakharov, 2008]). Особенности демографической модернизации в советское время заключались в консервации модели «патриархальной» семьи в более современных условиях, но без предоставления свободы в частной жизни, в выборе собственной семейной и брачно-партнерской траектории [Демографическая модернизация..., 1999].

При этом важно отметить, что постсоветские изменения рождаемости, характерные для ВДП, затронули в России только те части населения, которые можно было бы считать наиболее восприимчивыми к связанным с ним идеям, — жителей мегаполисов, образованные слои и т. д. Уже в 1990-е — первой половине 2000-х годов ряд индикаторов ВДП в той или иной мере наблюдался во всех социальных стратах населения РФ — среди горожан и сельчан, среди разных образовательных групп, среди большинства этносов [Zakharov, 2008]. Однако дальнейшая динамика брачности и рождаемости не свидетельствовала о конвергенции

разных групп населения по характеристикам этих процессов. Напротив, в первой половине 2010-х годов демографы отмечали рост вариативности разных групп населения страны по динамике ее показателей. В частности, у населения ряда республик Северного Кавказа в этот период «омолаживался» средний возраст материнства, росла доля многодетных семей (см., например, [Казенин, Козлов, 2016]). Сельское население страны в целом в конце 2000-х — первой половине 2010-х годов демонстрировало более высокий уровень рождаемости и, по большинству лет, более значительные темпы его прироста по сравнению с городским; возраст материнства на селе также был в этот период заметно ниже, чем в городе [Захаров, Сакевич, 2017: 134—137]. На фоне таких изменений в публичном пространстве все увереннее звучали идеи о том, что именно эти части населения должны стать основой «демографического возрождения» страны, что ценностные установки, преобладающие среди жителей села и ряда «национальных» регионов, могут решающим образом способствовать будущему росту рождаемости в стране в целом; звучали утверждения о большем потенциале Северного Кавказа и села к «ретрадиционализации» семейных отношений, которая могла бы служить базой для более высокой рождаемости²; в самые последние годы в СМИ и социальных сетях стала популярна идея организации массового переселения горожан в сельскую местность и малые города, где существующий жизненный уклад и ценностная база якобы способны будут переориентировать переселенцев на высокую рождаемость.

В настоящей статье на основе качественных полевых исследований мы обсуждаем, верны ли представления о ценностном «разломе» разных регионов или слоев населения страны в вопросах родительства и, соответственно, насколько реальна перспектива внутристрановой дифференциации рождаемости по линии этого предполагаемого «разлома». Мы опираемся на результаты фокус-групп, проведенных в 2021 и 2023 гг. среди именно тех групп россиян, для которых, судя по особенностям рождаемости в 2010-е годы, комплекс идей, связанных со Вторым демографическим переходом, должен быть максимально чужд: это сельское население ряда регионов, а также жители двух «национальных» субъектов юга России, в которых исследование охватило как сельское, так и городское население. После описания в следующем разделе методологии проведенного исследования мы кратко охарактеризуем высказанные на фокус-группах взгляды, касающиеся семьи и деторождения, и на этой основе возвратимся к заданному выше вопросу.

Метод фокус-групп и его применение для исследования сенситивных вопросов

Фокус-группы хорошо зарекомендовали себя как метод для обсуждения различных социальных вопросов, так как позволяют замерить настроения людей, выявить вектор группового обсуждения и обозначить новые направления для последующих исследований. Однако некоторые вопросы являются «чувствительными» для публичного обсуждения даже под руководством опытного модератора,

² Например: Колиброва Д. Демографическая ситуация в России: как развитие сельских территорий может стимулировать рождаемость // Экодело. 2012. 30 июня. URL: https://ecodelo.org/moskva/15827-demograficheskaya_situatsiya_v_rossii_kak_razvitiye_selskikh_territorii_mozhet_stimuliro (дата обращения: 02.12.2024).

и мнения исследователей расходятся относительно того, стоит ли обсуждать темы, связанные с созданием семьи и деторождением, на фокус-группах. Ранее главенствовал подход, что респонденты не будут давать развернутые ответы на вопросы относительно своей личной жизни [Knodel, Chamrathirong, Debavalya, 1987; Kitzinger, 1994; Zeller, 1993] либо будут давать «социально желаемые» ответы [Randall, Fernandez, 1991; Lalwani, Shavitt, Johnson, 2006; Kazenin, Kozlov, 2020].

Однако исследования последних десятилетий показали, что обсуждение тем, связанных с «интимными» сторонами семейной жизни, в формате фокус-групп имеет свои сильные стороны, во многом вытекающие из ограничений этого метода. Высказываясь в присутствии друг друга, респонденты предполагают, что начатая ими тема может вызвать обсуждение присутствующих. В такой ситуации участники фокус-групп, с одной стороны, могут излагать свои мнения и рассказывать о своем опыте так, чтобы не вызвать негативной реакции со стороны других респондентов, а о каких-то сторонах своей семейной жизни могут умолчать, даже если готовы говорить о них в формате индивидуального интервью [Morgan, 1996]. Однако именно публичность высказываний участников делает фокус-группы своего рода индикатором имеющихся в социуме представлений о том, какие темы, связанные с семейной жизнью, могут обсуждаться на «публике», а какие нет, какие точки зрения на брак и деторождение приемлемы и могут быть озвучены, а какие — нет. Кроме того, реакция участников фокус-групп на высказывания друг друга может показать, насколько остры в данном социуме противоречия, касающиеся взглядов на различные вопросы из сферы семейной жизни [Morgan, Krueger, 1993].

Разумеется, исследование методом фокус-групп, как и любое другое качественное исследование, не может оценить степень распространенности в обществе тех или иных представлений, однако оно способно обнаружить имеющееся «меню» подходов к обсуждаемому на фокус-группах вопросу и остроту противоречий между сторонниками разных подходов.

Характеристика проведенных фокус-групп

Фокус-группы, результаты которых рассматриваются в данной статье, были проведены в рамках разных исследовательских проектов (во всех проектах они в первую очередь служили для проверки выводов, полученных на основе статистического анализа результатов параллельно проводившегося количественного опроса, однако в данной статье их результаты рассматриваются вне связи с «количественником»). Фокус-группы, проведенные в разные годы, несколько отличались друг от друга как по принципам подбора участников, так и по набору обсуждавшихся вопросов. В 2021 г. в фокус-группах участвовали жители в возрасте 20—35 лет, не имевшие на момент исследования ни одного ребенка. В 2023 г. в качестве участников выступали жители 20—40 лет, состоявшие в браке или незарегистрированном партнерстве, большинство из которых имело хотя бы одного ребенка. На фокус-группах 2021 г. основной темой обсуждения было влияние пандемии COVID-19 и других социально-экономических вызовов последних лет на намерения респондентов вступить в брак и завести детей. В 2023 г. исследование имело целью выявить, как на планах респондентов иметь в ближайшие годы детей отражаются существующие социально-экономические и геополитические риски.

Разные принципы отбора участников фокус-групп в 2021 и 2023 гг. не могли не повлиять на их результаты. В 2021 г. в обсуждениях участвовали респонденты, не имевшие на тот момент ребенка и делившиеся своими мнениями о том, что может повлиять на их решение впервые стать родителем (а поскольку в среднем около 30 % респондентов фокус-групп 2021 г. на момент проведения исследования не состояли в браке или партнерстве, для части респондентов это решение также было связано с решением о начале семейной жизни). В фокус-группах 2023 г. основное обсуждение касалось вопроса о том, при каких условиях респонденты готовы будут иметь больше детей, чем у них было на момент исследования. Очевидно, что эти различия между фокус-группами разных лет выступали ограничением при интерпретации их результатов. Однако они давали исследованию и дополнительный потенциал, так как позволяли выявить взгляды респондентов на разные жизненные решения, важные для них в соответствии актуальной повесткой и тем этапом жизненного пути, на котором находились опрашиваемые. Опыт респондентов, на основе которого и в 2021 г., и в 2023 г. проходил их отбор и который интересовал нас в первую очередь, был связан именно с предстоящими им жизненными решениями (становиться ли родителем, заводить ли еще одного ребенка), с обдумыванием и планированием будущих шагов. Вместе с тем, учитывая разницу между фокус-группами 2021 и 2023 гг. по отбору респондентов, ниже при изложении основных результатов исследования мы по возможности проиллюстрируем ключевые выводы цитатами из фокус-групп обоих лет.

Гайд для проведения фокус-групп предполагал последовательное обсуждение таких вопросов, как желание респондентов иметь (еще) детей; идеальное, с их точки зрения, количество детей в семье; основные факторы, которые респонденты будут учитывать, принимая решение о рождении ребенка; необходимость официальной регистрации брака до рождения ребенка, и т.д. После того как какой-либо респондент высказывал свое мнение, модератор предлагал ему обосновать свою точку зрения, а другим респондентам — выразить согласие или несогласие. Важнейшей целью модератора было вызвать обсуждение тех приоритетов, на которые респонденты ориентируются при формировании своих репродуктивных намерений.

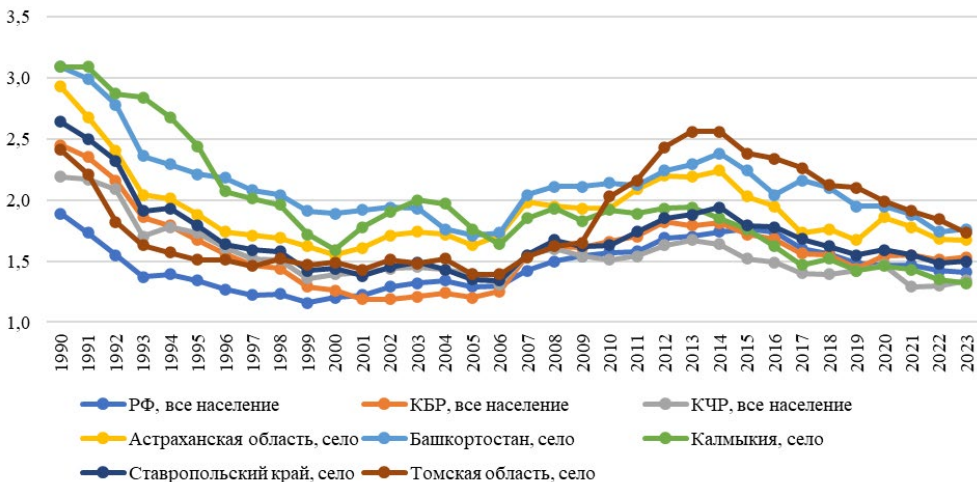
В настоящей статье рассматриваются результаты только тех фокус-групп, проведенных в рамках проектов 2021 и 2023 гг., которые представляют интерес для обозначенных во введении целей исследования. Это, во-первых, фокус-группы, проведенные в двух республиках Северного Кавказа — Кабардино-Балкарии (КБР) (2023) и Карачаево-Черкесии (КЧР) (2021). Для северокавказских регионов мы рассматривали данные фокус-групп, проведенных как на селе, так и в городах. Во-вторых, это фокус-группы, проведенные за пределами Северного Кавказа — среди сельских жителей. Регионы, для которых имелись результаты «сельских» фокус-групп, включают Калмыкию (2023), Башкортостан (2021), Ставропольский край (2023), Астраханскую (2021) и Томскую (2021) области³. Включенные в исследование регионы, в том числе и их сельские районы, суще-

³ Результаты фокус-групп, проведенных в 2021 г., рассматривались ранее в статье [Казенин, 2022], где в центре внимания было прежде всего влияние пандемии COVID-19 на репродуктивные намерения респондентов.

ственно отличаются друг от друга по социально-экономическим и культурным характеристикам. Безусловно, между респондентами, опрошенными в разных регионах, а иногда и в разных населенных пунктах одного и того же региона, наблюдались различия по подходам к обсуждаемым проблемам. Рассмотрение этих различий выходило за рамки задач статьи, так как обсуждение результатов концентрировалось прежде всего на мнениях, обнаруженных в ходе фокус-групп во всех регионах.

На рисунке 1 показана динамика суммарных коэффициентов рождаемости в выбранных для исследования группах населения в сравнении с общероссийской динамикой в 1990—2023 гг. Для всех выбранных групп, кроме сельского населения КЧР, по крайней мере в значительной части этого периода показатель рождаемости несколько превышал общероссийский⁴.

Рисунок 1. Динамика суммарных коэффициентов рождаемости в исследуемых регионах, 1990—2023 гг.⁵

Следует подчеркнуть, что текущий уровень рождаемости не имел определяющего значения при выборе регионов для проведения исследования. Принципиально важным было то, что, как отмечено во введении, и республики Северного Кавказа, и сельские территории РФ в целом по своей динамике в 2000-е — 2010-е годы показывали большой потенциал к повышению рождаемости и ее «омоложению». Конкретные уровни рождаемости и многодетности, достигнутые в последние полтора десятилетия, очевидно, были результатом действия многочисленных факторов, в том числе и экономического порядка. Уровень этих показателей даже в тех

⁴ Низкие уровни рождаемости, фиксируемые официальной статистикой в КЧР, могли отчасти быть статистическим артефактом (см. обзор в [Казенин, 2019]). Как показано в той же работе, в КЧР на протяжении постсоветского времени имелись значительные межэтнические различия по рождаемости. Для фокус-групп в этом регионе выбирались преимущественно представители этносов с более высокими уровнями рождаемости в последние десятилетия.

⁵ Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 25.09.2024).

регионах, где он мало отличался от общероссийского, не снимал вопроса о том, насколько взгляды на деторождение в этих регионах соответствуют ожиданиям дальнейшего перехода к более «традиционным» моделям воспроизводства населения, с акцентом на ранний старт материнства и многодетность.

В КБР и КЧР по одной фокус-группе было проведено в республиканских столицах, в КЧР две фокус-группы были проведены в малом городе, в КБР — в сельском районе. Большинство (более 80%) участников фокус-групп в этих регионах составляли респонденты «титульных» национальностей. В остальных регионах было проведено по две фокус-группы с участием сельского населения. В большинстве случаев для проведения фокус-групп выбирались сельские районы, не примыкающие непосредственно к региональному центру. Для участия в фокус-группах в сельской местности отбирались респонденты, имевшие на селе постоянное место жительства в предшествующие исследованию пять лет. При этом большинство из них — как и большинство взрослого населения районов, где проводились фокус-группы, — имели значительный опыт временного проживания в городах и в других регионах, в том числе в связи с временной трудовой миграцией. В Башкортостане, в сельской местности КБР и КЧР раздельно проводились «женские» и «мужские» фокус-группы. В других регионах гендерный состав респондентов был смешанным. Во всех фокус-группах, за исключением проводившихся в сельской местности КБР, участвовало не менее десяти респондентов.

Состав респондентов фокус-групп подбирался таким образом, чтобы включать женщин и мужчин всех пятилетних возрастных групп в выбранном диапазоне. Также обеспечивалось участие респондентов с разным родом занятий и уровнем доходов. Требование, чтобы респонденты не были знакомы друг с другом до проведения фокус-группы, по возможности выполнялось, однако полностью следовать ему при проведении фокус-групп в сельской местности было невозможно.

Мнения о родительстве: результаты фокус-групп

Общие взгляды на деторождение: всем ли иметь детей, сколько и в каком возрасте?

Одним из вопросов, по которому участники фокус-групп проявили наибольшее единодушие, был вопрос о бездетности: все высказавшиеся определили ее как «чуждое» им явление, не имеющее перспектив получить заметное распространение в их населенном пункте, регионе. При этом практически всегда эта мысль сопровождалась оговоркой, что отказ иметь детей не должен получать общественно-го осуждения — как личный выбор, на который человек имеет безусловное право:

А идея жизни без детей не должна пугать, нам в России это не грозит. Но кто так хочет, это тоже правильно. (Ставрополье, село, ж.)

В каждой семье должны быть дети, чтобы продолжился род. Но, в принципе, дело каждого. (КБР, город, м.)

Даже те респонденты, которые считали, что в настоящее время личная ситуация или ситуация в регионе, стране не позволяет им иметь детей, говорили об этом как о временном решении, не равном решению оставаться бездетными.

Нет стабильности, сегодня вроде что-то у тебя есть, а завтра нет. Программы на словах только работают, везде бюрократия... В общем, я бы не хотела, чтобы мои дети жили в это время. (Башкортостан, село, ж.)

В связи с этим интересно отметить, что некоторые респонденты, говоря о малой распространенности бездетности среди жителей их населенного пункта или района, по собственной инициативе переходили в разговоре к теме выплат материнского капитала при рождении первого ребенка, стартовавших в 2020 г. Они высказывали мнение, что повлиять на рождаемость первых детей эта мера не может, поскольку большинство семей и без нее планируют иметь хотя бы одного ребенка:

Семей, в которых бы (введение маткапитала) подтолкнуло к рождению первого ребенка, я лично не знаю. (КБР, село, ж.)

Респонденты затруднялись или даже сразу отказывались назвать «идеальное» для себя количество детей. Сама идея заранее установить число детей, которое они хотели бы иметь, представлялась многим респондентам неверной. Более осмысленным им виделся подход, при котором решения о каждом деторождении принимаются в конкретных жизненных обстоятельствах, могут откладываться на более позднее время и не определяются каким-либо предустановленным «итоговым» числом детей: «(Сейчас второго ребенка) пока еще не хочу. Возможно, задумаюсь... когда более крепко встану на ноги» (Калмыкия, село, м.); «Я тоже хочу детей, где-то двое, мне хватит двоих... Двое детей — это количество, если я финансово смогу продержаться» (Ставрополье, село, ж.).

Участники фокус-групп подчеркивали, что рождение детей — это выбор пары, не зависящий от каких-либо принятых в обществе образцов репродуктивного поведения.

Это (количество детей) зависит от того, сколько кому надо. Тоже ответственность большая, не только материальная... Самое первое — это психологическая атмосфера. (КБР, село, ж.)

Супруги должны быть готовы к этому, к рождению ребенка... готовы как морально, так и физически, и финансово, я бы так сказал. (Башкортостан, село, м.)

Отличие поколения, находящегося в настоящее время в репродуктивном возрасте, от тех, кто жил «раньше» (без определения каких-либо хронологических рамок), респонденты видели в первую очередь именно в самостоятельности принимаемых решений о деторождении.

Раньше, когда детей заводили, — это (было) надо. Не то что хочу — не хочу. Такого раньше вообще не было. Просто надо — и все. А сейчас как раз-таки вот молодежь — сами решают, хотят они, не хотят, жить для себя, жить не для себя, готов ты, не готов — вот это поменялось. (КБР, город, м.)

По сравнению с предшествующими поколениями, по представлениям респондентов, у нынешнего поколения деторождение не является безоговорочным приоритетом, каждый волен определять, какое место оно занимает в его жизненных планах:

Но сейчас идет такое расслоение. Люди делятся в этом вопросе, и для некоторых людей создание потомства — это... цель создания вообще семьи, и они уверенно к этому движутся. Другие просто рассматривают создание семьи, меньше вкладывая в это смысл потомства, у них детей меньше. (КЧР, город, м.)

Участие старших родственников в принятии решений о деторождении респонденты не считали определяющим, в том числе и на Северном Кавказе:

Старшие родственники вообще не влияют. Это такой интимный вопрос, который задавать, мне кажется, не стоит, это сами принимают все решения. Никто не знает, если муж и жена ведут такие разговоры. (КБР, село, м.)

Они [родители] не давят. Сейчас же время совсем другое. (Калмыкия, село, м.)

Относительно возраста деторождения респонденты также не считали, что он должен соответствовать каким-либо жестко установленным рамкам:

Я критично не отношусь к возрасту, я вообще думаю, что супруги должны быть готовы к этому, к рождению ребенка. (Башкортостан, село, м.)

Сейчас вот это критический возраст — он как-то отходит на второй план. (Томская область, село, ж.)

Меня мама родила в 36 лет, тогда это считалось очень поздно, «старородящая», сейчас 36 — это норма считается. (Астраханьская область, село, ж.)

Подчеркивалось, что у разных пар готовность к рождению ребенка может наступить в разном возрасте, причем определяется это не только материальными условиями, но и психологической готовностью к родительству. Решение о родительстве принимают именно пары, а не необходимость соблюдения некоего возрастного «графика».

Почему еще [женщине имеет смысл рожать не раньше, чем] в 30 — потому что это все-таки финансовая независимость и стабильность некая. (Томская область, село, ж.)

Думаю, что оптимальный возраст для рождения детей для женщины — 25—30 лет, потому что в первую очередь в этом возрасте девушки подходят к рождению ребенка более осознанно, в любом случае ребенку надо дать основу, не только материальную, но и моральную, поэтому 25—30 лет. (Башкортостан, село, ж.)

Соответственно на данном этапе я детей пока еще не хочу. Возможно, задумаюсь ближе к 40, когда более крепко встану на ноги, появятся какие-то свои еще дополнительные доходы. (Калмыкия, село, ж.)

При этом общей тенденцией в их населенных пунктах респондентам виделся «сдвиг» рождаемости к более старшим возрастам, в том числе и на селе: «Отодвинулось, наверно, на лет 10, да? Если раньше рожали в 20, то сейчас в 30—35» (Калмыкия, село, м.).

Также некоторые респонденты старше 30 лет отмечали, что сожалеют о рождении детей в слишком раннем возрасте: «У меня двое детей, но сейчас я думаю, что сначала нужно было поработать и заработать деньги, а потом рожать» (Ставрополье, село, ж.). Один из «минусов» раннего деторождения, на взгляд респондентов, в том, что слишком молодые родители не могут полноценно воспитать ребенка:

[Если рожают детей рано] в лучшем случае воспитание перекладывается на бабушек и дедушек, а они уже дают ту культурную информацию, тот опыт, который они пережили уже в другой стране, которая распалась в 1991 году. И этот опыт уже не работает в наших реалиях. (Томская область, село, м.)

Достаточно часто звучала также мысль о том, что в более позднем возрасте решения о рождении детей женщины принимают более осознанно, ориентируясь на свои внутренние потребности:

В 25 я решила, что двух детей для меня достаточно. А сейчас, уже после 30, я еще хочу детей, у меня возрождается вот это материнское чувство... Мы рано вышли замуж и родили детей, а сейчас уже более осознано хочешь и родить, и воспитать. (КБР, село, ж.)

Тренд на «качественное» родительство

Респонденты, заявившие о нежелании иметь много детей, основной риск многодетности видели в том, что не смогут дать каждому ребенку достаточно ресурсов, уделить ему достаточно внимания. Регулярно в ходе фокус-групп возникала тема противоречия между количеством детей и качеством воспитания, и респонденты подчеркивали, что и сами они, и любые другие родители могут находить компромисс между «количеством и качеством» по-своему.

Я тоже считаю, что лучше один [ребенок], потому что на одного ребенка можно гораздо больше сил потратить и лучше ему донести, чем на двоих. (Томская область, село, м.)

Индикатор «качественного» родительства для респондентов — прежде всего психологическое здоровье ребенка:

Ну и опять-таки никогда не было желания иметь много детей, потому что это трудно, сложно, это нужно каждому еще уделить внимание свое, ну то есть чтобы он потом не говорил: «У меня психологическая травма». (Калмыкия, село, ж.)

Рассуждая о материальных условиях, респонденты подчеркивали, что разные родители могут по-разному определять тот уровень благ, который необходимо дать ребенку.

Кто-то считает, что ребенок родился и надо его обеспечить квартирой в Москве. (Башкортостан, село, м.)

Кто-то, я знаю, хочет одного ребенка, но дать ему все — за границу, лучшее образование, кто-то готов делить на двоих, дать им образование, вырастить достойными людьми. (КБР, село, ж.)

Однако как о минимально необходимом материальном условии для рождения ребенка чаще всего говорилось о таком жилье, в котором ребенок мог бы иметь отдельную комнату.

Должна быть двухкомнатная квартира, чтобы ребенок, когда родился, у него была своя комната. (Башкортостан, село, м.)

Количество детей — это, конечно, жилая площадь, квадратура. Ну, то есть это деньги. (Калмыкия, село, м.)

Это требование респонденты связывали в первую очередь с психологическим благополучием всех членов семьи, в том числе с возможностью психологического восстановления для родителей:

Для начала нужна двухкомнатная [квартира], чтобы родители отдыхали. (Башкортостан, село, м.)

Достаточно пространства для родителей, и комната для ребенка обязательно. (Астраханская область, село, м.)

Одна из причин, по которой респонденты предпочитали более позднее рождение детей, была связана именно с ориентацией на «качественное» родительство: оно возможно только после достижения полноценного взаимопонимания между супругами, а чтобы его добиться, требуется время.

Сначала надо наладить отношения с женой, привести их в идеал, только потом следующий шаг, это вот именно к детям. (КЧР, город, м.)

Нужно быть психологически, морально и материально готовым к этому... Это отношения между родителями, между супругами... (КБР, село, ж.)

Во всех регионах респонденты подчеркивали, что условием «качественного» родительства является полноценный психологический контакт ребенка как с ма-

терью, так и с отцом. Для некоторых респондентов это даже служило аргументом против слишком «позднего» отцовства.

Для мужчины 35—37 — критический возраст [чтобы быть отцом]. Потому что я привык так думать, что отец — он еще и друг. А если большой разрыв по возрасту, тебе сложно с ними (с детьми) быть на одной волне. (КЧР, город, м.)

При этом, по мнению многих респондентов, их представления о «качественном» родительстве разделяются не всеми в их районе, регионе. Некоторые, в том числе среди сельских респондентов, были убеждены, что семьи с иным подходом к деторождению можно найти только в наиболее отдаленных населенных пунктах:

Если в глубинные деревни поедете... для них 6—7 детей — это норма, трое детей не считается у них многодетной [семьей], это у них принято, испокон веков это идет, там есть такие деревни, в которых даже дорог нет, зимой туда едешь, потому что трактор пробил, и в этих семьях там семеро по лавкам сидят. (Башкортостан, село, ж.)

Некоторые, наоборот, встречали такие семьи среди своих соседей.

Обычно я наблюдаю такую ситуацию, это везде так: кто меньше присматривает за своими детьми, тот больше рожает. Если конкретно взять наш садик, то многих детей приводят неопрятными, есть такие родители, которые из года в год рожают, им не важно, они смогут обеспечивать — не смогут обеспечивать. Чем они думают, я не знаю. (КБР, село, ж.)

Наиболее осторожный, ответственный подход к родительству респонденты наблюдают в первую очередь в наиболее состоятельных семьях.

Если человек успешен, то у него либо один ребенок, либо вообще нет. Потому что либо у него просто нет времени, либо он не уверен в том, что может дать ребенку то, что ему пригодится в жизни. (Томская область, село, м.)

А конкретно осознанные, более образованные, которые понимают всю ответственность, они уже вместе принимают решения, смогут обеспечивать, воспитать. (КБР, село, ж.)

«Качественное» родительство и традиции старших поколений

Важно отметить, что ориентация на «качественное» родительство, отказ от установки на обязательную многодетность далеко не у всех респондентов связаны с отказом от всего комплекса традиций и норм поведения, унаследованных от старших поколений. Интересна реплика северокавказского респондента, в которой многодетность рассматривается как раз в качестве препятствия для сохранения этих традиций.

Соблазнов сейчас очень много. Особенно последние 15—20 лет. Мы все закончили 15—20 лет назад высшие учебные заведения, наше поведение в присутствии

старших, в присутствии женщин, оно кардинально отличается от поведения сейчас нынешнего поколения. И мы боимся, что мы не в состоянии проследить за большим количеством людей, это останавливает сейчас наше поколение (в рождении детей). (КБР, село, м.)

С другой стороны, когда респонденты на Северном Кавказе говорили, что их поколение более самостоятельно и ответственно, чем старшие, решает, сколько иметь детей, они далеко не всегда объясняли это общим «осовремениванием» жизни молодежи. Одна из причин изменения отношения к деторождению участникам северокавказских фокус-групп виделась в большей религиозности молодежи северокавказских регионов:

А также то, что религия больше проникает в нашу жизнь, сейчас молодежь, на мой взгляд, более осознанно относится к этому [рождению детей]. (КЧР, город, м.)

Кроме того, ориентация на «качественное» родительство, на создание не только материально, но и психологически комфортных условий в семье во время воспитания детей не во всех случаях означало отказ от многодетности. Например, в мужской группе в селе Кабардино-Балкарии один из респондентов считал, что оптимальный компромисс между количеством детей и качеством воспитания — трое-четверо детей:

Воспитание трех-четверых и семерых-девятиерых — это абсолютно разные вещи. Один несчастный ребенок — это испортит настроение вам и всем другим. И вы будете трезво оценивать свои возможности. Есть же в торговле соотношение цены и качества. И вы сами будете определять отношение вашего количества детей и того, на что вы способные сами. И материально, и по воспитанию. (КБР, село, м.)

Совмещение родительства и работы

Еще один «компромисс», о необходимости найти который говорило большинство респондентов, — между родительством и самореализацией, прежде всего профессиональной. Причиной отказа от нее, по мнению участников фокус-групп, родительство не должно стать ни для отца, ни для матери:

Но я считаю хорошо лет в 35 лет [родить ребенка]: ты к этому моменту сделала карьеру, у тебя есть собственное жилье. (Башкортостан, село, ж.)

Но я работаю и хочу работать, и не только потому, что одна их воспитываю. Нужна самореализация и женщине, и мужчине. (Ставрополье, село, ж.)

«Сдвиг» родительства к более поздним возрастам многие респонденты объясняли именно тем, что в окружающей их реальности совмещать родительство и полноценную трудовую жизнь проблематично, откуда и тенденция становиться родителями только после достижения определенного уровня в карьере, профессии.

Хочется сначала реализовать полностью себя, чтобы сначала построить свою жизнь, потом уже задумываться об этом. (Калмыкия, село, ж.)

В мужских группах на Северном Кавказе некоторые участники негативно оценивали желание женщин получить образование, найти достойную работу, но и эти респонденты признавали, что совмещение материнства и профессиональной самореализации стало базовым вариантом поведения женщин в их населенном пункте.

Самая большая проблема в связи с рождаемостью сейчас — это женщины. Именно в тот период, когда они могут и должны рожать, многие из них не выходят замуж и тратят либо на учебу, либо на карьеру именно этот период, когда у них способность к воспроизводству, они тратят на ненужные вещи, поэтому уже в поздние годы, когда здоровье [не позволяет, родить много детей не получается]. (КБР, село, м.)

Обсуждение результатов

Мы рассмотрели взгляды на рождаемость, высказанные на фокус-группах в 2021 и 2023 гг. в тех группах населения России, которые представляются хранителями «традиционных» подходов к созданию семьи и воспитанию детей и прирост рождаемости в которых в недавние периоды был более существенным, нежели в целом по стране. Качественное исследование охватило две группы, подпадающие под эти критерии: это жители сельских территорий различных регионов, а также население республик Северного Кавказа. Позволяют ли результаты фокус-групп говорить о том, что взгляды их участников на рождаемость далеки от тех взглядов, которые исследователи связывают со Вторым демографическим переходом? Ответ на этот вопрос не столь однозначен.

С одной стороны, респонденты фокус-групп явно негативно относились к бездетности, считая ее «чуждой идеей» не только лично для себя, но и для своего окружения. Ни один участник фокус-групп не оспорил точку зрения, что без рождения детей жизнь человека не может быть полноценной. Здесь довольно существенное отличие от ценностной базы Второго демографического перехода, признающей отказ от родительства отдельным жизненным выбором в ряду других возможных [van den Каа, 1994]. С другой стороны, целый ряд представлений и подходов, озвученных в ходе обсуждений и почти не встретивших несогласия других участников фокус-групп, характерен именно для Второго демографического перехода.

Во-первых, будучи противниками отказа от деторождения, участники фокус-групп оказались столь же явными противниками какого-либо социального регламентирования родительства — как по количеству детей, так и, например, по возрасту матери при рождении ребенка.

Во-вторых, респонденты не считали важным ориентироваться в решениях о рождении ребенка на опыт и представления старших поколений, на мнения старших родственников. Все решения в этой сфере признавались исключительно предметом личного выбора, не подлежащего социальной и внутрисемейной «цензуре».

В-третьих, считая принципиально важным «качество» родительства, участники фокус-групп понимали под ним вовсе не только способность родителей обес-

печить ребенку определенные условия жизни, но и психоэмоциональную готовность будущих родителей к рождению ребенка. Существенным препятствием для принятия решения о рождении ребенка респонденты считали невозможность совмещать заботу о потомстве и профессиональную самореализацию. В ходе фокус-групп неоднократно звучали мнения о том, что такое совмещение желательно и для отца, и для матери.

Важно при этом отметить, что среди респондентов, разделявших этот комплекс взглядов, некоторые выражали желание иметь большое потомство. То есть идеи, характерные для Второго демографического перехода, в большинстве стран сопряженного с существенным снижением рождаемости (см. выше), у наших респондентов не всегда были связаны с ориентацией на малое число детей. Также данный комплекс взглядов не всегда предполагал установку на одинаковое участие обоих родителей в воспитании. На Северном Кавказе, например, респонденты, особенно в мужских фокус-группах, настаивали на достаточно «традиционном» разделении родительских ролей, при котором ежедневная забота о детях ложится главным образом на мать.

Такое резюме результатов проведенных фокус-групп позволяет сделать вывод, что респонденты разделяют целый ряд взглядов на деторождение, характерных для Второго демографического перехода, однако при этом не обязательно ориентированы на такие его аспекты, как низкая рождаемость и полная симметрия гендерных ролей в семье.

Что может означать этот вывод для изучения взглядов на рождаемость среди населения тех территорий, на которых проводилось исследование? Разумеется, метод фокус-групп не позволяет делать какие-либо количественные оценки и генерализировать результаты. Техника проведения фокус-групп была ориентирована прежде всего на выявление спектра мнений по рассматриваемым вопросам и на оценку того, насколько остро сами респонденты воспринимают имеющиеся между ними расхождения. Охарактеризованный в предыдущем разделе комплекс взглядов в ходе фокус-групп практически не оспаривался. Споры, иногда очень острые, возникали по другим темам, таким как возможные долгосрочные последствия пандемии (в 2021 г.), необходимость иметь хотя бы одного ребенка мужского пола (в КБР и КЧР), ситуация с доступностью детских садов (в фокус-группах с участием респондентов, имеющих детей). Существенно также, что ни на одной из фокус-групп среди участников нельзя было выделить лидера, который озвучивал бы свою позицию наиболее активно при низкой вовлеченности в дискуссию других респондентов. Ранее мы часто встречались с такой ситуацией при проведении фокус-групп на Северном Кавказе, но в данном случае ни в КБР и КЧР, ни в регионах за пределами Северо-Кавказского федерального округа этого не наблюдалось. Напротив, почти в каждой фокус-группе разные элементы описанного комплекса взглядов озвучивались разными участниками. Вместе с тем методика подбора респондентов не дает оснований говорить, что результаты фокус-групп отражают только мнения каких-то «избранных» жителей той или иной территории, например наиболее образованных, имеющих наиболее высокие доходы и т. д. То есть озвученные на фокус-группах взгляды так или иначе присутствуют в разных социальных слоях населения, образуя по крайней мере один элемент в «меню» подходов к деторождению.

При интерпретации результатов исследования необходимо учитывать одно важное ограничение. Важный параметр, по которому отбор респондентов был сильно затруднен и проведен не был, — это наличие или отсутствие у них опыта жизни за пределами своего населенного пункта или региона. Как уже было отмечено, большинство участников фокус-групп в сельской местности такой опыт имели. Было мало респондентов, про которых можно было бы утверждать, что их взгляды на рассматриваемые вопросы были сформированы исключительно или в первую очередь их сельской средой проживания, без влияния контактов с людьми иного культурного бэкграунда, мало представленных на селе образовательных страт и т. д. Более того, мы видели, что некоторые респонденты сознательно противопоставляли свои взгляды взглядам сельских жителей, более изолированных от «внешнего мира» в силу удаленности населенных пунктов. Однако для нас не очевидно, что именно последняя группа респондентов представляет наибольший интерес для оценки имеющихся на селе подходов к деторождению. Миграционная активность сельского населения, в том числе за счет временной миграции, в России на протяжении всех постсоветских десятилетий была весьма высока [Мкртчян, 2024]. Поэтому взгляды той части сельского населения, которая имеет большой опыт общения с «городскими» слоями, длительное время пребывала в среде с более высоким образовательным уровнем, чем преобладает на селе, являются важной частью общей картины взглядов, имеющихся среди сельского населения. Кроме того, многочисленные исследования показали, что взгляды на деторождение, характерные первоначально только для относительно небольшой части социума, имеющей особый опыт контактов за его пределами, часто имеют тенденцию к распространению в социуме в целом [Bongaarts, Watkins, 1986].

Для каких-либо более точных выводов о степени популярности разных взглядов на родительство требуется расширение географии исследования, а также использование наряду с качественными количественных методов. Однако рассмотренные в настоящей статье результаты уже могут служить предостережением против того, чтобы ожидать в ближайшем будущем в сельской России, а также в ряде «национальных» субъектов какой-то особый «режим» рождаемости, отличающийся от других частей страны. Взгляды на рождаемость, выявленные в ходе качественного исследования, не подтвердили распространенных представлений о том, что среди населения этих частей страны многодетность и повторение репродуктивных траекторий предшествующих поколений воспринимаются как безусловная и доминирующая в обществе ценность.

Данный вывод важен не только для прогнозов динамики рождаемости, но и для понимания того, какая политика по поддержке деторождения может быть эффективной в ближайшее время, в том числе в рассматриваемых группах населения. Очевидно, что эта политика должна быть ориентирована на помощь в совмещении родительства и профессиональной самореализации как отцов, так и матерей. Кроме того, вряд ли целесообразно выстраивать меры поддержки рождаемости таким образом, чтобы они стимулировали деторождение в самых молодых возрастах: именно в тех частях страны, где текущий возраст материнства моложе, чем по России в целом, респонденты аргументированно отстаивали преимущества более «поздней» рождаемости. Каковы бы ни были оценки эффективности

мер поддержки рождаемости, реализуемых в России уже почти два десятилетия [Слонимчик, Юрко, 2015; Zakharov, 2024], их «настройка» для современных условий должна учитывать сегодняшние ценностные ориентиры, с которыми жители разных частей страны подходят к решению о рождении детей.

Список литературы (References)

1. Демографическая модернизация России: 1900—2000 / общ. ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.
Vishnevsky A. G. (ed.) (2006) *Demographic Modernization of Russia: 1900—2000*. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russ.)
2. Долбик-Воробей Т. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 78—83.
Dolbik-Vorobej T. (2003) Student Youth Opinions on Marriage and Child Bearing. *Sociological Studies*. No. 11. P. 78—83. (In Russ.)
3. Захаров С. В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1 / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 75—127.
Zakharov S. V. (2007) The Transformation of Marital Relations in Russia: Does the “Golden Age” of Traditional Marriage Come to Its End? In: T. M. Maleva, O. V. Sinjavskaya (eds.) *Parents and Children, Men and Women in Family and Society*. Moscow: NISP. P. 75—127. (In Russ.)
4. Захаров С. В., Сакевич В. И. Рождаемость и планирование семьи // Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / общ. ред. С. В. Захарова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. С. 112—185.
Zakharov S. V., Sakevich V. I. (2017) Fertility and Family Planning. In: S. V. Zakharov (ed.) *Population of Russia 2015: The 23th Annual Demographic Report*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. P. 112—185. (In Russ.)
5. Казенин К. И. Традиционализм семейного уклада и возрастные характеристики брачности: о чем говорит пример Карачаево-Черкесии? // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 3. С. 98—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i3.9857>.
Kazenin K. I. (2019) Family Traditionalism and Age-Specific Nuptiality Patterns: What Does the Example of Karachay-Cherkessia Point To? *Demographic Review*. Vol. 6. No. 3. P. 98—127. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i3.9857>.
6. Казенин К. И. Как пандемия отражается на репродуктивных плана населения: результаты качественного социологического исследования // Население и экономика. 2022. Т. 6. № 4. С. 107—122. <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e93480>.

- Kazenin K. I. (2022) COVID-19 and Fertility Intentions: A Qualitative Study in Six Regions of Russia. *Population and Economics*. Vol. 6. No. 4. P. 107—122. <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e93480>. (In Russ.)
7. Казенин К. И., Козлов В. А. Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт? (Предварительные результаты обследования сельского населения) // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 3. С. 100—123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1748>.
Kazenin K. I., Kozlov V. A. (2016) Rejuvenation of the Motherhood in Dagestan: A Tendency or an Artefact? (The Preliminary Results of the Rural Population Survey). *Demographic Review*. Vol. 3. No. 3. P. 100—123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1748>. (In Russ.)
8. Казьмина О., Пушкарева Н. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы. Модели для сборки. Книга 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 185—219.
Kazmina O., Pushkareva N. (2004) Marriage in Russia in the 20th Century: Traditional Settings and Innovative Experiments. In: *Marital Relations: Models of Creating*. Vol. 1. Moscow: New Literary Observer. P. 185—219. (In Russ.)
9. Митрофанова Е. С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 53—82. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427>.
Mitrofanova E. S. (2019) Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generations. *Demographic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 53—82. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427>.
10. Мкртчян Н. В. Миграция сельского населения в России в 2010-е годы // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11. № 2. С. 21—43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825>.
Mkrтчyan N. (2024) Migration of the Rural Population in Russia in the 2010s. *Demographic Review*. Vol. 11. No. 2. P. 21—43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825>. (In Russ.)
11. Население России — 2014: двадцать второй ежегодный демографический доклад / под ред. С. В. Захарова. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016.
Zakharov S. V. (ed.) (2016) Population of Russia — 2014: the 22nd annual demographic report. Moscow: Publishing house of Higher School of Economics. (In Russ.)
12. Слонимчик Ф., Юрко А. В. Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. 2015. Т. 3. № 3. С. 30—68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1774>.
Slonimčik F., Yurko A. V. (2015) Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia. *Demographic Review*. Vol. 3. No. 3. P. 30—68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1774>. (In Russ.)
13. Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Проблемы трансформации демографических институтов: семья и брак // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 151—165.

- Shabunova A. A., Kalachikova O. N. (2015) The Problem of Transformation of Demographic Institutions. *Sociological Almanach*. Vol. 6. No. 6. P. 151—165. (In Russ.)
14. Bongaarts J., Watkins S. (1996) Social Interactions and Contemporary Fertility Transitions. *Population and Development Review*. Vol. 22. P. 639—682.
 15. Kazenin K., Kozlov V. (2020) Survey Responses on Desired Fertility in Patriarchal Societies: Community Norms vs. Individual Views. *Comparative Population Studies*. Vol. 45. P. 201—228. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-15>.
 16. Kitzinger J. (1994) The Methodology of Focus Groups: The Importance of Interaction Between Research Participants. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 16. P. 103—121.
 17. Knodel J., Chamrathirong A., Debavalya N. (1987) Thailand's Reproductive Revolution: Rapid Fertility Decline in a Third-World Setting. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
 18. Lalwani A. K., Shavitt Sh., Johnson T. (2006) What Is the Relation Between Cultural Orientation and Socially Desirable Responding? *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 90. P. 165—178. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.90.1.165>.
 19. Lesthaeghe R. A. (1993) Century of Demographic and Cultural Change in Western Europe: An Exploration of Underlying Dimensions. *Population and Development Review*. Vol. 9. No. 3. P. 411—435.
 20. Morgan D. L. (1996) Focus Groups. *Annual Review of Sociology*. Vol. 22. P. 129—152.
 21. Morgan D. L., Krueger R. A. (1993) When to Use Focus Groups and Why. In: D. L. Morgan (ed.) *Successful Focus Groups: Advances in the State of the Art*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 3—19.
 22. Notestein F. W. (1945) Population: The long view. In: Th. W. Schultz (ed.) *Food for the World*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
 23. Perelli-Harris B., Gerber T. P. (2011) Non-marital Childbearing in Russia: Second Demographic Transition or Pattern of Disadvantage? *Demography*. Vol. 48. No. 1. P. 317—342. <https://doi.org/10.1007/s13524-010-0001-4>.
 24. Randall D., Fernandes M. (1991) The Social Desirability Response Bias in Ethics Research. *Journal of Business Ethics*. Vol. 10. P. 805—817. <https://doi.org/10.1007/BF00383696>.
 25. Sobotka, T. (2008) The diverse faces of the Second Demographic Transition in Europe. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 171—224.
 26. Van de Kaa D. J. (1987) Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*. Vol. 42. No. 1. P. 1—59.
 27. Van de Kaa D. J. (1994) The Second Demographic Transition Revisited: Theories and Expectations. In: G.C.N. Beets (ed.) *Population and Family in the Low Countries*. Lisse: Swets and Zeitlinger.

28. Zakharov S. (2008) Russian Federation: From the First to Second Demographic Transition. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 907—972. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.24>
29. Zakharov S. (2024) Three Decades on Russia's Path of the Second Demographic Transition: How Patterns of Fertility are Changing Under an Unstable Demographic Policy. *Comparative Population Studies*. Vol. 49. P. 25—54. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2024-02>.
30. Zeller R. A. (1993) Focus Group Research on Sensitive Topics: Setting the Agenda Without Setting the Agenda. In: D. L. Morgan (ed.) *Successful Focus Groups: Advances in the State of the Art*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 167—183.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2587](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2587)

Е. В. Тыканова

**ФРАГМЕНТАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ:
ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ
ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ**

Правильная ссылка на статью:

Тыканова Е. В. Фрагментация интересов: внутренний конфликт и результативность городских общественных движений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 297—318. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2587>.

For citation:

Tykanova E. V. (2024) Fragmentation of Interests: Internal Conflicts and Social Movements' Performance in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 297–318. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2587>. (In Russ.)

Получено: 17.03.2024. Принято к публикации: 11.10.2024.

ФРАГМЕНТАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ: ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ**FRAGMENTATION OF INTERESTS: INTERNAL CONFLICTS AND SOCIAL MOVEMENTS' PERFORMANCE IN RUSSIA**

ТЫКАНОВА Елена Валерьевна — кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий сектором социоурбанистики, Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

Elena V. TYKANOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Deputy Director on Science; Head of Urban Studies Department
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи конфликтов в локальных городских общественных движениях с характером результативности их деятельности. Несмотря на то, что внутренний конфликт ожидаемо ослабляет позиции общественного движения, социальные исследователи указывают на неоднозначное воздействие внутренних разногласий на достижение целей и результативность таких гражданских объединений. Конфликтные взаимоотношения в городских общественных движениях будут рассмотрены с опорой на наработки исследователей в области изучения того, как противостояния между активистами могут объяснить результативность их деятельности, а также теорию полей Н. Флигстина и Д. Макадама. Городское общественное движение, организующееся вокруг локальной градостроительной проблемы, понимается в качестве поля стратегического действия — арены, которая возникает вследствие того, что коллективные акторы объединяются для достижения какого-либо блага, а точнее — приобретения стратегического преимущества в ходе взаимодействия с другими группами. «Доминирующие игроки» в поле занимают лидирующие позиции, тогда как их оппоненты — «претенденты»

Abstract. This paper analyzes the interrelation of conflicts within local urban social movements and their general progress. Although internal conflicts predictably weaken the positions of social movements, some scholars observe an ambiguous influence of internal discordance upon the activists' performance and goal achievement. In its analysis of conflictual relations within urban social movements, the paper relies on scholars' earlier findings on how clashes and collisions between activists can explain their overall progress. Furthermore, it uses N. Fligstein's and McAdam's theory of fields as the primary framework. Each social movement that gets shaped around a local city-planning issue is thus considered a strategic action field, i.e., an arena that emerges because collective actors come together to strive for some good or, more specifically, some strategic advantage to be gained in and through interaction with other groups. Incumbents hold dominant positions in the field, while their opponents, called challengers, seek to revise the existing rules of the field's organization and of profit distribution and/or to reach a more advantageous position in the field, which makes a source of internal conflicts.

¹ The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

(англ. — challengers) стремятся к пересмотру правил организации поля, распределения прибылей и/или достижению более выигрышной позиции в поле, что является источником внутреннего конфликта.

Исследование опирается на материалы девяти кейс-стади городских локальных конфликтов в четырех городах-миллионниках России, которые начались и закончились в период с 2012 по 2020 г., а также экспертные интервью о траекториях городского развития в изученных городах. Автор приходит к выводу, что изученные градозащитные движения, имеющие внутригрупповой конфликт, были как успешны, так и безуспешны в плане осуществления поставленной активистами цели. Более «радикальный» фланг в поле городского общественного движения представлен во всех случаях, закончившихся как полной/частичной победой активистов, так и их поражением — либо по требуемому вложению ресурсов государства, либо по другим основаниям: (не)готовности к масштабированию конфликта от локального уровня к городскому, (не)использованию более «радикальных» методов публичной политики, (не)избеганию издержек коалиции с сильным союзником и пр. Конфликты внутри полей городских общественных движений, как правило, не выходят в публичное пространство. Следовательно, они не становятся инструментом в руках более умеренных флангов в городских инициативных группах по привлечению внимания государственных игроков. Таким образом, эффект «фрагментации с радикальным флангом» не имеет для «сильных» акторов значения, поскольку преимущественно ими не наблюдается.

Ключевые слова: городское общественное движение, поле стратегического действия, достижение целей, внутригрупповой конфликт, результаты деятельности общественного движения

The research embraces nine cases of urban local conflicts from four Russian million-plus cities that unfolded between 2012 and 2020 and a series of expert interviews about the trajectories of urban development in these cities. The author concludes that the city-protecting movements under study that experienced internal conflicts could be successful and unsuccessful in implementing their goals. A more 'radical' flank in the fields of urban social movements was present in all cases, both the ones that resulted in a complete/partial victory of the activists and the ones that ended in their defeat: either due to the required investment of state resources or for other reasons such as (not) upscaling the conflict from the local level to the city-wide level, (not) resorting to more 'radical' methods of public policy, (not) avoiding the side effect of establishing a coalition with a strong ally, etc. Conflicts within the fields of urban social movements do not exist in the public space. Hence, more moderate wings in urban initiative groups cannot use them to attract state actors' attention. Thus, the effect of 'fragmentation with a radical flank' ('radical flank effect') is not significant for 'strong' actors since it is not even visible to them.

Keywords: urban social movement, strategic action field, goals achievement, intragroup conflict, outcomes of public movement

Введение

Возникновение споров и разногласий, приводящих к конфликтам в общественном движении, — сравнительно периферийный сюжет в социологической научной практике по сравнению с изучением вопросов мобилизации и единения членов таких инициативных команд [McCarthy, Zald, 1997; Kriesi, Koopmans, Duyvendak, 1992; Almeida, 2019; Тилли, 2019]. Общественные движения, претендуя на пересмотр социального, политического, экономического порядка, испытывают дефицит легитимации своей позиции, а также влияния на своих оппонентов — «сильных» групп интересов и в целом на формирование политической повестки. В этой ситуации им необходима консолидация уже имеющихся и привлечение новых ресурсов посредством рекрутинга членов, выстраивания альянсов, поиска союзников и внутренней мобилизации.

Между тем в процессе борьбы активисты неминуемо сталкиваются с необходимостью разрешения постоянно возникающих перед ними дилемм и вынужденно совершают тот или иной стратегический выбор: обратиться к протестным или формальным инструментам отстаивания своей позиции; выстроить иерархизированную или горизонтальную организационную структуру; положиться на поддержку влиятельного политического союзника или избежать такого сотрудничества и пр. (о дилеммах см. [Jasper, 2004; Jasper, Zhelnina, 2024]). Необходимость предпринимать такие выборы становится источником фрагментации интересов, конфликтов, расколов в среде активистов.

Несмотря на то, что внутренний конфликт ожидаемо ослабляет позиции общественного движения, социальные исследователи указывают на неоднозначное воздействие внутренних разногласий на достижение целей и результативность таких гражданских объединений. В данной статье будет предпринята попытка изучения взаимосвязи конфликтов, возникающих в общественных движениях в защиту городского пространства в городах-миллионниках России, с достижением поставленных ими целей. Конфликтные взаимоотношения в городских общественных движениях будут рассмотрены с опорой на эвристический потенциал теории полей Н. Флигстина и Д. Макадама [Fligstein, McAdam, 2011; Флигстин, Макадам, 2022], а также на наработки исследователей общественных движений в области изучения того, как противостояния между активистами могут объяснить результативность их деятельности. В первой части статьи будут рассмотрены теоретические основания исследования, а именно теория полей Н. Флигстина и Д. Макадама. В частности, с опорой на их теорию будет показано, что конфликт между акторами является одним из онтологических оснований развития поля стратегического действия, вариантом которого является общественное движение, нацеленное на приобретение тех или иных коллективных благ. Затем будут проанализированы исследования, посвященные изучению внутренних конфликтов и их связи с результативностью общественных движений. Проведенный обзор научной дискуссии покажет, что теоретики конфликтов в общественных движениях задаются вопросами о том, приводят ли распри в активистских группах к упадку или же, наоборот, способствуют оптимизации их деятельности в кризисной ситуации. В этом разделе будет продемонстрировано, что среди социологов и политологов нет однозначного консенсуса о причинах, которые способны при-

вести к внутригрупповому конфликту в движении. К возможным стимулам такой фрагментации и споров они относят идеологию участников групп, вопросы лидерства, выбор организационной структуры, отсутствие консенсуса по поводу промежуточных и конечных целей движения, тактик и стратегий борьбы (формальные или публичные, более сдержанные или радикальные), а также издержки коалиций с другими (в том числе более ресурсными и статусными) акторами и т. д. Все эти факторы способны привести к внутреннему конфликту в активистских командах и, в частности, к специфическому явлению — «фрагментации с радикальным флангом» — когда в результате непримиримого спора движение распадается на две независимые и обособленные части и более умеренный фланг, публично дискредитируя «радикалов», получает преимущества от сильных групп интересов. Далее будет представлено описание полевых материалов эмпирического исследования, выполненного с помощью качественных методов сбора и анализа данных — случаев внутренних конфликтов в городских локальных движениях в городах-миллионниках России. После чего будут проанализированы эмпирические данные и в заключении — приведены основные выводы относительно причин возникновения внутренних конфликтов в движениях, а также их прямого или косвенного влияния на достижение целей активистских команд.

Конфликт в «поле стратегического действия»

Мобилизация общественного движения — классический образец возникновения поля стратегического действия, который приводят в своей теории поля Н. Флигстин и Д. Макадам [Флигстин, Макадам, 2022: 167, 200]. Тогда как поле стратегического действия понимается ими в качестве арены, возникающей вследствие того, что коллективные акторы (как минимум две группы), объединяются для достижения какого-либо блага, а точнее — приобретения стратегического преимущества в ходе (и посредством) взаимодействия с другими группами. Внутри каждого поля игроки действуют, опираясь «на знания друг о друге, а также на набор общеразделяемых представлений о целях поля, сложившихся в нем отношениях (в том числе о том, кто и почему обладает в нем властью) и правилах поля» [Fligstein, McAdam, 2011: 3]. Таким образом, разделяя общий «смысл» и ценности, которые объединяют акторов в поле, эти игроки согласовывают свои действия, разделяют общее понимание властной диспозиции как внутри, так и в сопряженных полях и предпринимают коллективное усилие для достижения общей цели [Флигстин, Макадам, 2022: 49].

Поля стратегического действия всегда предполагают наличие в них лидирующих акторов, которые контролируют соблюдение установленных «правил игры» и крайне заинтересованы в их сохранении и воспроизводстве. Это обстоятельство обеспечивает условия для стабильности и устойчивости поля стратегического действия. Таких акторов авторы теории называют «инкумбентами», или «доминирующими игроками». Миноритарные акторы — «претенденты» — могут стремиться к пересмотру правил организации поля, распределения прибылей, стратегическому преимуществу и/или достижению более выигрышной позиции в поле. Тем не менее, как отмечают авторы теории, зачастую претенденты склонны придерживаться сложившегося в поле порядка. Ведь вступление в борьбу с доминиру-

ющим игроком в стабильной ситуации может быть невыгодно и сулит большими рисками и издержками, в том числе — угрозой претендентам и вовсе лишиться своей принадлежности к полю [там же: 320]. Впрочем, потенциал для возникновения конфликта даже в довольно устойчивом поле стратегического действия всегда существует, поскольку его стабильность зависит не только от усилий доминирующих игроков, но и поддержки и устойчивости других, сопряженных полей стратегического действия, в особенности — государственных [там же: 220].

Городское общественное движение, организующееся вокруг какой-то локальной градостроительной проблемы, будет рассмотрено в данной статье в качестве поля стратегического действия. Такие движения, стремительно мобилизующиеся в ответ на кризисную ситуацию, порой носят реактивный характер и имеют мало времени на стабилизацию внутреннего порядка. Вследствие этого они зачастую не являются в высокой степени устоявшейся и самовоспроизводящейся структурой. Поэтому они в большей мере подвержены перспективе столкнуться с внутригрупповыми конфликтами, тогда как доминирующие роли в таких полях могут активно проблематизироваться их участниками. С другой стороны, оппоненты таких движений — преимущественно «сильные» и высокоресурсные игроки из коммерческих, государственных и прочих полей стратегического действия, заинтересованные в дестабилизации городского общественного движения. Поэтому конфликты по поводу правил «игры», лидерства, распределения ресурсов, выбора стратегий действий, понимания целей участников городского общественного движения остаются неизбежными.

В целом достижение целей игроков, как заявляют Н. Флигстин и Д. Макадам, в большом количестве случаев обусловлено именно поддержкой государственных полей стратегического действия (о союзах чиновников и активистов в городских конфликтах см. [Тыканова, Шевцова, Желнина, 2024]), а также конфигурацией связности и укорененности в иные поля стратегического действия, нежели только усилиями игроков самого изучаемого поля. Однако, замечают Флигстин и Макадам, не стоит недооценивать действия участников — в нашем случае активистов городских общественных движений — по привлечению внимания государственных акторов, установлению связей с иными релевантными для них игроками и т. д., а также их собственный вклад в достижение поставленной цели [Флигстин, Макадам, 2022: 220]. В связи с этим мы можем сделать теоретическое предположение, что конфликт в общественном движении может иметь как прямую, так и опосредованную связь с конечной результативностью деятельности активистов, а также влиять на характер этой результативности.

Внутренний конфликт и результативность общественного движения

Конфликт в общественном движении, по утверждению У. Гэмсона, как правило, сопровождается снижением консолидации усилий и ресурсов его участников и тем самым ведет к уменьшению шансов на достижение поставленных целей. В то время как мобилизованные и солидаризованные протестные активности, умеющие выстраивать отношения и формировать коалиции с другими игроками, чаще добиваются успеха [Gamson, 1975: 59—61]. Основа консолидации членов инициативной команды — наличие у активистов устойчивой коллективной иден-

тичности. Такая идентичность может формироваться в том числе с опорой на бинарную оппозицию посредством различения «нас» и «их» — оппонентов, против (действий) которых выступают протестующие [Poletta, Jasper, 2001: 291].

К результатам деятельности общественных движений социальные ученые относят самые разнообразные феномены. Это могут быть разного порядка политические результаты, такие как проведение реформ, принятие новых законопроектов, разработка политических решений. Деятельность групп активистов также может оказывать влияние на политические партии и государственную бюрократию [Amenta et. al., 2010]. Значимые культурные изменения в обществе — как в широком, так и в узком смысле понимания культуры [Earl, 2004] — еще один возможный результат активности общественного движения. Успех или провал деятельности активистских команд может быть обусловлен различными его параметрами. В частности, предметом изучения становится рассмотрение успешности общественных движений в зависимости от их организационной формы (иерархизированные или с преобладанием горизонтальных связей) и тактик активистов (умеренные или радикальные) [Giugni, 1998]. Помимо явных и открыто артикулируемых активистами целей и ожидаемых исходов, гражданские протестные группы способны достичь «побочных», порой непредвиденных результатов [McCammon, Moon, 2014]. Например, опыт и степень вовлечения (в том числе высоко- или низкорисковый активизм) в оспаривание или борьбу за те или иные блага оставляют отпечаток на биографиях и дальнейших активистских траекториях участников движений [McAdam, 1989], а также влияют на формирование коллективной идентичности их членов [Poletta, Jasper, 2001]. К примеру, активисты, вовлеченные в оспаривание сноса одного конкретного здания, могут в дальнейшем включиться в работу градозащитного объединения. Тогда как деятельность экологической инициативной группы против мусоросжигания будет способствовать формированию культуры ответственного сбора мусора среди активистов (так и в более широком соседском или даже городском сообществе).

Какие поводы могут спровоцировать конфликты внутри общественного движения? Спорные ситуации могут возникнуть по причине недостатка ресурсов, а также объединения с более ресурсным игроком (в том числе НКО, другой инициативой или организацией), который будет пытаться влиять и подчинять действия более миноритарного общественного движения [Nicholls, 2013].

Риски конфликтов в стане активистов несет образование коалиций с другими игроками. С одной стороны, коалиции с другими инициативами, политиками, государственными акторами, представителями бизнеса и пр. — источник легитимности, максимизации влияния и повышенных шансов активистов воздействовать на политическую повестку. С другой стороны, команда активистов, вступая в альянс с более сильным и ресурсным партнером, может понести ряд издержек: потерю автономии (в случае, если сильный союзник навязывает свои цели и задачи), изменение в стратегиях и тактиках, а также необходимость идти на вынужденные компромиссы [Van Dyke, Amos, 2017].

Вопросы, связанные с идентичностью, а также идеологические споры [King, 2008] — важный источник конфликтогенности в общественном движении. Споры вокруг лидерства [Schwartz, Rosenthal, Schwartz, 1981], иерархии, организа-

ционной структуры, моделей принятия решений также приводят к внутренним разногласиям. Несмотря на то, что активистские команды мобилизуются для воплощения в жизнь той или иной цели, члены таких групп могут иметь разное видение внешней угрозы [Cable, Shriver, 2010], понимание самой цели и конфликтовать по поводу способов ее достижения — тактик и стратегий [Bandy, Smith, 2005]. В целом участники общественных движений в ходе мобилизации и последующей борьбы сталкиваются с целым спектром стратегических выборов. Сделанный выбор в пользу одной из двух альтернатив имеет как преимущества, так и недостатки для инициативных объединений.

Дж. Джаспер выделяет несколько видов таких дилемм. (1) «Организационная» ставит активистов перед необходимостью выбора между формальной бюрократизированной иерархической и горизонтальной организационной структурой движения. (2) «Расширения»: чем больше новых членов привлекает группа активистов и объединяется с другими организациями, тем больше консолидирует вокруг себя ресурсов и влияния. Тогда как чрезмерное расширение группы несет издержки в виде снижения координации и диапазона деятельности группы, что увеличивает расхождение интересов. Один из вариантов «расширения» — дилемма «влиятельного союзника». Объединение с «сильным игроком» предоставляет новые ресурсы, но грозит подчинением его целям. (3) «Смена целей» — выбор между строгим следованием первоначальной цели и ее адаптацией к новым возможностям и обстоятельствам. (4) Быть «непослушным или милым»: альтернатива между радикализмом вкупе с нарушением правил и соблюдением конвенций. (5) «Форма или содержание»: выбор между формальными риторическими, процессуальными приемами и содержанием требований. (6) «Внутри или вовне»: задает необходимость выбора ориентации призывов к членам команды или к посторонним аудиториям. Споры и несогласие по поводу выбора той или иной альтернативы при разрешении дилеммы — серьезный триггер внутренних конфликтов в движении [Jasper, 2004: 7—10].

Внутренние распри — одна из частых причин выгорания активистов, вследствие чего они в дальнейшем оставляют раннее начатое дело и покидают группу [Gorski, Lopresti-Goodman, Risingc, 2019]. В конечном итоге разногласия и фрагментация интересов внутри общественного движения могут достичь такой силы, когда группа распадается на фракции и по результатам раскола даже формируются отдельные команды или организации [Balsler, 1997].

Важное направление изучения конфликтов, фракционности и расколов среди активистов, участвующих в общественном движении, — рассмотрение не только из перспективы ответа на внутреннюю проблему, но и в взаимосвязи конфликта и воздействия «внешних» факторов или «внешней среды». Поскольку активность таких команд активистов направлена на изменение status quo: перераспределение ресурсов, изменение властных диспозиций, правил и пр., — заинтересованные в сохранении нынешнего порядка вещей могут пытаться оказать влияние на активистские группы, в том числе обращаясь к использованию потенциала развития конфликтности внутри самих движений. Как отмечает Д. Болсер, сами по себе факторы «внешней среды» не могут напрямую вызывать раскол в стане гражданской группы. Однако могут продуцировать ограничения и непредвиден-

ные обстоятельства, либо создающие, либо усугубляющие внутренний конфликт в движении. [ibid.: 199—201]. Важно подчеркнуть, что, с одной стороны, давление и репрессии оппонентов активистов ведут к усилению чувства солидарности, консолидации и единству внутри группы. С другой стороны, репрессии увеличивают разрыв и разногласия между «радикалами» и «умеренными» в движении [McLauchlin, Pearlman, 2012].

Д. Болсер выделяет четыре категории, обозначающие способы, с помощью которых «внешнее окружение» способно вызвать возникновение или стимулировать развитие уже существующего конфликта в общественном движении. (1) Структура политических возможностей, а именно сокращение респонсивности властей к требованиям активистов. Обратная ситуация — частичное принятие их требований ведет к тому, что часть «радикальных» активистов становится неудовлетворена результативностью работы инициативного объединения. Это способно привести к напряжению внутри группы, конфликту и расколу. (2) Механизмы социального контроля: проникновение в движение извне (в том числе правительственных игроков) может вызвать внутренний конфликт, поскольку подозрения, что инсайдерская информация может стать источником «утечки», порождают напряженность среди членов активистской команды. К категории социальных механизмов относятся также различного рода репрессивные меры и внешнее институциональное поощрение одних действий активистов в ущерб другим. (3) Внутреннему конфликту также может способствовать необходимость привлекать внешние ресурсы. (4) Ассоциации с другими группами и организациями — один из стимулов внутреннего конфликта в движении, поскольку не все члены группы готовы разделять установившийся характер взаимоотношений с внешними для них игроками [Balsler, 1997: 212—222].

Ряд социальных исследователей указывают, что влияние конфликта на результативность общественного движения не столь однозначно. С одной стороны, раскол необходим для выживания группы [ibid.], поскольку в критический момент, когда требуется стремительная консолидация членов команды, те, кто угрожает внутригрупповому сотрудничеству, уходят или выдавливаются из нее. С другой стороны, внутренние конфликты дают активистам возможность в ходе дискуссии отточить свою стратегию, а также артикулировать и закрепить свою идентичность [McCammon, Bergner, Arch, 2015: 159—161].

Для данной статьи важна работа Х. МакКэммон и ее коллег [ibid.], которая на примере борьбы движения за женские трудовые права показывает, что конфликт, приведший к фрагментации интересов и расколу группы на два фланга, может способствовать осуществлению целей одного из них. Такая фрагментация интересов привела к тому, что более умеренное крыло публично дистанцировалось от требования «радикалов» (эффект «фрагментации с радикальным флангом») изменить трудовое законодательство в пользу женщин. Взамен этого «нерадикальный» фланг смог привлечь внимание чиновников, которые согласились на сотрудничество и запустили процесс по достижению более умеренной цели активистов — внесения в законодательство поправки в защиту трудовых прав женщин. Радикальное же крыло со своими «завышенными» на тот момент требованиями потерпело неудачу.

Обзор исследований конфликтов среди участников общественных движений позволит выделить ключевые параметры конфликтогенности изученных нами инициативных групп, а также обсудить их связь с достижением целей и результативностью этих команд.

Цель и задачи

Цель данной статьи — анализ взаимосвязи конфликтов в общественных движениях в защиту городского пространства с характером результативности их деятельности. Для этого нам потребуется решить ряд задач. С опорой на теорию полей Н. Флигстина и Д. Макадама, а также представленный выше обзор исследований, посвященных изучению конфликтов и результативности общественных движений, предпримем попытку ответить на следующие вопросы:

1) Каковы причины возникновения конфликтов в полях городских общественных движений?

2) Приобретают ли фрагментация интересов и конфликты в полях городских общественных движений формы раскола, ведущего к созданию отдельных активистских групп?

3) Насколько характер разрешения конфликта в полях городских общественных движений опосредует (влияет) достижение цели полей?

3.1) Возможно ли в целом утверждать, что конфликт в полях городских общественных движений может полностью/частично объяснить провал в достижении целей поля?

3.2) Подтверждается ли на материале изучения полей городских общественных движений описанный выше эффект «фрагментации с радикальным флангом» [McCammon, Bergner, Arch, 2015]?

В фокусе нашего внимания находятся не формализованные и институционализированные общественные движения, которые могут существовать долговременно и преследовать масштабные цели через перманентную реализацию малых (о различении масштабных и малых исходов см. [Useem, Goldstone, 2022]), а локальные низовые инициативы с участием горожан, выступающих против конкретных градостроительных проектов. Эти инициативы после завершения эпизода противостояния могут продолжиться, если будут сформулированы более масштабные цели (однако этот сюжет оставим за рамками исследовательского интереса данной статьи). Выбор таких случаев в качестве предмета исследования обусловлен их характерными особенностями. Специфика таких локальных городских движений по сравнению с другими типами общественных движений заключается в следующем:

— их деятельность сосредоточена в городах (в качественную выборку изучаемых нами случаев попали только кейсы в городах-миллионниках, случаи в областях и в малых городах, деревнях и селах были исключены);

— в таких инициативах участвуют горожане, которые зачастую не имеют опыта гражданской активности или какой-либо принадлежности к общественным градозащитным, правозащитным, экологическим и пр. объединениям (хотя такие объединения в рассмотренных нами случаях нередко инициатируют градостроительные споры и/или поддерживают горожан и являются лоббистами их интересов);

- их деятельность направлена на отмену или изменение предлагаемого локального проекта трансформации городских территорий;
- стоит также отметить преимущественно деполитизированный характер их активности.

Конечная цель любого поля городского общественного движения будет квалифицироваться в этой статье в форме отмены градостроительного проекта и сохранения изначальной городской территории (далее — цель 1)¹. Тем не менее в процессе борьбы общественное движение способно добиться и существенных улучшений, выходящих за рамки изначально желаемого результата. Например, вместе с требуемой отменой строительства парковки в сквере будет проведено его комплексное благоустройство и озеленение. В данном случае в городском общественном движении есть потенциал раздора по поводу вариаций в воплощении «улучшений» на некогда оспариваемой территории (далее — цель 2).

Данные и метод

Проведенное исследование опирается на материалы кейс-стади городских локальных конфликтов в шести городах-миллионниках России²: три города в Приволжье (далее — Приволжье-1, Приволжье-2, Приволжье-3), город в Центральной России (далее — Центр), на Северо-Западе России (далее — Северо-Запад), а также в Сибири, — которые начались и закончились в период с 2012 по 2020 г. В каждом городе были изучены по три случая городских споров, отобранные согласно статистическому анализу наиболее частотных тематик городской мобилизации горожан: защита экологической безопасности и окружающей среды, историко-культурного наследия и оспаривание крупных инфраструктурных проектов [Семенов, 2019]. Поскольку для целей исследования важен параметр исхода взаимодействия, то в качественную выборку попали только завершенные случаи, имеющие определенный материальный результат, связанный с (не)трансформацией оспариваемой городской территории: заявленный проект реализован в полном объеме, реализован частично или же отменен. Изучение каждого случая подразумевало проведение полуструктурированных интервью со всеми участниками конфликтного взаимодействия. Однако в связи с низкой респонсивностью чиновников, политиков и представителей бизнес-структур основной массив данных составляют интервью с активистами или инициаторами публичного городского спора из среды профессионалов. Дополнительными материалами послужили экспертные интервью о траекториях городского развития в каждом из выбранных городов. В число экспертов вошли руководители и сотрудники градоохранительных и экологических НКО и общественных объединений, городские активисты с продолжительным стажем участия в городских спорах, преподаватели вузов и научные сотрудники институтов — специалисты в области экологии, городского развития, а также научные исследователи городских конфликтов, сотрудни-

¹ Для достижения цели по отмене градостроительного проекта (цель 1) члены поля городского общественного движения стремятся реализовать текущие цели. Например, к выигрышу в суде или присвоению зданию охранного статуса ОКН. Такие сопутствующие цели будут обозначаться в данной статье как «промежуточные».

² В силу чувствительности тематики внутренних конфликтов в городских общественных движениях, а также в целях защиты информантов исследуемые города и кейсы, происходившие в них, будут анонимизированы.

ки проектных институтов, связанных с развитием городской среды, муниципальные, городские и региональные депутаты, городские и региональные чиновники, главы и сотрудники региональных отделений ВООПИиК, члены общественных советов изучаемых городов. Критерием отбора экспертов выступили частота их упоминания в СМИ, профиль их профессиональной деятельности, а также рекомендации экспертов, с которыми уже состоялось интервью. Эксперты рекрутировались через официальные запросы, а также обращение в социальных сетях. Общий эмпирический массив составил 88 полуструктурированных интервью. В результате открытого кодирования и дальнейшей категоризации были отобраны кейсы, в которых мы зафиксировали эпизоды конфликтов среди членов общественного движения, выступающих за отмену градостроительного проекта. Такие эпизоды произошли в изученных случаях:

— в Центре — защита рощи от проекта ее реконструкции (Роща), спор вокруг перспективы демонтажа высотного инженерного сооружения (Башня), а также строительства крупной дорожной трассы (Магистраль);

— в Приволжье-1 — проект засыпки и дальнейшей застройки озера (Озеро) и застройки леса (Лес);

— в Сибири — перспектива сноса домов и вырубki зеленых насаждений на крупной улице (Улица);

— в Приволжье-2 — проект строительства здания в парке (Застройка Парка), расширения проспекта (Проспект) и реконструкции парка (Благоустройство Парка).

В изученных кейсах городских локальных споров на Северо-Западе и в Приволжье-3³ признаков значимых внутренних конфликтов в командах активистов обнаружить не удалось, поэтому они были исключены из дальнейшего анализа.

Поля городских общественных движений с победой в достижении цели

В данном подразделе будут рассмотрены поля общественных движений, имеющие в ходе оспаривания городского пространства внутренний конфликт и при этом достигшие успеха (в том числе частичного) при реализации своих целей. Изученные нами движения, находящиеся в конфликте, могут достичь цели 1 и даже цели 2, а также открыто спорить внутри группы по поводу траекторий воплощения цели 2. Необходимо отметить, что при реализации цели 1 и цели 2 ключевым во всех изученных нами успешных случаях был вопрос вложения ресурсов со стороны как игроков из государственных полей стратегического действия, так и значимых иных игроков, связанных с полями городских общественных движений (в нашем случае — фандрайзерами). Окончательное решение, как правило, подразумевало экономию ресурсов и реализацию более «умеренного» проекта: и в случае достижения цели 1, и в случае достижения цели 2.

Активисты, выступающие против засыпки и застройки Озера в Приволжье-1, добились отмены этого проекта (цель 1), а также получили разрешение и частич-

³ Таким образом, 31 интервью на Северо-Западе и в Приволжье-3 не использованы в эмпирической части статьи. В анализ вошли оставшиеся 57 интервью с участниками градостроительных споров и экспертами в Центре, Приволжье-1, Приволжье-2 и Сибири. Параграфы «Поля городских общественных движений с победой в достижении цели» и «Поля городских общественных движений с неудачей в достижении цели» содержат ссылки на выдержки из интервью только избранной для представления результатов анализа части информантов. Их перечень представлен в Приложении к статье.

ную финансовую поддержку для создания вокруг Озера природного парка (цель 2). При этом часть активистов вместе с их лидером, а также их фандрайзеры выступили в пользу более дешевого (и, вероятно, выгодного для активистов этого фланга) и менее экологичного проекта. Это обстоятельство привело к конфликту с поддержавшими их на более ранних этапах профессиональными экологами, которые лоббировали более дорогостоящий и менее инвазивный для окружающей среды проект благоустройства будущего парка:

*Пришли тоже к *** [профессиональный эколог, поддерживавший активистов], раз она экологию смотрела этого и спросили, сколько стоит сделать экологичное благоустройство так, чтобы не навредить. И у нее сумма, поскольку экологично — это всегда дорого, была больше. А там работала фирма, вернее, там в составе инициативной группы, тут такие связи, была женщина [у которой были связи со строительной фирмой]. Поэтому щебенки, песка, битого бетона у них было бесплатно КАМАЗами. Топорно было сделать почти бесплатно. Соответственно, они поставили цену в четыре раза дешевле, чем у *** можно было сделать, но из бетона и песка. (Э1, Приволжье-1, кейс Озеро)*

В конечном счете экологи прекратили взаимодействовать с этим активистским флангом, и было воплощено решение, предложенное лидером общественного движения и поддерживающими его активистами.

В случае защиты Леса в Приволжье-1 активистам также удалось достигнуть цели 2: мэр города отменил постановление о застройке Леса, к тому же из бюджета были выделены средства для комплексного благоустройства этой городской природной территории. Обсуждение проекта нового парка вызвало острый конфликт между градозащитниками и подключившимися к подготовке проекта благоустройства Леса профессионалами (архитекторами, проектировщиками), которые придерживались более умеренной концепции вместо «завышенных» с их точки зрения требований горожан, выдвинутых на этапе партисипаторного проектирования:

У нас не было такого гласного, негласного закона или правил проведения ответственности. То есть должны быть правила ответственности, как архитекторов, чиновников, так и самих активистов, и местных жителей. Что мы можем требовать, чего мы не можем требовать. Где заканчиваются компетенции одни и начинаются компетенции другие. Где требования там от местных жителей и активистов перерастают уже в террор и вымогательство. (И1, Приволжье-2, кейс Лес)

В результате конфликта в основу реконструкции Леса легло «экономичное» решение, к которому были склонны профессионалы. Тогда как план «радикального» фланга активистов остался на периферии конечного планировочного решения, а они — на позиции «претендентов», требования которых были удовлетворены не в полной мере.

После отмены проекта нежелательной реконструкции Рощи (достигнута цель 1) в Центре между участниками общественного движения разгорелся конфликт. «Умеренный» фланг активистов выступил за поддержание первозданной природы

парка, тогда как более «радикальный» требовал создания в Роще ландшафтного парка:

Кто-то хочет, чтобы везде был английский газон. А кто-то отстаивает то, что, поскольку это роща наша, она садово-парковая, объект садово-парковый чего-то там, то, соответственно, в ней не должно быть этого газона, который там пять сантиметров. А допускается разнотравье и даже этот как бурьян. (И2, Центр, кейс Роща)

В данном случае победу одержал тот активистский фланг, который выступал за невмешательство в существующий ландшафт Рощи. Аналогично закончилась история с защитой Башни в Центре от ее потенциального демонтажа. Защитники (историки архитектуры), выступавшие за сохранение инженерного сооружения в первоизданном виде без дополнительных вмешательств, вступили в конфликт с активистами из среды технических специалистов, которые требовали замены и укрепления части опор Башни. Победу вновь одержал «умеренный» фланг (который и занял позиции доминирующего игрока в этом поле общественного движения), что по истечении времени способствовало обветшанию сохраненного на прежнем месте высотного сооружения.

Конкуренция за лидерские позиции в активистской группе — один из немаловажных факторов конфликтогенности в поле городских общественных движений, которым удалось добиться своих целей. В частности, раскол и рассогласованность действий защитников Башни в начале оспаривания проекта ее демонтажа произошли вследствие борьбы активистов за символическое право участия в борьбе за сохранение сооружения:

Именно Фонд очень так прифигел от того, что никто ни с кем ничего особо не согласовывает, в смысле не хочет. Потому что, поскольку Фонд возглавляют наследники и там какая-то свара между наследниками, потомками, то, значит, они унаследовали. Вот им как-то кажется, что это их. А тут помимо них все схватились. (Э2, Центр, кейс Башня)

Случай борьбы за отмену сноса двух зданий и против вырубki зеленых насаждений на Улице в Сибири демонстрирует череду конфликтов среди активистов, претендующих на ведущие позиции в инициативной группе. В частности, раздоры вызвала позиция претендующей на ключевые позиции активистки, которая выступала за масштабирование решаемой проблемы с локального уровня до общегородского:

Тоже я говорила о том, что нужно полностью весь город собирать и, в принципе, против точечной застройки. Потому что эта проблема, она тогда была во всей красе. Сейчас уже остатки такие, там клочки земли, которые случайно как-то выжили. То есть у нас уже на спад это идет, в принципе, уже строить негде, вот. А тогда еще это была острая проблема для всего города. (И3, Сибирь, кейс Улица)

Эта активистка выступила с открытой критикой деятельности депутата городской ассамблеи, являвшегося одним из важных союзников инициативной груп-

пы. В результате она не смогла получить легитимный лидерский статус, ей были поручены рутинные задачи городского общественного движения, и она осталась на позиции «претендента». Дальнейшее развитие активистской команды также сопровождалось фрагментацией интересов, когда появилась альтернативная группа, претендующая на основную деятельность по координации оспаривания городского пространства:

Организовался, так сказать, второй центр власти. Одна женщина попыталась все перетянуть на себя. Что она тут самая главная, значит, активист, значит, самый главный протестующий. Что все, что там делалось до этого, это всё ерунда. (И4, Сибирь, кейс Улица)

В конечном счете активистская группа, позиционирующая проблему как сугубо локальную и поддерживаемая сильным союзником в лице депутата, смогла отстранить всех претендентов на лидерские роли, укрепила свою позицию «доминирующего» игрока и добилась «промежуточной» цели: территория Улицы получила охраненный статус «достопримечательного места», но вслед за сносом оспариваемых зданий и строительством на этом месте ЖК.

Согласно нашему исследованию, важным триггером конфликта в городских общественных движениях, достигших победы, были полярные позиции претендующих на рычаги принятия решений членов городских общественных движений по поводу предпочтительных инструментов ведения борьбы. Фрагментация внутри таких групп проходила вдоль линии континуума «радикализм — умеренность», как это произошло в кейсе защиты Улицы:

В группу приходили, конечно, люди достаточно странные, иногда, по-моему, не вполне психически здоровые. Начинали требовать там, что: «Давайте перекроем улицу, давайте мы там вокруг этой стройки устроим крестный ход, давайте мы там пойдём, значит, там ложиться под бульдозеры». Ну, такое. (И4, Сибирь, кейс Улица)

Поводами, разделяющими активистские команды, могли также выступать разногласия, укладываемые в континуум: формальные способы борьбы (обращения в суд, прокуратуру и пр.) vs. ситуативные, публичные инструменты оспаривания городского пространства (митинги, акции). Так, в частности, случилось в ситуации конфликта двух лидирующих активистов в ходе успешного оспаривания парка в Приволжье-2 от возведения на его территории аквапарка — случай Защиты Парка (И5, Приволжье-2, кейс Защита Парка). Тем не менее, как правило, члены городских общественных движений, добившихся успеха, подчеркивают ценность аккумуляции эффектов от разнообразия репертуаров оспаривания городского пространства.

Поля городских общественных движений с неудачей в достижении цели

Этот раздел посвящен рассмотрению конфликтов в полях городских общественных движений, которым не удалось добиться каких-либо значимых результатов и достигнуть поставленных целей (как минимум, цели 1) — оспариваемый ими

градостроительный проект был полностью реализован. Это произошло в случае расширения Проспекта в Приволжье-2, проект которого был приурочен к проведению в городе крупного спортивного события. Инициативная группа в этом кейсе была фрагментирована и конфликтовала по нескольким основаниям, среди них: предпочтение одним лидирующим членом команды публичных арен в противовес действиям оппонировавшего лидера, активно использовавшего формальные арены борьбы (исковые обращения в суд и подготовку экспертиз). Вследствие этого в группе произошел раскол, который привел к низкой информированности активистов о работе друг друга и, как следствие, к недостатку скоординированности и согласованности их действий:

Она дальше пошла в суд сама. Она решила, что она вот такая умная, справится без юристов каких-то. Она пошла сама, естественно, там ей ничего добиться не удалось... Просто вот до смешного доходило, что мы приходили на эти собрания, мы бегали там, значит, расклеивали листовки, оповещали жителей этих домов, а юристы подъезжали отдельно вместе с этой женщиной. Ну, как-то не клеивалось совершенно никакое сотрудничество (ИБ, Приволжье-2, кейс Проспект)

Одна из ключевых активисток, описывая возможные позитивные сценарии развития оспаривания Проспекта, признала недостаточное внимание к потенциалу публичных арен и мобилизации внешних союзников:

И, возможно, если мы, может быть, сделали больше, вообще бы каждый день митинги собирали. То возможно бы все-таки из Москвы, все равно это все контролируется, из Москвы сказали бы: «Слушайте, да оставьте Проспект, там проведите дорогу». Возможно, да... То есть масштабность таких акций, если она массовая и частая [могла бы привести к успеху] (И5, Приволжье-2, кейс Проспект)

Схожим образом между членами общественного объединения произошел раскол в процессе эпизода городского противостояния вокруг перспективы реконструкции парка в Приволжье-2 (кейс Благоустройство Парка). Одни воспользовались публичной «радикальной» стратегией и встали в пикет напротив мэрии города, которая вступила в противоречие с достигнутыми соглашениями «умеренных» активистов с чиновниками на более «спокойных» формальных аренах:

Часть договорившихся не выполнили эти договоренности, пошли с пикетами. А та часть, которая говорила: «Алле, ребят, давайте подождем, сейчас примут на законодательном уровне, не спугивайте их. Мы же договорились, мы большинством договорились». Видимо, там какое-то голосование было. «А вы вышли!» Они якобы с властями договорились о чем-то. Типа: «Ребята, подождите еще сколько-то, и все вам будет». Но эти, кто вышел с пикетами, не могут ждать. «Мы опять выходим с пикетами». Вот они тут вчера весь вечер и ругались. (Э3, Приволжье-2, кейс Благоустройство Парка)

Перспектива строительства масштабной транспортной артерии, которая проходила бы по территории множества районов Центра (кейс Магистраль), объеди-

нила вокруг себя множество горожан, политиков, депутатов и медийных персон, выступивших против этого проекта. Тем не менее активистам не удалось избежать череды конфликтов, возникших из-за того, что в ходе оспаривания городские власти начали переносить трассировку Магистрала в другой район. Это вызвало недовольство проживающих там жильцов, которые ранее поддерживали активистов из того района, где изначально предполагалось проведение трассы:

А некоторые люди из нашего района, наоборот, возмущались на активистов и говорили, что мы ходили на публичные слушания, были против Магистрала, а ее теперь перекинули к нам. (И7, Центр, кейс Магистраль)

Значимые расколы в команде общественного движения вызвали такие проблемы, как выбор умеренной или «радикальной» цели борьбы (установка антишумовых щитов vs. дорогостоящий проект заглубления под землю трассы) и необходимость вложения активистами ресурсов для получения дополнительной экспертизы проекта Магистрала:

*Значит, голландцам заказали. Она [экспертиза] стоила достаточно дорого, они денег не собрали, там ***, в общем, со всеми тоже переругался из-за финансов. (И8, Центр, кейс Магистраль)*

Особенность всех попавших в выборку неуспешных и имевших внутренний конфликт общественных движений вокруг оспаривания городского пространства состоит в том, что они сталкивались с масштабными градостроительными проектами, которые предполагали федеральный бюджет и заинтересованность федеральных игроков.

Выводы и дискуссия

Отвечая на исследовательский вопрос, посвященный связи внутригрупповых конфликтов и достижений городских активистов, мы можем заключить, что изученные градозащитные движения, которые имели внутренний конфликт (а порой и череду конфликтов вокруг различных поводов), были как успешны, так и безуспешны в плане осуществления поставленной активистами цели. По крайней мере в отношении городских движений, добившихся отмены градостроительного проекта, мы можем говорить, что конфликт не оказал значимого негативного влияния на достижение ими конечной цели. С большой долей вероятности решающее воздействие на конечный результат имели иные факторы: способность активистов привлечь на свою сторону влиятельного игрока и/или же политические условия, при которых сильные игроки из других полей стратегического действия, в том числе государственных, заняли сторону протестующих горожан.

С другой стороны, все случаи оспаривания городского пространства, которые закончились провалом в удовлетворении целей городских активистов, характеризует наличие «сильных», высокоресурсных игроков-оппонентов. В нашей выборке кейсов ими оказались федеральные чиновники из государственного поля

стратегического действия, продвигающие крупномасштабные и высокоресурсные градостроительные проекты. Как подтверждают наши эмпирические данные, соперничество городских активистов с федеральным игроком, как правило, обречено на неудачу [Желнина, Тыканова, 2021: 215—216; Тыканова, Хохлова, 2021: 117—118]. На низкой результативности таких движений могли также сказаться невозможность мобилизации большего числа сторонников вкупе с недостаточным использованием лидерами возможностей публичных арен для создания общественного резонанса вокруг градозащитного эпизода.

В ответ на исследовательские вопросы о формировании отдельных активистских флангов вследствие фрагментации в группе, а также о причинах, ведущих к конфликтам в изученных нами городских локальных движениях, можно отметить следующее.

1) Фрагментация интересов в редких случаях приводила к образованию отдельных активистских команд. Как правило, одна из таких команд в скором времени сходила с арены оспаривания городского пространства, уступая место другим «доминирующим» активистам.

2) Более «радикальный» фланг в поле городского общественного движения представлен во всех случаях, закончившихся полной/частичной победой активистов (равно как и их поражением): либо по требуемому вложению ресурсов государства или фандрайзера, либо по другим основаниям: (не)готовности к масштабированию конфликта от локального уровня к городскому, (не)использованию более «радикальных» методов публичной политики, (не)избеганию издержек коалиции с сильным союзником, (не)готовности вклада в деятельность движения собственных ресурсов и пр.

Конфликты внутри полей городских общественных движений редко выходят в публичное пространство. Следовательно, они, как правило, не становятся инструментом в руках более умеренных флангов по привлечению внимания государственных игроков. Таким образом, эффект «фрагментации с радикальным флангом» не нашел окончательного подтверждения в эмпирических данных. То есть государственные и иные акторы, за которыми последнее слово в разрешении градостроительных конфликтов, если и выражают готовность поддержать сторону активистов (тогда активисты достигают либо цели 1, либо даже цели 2), склонны к более умеренным вариантам реализации решений. В то время как эффект «фрагментации с радикальным флангом» не имеет для «сильных» акторов большого значения, поскольку преимущественно ими не наблюдается.

Проведенное исследование опосредованности результатов городского общественного движения конфликтами внутри команды активистов имеет ряд ограничений. Эмпирические данные, на которые опирается анализ, — полуструктурированные интервью с участниками событий и экспертами. Такой характер эмпирических материалов предполагает аберрации памяти информантов, переоценку прошедших событий и пр., что можно было бы компенсировать непосредственным наблюдением за процессами локального оспаривания городского пространства. Цель активистов в данной статье квалифицируется в довольно редуцированной и прагматической форме и имеет материальную детерминанту. Исследование могло бы улучшить включение в анализ иных целей и резуль-

татов деятельности движений, в том числе сопутствующих и долгосрочных. Следует добавить, что вне фокуса изучения оказались так называемые параметры «внешнего окружения» — сопряжения с другими полями стратегического действия, которые могут стимулировать конфликт в общественном движении, а также нивелировать последствия конфликта при достижении активистской группой своих результатов. Дополнило бы данную работу выяснение социальных причин отсутствия значимых расколов в движениях, выходящих в публичное поле, а также публичной фрагментации с эффектом правого фланга. Анализ того, каким образом полученные выводы связаны со спецификой властно-гражданских отношений в российском обществе, — научная задача, требующая дальнейшего пристального исследовательского внимания.

Список литературы (References)

1. Желнина А. А., Тыканова Е. В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>.
Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2021) 'Players' in 'Arenas': a Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow). *Journal of Social Policy Research*. Vol. 19. No 2. P. 205—222.
2. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>. (In Russ.)
Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Множественные сценарии развития городских локальных конфликтов: случаи экологических угроз и развития дорожной инфраструктуры / Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 93—120. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>.
Tykanova E. V., Khokhlova A. M. (2021) Multiple Scenarios of Urban Local Conflicts Development: Cases of Ecological Threats and Road Infrastructure Development. *The City of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts Development in Russia*. Moscow, St. Petersburg: FCTAS RAS. P. 93—120. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>. (In Russ.)
3. Семенов А. В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>.
Semenov A. V. (2019) The Roots of The Grass: Patterns of Grassroots Mobilization in Russia. *Sociological Studies*. No. 12. P. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3>. (In Russ.)
4. Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1527-3>.
Tilly Ch. (2019) From Mobilization to Revolution. Moscow: HSE Publishing. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1527-3>. (In Russ.)

5. Тыканова Е. В., Шевцова И. К., Желнина А. А. Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 90—119. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-90-119>.
Tykanova E. V, Shevtsova I. K, Zhelnina A. A. (2024) Alliances Between Authorities and Urbanites in Urban Local Conflicts. *Sociological Review*. Vol. 23. No. 2. P. 90—119. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-90-119>.
6. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2667-5>.
Fligstein N., McAdam D. (2022) *A Theory of Fields*. Moscow: HSE Publishing. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2667-5>. (In Russ.)
7. Almeida P. (2019) *Social Movements: The Structure of Collective Mobilization*. Oakland, CA: University of California Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvd1c7d7>.
8. Amenta E. et al. (2010) The Political Consequences of Social Movements. *Annual Review of Sociology*. Vol. 36. P. 287—307. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-120029>.
9. Balsaer D. B. (1997) The Impact of Environmental Factors on Factionalism and Schism in Social Movement Organizations. *Social Forces*. Vol. 76. No. 1. P. 199—228. <https://doi.org/10.1093/sf/76.1.199>.
10. Bandy J., Smith J. (2005) Factors Affecting Conflict and Cooperation in Transnational Movement Networks. *Coalitions Across Borders: Transnational Protest and The Neoliberal Order*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield. P. 231—252. URL: <https://goo.su/P1L39y> (accessed: 17.03.2024).
11. Cable S., Shriver T.E. (2010) Wounded by Friendly Fire: Policy Palliatives and Internal Conflict in the Gulf War Illness Movement. *Current Sociology*. Vol. 58. No. 1. P. 45—66. <https://doi.org/10.1177/0011392109348545>.
12. Earl J. (2004) The Cultural Consequences of Social Movements. *The Blackwell Companion to Social Movements*. Oxford, MN: Blackwell Publishing. P. 508—530. <https://doi.org/10.1002/9780470999103>.
13. Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a General Theory of Strategic Action Fields. *Sociological Theory*. Vol. 29. No. 1. P. 1—26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2010.01385.x>.
14. Gamson W. A. (1975) *The Strategy of Social Protest*. Homewood, AL: Dorsey Press.
15. Giugni M. G. (1998) Was It Worth the Effort? The Outcomes and Consequences of Social Movements. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. No. 1. P. 371—393. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.371>.
16. Gorski P., Lopresti-Goodman S., Rising D. (2019) “Nobody’s Paying Me to Cry”: The Causes of Activist Burnout in United States Animal Rights Activists. *Social Movement Studies*. Vol. 18. No. 3. P. 364—380. <https://doi.org/10.1080/14742837.2018.1561260>.

17. Jasper J. A. (2004) Strategic Approach to Collective Action: Looking for Agency in Social-Movement Choices. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 9. No. 1. P. 1—16. <https://doi.org/10.17813/MAIQ.9.1.M112677546P63361>.
18. King L. (2008) Ideology, Strategy and Conflict in a Social Movement Organization: The Sierra Club immigration wars. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 13. No. 1. P. 45—61. URL: <https://meridian.allenpress.com/mobilization/article-abstract/13/1/45/82147/Ideology-Strategy-and-Conflict-in-a-Social> (accessed: 17.03.2024).
19. Kriesi H. et al. (1992) New Social Movements and Political Opportunities in Western Europe. *European Journal of Political Research*. Vol. 22. No. 2. P. 219—244. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1992.tb00312.x>.
20. McAdam D. (1989) The Biographical Consequences of Activism. *American Sociological Review*. Vol. 54. P. 744—760. <https://doi.org/10.2307/2117751>.
21. McCammon H. J., Moon M. (2014) Social Movement Coalitions. In: Della Porta D., Diani M. (eds.) *The Oxford Handbook of Social Movements*. Oxford: Oxford University Press. P. 326—339. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199678402.001.0001>.
22. McCammon H. J., Bergner E. M., Arch S. C. (2015) “Are You One of Those Women?” Within-Movement Conflict, Radical Flank Effects, and Social Movement Political Outcomes. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 20. No. 2. P. 157—178. <https://doi.org/10.17813/1086-671X-20-2-157>.
23. McCarthy J. D., Zald M. N. (1977) Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*. Vol. 82. No. 6. P. 1212—1241. <https://doi.org/10.1086/226464>.
24. McLaughlin T., Pearlman W. (2012) Out-Group Conflict, In-Group Unity? Exploring the Effect of Repression on Intramovement Cooperation. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 56. No. 1. P. 41—66. <https://doi.org/10.1177/0022002711429707>.
25. Nicholls W. J. (2013) Fragmenting Citizenship: Dynamics of Cooperation and Conflict in France’s Immigrant Rights Movement. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 36. No. 4. P. 611—631. <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.626055>.
26. Polletta F., Jasper J. M. (2001) Collective Identity and Social Movements. *Annual Review of Sociology*. Vol. 27. No. 1. P. 283—305. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.283>.
27. Schwartz M., Rosenthal N., Schwartz L. (1981) Leader-Member Conflict in Protest Organizations: The Case of the Southern Farmers’ Alliance. *Social Problems*. Vol. 29. No. 1. P. 22—36. <https://doi.org/10.2307/800075>.
28. Useem B., Goldstone J. A. (2022) The Paradox of Victory: Social Movement Fields, Adverse Outcomes, and Social Movement Success. *Theory and Society*. Vol. 51. No. 1. P. 31—60. <https://doi.org/10.1007/s11186-021-09460-2>.

29. Van Dyke N., Amos B. (2017) Social Movement Coalitions: Formation, Longevity, and Success. *Sociology Compass*. Vol. 11. No. 7. P. 1—17. <https://doi.org/10.1111/soc4.12489>.
30. Zhelnina A., Jasper J. M. (2024) Strategic Assemblies: Trade-Offs and Dilemmas for Social Movements. In: *The Oxford Handbook of Peaceful Assembly*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197674871.013.34>.

Приложение. Список упомянутых в статье информантов

№	Шифр	Регион	Пол	Вид деятельности
1.	Э1	Приволжье-1	Ж.	Экологический активист, эксперт
2.	И1	Приволжье-2	Ж.	Архитектор, участник партисипаторного проектирования в кейсе Лес
3.	И2	Центр	М.	активист, участник городского общественного движения в кейсе Роща
4.	Э2	Центр	М.	Эксперт, участник городского общественного движения в кейсе Башня
5.	И3	Сибирь	Ж.	Активист, участник городского общественного движения в кейсе Улица
6.	И4	Сибирь	М.	Активист, один из лидеров городского общественного движения в кейсе Улица
7.	И5	Приволжье-2	Ж.	Активист, один из лидеров городских общественных движений в кейсах Застройка Парка и Проспект
8.	И6	Приволжье-2	М.	Активист, участник городского общественного движения в кейсе Проспект
9.	Э3	Приволжье-2	М.	Градозащитник, эксперт
10.	И7	Центр	Ж.	Активист, участник городского общественного движения в кейсе Магистраль
11.	И8	Центр	Ж.	Активист, участник городского общественного движения в кейсе Магистраль

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2800](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2800)**В. А. Аникин, М. А. Нагерняк, Н. Д. Воронина****КОНЦЕПЦИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ****Правильная ссылка на статью:**

Аникин В. А., Нагерняк М. А., Воронина Н. Д. Концепция благополучия в общественных науках // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 319—341. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2800>.

For citation:

Anikin V. A., Nagernyak M. A., Voronina N. D. (2024) The Concept of Well-Being in Social Sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 319–341. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2800>. (In Russ.)

Получено: 12.11.2024. Принято к публикации: 08.12.2024.

КОНЦЕПЦИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, PhD, доцент Департамента социологии факультета социальных наук старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: vanikin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2316-4628>

НАГЕРНЯК Мария Александровна — заместитель проректора, руководитель Центра исследований благополучия и бюджетов времени населения Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: mnagernyak@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2540-0698>

ВОРОНИНА Наталья Дмитриевна — аналитик Центра исследований благополучия и бюджетов времени населения Института социальной политики, старший преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологических данных» Департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: nvoronina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7057-4582>

Аннотация. В 2025 г. в издательстве «Прометей» под научной редакцией Л. Н. Овчаровой и В. А. Аникина выходит коллективная монография «Благополучие и развитие человеческого потенциала». Журнал «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» публикует

THE CONCEPT OF WELL-BEING IN SOCIAL SCIENCES

Vasily A. ANIKIN^{1,2} — Cand. Sci. (Econ.), Ph.D. in Sociology, Associate Professor, School of Sociology, Faculty of Social Sciences, Senior Researcher at the Centre for Stratification Studies, Institute for Social Policy; Leading Researcher
E-MAIL: vanikin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2316-4628>

*Maria A. NAGERNYAK*¹ — Deputy Vice Rector; Head of Centre for Well-being and Time Use Research, Institute for Social Policy
E-MAIL: mnagernyak@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2540-0698>

*Natalya D. VORONINA*¹ — Analyst at the Centre for Well-being and Time Use Research, Institute for Social Policy; Senior Lecturer at the Department of Sociological Research Methods, School of Sociology, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: nvoronina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7057-4582>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. In 2025, the Prometheus Publishing House will publish a collective monograph Well-being and Development of Human Potential (eds. Ovcharova L. N., Anikin V. A.). The journal Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes presents an abridged version of the chapter devoted to approaches

сокращенную версию главы, посвященной подходам к концептуализации термина «благополучие» с опорой на существующие в российском и зарубежном полях теоретические и эмпирические наработки.

Интерес к теме благополучия в России растет не только со стороны научного сообщества, но и в публичном поле. В последние десятилетия заметно увеличилось число работ о субъективном благополучии, в том числе обзорного характера. Несмотря на это, в научной литературе отсутствует комплексный анализ концепта благополучия, включающий как его объективную, так и субъективную составляющие. Даже в обзорных работах сохраняется терминологическая неоднозначность из-за того, что ряд близких по смыслу понятий используются как синонимы к термину благополучие, а также из-за различий в отраслевой принадлежности авторов. Не претендуя на исключительность, авторы данной статьи предлагают междисциплинарную попытку обобщения и классификации путей концептуализации благополучия в общественных науках, а также систематизируют опыт российских ученых из разных отраслей знания. В работе предлагается рассматривать пять путей концептуализации: (1) благополучие в экономике благосостояния; (2) благополучие как удовлетворение потребностей, (3) благополучие как возможности, (4) когнитивные самооценки собственной жизни, (5) благополучие, рассматриваемое через аффективные оценки.

Ключевые слова: объективное благополучие, субъективное благополучие, сферы благополучия, качество жизни, счастье

Благодарность. Материал подготовлен в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

to conceptualizing the term well-being based on existing theoretical and empirical developments in the Russian and foreign studies. In recent decades, the number of works on subjective well-being, including reviews, has increased significantly. Despite this, the scientific literature lacks a comprehensive analysis of the concept of well-being, including both its objective and subjective components. Even in the reviews, terminological ambiguity remains since a number of concepts close in meaning are used as synonyms for the term well-being, as well as due to differences in the professional field of the authors. Without claiming exclusivity, the authors of this article offer an interdisciplinary attempt to generalize and classify the ways of conceptualizing well-being in the social sciences and systematize the experience of Russian scientists from different fields of knowledge. The article proposes to consider five ways of conceptualization, namely: (1) well-being in the welfare economy; (2) well-being as satisfaction of needs, (3) well-being as opportunities, (4) cognitive self-assessments of one's own life, (5) well-being viewed through affective assessments.

Keywords: objective well-being, subjective well-being, domains of well-being, quality of life, happiness

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Авторы выражают глубокую благодарность Л. Н. Овчаровой за ценные комментарии на этапе предварительного обсуждения ключевых идей рукописи, участникам секции «Российское общество в «кризисное» десятилетие (к 10-летию социологического мониторинга ИС ФНИСЦ РАН)» в рамках Конференции «Социология: вчера, сегодня, завтра. К 50-летию журнала “Социологические исследования”» за обсуждение операционализации объективного благополучия, а также Н. Михайловой и С. Тер-Акопову за ценные идеи, высказанные в процессе подготовки рукописи.

The authors express their deep gratitude to L. N. Ovcharova for valuable comments at the stage of preliminary discussion of the key ideas of the manuscript, to the participants of the section Russian Society in the “Crisis” Decade (on the 10th Anniversary of Sociological Monitoring of the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences) within the framework of the Conference Sociology: Yesterday, Today, Tomorrow. On the 50th Anniversary of the Journal “Sociological Research” for the discussion of the operationalization of objective well-being, as well as to N. Mikhailova and S. Ter-Akopov for valuable ideas expressed during the preparation of the manuscript.

Введение

В странах, достигших высокого уровня социально-экономического развития, благополучие (англ. *well-being*) анонсировано как интегральное понятие, призванное объединить различные политические силы и стать универсальным понятием внутренней государственной политики¹. По мере экономического роста разница в доходах оказывает все меньше влияния на социальную устойчивость, в то время как значимость немонетарных аспектов благополучия растет. Поэтому правительства индустриально развитых стран уделяют особое внимание измерению того, что составляет ядро благополучия в их обществах, особенно после отчета Дж. Стиглица и соавторов [Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2009; Dolan, Layard, Metcalfe, 2011; Noll, 2018]. Вследствие этого благополучие вошло в число основных показателей национальной статистики и стало играть ключевую роль в публичном дискурсе. Анализ опыта использования этого показателя свидетельствует, что трактовки благополучия сильно зависят от национального и культурно-исторического контекста. Это обуславливает необходимость изучения благополучия на национальном уровне в разные периоды времени. Можно предположить, что в странах, достигших схожего уровня социально-экономического развития, трактовки благополучия будут также близки.

В обществах с высоким уровнем социально-экономического развития возникает необходимость изучения не только материальных, но и нематериальных аспектов благополучия (здоровья, работы, образования, субъективного восприятия различных аспектов жизни и т. д.). Россия не исключение. Более того, путь, который прошла наша страна за последние 30 лет, предопределил фокус российских исследований. Отечественная наука сильно продвинулась в изучении и из-

¹ Kinderman P. Why Are Governments Interested in Our Wellbeing? // World Economic Forum. 2015. 18 September. URL: <https://www.weforum.org/stories/2015/09/why-are-governments-interested-in-our-wellbeing/> (дата обращения: 31.10.2024).

мерении благополучия различных демографических групп (детей, молодежи, пожилых), а также некоторых сфер или компонентов благополучия (материальное, субъективное, социальное благополучие и др.). Несмотря на это, в отечественной науке и экспертном сообществе пока не сложилось ни консенсуса по теоретико-методологическим основам концепта благополучия, ни терминологического единства в отношении смежных понятий (счастья, качества жизни, благосостояния и др.). Не сформировались пока и официальные статистические стандарты измерения благополучия. В данной работе предпринята попытка разграничить понятие благополучия со смежными терминами, рассмотрены теоретические концепты, которые лежат в основании благополучия.

Пути концептуализации и измерения благополучия в мировой литературе и статистике

Едва ли из множества понятий, которыми оперирует мировое и отечественное обществознание, можно выбрать термин, сравнимый с термином «благополучие» по степени того, насколько сильно он определяется культурно-историческим контекстом. Мировая наука определяет благополучие как понятие, укорененное в национальной культуре, истории и обыденной жизни конкретного общества: «Если вы серьезно относитесь к измерению благополучия, меры и индикаторы должны быть значимыми и иметь смысл для обычных людей, и они должны вести к действию/изменениям. Нет смысла проводить измерения ради самих измерений» [Matheson, 2011: 4].

Однако это суждение о благополучии скорее справедливо в отношении сфер (или компонентов, конструктов) благополучия, в то время как теоретические корни данного понятия (концепты) носят скорее универсальный характер и в меньшей степени зависят от национального контекста. В соответствии с принципами современной методологической литературы, операционализация понятия благополучия определяется сначала через концепты, а затем — через входящие в него конструкты (домены), отражающие ключевые аспекты жизни общества, важные для индивидов [Lazarsfeld, 1958; Рогозин, 2007]. Самостоятельный пласт литературы формируют работы о «тематическом» благополучии, где оно рассматривается с точки зрения одной сферы жизнедеятельности — например, материальное благополучие, эмоциональное благополучие, демографическое благополучие, благополучие здоровья, детское благополучие, демографическое благополучие и т. д.

Несмотря на историко-культурную укорененность понимания сфер благополучия, теоретические основы этого концепта имеют ограниченное число трактовок. Акценты в концептуализации благополучия зависят от различного понимания целей человека и целей общественного развития, а также от времени, этапа в развитии страны и общества, политического дискурса и культурно-исторического контекста. Немаловажную роль в становлении концепции благополучия сыграло развитие прикладного знания, международной статистики и развитие национальных статистических служб в ряде стран, благодаря чему это понятие легло в основу самостоятельной научной концепции. Конвенциональный взгляд на благополучие предполагает разделение этого понятия на объективное и субъективное. Данное различие сейчас является общепризнанным несмотря на то, что в послед-

нее время благополучие все чаще понимается в терминах субъективных оценок. Объективное благополучие концептуализируется тремя основными способами: (1) благополучие в экономике благосостояния; (2) благополучие как удовлетворение потребностей, (3) благополучие как наличие возможностей; субъективное благополучие предполагает два ключевых направления концептуализации: (4) когнитивные самооценки собственной жизни, (5) благополучие, рассматриваемое через аффективные оценки. Далее мы подробно рассматриваем все названные направления концептуализации.

Благополучие и благосостояние

Изначально термин «благополучие» использовался в классической экономике благосостояния и трактовался исключительно как материальный аспект благосостояния. Традиционно благосостояние связывалось со степенью удовлетворенности физических потребностей, а сам термин, воспринимавшийся как объективное понятие, измерялся через оценку владения материальной собственностью и внешними ресурсами. Это измерение благосостояния получило название «уровень жизни» и понималось как необходимый уровень материальных и общественных благ, который должен фактически быть в распоряжении человека для достижения определенного уровня удовлетворенности жизнью. Такая интерпретация восходит к идеям Дж. Милля, который пытался свести многообразие человеческого поведения до одного доминирующего мотива — мотива приобретения богатства, универсальным измерителем которого выступают деньги. Эти идеи получили развитие в работах неоклассиков (А. Маршалла, А. Пигу, Ф. Эджуорта) и были положены в основу классических работ экономики благосостояния, в которых изменение экономического благосостояния оценивалось исходя из изменений структуры экономической деятельности.

Это так называемая «ресурсная» интерпретация человеческой деятельности. Она сводится к фокусу на ресурсах, необходимых людям для создания оптимальных условий жизни, а не на конечных целях существования человека. В экономической теории справедливости Дж. Ролза эти ресурсы рассматривались в качестве «первичных благ» (доходы, должностные возможности), выступающих в роли универсальных средств для реализации человеком его индивидуальных ценностей и целей [Сен, 2016: 104].

Экономика благосостояния оказала колоссальное влияние на понимание целей общественного развития и их измерений в первой половине XX века. В частности, она рассматривала дуализм социальных и частных эффектов экономической деятельности, а также относительную природу ценности денег (в силу ее связи с покупательной способностью (см., например, эффект «реальных кассовых остатков» А. Пигу) и другими объективными макроэкономическими параметрами — занятостью населения, состоянием торгового баланса и т. д.). Послевоенное расширение трактовки понятия благосостояния позволило перейти в 1960-х годах к многомерному пониманию развития и социальной реальности, разделить количественные и качественные измерения условий жизни². Измерение объек-

² Декларация социального прогресса и развития. Принята резолюцией 2542 (XXIV) Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1969 г. URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/socdev.htm> (дата обращения: 06.09.2022).

тивного благополучия на макроуровне в контексте благосостояния может включать доход, грамотность населения и его ожидаемую продолжительность жизни [Durand, 2015], а также характер труда, окружающую среду, взаимоотношения между людьми, жилищные условия и общественный порядок (А. Пигу).

Термины «благосостояние» и «благополучие» до сих пор иногда используются как синонимы, хотя в междисциплинарных исследованиях и подходах эти понятия все же рекомендуется разделять, особенно если речь идет об измерении благополучия на национальном уровне, поскольку благосостояние сегодня рассматривается скорее через объем государственных расходов на поддержку доходов населения и социальные услуги. Политика государства в отношении уязвимых слоев населения является маркером эффективности экономики благосостояния в современном мире. Социальная поддержка и государственные услуги во многих сферах жизни увеличивают коллективное и индивидуальное благополучие. Благополучие в этом контексте рассматривается как следствие благосостояния, поскольку находится под влиянием выстроенной в обществе системы услуг, а также формальной и неформальной поддержки, получаемой населением со стороны различных государственных и общественных институтов.

Благополучие как удовлетворение потребностей

Данное направление концептуализации благополучия основывается на убежденности в том, что в основе счастья лежит удовлетворение потребностей [Veenhoven, 1991]. В традиционном обществе потребности связывались с материальным накоплением, при этом они могли носить как первичный (насуточный), так и вторичный (избыточный) характер. Такая классификация потребностей в науке сохранялась достаточно длительное время, хотя оценки роли избыточных потребностей со временем менялись. По мере модернизации обществ избыточные потребности стали играть все большую роль в формировании условий для роста материальной культуры и объективного уровня жизни широких слоев населения. С накоплением обществом материальных благ начинает меняться социальная структура, возникает массовый средний класс, цели индивида усложняются, и в ядро его базовых потребностей начинают включаться те из них, что не связаны напрямую с материальным накоплением. Все большую роль начинают играть потребности в образовании, культуре, общении.

Заметный вклад в концептуализацию благополучия в контексте удовлетворения потребностей внесли работы ученых, которые пытались осмыслить природу потребностей и их трансформацию в индустриально развитых странах. Осмысление этих процессов привело к появлению новых классификаций потребностей, удовлетворение которых рассматривается как признак благополучия в современном обществе.

С конца 1970-х годов в исследованиях благополучия стало нормой противопоставление потребностей материального накопления, с одной стороны, и социальных и духовных потребностей — с другой. Удовлетворение потребностей физического выживания и материального накопления характеризуется понятием «объективный уровень жизни», а потребностей социального и духовного порядка — «объективное качество жизни». Другими словами, в отличие от объективного уровня жизни, объективное качество жизни «определяется не теми материальными

ми ресурсами, которыми владеет человек, а тем, какие у него сложились отношения с другими людьми, какое место он занимает в обществе» [Allardt, 1976: 228].

Благодаря скандинавскому сравнительному исследованию [Allardt, 1976] дихотомия объективного уровня жизни и объективного качества жизни в понимании благополучия стала популярным срезом при анализе благополучия в индустриально развитых странах. Благополучие все больше ассоциируется именно с качеством жизни, то есть с областью социальных потребностей, удовлетворение которых стало неотъемлемой частью современных обществ.

В рамках Скандинавского сравнительного исследования был сделан важный для последующих работ по благополучию вывод о том, что «потребности, как правило, имеют историческую почву, и не существует никакого универсального списка потребностей, применимого к любой ситуации» [Allardt, 1976: 230]. В современных исследованиях признание сильного влияния контекстной составляющей на характер потребностей является нормой [Das et al., 2020; Durand, 2015].

Сегодня это понимание заложено в основу национальных исследований благополучия населения в контексте изучения потребностей людей. В качестве примера таких исследований можно отметить проект «Что для вас важно?» (англ. «*What matters to you?*»), инициированный Национальной статистической службой Великобритании. Та же логика нашла отражение и в международных исследованиях благополучия. Стоит отметить, например, индекс социального прогресса (англ. *Social Progress Index*)³, который базируется на понимании социального прогресса как способности общества удовлетворять основные потребности своих граждан, создавать условия, которые позволяют гражданам и сообществам повышать и поддерживать качество своей жизни, а также полностью раскрывать свой потенциал всем членам общества. Благополучие, таким образом, здесь трактуется как результат социального прогресса.

При этом ряд теоретико-методологических вопросов остается нерешенным и требует дальнейших исследований. Например, К. Дас формулирует такие [Das et al., 2020: 8]: существуют ли универсальные наборы потребностей и целей, которые можно лучше всего протестировать среди населения и сравнить? Как цели и потребности человека варьируются в зависимости от таких факторов, как возраст, экономическое положение, структура семьи, социальная структура и т. д.? Знают ли люди о своих потребностях и целях? Можно ли измерить эти потребности и цели напрямую или для этого требуются косвенные измерения? Это лишь небольшой список вопросов, которые стоят перед исследователями в рамках данного направления концептуализации благополучия.

Благополучие как возможности

В 1950—1960-е годы ученые стали искать новые критерии для оценки благосостояния, которые могли бы выступить альтернативой индивидуализированным трактовкам потребностей. С научной точки зрения это было связано с попытками экономики общественного выбора преодолеть парадокс Кондорсе, обобщенный К. Эрроу в виде теоремы «о невозможности демократии» как коллективного вы-

³ Social Progress Index (2011-2023). Social Progress Imperative. URL: <https://www.socialprogress.org/social-progress-index> (дата обращения: 31.10.2024).

бора [Arrow, 2012]. Это актуализировало поиск более устойчивых критериев благополучия, чем индивидуальные предпочтения.

В итоге А. Сен предложил переход к критерию реальных возможностей выбора и осуществления того образа жизни и достижений, которые важны для индивида и которые выражаются в свободе выбирать значимые для него «виды ценностно ориентированной деятельности» [Сен, 2016: 305—306]. Возможности от потребностей существенно отличается то, что возможности зафиксированы вне индивидуальных предпочтений. Теоретико-методологический фокус в исследованиях благополучия стал смещаться от ресурсов, необходимых людям для удовлетворения их потребностей, и нормативных целей, которые задают динамичный список потребностей, к реальным возможностям, связанным с реализацией прав человека, его личной свободы, жизненного выбора и потенциала в ключевых жизненных сферах.

А. Сен понимал развитие как «процесс расширения прав и свобод, которыми пользуются члены общества» [Сен, 2004: 21]. Соответственно, чем шире набор возможностей, доступных индивидам в обществе, тем выше уровень развития этого общества [Leelavathi, Gopalakrishna, 2012]. Таким образом, ученый обосновывал ключевую цель развития общества через расширение свободы человека и его выбора и видел ее в большей степени в развитии «богатства человеческой жизни, чем богатства экономики... которая является лишь ее частью»⁴. А. Сен концептуализировал критерий возможностей в двух ключевых аспектах [Человеческий потенциал..., 2023: 17]:

- переход от результатов деятельности к условиям и процессам;
- рассмотрение не только достижений, но и свободы достигать чего-либо.

Под влиянием идей А. Сена, а также в стремлении «переместить фокус экономики развития с учета национального дохода на политику, ориентированную на человека» [Ul Haq, 1995: 13], пакистанский экономист М. Уль-Хак разработал концепцию «человеческого развития». Отталкиваясь от идей А. Сена, М. Уль-Хак уточняет парадигму человеческого развития через четыре компонента:

- 1) равенство возможностей для развития для всех людей (англ. *equity*);
- 2) устойчивость возможностей для развития, для чего необходимы пополнение и регенерация физического, человеческого, финансового и экологического капиталов (англ. *sustainability*);
- 3) производительность — инвестиции в человеческий капитал и создание благоприятных макроэкономических условий для реализации возможностей развития (англ. *productivity*);
- 4) расширение прав и возможностей, подразумевающее активное участие индивидов во всем, что формирует их жизнь (англ. *empowerment*) [Ul Haq, 1995: 13—20].

Идеи А. Сена и М. Уль-Хака послужили основой создания инструмента для оценки и международных сопоставлений уровня человеческого развития — *Human Development Index*, который рассчитывается ООН с 1990 г.⁵ Данный инструмент, с одной стороны, используется для оценки уровня человеческого развития и в не-

⁴ Интервью А. Сена. URL: <https://asiasociety.org/amartya-sen-more-human-theory-development> (дата обращения: 31.10.2024).

⁵ Human Development Report 1990. UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1990> (дата обращения: 31.10.2024).

которых российских научных работах — для оценки уровня человеческого потенциала, а с другой стороны, этот же индекс повсеместно используется в качестве инструмента оценки благополучия и качества жизни.

Когнитивные самооценки жизни

(эвдемонистическое субъективное благополучие)

Переход западных обществ в 1960—1970-е годы к новой фазе социально-экономического развития, предполагающей формирование экономики сервисного типа и повышение роли нефизического труда и расширение среднего класса, привел не только к трансформации потребностей и повышению значимости реальных возможностей по реализации потенциала в обществе. Новая реальность повысила роль индивида в общественных процессах, а также важность того, как он сам оценивает степень удовлетворенности своих потребностей и наличие в обществе возможностей для реализации собственных свобод.

К тому времени экономическая наука уже накопила серьезный арсенал доказательств относительности ценности благ — благодаря усилиям в первую очередь австрийской экономической школы (У. Джевонс, Л. Роббинс, Л. Мизес и др.) и развивавшейся в послевоенные годы теории ожидаемой полезности (Дж. Нейман, О. Моргенштерн, Л. Сэвидж и др.), согласно которой предпочтения индивида определяются его внутренней уверенностью в привлекательности блага и его собственной трактовкой благосостояния. Это направление создало теоретическую основу для субъективистских трактовок благополучия в экономических исследованиях XX века. В социологической литературе прочно закрепились параметры субъективного восприятия индивидом условий жизни [Andrews, Withey, 1976; Cambell, 1981] — «самооценок благополучия», измеряемых через субъективные оценки уровня жизни и качества жизни (материальных и социальных потребностей) «в том виде, как люди их сами описывают» [Allardt, 1976: 229].

Фокус на «самооценках благополучия» был связан с постановкой нового фундаментального вопроса в исследованиях благополучия: что является первоисточником показателей о потребностях и возможностях людей в обществе сервисного типа — *объективные* или *субъективные* параметры? Субъективное благополучие стало оцениваться как степень удовлетворенности и неудовлетворенности граждан конкретными областями своей жизни (например, материальным положением, физическим и ментальным здоровьем и пр.), равно как и удовлетворенность жизнью в целом [Diener, Fujita, 2013].

Это так называемые *когнитивные*, или *эвдемонистические*, аспекты субъективного благополучия, поскольку они связаны с тем, что человек думает о своей жизни, то есть осмысленной оценкой человека своей жизни (англ. *life evaluations*) и своего положения в обществе. Осознанность оценок жизни позволяет использовать их в исследованиях в качестве основного инструментария субъективного благополучия. Операциональные конструкты когнитивных самооценок разрабатываются в рамках так называемых оценочных теорий, которые «рассматривают субъективное благополучие как мысленное сравнение жизни, условий или обстоятельств человека с определенным объективным или субъективным стандартом» [Das et al., 2020: 7]. Можно выделить две группы теорий в зависимости от того,

как формулируется стандарт сравнения: теория социального конструирования и теория социальной адаптации. Теория социального конструирования предполагает, что стандарт задается оценкой идеальной жизни и определяет благополучие как разрыв между восприятием того, какой жизнь является, и тем, какой жизнь должна быть [Michalos, 1985]. Теория социальной адаптации опирается на ретроспективную оценку индивида своей жизни, поскольку прошлое человека часто используется для установления стандарта, который варьируется в зависимости от условий жизни, ситуаций и опыта человека [Meadow, Mentzer, Rahtz, 1992].

Зачастую субъективное благополучие в значении когнитивных самооценок жизни связывают с понятием счастья. Это вносит терминологическую путаницу и вынуждает ряд авторов даже отказаться от понятия счастья [Seligman, 2011]. В этом случае счастье трактуется в основном в значении «удовлетворенность жизнью» [Helliwell et al., 2024]. В британской научной традиции счастье воспринимается как один из значимых аспектов благополучия людей. Важно отметить, что этот подход применяется не только на уровне государственной статистики, но и научно-исследовательскими и общественными организациями. Например, люди с очень низким уровнем удовлетворенности жизнью могут классифицироваться в рамках этого подхода как находящиеся за чертой бедности по счастью (англ. *Happiness Poverty Line, HPL*)⁶.

Данную трактовку счастья можно с определенной долей условности отнести к области «эвдемонистического счастья» (в противовес «гедонистическому» счастью), поскольку эти оценки связываются не с сиюминутно переживаемым состоянием, а скорее с аристотелевским пониманием подлинного счастья — «рассуждениями» о собственной деятельности, добродетели⁷ и участии в собственной жизни. Эвдемонистические оценки субъективного благополучия базируются на глубинных ценностях человека и предполагают полное его вовлечение [Waterman, 1993], долгосрочную стратегию максимизации блага [Бонивелл, 2009], рассудительную оценку того, насколько жизнь находится в согласии с собственным Я [Sheldon, 2016], саморазвитие, автономию и реализацию своего потенциала [Vanhoutte, Nazroo, 2014].

Стоит отметить, что зарубежная литература выводит эвдемонию из когнитивного благополучия и рекомендует следовать этой стратегии при многомерном (индексном) подходе к конструированию субъективного благополучия [ibid.]. Несмотря на существенные расхождения в трактовке и оценке эвдемонизма в современной литературе [Леонтьев, 2020], эвдемонистическое счастье действительно может отражать когнитивные самооценки жизни в силу их высокой взаимной скоррелированности (около 0,85 [Vanhoutte, Nazroo, 2014]), хотя стоит признать, что консенсусных измерений эвдемонистических оценок субъективного благополучия нет, а существующие эмпирические оценки требуют дальнейшей валидации на данных национальных опросов.

Другая ветвь дискуссии в международной литературе об измерении субъективного благополучия связана с вопросом, являются ли когнитивные самооцен-

⁶ UK Wellbeing Report. 2024. URL: <https://worldwellbeingmovement.org/wp-content/uploads/2024/03/The-UK-Wellbeing-Report-2024-World-Wellbeing-Movement.pdf> (дата обращения: 31.10.2024).

⁷ Ср. формулу счастья сторонника теории культурной обусловленности экономического развития Д. Лала: «человек счастлив, если он следует классическим добродетелям» [Лал, 2009: 284].

ки жизни более надежными по сравнению с аффективными оценками, о которых будет сказано ниже. Согласно зарубежным исследованиям, измерения субъективного благополучия более надежны во времени, когда они опираются на когнитивные самооценки, а не на переживаемые эмоции. Современные работы также показывают, что когнитивные самооценки жизни предоставляют наиболее информативную меру для международных сравнений, поскольку они охватывают качество жизни более полно и стабильно, чем эмоциональные ответы, основанные на повседневном опыте. Помимо этого, доказано, что когнитивные самооценки жизни различаются между странами больше, чем эмоциональные, и лучше объясняются разнообразным жизненным опытом и обстоятельствами жизни в разных странах [Helliwell et al., 2024].

Аффективные самооценки жизни (гедонистическое субъективное благополучие)

Актуальность этого направления стала возрастать по мере возвращения экономической науки к гедонизму и психологизации индивидуального выбора в последней трети XX — начале XXI века. В экономике счастья эти взгляды восходят еще к идеям А. Смита, который считал, что «счастье состоит в спокойствии и наслаждении» [Smith, 1982: 149], и утилитаризму И. Бентама, провозгласившего единственной и конечной целью человека максимизацию счастья (удовольствия) [Бентам, 1867]. В мировой академической литературе эта линия трактовок благополучия связана с гедонистическим благополучием, или «переживаемым счастьем», «гедонистическим счастьем» и «относится к эмоциональному качеству повседневного опыта человека — частоте и интенсивности переживания радости, очарования, беспокойства, грусти, гнева и привязанности, которые делают жизнь человека приятной или неприятной» [Kahneman, Deaton, 2010: 16489].

Последующие открытия в области поведенческой экономики и психологии позволили уточнить роль эмоций в принятии решений [Lewis, Haviland-Jones, Barrett, 2010], а открытия в области современной теории человеческого капитала и социологии эмоций позволили установить связь между эмоциональным капиталом и успехом в образовании [Zembylas, 2020]. На микроуровне внимание населения к эмоциям стало поддерживаться общественным движением «self-help», связанным с возросшим запросом людей на саморазвитие и раскрытие своего внутреннего потенциала, а также стремлением к гармонии, психологическому комфорту и борьбе со стрессом.

В очередной раз аффективные трактовки благополучия актуализировались после пандемии коронавируса. Множество проведенных по всему миру исследований показали, что во время пандемии ухудшились средние показатели удовлетворенности жизнью и уровень психологического стресса [Biddle et al., 2023]. Результаты этих исследований легли в основу рекомендаций на уровне официальной статистики по включению в ядро понятия благополучия таких параметров, как одиночество, удовлетворенность жизнью и «психологический стресс» — чтобы добавить гибкость в интегральные измерения благополучия в периоды шоковых потрясений⁸.

⁸ Australian Institute of Health and Welfare. Understanding Welfare and Wellbeing. 2023. URL: <https://www.aihw.gov.au/reports/australias-welfare/understanding-welfare-and-wellbeing> (дата обращения: 31.10.2024).

Аффективные самооценки жизни, в отличие от когнитивных оценок, связаны не с тем, что люди думают о своей жизни, а с тем, что они чувствуют, — эмоциональными процессами. В отличие от когнитивных оценок, анализ эмоций предполагает рассмотрение полярных эмоциональных состояний (см., например, теорию эмоций В. Вундта), хотя современные эмпирические оценки показывают, что разбивка эмоций на три группы (например, положительные эмоции, эмоции тревожности и усталости [Картеун et al., 2015] или положительные эмоции, эмоции грусти и стресса [Kahneman, Deaton, 2010]) более валидна, чем когда они анализируются через полярные классификации.

Несмотря на то, что измерение эмоций предполагает инструментарий, принципиально отличный от того, что используется в оценочных теориях, в современных исследованиях благополучия его когнитивные и аффективные оценки анализируются в определенном сочетании, а иногда аффективные оценки даже рассматриваются как возможные предикторы когнитивных оценок субъективного благополучия [Helliwell et al., 2024]. Объединение когнитивных и аффективных оценок опирается на теорию социальной природы эмоций [Parkinson, 1996].

Сложность в измерении эмоций благополучия состоит в необходимости анализа настроений, которые быстротечны и предполагают рассеянные и несфокусированные аффективные состояния [Frijda, 1994], сильно зависят от текущей ситуации [Parkinson 1996]. Как таковые, они могут быть подвержены искажениям памяти, в частности эффектам «пика» и «недавности» [Kahneman, 1999]. То есть люди переходят на семантическую память (иными словами — убеждения об опыте) при оценке более широких временных рамок или суждениях о чертах характера [Robinson, Clore, 2002].

Концептуализация благополучия в российской науке

Российская наука накопила существенный багаж исследований благополучия. Интерес к этой теме неуклонно растет. За последние десять лет вышло как минимум девять монографий по проблематике благополучия, из которых две претендуют на комплексный анализ темы [Социологические подходы..., 2021; Социальное благополучие..., 2018], в то время как другие сфокусированы на благополучии отдельных демографических групп — детей ([Российская семья..., 2021] и др.), молодежи [Яремчук, Новгородова, 2015], старшего поколения ([Видясова, Григорьева, 2016] и др.), студенческой семьи [Студенческая семья..., 2024], персонала на предприятиях ([Прозоровская, Тестова, 2022] и др.), благополучии городов [Рыкун и др., 2020] и сельского населения [Дмитренко, Голова, 2018].

Признается социальная природа благополучия, а также сложный характер этого понятия, который анализируется как на макро-, так и на микроуровне. При этом консенсусным пониманием в российской науке является трактовка благополучия через удовлетворение потребностей и наличие возможностей социального продвижения и реализации потенциала в различных жизненных сферах ([Социологические подходы..., 2021; Леонтьев, 2020] и др.). Проблематика благополучия часто анализируется в контексте многомерного подхода ([Гоффе, Монусова, 2018; Еникеева, Ширшикова, 2015] и др.).

За последние 30 лет российские исследователи успешно продвинулись в изучении благополучия в значении объективного уровня жизни через анализ доходов, ресурсов и удовлетворения материальных потребностей (в этом поле работали Т. Заславская, Н. Тихонова, В. Бобков, Л. Овчарова, Т. Малева, Л. Беляева и др.), а также объективного качества жизни в контексте удовлетворения социальных потребностей [Бобков, 2005], как и набора условий и характеристик проживания человека [Гордеев, Зырянов, Ситковский, 2019]. Объективное качество жизни операционализируется через параметры «ближайшей социальной среды» и качество природной среды ([Беляева, 2009] и др.).

Если объективное благополучие и уровень жизни рассматриваются скорее как понятия одного порядка, то относительно понятия «качество жизни» консенсуса среди российских экспертов нет. Последнее используется в основном экономистами и социологами как альтернатива понятию «благополучие» (и редко в их совместном употреблении), в то время как психологи используют качество жизни как синоним благополучия в значении возможностей, поскольку трактуют его как меру благоприятности объективных внешних условий жизни [Леонтьев, 2020].

Зачастую «качество жизни» рассматривается как обобщающее понятие, которое включает в себя благополучие [Возьмитель, 2013] либо его полностью заменяет. Это связано не только с многообразием взглядов на качество жизни, которое наблюдается в международной литературе, но и со ставшей популярной среди российских ученых (преимущественно экономистов) исследовательской традицией, согласно которой качество жизни — более общее и зонтичное понятие по отношению к «объективному благополучию» и «субъективному благополучию» [Айвазян, Степанов, Козлова, 2006]. В целом российские авторы признают терминологические и методологические сложности при работе с понятием «качество жизни» как с зонтичным понятием — во многом из-за того, что в разных предметных областях (социологии, психологии, медицине, экономике) сформировались различные подходы к пониманию и измерению качества жизни ([Лебедева, 2012; Расказова, 2012] и др.). Авторы данного текста придерживаются подхода, согласно которому качество жизни рассматривается как подчиненное понятие по отношению к понятию «благополучие» [Гоффе, Монусова, 2018].

Когнитивные самооценки

В отечественной литературе сложилась традиция рассмотрения «субъективного качества жизни», которая лежит в русле трактовок когнитивных оценок субъективного благополучия, рассмотренных выше. В целом они связываются с тем, что люди думают о степени удовлетворения их потребностей, и какие сложились условия для их удовлетворения. Интерпретации субъективного качества жизни варьируются от удовлетворенности жизнью [Еникеева, Ширшикова, 2015] до трактовки, характерной для скандинавского подхода и ВОЗ: «уровень удовлетворенности человеком своей жизнью по его собственной субъективной самооценке, зависящей от социальной микросреды, с которой он себя идентифицирует» [Козлова и др., 2015: 184].

В российских исследованиях субъективное качество жизни интерпретируется по сценарию когнитивных оценок субъективного благополучия (см. [Алмакае-

ва, 2006] и др.). Определенный вклад в теоретико-методологическую разработку концепции когнитивных оценок благополучия внесли психологи (см. [Матюшина, 2016] и др.). Данные оценки могут концептуализироваться, например, через оценочные суждения респондентов об удовлетворенности жизненными условиями (возможностями) и «защищенности от неприятных событий» [Мозговая, Шлыкова, 2014: 41] или «собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о „благополучной“ внешней и внутренней среде и характеризующееся переживанием удовлетворенности» [Шамионов, 2004: 8].

Также для российской науки характерна трактовка эвдемонизма, не сводимая к когнитивным и аффективным оценкам благополучия. Эвдемонистическая трактовка благополучия связывается преимущественно с автономией и реализацией своего потенциала [Кученкова, 2016; Человеческий потенциал..., 2023]. Этот срез когнитивных самооценок противопоставляется эмоциональному благополучию [Леонтьев, 2020] и иногда называется психологическим благополучием [Аверьянова, Шавшаева, 2016], характеризующим меру зрелости и оптимальности личностных механизмов саморегуляции жизнедеятельности, а также психического здоровья [Deci, Ryan, 2012].

Аффективные оценки

Аффективные оценки благополучия связаны с эмоциональными процессами — тем, что люди *чувствуют*, и это направление исследований также получило развитие в российском научном поле [Долгов, 2013]. Эмпирическое измерение аффективных компонентов субъективного благополучия вызывает определенные теоретико-методологические сложности — об этом было сказано выше в части обзора международного опыта, и это признается в отечественной литературе [Леонтьев, 2020]. Сложность связана не только с выделением компонентов, но и с установлением взаимосвязи между ними (например, между такими индивидуальными характеристиками, как автономность и тревожность). Также значимы разграничение основных понятий и интерпретация эмоциональных состояний.

В российской научной традиции введены в оборот такие понятия, как «социальное настроение», предполагающее эмоциональную реакцию на события, условия и собственное положение [Кученкова, 2016], и «социальное самочувствие», связанное не только и даже не столько с удовлетворенностью, сколько с переживаемыми чувствами и настроениями [Алмакаева, 2006; Возьмитель, 2013; Рогозин, 2007], включая переживания неопределенности жизненной ситуации [Корнилова, 2012].

Кроме этого, используется понятие «счастье» — в контексте гедонистической трактовки благополучия, — однако эти исследования ограничены используемым инструментарием. Несмотря на то что психологи предлагают рассматривать счастье как субъективное состояние максимально выраженных положительных эмоций [Леонтьев, 2020], в эмпирических исследованиях оно сводится либо к когнитивным оценкам (чаще всего удовлетворенности), либо к одномерным оценкам счастья, основанным на прямом вопросе (наподобие тому, что используется в РМЭЗ НИУ ВШЭ [Черныш, 2019]). При этом аффективных оценок субъективного благополучия, построенных на измерении суммарного баланса положитель-

ных и отрицательных эмоций, в российской науке встречается не так много (см., например, [Трошихина, Манукян, 2017] и др.).

Заключение

Приведенный обзор еще раз доказывает, что благополучие — это многокритериальный сложный самостоятельный научный концепт. Универсальная составляющая благополучия как многомерного концепта раскрывается в оценке благосостояния, потребностей и возможностей, а также последующей оценкой этих понятий в когнитивных и аффективных терминах. Конкретные оценки объективных и субъективных сторон благополучия, иерархия этих оценок могут сильно варьироваться от общества к обществу, равно как и внутри общества. Другими словами, концептуализация и операционализация благополучия в существенной мере зависят от культурно-исторической специфики национального развития. Поэтому ключевая задача исследователей, разрабатывающих теоретико-методологический фундамент понятия благополучия для своей страны, состоит не только в изучении опыта других стран, но и в определении трактовок благополучия населением и экспертным сообществом.

Изучение международного опыта показало, что понятие благополучия должно быть отделено от детерминантов благополучия и концепта благосостояния. Определение благополучия может идти в тематическом сфокусированном ключе (как, например, эмоциональное благополучие, субъективное благополучие, материальное благополучие и т. п.), а может разрабатываться как комплексный многомерный индикатор. При этом операционализация ядра понятия благополучия включает разработку ключевых его сфер и показателей — доменов, оцениваемых через более базовые переменные, статистические данные по которым собираются как на микро-, так и на макроуровне.

Изучение российского опыта исследований благополучия показало, что концептуализация и интерпретация благополучия в российском обществе находится на этапе своего становления. Терминологическую сложность вносят различные дисциплинарные традиции использования понятия «благополучие» и замены его понятием «качество жизни».

Список литературы (References)

1. Аверьянова О. Ю., Шавшаева Л. В. Психологическое благополучие личности // Интеграция науки и образования в XXI веке: психология, педагогика, дефектология. 2016. С. 10—15.
Averianova O., Shavshaeva L. (2016) Psychological Well-Being Personality. In: M. I. Kargin, A. N. Yashkova (eds.) *Integration of Science and Education in the 21st Century: Psychology, Pedagogy, Defectology*. P. 10—15. (In Russ.)
2. Айвазян С. А., Степанов В. С., Козлова М. И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. 2006. № 2. С. 18—84.

- Aivazian S., Stepanov V., Kozlova M. (2006) Measuring the Synthetic Categories of Quality of Life in a Region and Identification of Main Trends to Improve the Social and Economic Policy (Samara Region and Its Constituent Territories). *Applied Econometrics*. No. 2. P. 18—84. (In Russ.)
3. Алмакаева А. М. Субъективное качество жизни: основные проблемы исследования // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 5—1. С. 41—47.
Almakaeva A. (2006) Subjective Well-Being: the Main Investigational Problems. *Vestnik of Samara State University*. No. 5—1. P. 41—47. (In Russ.)
 4. Бентам И. Избранные сочинения. Т. 1. Введение в основание нравственности и законодательства. Основные начала гражданского кодекса. Основные начала уголовного кодекса. Т. 1. СПб.: Русская книжная торговля, 1867.
Bentham J. (1867) Selected Works. Vol. 1. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. *Traité de législation civile et pénale*. Moscow: Russian Book Trade. (In Russ.)
 5. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33—42.
Beliaeva L. A. (2009) Level and Quality of Life. Measurement and Interpretation Issues. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 1. P. 33—42. (In Russ.)
 6. Бобков В. Н. Бедность, уровень и качество жизни: методология анализа и механизмы реализации // Уровень жизни населения регионов России. 2005. № 1. С. 7—20.
Bobkov V. N. (2005) Poverty, Standard of Living and Quality of Life: Methodology of Analysis and Mechanisms of Implementation. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. No. 1. P. 7—20. (In Russ.)
 7. Бонивелл И. Ключи к благополучию: что может позитивная психология. М.: Время, 2009.
Boniwel I. (2009) Positive Psychology in a Nutshell. Moscow: Vremya. (In Russ.)
 8. Видясова Л., Григорьева И. Россия в международных индексах качества жизни пожилых // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 1. С. 181—193.
Vidiasova L., Grigoryeva I. (2016) Russia in the International Quality of Ageing Indexes. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 19. No. 1. P. 181—193. (In Russ.)
 9. Возьмител А. А. Качество жизни в доперестроечной и пореформенной России // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 25—32.
Voz'mitel A. A. (2013) Quality of Life in Pre-perestroika and Post-reform Russia. *Sociological Studies*. No. 2. P. 25—32. (In Russ.)
 10. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Ситковский А. М. Оценки качества жизни и социальных приоритетов развития территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11. С. 38—47.

- Gordeev S.S., Zyryanov S. G., Sitkovskiy A. M. (2019) Assessment of the Quality of Life and Social Priorities for the Development of Territories. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 11. P. 28—47. (In Russ.)
11. Гоффе Н. В., Монусова Г. А. Социальное благополучие: восприятие реалий // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 3. С. 21—36. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-21-36>.
Goffe N. V., Monusova G. A. (2018) Well-Being: Reality and Its Perception. *South-Russian Journal of Social Sciences*. No. 3. P. 21—36. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-21-36>. (In Russ.)
12. Дмитренко Е. А., Голова Е. Е. Показатели качества жизни сельского населения // Московский экономический журнал. 2018. № 5 С. 206—216. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2018-15030>.
Dmitrenko E. A., Golova E. E. (2018) Indicators of the Quality of Life of the Rural Population. *Moscow Economic Journal*. No. 5. P. 206—216. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2018-15030>. (In Russ.)
13. Долгов Ю. Н. Субъективное благополучие личности в контексте жизненных стратегий // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2013. № 32. С. 75—79.
Dolgov Yu. (2013) Subjective Well-Being of a Person in the Context of Life Strategies. *Personality, Family and Society: Issues of Pedagogy and Psychology*. No. 32. P. 75—79. (In Russ.)
14. Еникеева Л. А., Ширшикова М. С. Модели прогнозирования качества жизни на основе международных индексов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1—1. С. 656—663.
Enikeeva L. A., Shirshikova M. S. (2015). Prognosis Models of Quality of Life on the Basis International Indexes. *Modern Problems of Science and Education*. No. 1—1. P. 656—663. (In Russ.)
15. Козлова О. А., Гладкова Т. В., Макарова М. Н., Тухтарова Е. Х. Методический подход к измерению качества жизни населения региона // Экономика региона. 2015. № 2. С. 182—193. <https://doi.org/10.17059/2015-2-15>.
Kozlova O. A., Gladkova T. V., Makarova M. N., Tukhtarova Ye. Kh. (2015) Methodical Approach to Measuring the Life Quality in Region. *Economy of Regions*. No. 2. P. 182—193. <https://doi.org/10.17059/2015-2-15>. (In Russ.)
16. Кученкова А. В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2. С. 118—127.
Kuchenkova A. (2016) Social Self-Perception and Subjective Well-Being. A Review of Definitions and Measurement Models. *RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No. 2. P. 118—127. (In Russ.)
17. Лал Д. Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке. М.: Новое издательство, 2009.

Lal D. (2009) *Reviving the Invisible Hand: The Case for Classical Liberalism in the Twentyfirst Century*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

18. Лебедева А. А. Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 3—19.
Lebedeva A. A. (2012) Theoretical Approaches and Methodological Issues of Life Quality Research in Human Sciences. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 9. No. 2. P. 3—19. (In Russ.)
19. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.
Leontiev D. A. (2020) Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 14—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>. (In Russ.)
20. Матюшина М. Г. Основные подходы к раскрытию понятия «Субъективное благополучие» в отечественной и зарубежной психологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. 2016. № 182. С. 127—131.
Matyushina M. (2016) Main Approaches to the Concept of Disclosure “Subjective Well-Being” in the Domestic and Foreign Psychologist. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 182. P. 127—131. (In Russ.)
21. Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. Т. 4. № 8. С. 25—49.
Mozgovaya A., Shlykova E. (2014) Social Resources and Adaptation to Risk: The Choice of Strategy (by the Example the Social Community in the Situation of Particular Risk). *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 4. No. 8. P. 25—49.
22. Прозоровская К. А., Тестова В. С. Социальное благополучие персонала: монография. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022.
Prozorovskaya K. A., Testova V. S. (2022) *Social Well-Being of the Staff*. Saint Petersburg: St. Petersburg State University of Economics Publishing House. (In Russ.)
23. Рассказова Е. И. Качество жизни как междисциплинарная проблема: теоретические подходы и диагностика качества жизни в психологии, социологии и медицине // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 59—71.
Rasskazova E. I. (2012) Quality of Life as an Interdisciplinary Problem: Theoretical Approaches and Diagnostics of the Quality of Life in Psychology, Sociology and Medicine. *Theoretical and Experimental Psychology*. Vol. 5. No. 2. P. 59—71. (In Russ.)
24. Рогозин Д. Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 97—113.

- Rogozin D. (2007) Testing Questions About Social Well-Being. *Social Reality*. No. 2. P. 97—113. (In Russ.)
25. Российская семья и благополучие детей / отв. ред. И. И. Елисеева. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-360-7.2021>. Eliseeva I. (ed.) (2021) Russian Family and Children's Well-Being. Moscow; Saint Petersburg: FSTAS RAS. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-360-7.2021>. (In Russ.)
26. Рыкун А. Ю., Черникова Д. В., Сухушина Е. В., Березкин А. Ю. Измерение качества жизни в городах: возможности индексного подхода // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 2. С. 283—298. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-283-298>. Rykun A. Yu., Chernikova D., Sukhushina E., Beryozkin A. (2020) Measuring the Quality of Life in Urban Areas: The Feasibility of Using the Index Approach. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 18. No. 2. P. 283—298. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-283-298>. (In Russ.)
27. Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. Sen A. (2016) *The Idea of Justice*. Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russ.)
28. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004. Sen A. (2004) *Development as Freedom*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
29. Социальное благополучие населения (по результатам социологического мониторинга общественного мнения жителей г. Уфы) / ред. Егорышев С. В., Ахмадуллина Х. М. М.: ФЛИНТА, 2018. Egoryshev S. V., Ahmadullina H. M. (eds.) (2018) *Social Well-Being of the Population (the Results of Sociological Monitoring of Public Opinion of Residents of Ufa)*. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
30. Социологические подходы к изучению социального благополучия / отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021>. Chernysh M. F., Epikhina Yu. B. (eds.) (2021) *Sociological Approaches to the Study of Social Well-Being*. Moscow: FSTAS RAS. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021>. (In Russ.)
31. Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия / отв. ред. Т. К. Ростовская; ИДИ ФНИСЦ РАН. Иваново: Ивановский государственный университет, 2024. Rostovskaya T. (ed.) (2024) *Student Family in Russia: Barriers and Opportunities for Well — Being*. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russ.)
32. Трошихина Е. Г., Манукян В. Р. Тревожность и устойчивые эмоциональные состояния в структуре психоэмоционального благополучия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2017. Т. 7. № 3. С. 211—223. Troshikhina E. G., Manukyan V. R. (2017) Anxiety and Stable Emotional States in the Structure of Psycho-Emotional Wellbeing. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*. Vol. 7. No. 3. P. 211—233. (In Russ.)

33. Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М. : ВЦИОМ, 2023.
Ovcharova L. N., Anikin V. A., Sorokin P. S. (eds.) (2023) Human Potential: Modern Interpretations and Research Results. Moscow: VCIOM. (In Russ.)
34. Черныш М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2. С. 9—33. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>.
Chernysh M. (2019) Factors of Influence on the State of Happiness in the Contemporary Russian Society. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 7. No. 2. P. 9—33. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>. (In Russ.)
35. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004.
Shamionov R. M. (2004) Psychology of Subjective Well-Being of a Person. Saratov: Saratov University Publishing House. (In Russ.)
36. Яремчук С. В., Новгородова Е. Ф. Саморазвитие и субъективное благополучие современной молодежи. М. : ИНФРА-М, 2015.
Yaremtchuk S., Novgorodova E. (2015) Self-Development and Subjective Well-Being of Modern Youth. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
37. Allardt E. (1976) Dimensions of Welfare in a Comparative Scandinavian Study. *Acta sociologica*. Vol. 19. No. 3. P. 227—239. <https://doi.org/10.1177/000169937601900302>.
38. Arrow K. (2012) Social Choice and Individual Values. Third Edition. New Haven, CT: Yale University Press.
39. Biddle S. J. H., Gorely T., Faulkner G., Mutrie N. (2023) Psychology of Physical Activity: A 30-Year Reflection on Correlates, Barriers, and Theory. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*. Vol. 21. No. 1. P. 1—14. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2022.2147261>.
40. Das K. V., Jones-Harrell C., Fan Y. et al. (2020) Understanding Subjective Well-Being: Perspectives from Psychology and Public Health *Public Health Reviews*. Vol. 41. P. 1—32. <https://doi.org/10.1186/s40985-020-00142-5>.
41. Deci E. L., Ryan R. M. (2012) Self-Determination Theory. In: P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (eds.) *Handbook of Theories of Social Psychology*. Los Angeles, CA: Sage Publications. P. 416—436. <https://doi.org/10.4135/9781446249215.n21>.
42. Diener E., Fujita F. (2013) Comparisons and Subjective Well-Being. In: Buunk B.P, Gibbons F.X., Buunk A. (eds.) *Health, Coping, and Well-Being*. New York, NY: Psychology Press. P. 329—357. <https://doi.org/10.4324/9780203774106>.
43. Dolan P., Layard R., Metcalfe R. (2011) Measuring Subjective Wellbeing for Public Policy: Recommendations on Measures (No. 23). London: Centre for Economic

- Performance, LSE. <https://eprints.lse.ac.uk/35420/1/measuring-subjective-wellbeing-for-public-policy.pdf> (accessed: 31.10.2024).
44. Durand M. (2015) The OECD Better Life Initiative: How's Life? And the Measurement of Well-Being. *Review of Income and Wealth*. Vol. 6. No. 1. P. 4—17. <https://doi.org/10.1111/roiw.12156>.
45. Frijda N. H. (1994) Varieties of Affect: Emotions and Episodes, Moods, and Sentiments. In: P. Ekman, R. J. Davidson (eds.) *The Nature of Emotion: Fundamental Questions*. New York, NY: Oxford University Press. P. 59—67. <https://hdl.handle.net/11245/1.418417>. (accessed: 31.10.2024).
46. Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. D., De Neve J.-E., Aknin L. B., Wang S. (eds.) (2024) *World Happiness Report 2024*. University of Oxford: Wellbeing Research Centre. <https://doi.org/10.18724/whr-f1p2-qj33>.
47. Kahneman D. (1999) Objective Happiness. In: D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (eds.) *Well-being: The Foundations of Hedonic Psychology*. New York, NY: Russell Sage. P. 3—25. <https://doi.org/10.1017/S0953820806231972>.
48. Kahneman D., Deaton A. (2010) High Income Improves Evaluation of Life but Not Emotional Well-Being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 107. No. 38. P. 16489—16493. <https://doi.org/10.1073/pnas.1011492107>.
49. Kapteyn A., Lee, J., Tassot, C., Vonkova H., Zamarro G. (2015) Dimensions of Subjective Well-Being. *Social Indicators Research*. Vol. 123. P. 625—660. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0753-0>.
50. Lazarsfeld P. F. (1958). Evidence and Inference in Social Research. *Daedalus*. Vol. 87. No. 4. P. 99—130. <https://www.jstor.org/stable/20026465>.
51. Leelavathi D. S., Gopalakrishna B. V. (2012) Amartya Sen's Contribution to Human Development. *Anveshana*. Vol. 2. No. 2. P. 50—59.
52. Lewis M., Haviland-Jones J. M., Barrett L. F. (eds.) (2010) *Handbook of Emotions*. London: Guilford Press.
53. Matheson J. (2011). *National Statistician's Reflections on the National Debate on Measuring National Well-Being*. London: Office for National Statistics.
54. Meadow H. L., Mentzer J. T., Rahtz D. R. et al. (1992). A Life Satisfaction Measure Based on Judgment Theory. *Social Indicators Research*. Vol. 26. P. 23—59. <https://doi.org/10.1007/BF00303824>.
55. Michalos A. C. (1985) Multiple discrepancies theory (MDT). *Social Indicators Research*. Vol. 16. P. 347—413. <https://doi.org/10.1007/BF00333288>.
56. Noll H. H. (2018) Social Monitoring and Reporting: A Success Story in Applied Research on Social Indicators and Quality of Life. *Social Indicators Research*. Vol. 135. No. 3. P. 951—964. <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1513-0>.
57. Parkinson B. (1996) Emotions are Social. *British Journal of Psychology*. Vol. 87. No. 4. P. 663—683. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.1996.tb02615.x>.

58. Robinson M. D., Clore G. L. (2002) Episodic and Semantic Knowledge in Emotional Self-Report: Evidence for Two Judgment Processes. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 83. No. 1. P. 198. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.83.1.198>.
59. Seligman M. (2011) *Flourish. A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being*. New York, NY: Simon & Schuster.
60. Sheldon K. (2016) Putting Eudaimonia in its Place: On the Predictor, Not the Outcome, Side of the Equation. In: Vittersø J. (ed.) *Handbook of Eudaimonic Well-Being*. Cham: Springer. P. 531—541. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42445-3_36.
61. Smith A. (1982) *The Theory of Moral Sentiments*. Indianapolis, IN: Liberty Fund.
62. Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J. P. (2009) Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. Paris: Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress.
63. Ul-Haq M. (1995). *Reflections on Human Development*. New York, NY: Oxford University Press.
64. Vanhoutte B., Nazroo J. (2014). Cognitive, Affective and Eudemonic Well-Being in Later Life: Measurement Equivalence over Gender and Life Stage. *Sociological Research Online*. Vol. 19. No. 2. P. 1—14. <https://doi.org/10.5153/sro.32>.
65. Veenhoven R. (1991) Is Happiness Relative? *Social Indicators Research*. Vol. 24. P. 1—34. <https://doi.org/10.1007/BF00292648>.
66. Waterman A. S. (1993) Two Conceptions of Happiness: Contrasts of Personal Expressiveness (Eudaimonia) and Hedonic Enjoyment. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 64. No. 4. P. 678—691. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.64.4.678>.
67. Zembylas M. (2020) Emotional Capital and Education: Theoretical insights from Bourdieu. In: Reay, D (ed.) *Bourdieu and Education*. London: Routledge. P. 41—61. <https://doi.org/10.4324/9780429445163>.

